

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

На правах рукописи

КИРИЛЛОВА КСЕНИЯ ИГОРЕВНА

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ
КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИДЕОЛОГЕМ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
(ОБРАЗЫ РОССИИ И США В РОССИЙСКИХ
И АМЕРИКАНСКИХ МЕДИА)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Балашова Любовь Викторовна

Саратов – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, КОГНИТИВНОМ И ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТАХ	16
1.1 Определение и систематизация метафор.....	16
1.1.1 Основные подходы к исследованию метафор в истории лингвистики	16
1.1.2 Проблема определения метафоры в современной лингвистике	19
1.1.3 Проблема систематизации метафор.....	27
1.2 Метафора и языковая картина мира.....	32
1.2.1 Проблема определения языковой картины мира и ее единиц	32
1.2.2 Проблема исследования метафоры как способа репрезентации языковой картины мира.....	41
1.2.3 Проблема исследования концептуальной метафоры как способа репрезентации языковой картины мира	45
1.3 Метафора и медиаполитический дискурс	54
1.3.1 Проблема определения медиаполитического дискурса	54
1.3.2 Проблема исследования политической картины мира и ее единиц .	61
1.3.3 Проблема исследования метафоры в медиаполитическом дискурсе	68
1.3.4 Основные подходы к исследованию метафорических образов РФ и США в медиаполитическом дискурсе	74
1.4 Выводы к Главе 1	77
ГЛАВА 2 КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ СТРАНЫ-ОППОНЕНТА В РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ	80
2.1 Общая характеристика материала исследования	80
2.2 Пространственная метафорическая макро модель.....	88
2.2.1 Общая характеристика пространственной макро модели	88
2.2.2 Локальная мета модель	92
2.2.2.1 Деятельно-динамическая модель	92
2.2.2.1.1 Общая характеристика модели.....	92

2.2.2.1.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	100
2.2.2.1.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	105
2.2.2.2 Бытийно-динамическая модель.....	120
2.2.2.2.1 Общая характеристика модели.....	120
2.2.2.2.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	123
2.2.2.2.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	126
2.2.2.3 Реляционная модель.....	129
2.2.2.3.1 Общая характеристика модели.....	129
2.2.2.3.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	134
2.2.2.3.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	137
2.2.2.4 Квантитативно-качественная модель.....	142
2.2.2.4.1 Общая характеристика модели.....	142
2.2.2.4.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	147
2.2.2.4.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	149
2.2.3 Геометрически организованная метамодел ь.....	153
2.2.3.1 Бытийно-динамическая модель.....	153
2.2.3.1.1 Общая характеристика модели.....	153
2.2.3.1.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	156
2.2.3.1.3 Идеологема «RUSSIA» в российских массмедиа.....	158
2.2.3.2 Интегрально-фрагментарная модель.....	163
2.2.3.2.1 Общая характеристика модели.....	163
2.2.3.2.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	167
2.2.3.2.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	169
2.2.3.3 Реляционная модель.....	171
2.2.3.3.1 Общая характеристика модели.....	171
2.2.3.3.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	175
2.2.3.4 Квантитативно-качественная модель.....	180
2.2.3.4.1 Общая характеристика модели.....	180
2.2.3.4.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	184
2.2.3.4.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	187
2.3 Натуралистическая метафорическая макромодел ь.....	194
2.3.1 Общая характеристика натуралистической макромодел и.....	194

2.3.2 Абиотическая метамодел ь	195
2.3.3 Биоморфная метамодел ь	200
2.4 Антропоморфная метафорическая макромодел ь.....	206
2.4.1 Общая характеристика антропоморфной макромодел и	206
2.4.2 Физиологическая модел ь	207
2.4.2.1 Общая характеристика	207
2.4.2.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	211
2.4.2.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	214
2.4.3 Психологическая модел ь.....	218
2.5 Социоморфная метафорическая макромодел ь	221
2.5.1 Общая характеристика макромодел и	221
2.5.2 Состязательная метамодел ь	224
2.5.2.1 Общая характеристика метамодел и	224
2.5.2.2 Милитарно-состязательная модел ь.....	226
2.5.2.2.1 Общая характеристика модел и.....	226
2.5.2.2.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	228
2.5.2.2.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	230
2.5.2.3 Спортивно-игровая модел ь.....	233
2.5.2.3.1 Общая характеристика модел и.....	233
2.5.2.3.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	235
2.5.2.3.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	238
2.5.2.4 Азартно-игровая модел ь.....	240
2.5.2.4.1 Общая характеристика модел и.....	240
2.5.2.4.2 Идеологема «США» в российских массмедиа.....	241
2.5.2.4.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	242
2.5.3 Хозяйственно-трудова я метамодел ь	243
2.5.3.1 Общая характеристика метамодел и	243
2.5.3.2 Механико-инструментальная модел ь	245
2.5.3.2.1 Общая характеристика модел и.....	245
2.5.3.2.2 Идеологема «США в российских массмедиа.....	248
2.5.3.2.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	250
2.5.3.3 Искусственно-имитационная модел ь	253

2.5.3.3.1	Общая характеристика модели.....	253
2.5.3.3.2	Идеологема «США» в российских массмедиа.....	254
2.5.3.3.3	Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	255
2.5.3.4	Строительно-созидательная модель	259
2.5.3.4.1	Общая характеристика модели.....	259
2.5.3.4.2	Идеологема «США» в российских массмедиа.....	260
2.5.3.4.3	Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	262
2.5.4	Финансово-экономическая метамодель	264
2.5.4.1	Общая характеристика метамодели	264
2.5.4.2	Идеологема «США» в российских массмедиа.....	266
2.5.4.3	Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	267
2.5.5	Сакральная метамодель.....	269
2.5.5.1	Общая характеристика модели.....	269
2.5.5.2	Идеологема «США» в российских массмедиа	270
2.5.5.3	Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	271
2.5.6	Иерархическая метамодель.....	274
2.5.6.1	Общая характеристика метамодели	274
2.5.6.2	Идеологема «США» в российских массмедиа.....	276
2.5.6.3	Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа.....	280
2.5.7	Метамодель «свои – чужие».....	282
2.6	Выводы к главе 2.....	287
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		292
Принятые сокращения		294
Список использованной литературы.....		295

ВВЕДЕНИЕ

Одним из активно развивающихся направлений в современной лингвистике стало исследование политической коммуникации, в том числе политической (идеологической) картины мира (далее ПКМ) и ее компонентов – идеологем (политических концептов). По мнению большинства исследователей (ср.: [Ангелина 2018; Баранов 2014; Будаев, Чудинов 2006; Малышева 2009; Семенова, Алексеева 2023; Alshomary, Baff, Sengupta, Wachsmuth 2024; Budiman, Khristianto 2023; Charteris-Black 2017; Gibbs 2017; Kövecses 2010; Peterssen, Soares da Silva 2024]), важную роль в моделировании и генерировании идеологем и ПКМ играют метафоры в широком их понимании (включая генетические, частичные переносы и фразеологизмы с метафорической основой). В частности, отмечается, что именно концептуальные метафоры становятся важным способом формирования политической реальности в рамках ПКМ, оценки тех или иных политических реалий, установления необходимых ассоциативных связей для логико-эмоционального воздействия на адресата и манипулирования его сознанием (ср.: [Антипина 2009; Баранов, Караулов 1994; Балашова 2017; Будаев 2020; Мингалева 2013; Окунева 2010; Туманова 2023; Шейгал 2004; Чудинов 2012]).

Объектом данного диссертационного исследования стали концептуальные метафоры, используемые при характеристике страны-оппонента (США и Russia) в российских и американских общественно-политических медиа в период резкого обострения отношений между РФ и США: с 24.02.2022 (начало специальной военной операции на Украине; далее СВО) по 20.01.2025 (день инаугурации президента США Д. Трампа).

Предмет исследования – концептуальные метафоры как способ формирования и репрезентации идеологем в современной политической коммуникации.

Степень научной разработанности темы исследования. Образы США и РФ в СМИ регулярно становятся объектом изучения в гуманитарных

науках, в том числе в рамках политической лингвистики. Активно исследуются способы репрезентации данных образов в лексическом, грамматическом и стилистическом аспектах. Систематически анализируются метафоры, употребляемые политиками, экспертами и публицистами при характеристике США и РФ. Однако последовательного сопоставительного лингвистического и когнитивного анализа концептуальных метафор как способа формирования образов страны-оппонента (идеологием «США» и «RUSSIA») в российских и американских массмедиа последних, наиболее кризисных для отношений между РФ и США лет, пока не проводилось.

Актуальность исследования обусловлена несколькими причинами: (1) изучение политической коммуникации (в том числе медиаполитического дискурса) – одно из самых востребованных в современной антропоцентрической парадигме, что обусловлено сложной организацией, многофункциональностью, когнитивной насыщенностью этого типа коммуникации; (2) концептуальные метафоры являются важным средством формирования и репрезентации языковой картины мира (далее ЯКМ), но в разные периоды и в разных типах дискурса модели метафоризации и средства их выражения могут иметь существенные различия; (3) концептуальные метафоры играют важную роль в политической коммуникации, в формировании ПКМ, а также ее компонентов – идеологием; (4) наиболее ярко данные свойства концептуальных метафор проявляются в периоды обострения социально-экономических и политических отношений внутри страны и в мире.

Цель исследования – выявить основные принципы метафоризации как способа формирования образа (идеологемы) страны-оппонента («США» и «RUSSIA») в современных российской и американской политических картинах мира.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**.

1) Изучить исследовательскую литературу по теории метафоры в лингвистическом, когнитивном и дискурсивном аспектах, политической

коммуникации; систематизировать основные теоретические положения, которые могут лечь в основу исследования концептуальных метафор, характеризующих Россию и США в российских и американских массмедиа с 24.02.2022 по 20.01.2025;

2) Выявить контексты, включающие метафорическую характеристику страны-оппонента (США и Russia), в российских и американских массмедиа с 24.02.2022 по 20.01.2025;

3) Установить регулярные источники метафоризации зафиксированных переносов;

4) Дать характеристику основных моделей метафоризации, используемых для репрезентации страны-оппонента (идеологем «США» и «RUSSIA»);

5) Определить основные концептуальные признаки идеологем «США» и «RUSSIA», выражаемые с помощью концептуальных метафор в современных российских и американских массмедиа.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что политические картины мира, репрезентируемые в российских и американских массмедиа, формируются при помощи универсальных и этноспецифичных концептуальных метафор в рамках определенных моделей метафоризации. Предполагается, что анализ механизмов метафорического моделирования позволит выявить общие когнитивные механизмы формирования данных ПКМ и их национальные особенности.

Теоретико-методологической базой данного исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в областях когнитивной лингвистики и метафорологии (Н. Д. Арутюнова, Л. В. Балашова, М. Блэк, В. Г. Гак, А. А. Зализняк, Г. Н. Склярская, В. Н. Телия, Ф. Уилпрайт, А. П. Чудинов, J. Charteris-Black, R. Gibbs, M. Johnson, Z. Kövecses, G. Lakoff, F. R. de Mendoza), теории дискурса (Т. М. Грушевская, Е. В. Ишменев, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, Е. И. Шейгал, G. Brown, T. A. van Dijk, N. Fairclough, Ch. Hart, M. Stubbs, G. Yule), а также концептологии и языковой

картины мира (Н. Ф. Алефиренко, С. А. Аскольдов (Алексеев), А. П. Бабушкин, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, Н. В. Крючкова, Д. С. Лихачев, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, У. Чейф), в основе которых лежит современное антропоцентрическое представление о языке. При анализе использовались современные когнитивно-семантические и когнитивно-дискурсивные **методики** анализа текстового материала в системно-структурном и контрастивном аспектах, сопоставительный анализ, элементы количественного и статистического методов, а также общенаучные методы (описательный, индуктивный и дедуктивный).

Материалом и источниками исследования послужили 13 российских и 13 американских электронных вариантов печатных и собственно цифровых общественно-политических массмедиа за период с 24.02.2022 по 20.01.2025. В результате контекстуального анализа было выделено 150 российских и 110 американских публикаций, в которых при характеристике страны-оппонента (США и Russia) используются концептуальные метафоры. Общий объем данных текстов составляет 117000 и 127000 словоупотреблений соответственно. На основании сплошной выборки из указанных публикаций были составлены русский и английский (американский вариант) метафорические корпуса: российские СМИ – 1442 контекста с 774 метафорическими единицами, американские СМИ – 1515 контекстов с 712 метафорическими единицами. Данные корпуса составили эмпирическую базу исследования.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые выделены и комплексно (в лингвистическом и когнитивном аспектах) исследованы русскоязычный и англоязычный метафорические корпуса, содержащие характеристику страны-оппонента (США и Russia), в российских и американских массмедиа в период резкого обострения отношений между США и РФ (24.02.2022 – 20.01.2025); дан сопоставительный анализ регулярных источников и моделей метафоризации, используемых для репрезентации образа страны-оппонента; выявлены типичные социально-

политические ситуации, в которых употребляются соответствующие переносы; установлено общее и специфическое в принципах использования метафорических моделей при репрезентации идеологием «США» и «RUSSIA» в современных российских и американских массмедиа.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что проведенное исследование позволяет уточнить роль концептуальных метафор в формировании идеологием в современной политической коммуникации, выявить общее и национально-специфические в принципах метафоризации ПКМ современных массмедиа, тем самым расширить общие представления о структуризации метафорических систем неблизкородственных языков и особенностях их функционирования в разных типах дискурса.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты и материал исследования могут быть использованы при чтении курсов и спецкурсов по теории языка, дискурсу, когнитивной лингвистике, политической лингвистике, теории метафоры, а также в преподавании русского и английского языков как иностранных.

Достоверность и обоснованность результатов исследования и выводов, сделанных на их основе, обеспечивается объемом и разнообразием эмпирической базы, системностью анализа и соответствием основным теоретическим положениям.

Диссертационное исследование соответствует следующим пунктам Паспорта научной специальности **5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика:**

- п. 4. Исследование языка, мышления и познания методами психолингвистики, нейролингвистики и когнитивной лингвистики.
- п. 9. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста.

- п. 11. Исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов.

- п. 15. Контрастивная лингвистика и лингвистическая типология. Методы сопоставительного и типологического изучения языков. Типологические классификации.

- п. 25. Теоретические проблемы речевого воздействия. Риторика.

- п. 26. Теоретические проблемы юрислингвистики, политической лингвистики и языка средств массовой информации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Современные российские и американские массмедиа активно используют концептуальные метафоры как способ формирования и репрезентации образа страны-оппонента (идеологем «США» и «RUSSIA»). Данный процесс носит системный и когнитивно значимый характер. Ядерное положение в обоих метафорических корпусах занимает пространственная макро модель, околоядерное – социоморфная; к ближней периферии относится антропоморфная макро модель, к дальней – натуралистическая.

2. Основу макромоделей и конкретных моделей метафоризации составляют общеязыковые русские и английские концептуальные метафоры, модифицированные в соответствии с их основной идеологической (политической) функцией – быть средством формирования и репрезентации образа страны-оппонента (идеологем «США» и «RUSSIA»). Наиболее последовательно данные метафоры образуют систему деятельно-динамических, бытийно-динамических, реляционных и квантитативно-качественных переносов, с помощью которых дается социально-политическая и экономическая характеристика страны-оппонента в международном и внутринациональном аспектах.

3. Ядерная пространственная макро модель в обоих корпусах представляет собой сложную, системно организованную структуру, состоящую из двух метамоделей, внутри которых выделяется несколько

конкретных моделей метафоризации с четкими когнитивными матрицами, способами их реализации, используемых в определенных типах социально-политических ситуаций. Пространственные метафоры способны развивать все основные типы идеологически значимых переносных значений. Аналогичные функции выполняет околядерная социоморфная макро модель, но, в отличие от пространственной, она представляет собой несколько метамоделей, часть из которых формируется на базе сквозных реляционных модулей сравнения (иерархическая оппозиция и оппозиция по принципу «свой» / «чужой») из членов различных социальных семантических группировок, тогда как другая часть в большей мере ориентируется на когнитивные матрицы, генерируемые в рамках отдельных полей и групп (ср.: состязательная, хозяйственно-трудовая, финансово-экономическая, сакральная). Периферийные антропоморфная и натуралистическая макро модели в меньшей степени структурированы в семантическом и когнитивном аспектах: значительная часть метафор на базе натуралистической и антропологической лексики вовлекается с сферу действия пространственных, отчасти социоморфных когнитивных матриц. Вместе с тем члены натурморфных и антропоморфных макромоделей более последовательно выполняют экспрессивно-оценочную функцию при репрезентации образа страны-оппонента.

4. Контрастивный лингвистический и когнитивный анализ русскоязычного и англоязычного метафорических корпусов показывает, что в российских и американских массмедиа фиксируются однотипные когнитивные матрицы и источники метафоризации. Различия связаны с большей или меньшей востребованностью отдельных составляющих единых когнитивных матриц, использованием конкретных членов семантических группировок в качестве источников метафоризации в рамках данных моделей. Примеры специфических источников формирования концептуальных переносов единичны (так, употребление сакральной модели в американских СМИ почти в два раза превышает ее использование в

российских СМИ; только в американских СМИ зафиксирована кулинарная модель в рамках социоморфных метафор, но и там она занимает периферийное положение).

5. Системное употребление концептуальных метафор в российских и американских СМИ при характеристике страны-оппонента обуславливает создание хорошо структурированных метафорических образов «США» и «RUSSIA». Общим свойством данных идеологем в концептуальном аспекте является преимущественное представление о стране-оппоненте как о суверенном субъекте международных отношений с достаточно четко сформулированными целями и задачами внешнеполитического и внутривнутриполитического развития. В прагматическом аспекте общим свойством идеологем «США» и «RUSSIA» является их резко негативная оценка в российской и американской политических картинах мира. Использование единых в концептуальном аспекте моделей переносов при характеристике страны-оппонента, тем не менее, позволяет создать специфические идеологемы «США» и «RUSSIA» в российской и американской политической картинах мира.

6. «США» в российских массмедиа в международном аспекте позиционируется исключительно как агент, деятельность которого направлена на обеспечение гегемонии в мире, который провоцирует конфликты, подавляет противников, конкурентов и в своих эгоистических целях использует союзников и сторонников. Характеристика внутренней ситуации в «США» занимает относительно небольшое положение в российской политической картине мира. Акцент в основном делается на двухпартийной конфронтации, которая потенциально может спровоцировать социально-политический и экономический кризис в стране.

7. «RUSSIA» в американских СМИ репрезентируется преимущественно как авторитарное агрессивное государство, руководство которого в международном плане стремится к воссозданию былого имперского величия, а внутри страны – к подавлению оппозиции и всякого

инакомыслия. В отличие от «США» в российских массмедиа, «RUSSIA» в американских массмедиа, с одной стороны, регулярно становится объектом негативного внешнего экономического и политического воздействия со стороны «коллективного Запада», а с другой – способна активно противостоять такому влиянию, развивать внутренний экономический потенциал. Однако, по мнению большинства американских журналистов и цитируемых ими политиков, экспертов, именно это указывает на необходимость усилить давление на «RUSSIA», обеспечить ее изоляцию в мировом сообществе.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования докладывались и обсуждались на 10 международных и всероссийских конференциях: Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», 19–20 апреля 2023 г.), Всероссийская научная конференция (с международным участием) «VIII Моисеевские чтения» (Оренбург, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», 22 ноября 2023 г.), Международная научно-практическая конференция «Русский язык и ценностные ориентиры современного мира» (Пермь, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2–3 февраля 2024 г.), LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 19–26 марта 2024 г.), Всероссийская конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», 24–25 апреля 2024 г.), Международная научная конференция «Вызовы и тренды современной лингвистики» (Казань, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 29–31 октября 2024 г.), VI Международная конференция «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования» (Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 7–9 ноября 2024 г.), LIII

Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (Санкт-Петербург, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», 25–31 марта 2025 г.), Международная научная конференция «Вызовы и тренды современной лингвистики» (Казань, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 21–24 октября 2025 г.), Международная научная конференция «Язык и общество в синхронии и диахронии» (Саратов, ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», 13–15 ноября 2025 г.). По теме диссертации опубликовано 10 работ, в том числе 4 статьи в реферируемых изданиях, входящих в перечень ВАК РФ (из них две – в Scopus).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка принятых сокращений и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, КОГНИТИВНОМ И ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТАХ

1.1 Определение и систематизация метафор

1.1.1 Основные подходы к исследованию метафор в истории лингвистики

Начиная с античных времен, в частности с работ Аристотеля, метафора определяется как перенос наименования с одного объекта на другой на основе «сходства» именуемых объектов: «слагать хорошие метафоры значит подмечать сходство» [Аристотель 2007: 17], причем данный процесс основан на сопоставлении (сравнении свойств именуемых объектов) и установлении аналогии между ними: «все удачно употребленные метафоры будут в то же время и сравнениями, а сравнения, наоборот, будут метафорами, раз отсутствует слово сравнения («как»))» [Там же]. Такая трактовка связана с динамико-функциональным подходом к данному феномену, к самому процессу «самообъяснимого изменения в использовании единичного термина», ограниченного именной лексикой, которая перемещается с «привычного места в вербальной классификационной схеме на необычное место для достижения временных выразительных целей» [Hills 2017: 7]. Акцент на выразительной (шире – эстетической) функции как основной обуславливает узкое восприятие метафоры как тропа, как стилистического приема в рамках поэтики и риторики.

Аналогичная трактовка прослеживается в работах других античных философов, риториков. Так, Цицерон и Квинтилиан «сводят метафору к одной из групп тропов, которые сами по себе составляют часть чисто декоративных категорий фигур речи» [Hawkes 2018: 7], тем самым метафора становится

«частью поэтического языка, а не неизбежной частью повседневного общения» [Там же: 14].

Подобный подход к метафоре становится ведущим вплоть до конца XVIII в. (ср. критический анализ в работах: [Арутюнова 1990б, 1990в; Балашова 2015; Богатырева, Кудинова 2025; Большакова 2015; Москвин 2006, 2007; Петренко 2020; Складневская 1993]), что вызывало негативное отношение к данному феномену в работах английских философов-рационалистов, в частности Т. Гоббса, Дж. Беркли и Дж. Локка [Арутюнова 1990в; Гоббс 1936; Cohen 1978; Gentner, Jeziorski 1993] (ср.: «метафоры же ... суть что-то вроде *ignes fatui* (блуждающих огней), и рассуждать при их помощи – значит бродить среди бесчисленных нелепостей, результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение» [Гоббс 1936: 62]). По меткому замечанию А. А. Ричардса, «метафора рассматривалась как нечто вроде удачной уловки, основанной на гибкости слов; как нечто уместное лишь в некоторых случаях и требующее особого искусства и осторожности. Короче говоря, к метафоре относились как к украшению и безделушке, как к некоторому дополнительному механизму языка, но не как к его основной форме» [Ричардс 1990: 45].

Вместе с тем уже в античности, например, в высказываниях Цицерона, содержится указание на номинативную функцию метафоры, то есть на возможность ее использования как языкового ресурса, способа смыслопроизводства (ср.: «подобно тому, как одежда, сперва изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и для украшения тела и как знак отличия, так и метафорические выражения, введенные из-за недостатка слов, стали во множестве применяться ради услаждения» [АТЯС 1936: 218]).

Не менее значимым представляется то, что уже античные философы и риторы обращают внимание на семантико-деривационную и синтагматическую стороны процесса метафоризации, на то, что производное метафорическое значение формируется на основе трансформации первичного

(исходного) значения многозначного слова, что проявляется в необычном для первичного значения синтагматическом окружении лексемы (ср.: метафорой «можно пользоваться еще и иначе, прибавив чуждое слово так, чтобы оно уничтожило какую-нибудь часть собственного значения [употребленного слова]» [Аристотель 2007: 25]).

Наконец, исследователи подчеркивают, что уже Аристотель обращал внимание на познавательную функцию метафор, которая «реализуется, прежде всего, в их проясняющей деятельности» [Большакова 2015: 13], например, когда они «представляют неодушевленное одушевленным» [Аристотель 2007: 18], когда «позволяют избежать многословия в суждениях и способствуют лаконизму их выражения» [Большакова 2015: 13]. Аналогичная трактовка прослеживается у других античных философов и риториков (ср.: «нечто, что едва ли может быть передано надлежащим термином, выражается метафорически», благодаря чему «смысл, который мы хотим передать, становится ясным благодаря сходству с вещью, выраженной неподходящим словом» [Cicero 1942: 123]). Когнитивная составляющая предопределяется уже тем, что метафора, «вычленяя сходство между разными предметами, передает целостный образ предмета и тем самым непосредственно воздействует на органы чувств» [Меликова-Толстая 1936: 143].

До конца XVIII в. когнитивная сторона процесса метафоризации практически не привлекала внимания философов и филологов. По мнению Т. Хоукса, лишь с приходом романтизма философы, филологи и поэты отвергли идею о том, что метафора является сугубо декоративным приемом, они охарактеризовали ее как глубоко укоренившуюся особенность самого языка, непосредственно связанную с мышлением, отметив ее фундаментальную роль в выражении человеческого воображения [Hawkes 2018: 34–38]. Данная точка зрения получила развитие во второй половине XIX в. в трудах философов [Уразова 2019: 27] (ср. мнение Ф. Ницше, что познание (особенно на ранних этапах развития человечества) метафорично, и

все философские и научные понятия являются «застывшими и отвердевшими остатками метафор, изначально струившейся расплавленным потоком из первобытного богатства человеческой фантазии массы образов» [Ницше 2013: 442]), а также в работах отечественного лингвиста А. А. Потебни, который воспринимал метафору как необходимый языковой феномен, который «намечает русло для течения мысли» [Потебня 1976: 240]. Однако вплоть до второй половины XX в. исследования метафоры как средства номинации или способа «создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов» [Телия 1988в: 3], были, во-первых, немногочисленными, а во-вторых, обычно относились к началу развития человечества и его языков, к так называемому периоду «мифологического» мышления (ср. работы Ф. Ницше, А. А. Потебни).

Таким образом, начиная с античности намечается «многоаспектный и диффузный подход к метафоре», когда данный феномен характеризуется с ономаσιологической точки зрения (как вторичная, непрямая номинация), с семасиологической точки зрения (как вторичное по отношению к исходному значению, когда процесс метафоризации «включен в систему когнитивных процессов» [Балашова 2015: 170]).

1.1.2 Проблема определения метафоры в современной лингвистике

Принципиально новый подход к исследованию метафоры складывается со второй половины XX в. в связи с: (1) общим развитием семантики, эпидигматики, теории номинации и разработкой новых методов изучения значений (в частности, компонентного анализа); (2) признанием системного характера языковых явлений; (3) антропоцентрическим подходом к языку в целом. В то же время связь с предыдущими этапами в развитии теории метафоры не прерывается (ср. определение метафоры в специальных лингвистических словарях: «Метафора – это троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и

т.п.» [Ахманова 2004: 231]; «Метафора – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Арутюнова 1990а: 296]).

Подобного рода многоаспектность становится ведущей в современных исследованиях метафоры, но сохраняется также диффузность и дискуссионность определения ее онтологических свойств. В частности, А. П. Чудинов отмечает, что метафора «может осознаваться и как слово, имеющее образное значение, и как процесс метафорического развития словесной семантики в языке или в конкретной коммуникативной ситуации, метафорой называют и целую группу слов с однотипными метафорическими значениями (военная метафора, зооморфная метафора, метафора в медицинском дискурсе и др.), метафора может пониматься также как форма мышления или как когнитивный механизм коммуникативных процессов, механизм получения выводного знания» [Чудинов 2013: 13].

Вместе с тем со второй половины XX в. практически все исследователи обращают внимание на «вездесущность» метафоры, ее представленность во всех сферах и типах дискурса, включая научную и обиходную речь [Телия 1988б: 195], в частности «в различных терминологических системах, в детской речи и дидактической литературе, в разных видах массмедиа, в языке рекламы, в наименованиях товаров, в заголовках, в спорте, в речи афатиков и даже в речи глухонемых» [Арутюнова 1990а: 6]. Отмечается, что люди используют в речи в среднем одну метафору на отрезок текста от 10 до 25 слов или около 6 метафор в минуту [Bowdle, Gentner 2005; Gibbs 1994; Cameron, Gibbs 2008].

Итак, метафора признается «не редким лингвистическим явлением, не просто прагматическим аспектом использования языка» [Gibbs 2017: 6], а фундаментальным свойством языка, что предопределяется ее антропоцентризмом и когнитивной сущностью, а также тем, что она

позволяет не только облегчить понимание передаваемой информации, но и произвести определенное впечатление на реципиента [Dewi 2021; Dorst, Pasma 2010].

При характеристике онтологических свойств метафоры принципиально значимым оказывается динамический и статический подход к ее определению. В первом случае в центре внимания оказывается сам процесс формирования переносного значения, во втором – функционирование метафор в определенном срезе языка (ср.: [Арутюнова 1990а; Балашова 2014б; Скляревская 1993]), причем базовые признаки метафор преимущественно связаны с их динамической характеристикой.

В частности, прототипическая метафора, по мнению большинства исследователей, обладает такими свойствами, как вторичность, двуплановость, ассоциативность / антропоцентризм (ср.: [Алексеева 2019; Арутюнова 1999; Балашова 2015; Балли 1961; Баранов 2014; Гак 1977; Зализняк 2006; Москвин 2007; Телия 1977; Шмелев 1973, 1982; Grady 1997а; 1997b; Lakoff 1990; Mendoza 2011]). Данные признаки могут быть рассмотрены в разных аспектах, но ведущим из них обычно считается когнитивный (эвристический), поскольку процесс метафоризации представляет собой ментальную операцию, способ познания, структурирования и оценки мира [Арутюнова 1999; Балашова 2014а, 2014б; Брагина 2006; Гак 1988, 1998; Зализняк 2006; Телия 1988а, 1988б] (ср.: «метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон 2004: 3]; «метафора в первую очередь оказывается когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека» [Баранов 2014: 18]). Отмечается, что изучение метафоры предлагает понимание общего единства человеческих концептуальных структур, телесного опыта и коммуникативных, даже эстетических, функций языка [Gibbs 2017: 5]. Более того, «способность к созданию метафор (в самом широком смысле слова “метафора”) является частью языковой компетенции каждого человека»

[Лайонз 2003: 76]. В качестве доказательства фундаментальности метафоры для человеческого мышления ученые приводят исследования, проведенные в рамках когнитивной нейронауки. Было доказано существование «зеркальных нейронов» в премоторной коре головного мозга, которые активизируются, когда люди просто видят определенные действия, представляют себе, как они совершают их, или же только слышат слова, относящиеся к этим действиям [Craighero, Rizzolatti 2004].

Важным следствием этого открытия стало то, что человеку не требуется осмысливать всю совокупность исходной области, прежде чем им будут сделаны выводы о целевой области, происходит немедленное создание интегральной схемы, в которой одновременно обрабатываются и область-источник, и область-мишень. Это согласуется с поведенческими данными о том, что люди с легкостью понимают как метафорические, так и неметафорические выражения. Отмечается, что более поздние разработки в области нейронной теории показали, что определенные нейронные пути, называемые «каскадами», имеют решающее значение для создания и понимания специфических вербальных метафор. «Каскады» контролируют активацию различных областей мозга, которые могут быть объединены в более сложные нейронные сети, и эти нейронные пути являются основой, на которой воплощенные метафоры могут объединяться с конкретными фреймовыми знаниями о конкретных ситуациях для дальнейшего создания очень специфических вербальных метафор [Gibbs 2017: 32–33] (см. также: [Barnden 2008; Bergen, Lindsay, Matlock, Narayanan 2007]).

Вторичность в семантико-когнитивном аспекте связана с восприятием метафоры как «семантического движения (“phora как раз и означает движение”))» [Уилрайт 1990: 83], представляющего собой «способ мышления о мире, который использует прежде добытое знание» [Телия 1988в: 4]. С ономаσιологической точки зрения данное свойство связано с характеристикой метафоры как непрямой (косвенной) номинации, а с семантико-деривационной точки зрения – как производного лексико-семантического варианта (далее ЛСВ)

многозначного слова: метафора «является ярким примером динамики в сфере лексической семантики» и представляет собой «результат отношения между двумя значениями слова, из которых одно выступает как исходное, а другое как производное [Гак 1998: 480].

Двуплановость в когнитивно-психологическом аспекте определяется как «тот происходящий в воображении двойной акт распространения и соединения, который обозначает существо метафорического процесса» [Уилрайт 1990: 83], как совмещенное видение двух картин: «когда мы используем метафору, у нас присутствует две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение и есть результат этого взаимодействия» [Ричардс 1990: 46]. Тем самым «в основе метафоры лежит заимствование и взаимодействие идей (thoughts) и смена контекста» [Там же: 47]. В интеракционистской теории это означает, что в метафоре содержится одновременное указание на ее основной и вспомогательный субъекты: основной – это метафорически обозначаемый объект, или мишень метафоризации; вспомогательный – тот объект, с которым основной сопоставляется, то есть источник метафоризации (ср. хрестоматийную характеристику метафоры «человек – это волк» в работе [Блэк 1990: 162]).

В связи с этим многие современные исследователи (ср.: [Арутюнова 1990в; Вежбицкая 1990; Дюбуа 1986; Ортони 1990; Сёрль 1990; Складневская 2017]) отказываются от традиционного, идущего еще от античности определения метафоры как сокращенного сравнения на основании выявленного сходства объектов (ср. определение Цицерона: «метафора есть сравнение, сокращенное до одного слова» [АТЯС 1936: 216], с уточнением Квинтилиана: «различие только в том, что в одном случае с предметом, который мы хотим описать, нечто сравнивается, метафора же заменяет название самого предмета» [Там же: 219]). Исследователи отмечают, что различия между метафорой и сравнением «несомненно существуют и реализуются в следующих аспектах: 1) логики; 2) семантики; 3) структуры. Помимо этого, у метафоры и сравнения

разная динамика и разные механизмы образования» [Скляревская 2017: 11]. В когнитивно-семантическом аспекте отказ от восприятия метафоры как редуцированного сравнения в наиболее резкой форме это выражено в высказывании Н. Д. Арутюновой: «Метафора не только и не столько сокращенное сравнение, сколько сокращенное противопоставление» [Арутюнова 1990в: 18]; «метафора возникает тогда, когда между сопоставляемыми объектами имеется больше различного, чем общего» [Арутюнова 1999: 367]. В данном случае акцент делается на том, что при метафорическом употреблении слова сохраняется осознание того, что это два разных объекта, представления о которых взаимодействуют друг с другом: «Конечно, назвать человека волком – значит увидеть его в особом свете, но не надо забывать и о том, что метафора позволяет посмотреть другими глазами и на волка и увидеть в нем что-то от человека. Такими изменениями взгляда мы обязаны исключительно метафоре» [Блэк 1990: 167]). Таким образом, с одной стороны, смысловое уподобление оказывается важнее, чем «семантические, стилистические, эстетические и иные различия между метафорой и сравнением», а с другой – «элемент компаративности» присущ не только метафоре, но и «метаморфозе, гиперболе, некоторым перифразам, фразеологизмам и др.» [Чудинов 2013: 12–15].

Когнитивно-психологическая природа взаимодействия вспомогательного и основного субъектов (источника и мишени) метафоризации отражена в таком онтологическом признаке метафоры, который традиционно называют ассоциативностью (анalogией, подобием), в более широком аспекте – субъективностью / антропоцентричностью метафоры. В связи с этим возникает две проблемы: (1) противопоставление метафоры и метонимии; (2) характер / природа признака, положенного в основу переноса (ср.: [Бахтигареев 2022; Бирих 1995; Голубкова, Таймур 2023; Кимов 2010; Новиков 1982; Шарманова 2012; Barczewska 2014; СЕММ 2014; Croft 1993; Díez, Mendoza 2002; Galera-Masegosa, Mendoza 2011; Goossens 1990; Mendoza 2000; Pauwels, Simon-Vandenberghe 1995]).

В когнитивном аспекте противопоставление метафоры и метонимии наиболее четко выражено в теории сдвига фокуса внимания и когнитивного сдвига. В частности, метонимия характеризуется как «сдвиг фокуса внимания при концептуализации реальной ситуации; иначе говоря, как изменение соотношения между фигурой и фоном» [Падучева 2004: 190]; в другой трактовке – как «через-соединение / через-связь» (through-connection), где «элемент в домене или фрейме обеспечивает ментальный доступ к другому элементу в том же домене или фрейме» [Kövecses 2014] (см. также [Kövecses, Radden 1998]). Традиционно это свойство определяется как перенос по смежности (в широком ее осмыслении), «осуществляемый в рамках единой ситуации» «на базе объективных логических связей между явлениями, именуемыми с помощью первичного и вторичного (языкового или речевого) значений» [Балашова 2015: 171] (ср. у Аристотеля [2007: 29] – «перенос с рода на вид или с вида на род или с вида на вид»). Метафора в этой оппозиции представляется как «категориальный (иначе – таксонимический) сдвиг» [Падучева 2004: 158], в другой трактовке – «как своего рода гештальт, сетевая модель, узлы которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости» [Чудинов 2013: 12].

Однако противопоставление метафоры и метонимии не является абсолютным. Исследователи обращают внимание на то, что «многие метафоры, основанные на взаимосвязи, возникают из метонимических переносов и не являются независимыми от них»; они «возникают из подобных фреймам ментальных репрезентаций через метонимическую стадию (но не метонимическое языковое выражение)», когда «один из элементов фреймообразной ментальной структуры обобщается (схематизируется) до понятия, лежащего вне исходного фрейма в другой части понятийной системы» [Kövecses 2020: 48].

Более того, анализ вторичной номинации в диахронии и синхронии, в литературном языке и социолектах показывает, что «концептуальное взаимодействие», «слияние», «гибрид» метафоры и метонимии

«метафорическое расширение», «метонимическая / метонимически ориентированная метафора», или «метафтонимия», – регулярный феномен [Алексеева 2019; Кирюшкина 2022; Колесов 2004; Котов 2025; Шарманова 2012; Чернейко 2019], отражающий наличие диффузных зон и общий полевой характер «развития лексико-семантической системы языка и взаимодействия языковых и когнитивных процессов в процессе семантической деривации» [Балашова 2014а: 24].

Вместе с тем прототипическая метафора, в отличие от метонимии, по своей природе ассоциативна, субъективна и является ярким примером проявления антропоцентризма в языке. Основание (модуль) сравнения / подобия / сходства (символ метафоры / переноса) при метафоризации имеет субъективно-созидательный характер, оно формируется «именно в человеческом сознании, безотносительно к реальным сходствам и различиям их сущностей» [Телия 1988в: 4], то есть «метафора именно создает, а не выражает сходство» [Блэк 1990: 162]), поэтому «метафора – этот постоянный рассадник алогичного в языке – позволяет сравнивать несопоставимое» [Арутюнова 1999: 367]. Но «алогичность» переносов, восприятие их как «фантастических образов» [Гриднева 2019: 11], как своего рода «логического абсурда» нейтрализуется благодаря диалогичности метафоры [Бирдсли 1990: 209], благодаря использованию призмы «как если бы» / «будто-связь» / «как-если-связь» (as-if-connection) [Kövecses, Radden 1998: 47], категории «кажмости» [Ермакова 2008: 618], то есть модуса фиктивности, который предполагает «внутреннее» соглашение принять это условие фиктивности [Телия 1988а: 48].

В целом модус фиктивности – «это основной нерв метафоры как процесса и результата» [Телия 1996: 137]. В семантическом аспекте это порождает дискуссию о природе символа метафоры (модуля сравнения), основания для уподобления. Так, если в середине и второй половине XX в. многие исследователи утверждали, что данный признак должен входить в сигнификативное ядро исходного ЛСВ (ср.: [Бессарабова 1987; Бирвиш

1981]), то в дальнейшем стала преобладать точка зрения, согласно которой этот компонент, вследствие своей ассоциативной природы, имеет коннотативную природу (ср: «под символом метафоры мы понимаем элемент семантики, состоящий либо из одной семы, либо из совокупности сем, который в исходном номинативном значении относится к сфере коннотации, а в метафорическом значении входит в денотативное содержание в качестве ядерных (дифференциальных) сем и служит основанием смысловых преобразований в процессе метафоризации» [Скляревская 1993: 47]). Однако во многих современных работах указывается на возможную разнородность символа метафоры или основания для переноса (ср.: [Алексеева 2019; Апресян 1995; Балашова 2014б; Баранов 2014; Зализняк 2006; Карпова 2007; Сосновская 2011]).

Такая позиция определяется в первую очередь сложностью природы феномена метафоры в целом, реальным разнообразием языковых и речевых переносов в разных языках мира, что отражается, в частности, в сложности их систематизации.

1.1.3 Проблема систематизации метафор

Решение задачи классификации и типологии метафор во многом зависит от статического или динамического подходов к определению этого феномена, а также от узкого или широкого его осмысления.

В рамках статического семантико-стилистического подхода границы метафоры могут существенно различаться в зависимости от узкой или широкой ее интерпретации, что существенно влияет на ее систематизацию (ср.: [Ваулина, Скляревская 1995: 201; Гак 1988: 15–17; Корольков 1968: 49–72; Скляревская 1993: 30–38, 41–43]).

В частности, в узкой трактовке метафора рассматривается как троп, то есть как исключительно выразительное средство, используемое для экспрессивной, выразительной, художественной цели (ср.: «метафора – один из наиболее распространенных тропов, так как сходство между предметами

или явлениями может быть основано на самых различных чертах» [Розенталь, Теленкова 1985: 176]. Такого рода переносы обычно именуют живыми (образными): они содержат все основные онтологические признаки прототипических метафор и ориентированы на выполнение преимущественно прагматических функций. Их дифференциация может проводиться на разных основаниях. Например, Г. Г. Скляревская [1993: 48–62] выделяет три типа метафор (мотивированные, синкретические, ассоциативные) в зависимости от семантического наполнения символа метафоры, положенного в основу переноса. При широкой трактовке метафоры как способа смыслопроизводства в состав метафорических средств языка включаются не только живые (образные), но и генетические (стертые, мертвые) переносы, то есть те, что утратили связь с первоначальным образом, стали номинативными единицами [Скляревская 1993: 41] и / или «встроены в понятийную систему, устойчиво интегрированы в язык» [Пустовалова 2024: 44] (ср.: *ножка стула*; *поток сознания*). Данная оппозиция может быть трехчленной (например, Ш. Балли [Балли 1961: 226–229] противопоставляет метафоры с конкретно-чувственным, ослабленным (эмоциональным) и мертвым образом). Наконец, при максимально широком понимании метафоры в их состав включаются также единицы с утраченным исходным первичным ЛСВ (например, В. Г. Гак выделяет: (а) односторонние эмотивные метафоры – с забытым прямым значением, но с сохранившейся экспрессивностью (*волынить* ‘медленно действовать’); (б) этимологические метафоры, которые в современной лексико-семантической системе, в отличие от истории языка, вообще не противопоставляются прямым номинациям (*глаз* ‘часть тела’ – от утраченного прямого значения ‘шарик’ и с утраченной образностью) [Гак 1988: 11–26]. Но в большинстве работ синхронического плана эмотивные и этимологические метафоры не рассматриваются, поскольку в этом случае стирается граница между синхронией и диахронией.

Исследователи подчеркивают, что «любая языковая метафора, в конечном счете, стремится к изживанию образа, поскольку он не столь значим для функционирования лексической единицы вне художественного текста» [Балашова 2014б: 12]. В целом трактовка метафоры как мертвой (спящей) или живой, по мнению Р. Гиббса, «зависит от оценки коммуникативных действий человека в данный момент, включая анализ всего репертуара языка, звуков речи, жестов и других движений тела» [Gibbs 2017: 66]. Исследователь подчеркивает, что не существует простых континуумов между мертвыми и живыми метафорами, поэтому ученым не стоит предполагать, что все традиционные метафоры понимаются напрямую, без доступа к концептуальному метафорическому знанию, а все новые метафоры интерпретируются в процессе создания совершенно уникальных междоменных сопоставлений [Gibbs 2017: 66–67]. Аналогичная точка зрения отражена в работах К. Мюллер, которая отмечает, что метафоричность на самом деле является вопросом когнитивной активации для конкретных людей в определенные моменты речи и слушания, поэтому люди могут использовать мертвые метафоры, но при этом свидетельствовать о наличии жизненно важных метафорических знаний, которыми мотивированно использование слова или фразы в контексте [Müller 2007].

В связи с этим одним из главных направлений статической семантико-стилистической систематизации метафор становится их дифференциация по степени освоенности языком. В этом случае противопоставляют языковые, то есть узуальные, освоенные языком и закрепленные в лексикографических источниках переносы, и различные виды речевых переносов. К последним относят прежде всего окказиональные, в том числе индивидуально-авторские, художественные метафоры; в ряде случаев в эту группу включаются также речевые метафоры, выходящие за пределы окказиональных, достаточно активно используемые различными авторами в разных типах дискурса, но не получившие пока статус языковых

[Алефиренко, Гиголаева 2016; Балашова 2020; Москвин 2006; Калинин 2022; Проколов 2016; Складневская 1993].

Наконец, регулярным типом систематизации метафор в статическом аспекте становится их противопоставление по сфере употребления. В данном случае обычно противопоставляются общеупотребительные, или общезыковые, переносы и переносы, ограниченные в функционально-стилевом, функционально-социальном и дискурсивном аспекте (например, сниженные, книжные, социолектные, газетные, медицинские, политические метафоры и т.п.) [Алексеева 2019; Баранов, Караулов 1994; Будаев 2020; Сосновская 2011; Cameron, Low 1999].

При динамическом подходе метафоры (как способ смыслопроизводства, семантической деривации) трактуются широко и могут дифференцироваться с точки зрения соотношения формы и содержания, а также с когнитивно-функциональной точки зрения.

Первый тип систематизации – семантико-деривационный – представлен в работах В. Г. Гака [1988; 1998], а также других исследователей [Алексеева 2019; Балашова 2022; Демидова, Николаева 2019; Козинец 2009; Лагута 2003; Ларионова, Романова 2024]. В рамках данной типологии с точки зрения соотношения формы и содержания выделяются полная и частичная (словообразовательная) метафоры: в полных метафорах «формирование нового значения не связано ни с какими изменениями структуры слова», тогда как в частичных (словообразовательных) – «образование нового значения связано с морфологическими изменениями слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении» [Гак 1998: 483, 485], то есть первичное значение производной единицы мотивировано переносным значением производящей единицы (ср.: *сердцевина, сердечник*).

Второй принцип динамической систематизации связан с когнитивно-функциональной характеристикой формирования переносов, причем исследователи подчеркивают, что именно цель создания метафор определяет и другие их особенности (например, степень их образности). Наиболее полно

данный вид типологии отражен в работах Н. Д. Арутюновой [1979, 1998] и В. Н. Телии [1988а, 1988б]. Основными функциями метафоры исследователи считают дифференцирующую (характеризующую), номинативную и когнитивную. В соответствии с ними противопоставляются три типа переносов: образные, номинативные и когнитивные. «Классические» образные метафоры выполняют функцию дифференциации (характеризации) [Арутюнова 1979: 149–150], поскольку к ним «прибегают в поисках образа, способа индивидуализации или оценки предмета» [Арутюнова 1999: 359], вследствие чего данные переносы наиболее экспрессивны и устойчивы в плане сохранения своей образности [Телия 1988б: 198] (*когти смерти, острое зрение, умирать от смеха*). К номинативным (идентифицирующим / индикативным) метафорам «прибегают в поисках имени для некоторого класса предметов»; такая метафора «практически не выходит за рамки идентифицирующей лексики» [Арутюнова 1979: 159], предметно ориентированных действий, отношений и качеств [Телия 1988а: 35]. Модус фиктивности здесь основан на реальном сходстве объектов: подобию придается вид тождества [Там же], а функция номинации обуславливает неустойчивость или отсутствие у таких переносов образности, их ориентацию на генетические (мертвые, стертые) метафоры (*подошва горы; дорога вьется*). Основная функция когнитивных метафор – «создание новых понятий» [Телия 1988б: 194]. Они «являются источником лексики, обслуживающей мир идей, событий, процессов, абстрактных понятий, конструируемых человеком» [Арутюнова 1999: 363], и связаны с «движением от более конкретного к более абстрактному» [Там же: 361]. Такие переносы ориентированы на создание «гипотетико-когнитивных моделей» [Телия 1988б: 193]. По мнению Н. Д. Арутюновой, «конечным результатом когнитивных метафор» становятся генерализирующие метафоры, то есть переносы с наиболее абстрактным значением, когда «стираются границы между логическими порядками и стимулируется возникновение логической полисемии» [Арутюнова 1999: 366] (*следовать,*

вытекать – как выразители причинно-следственных отношений). Безусловно, граница между различными типами переносов может быть достаточно размытой (ср.: [Алексеева 2019: 32]), но именно когнитивные (включая генерализирующие) признаются наиболее значимыми при формировании не только абстрактной подсистемы лексико-семантической системы естественного языка, но и языковой картины мира, поскольку они способны «проникать в сущность вещей» [Лакофф, Джонсон 2004: 213].

1.2 Метафора и языковая картина мира

1.2.1 Проблема определения языковой картины мира и ее единиц

Одним из центральных направлений в развитии современной антропоцентрической лингвистики является исследование языковой картины мира, хотя единства в определении этого понятия нет.

Вместе с тем все современные теории ЯКМ восходят к базовой идее В. фон Гумбольдта о связи языка и мышления, а также ее этнической специфичности: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное» [Гумбольдт 1984: 39]). Для В. фон Гумбольдта принципиально важным было главенство языка в принципах мышления и развития этноса: «Своеобразие языка влияет на сущность нации» [Гумбольдт 1985: 377]. Данные положения получили развитие в первой половине – середине XX в. в работах неогумбольдтианцев, которые вводят в научный обиход термин «картина мира», хотя он фиксировался и в более ранних работах (ср.: в конце XIX – начале XX вв. его использовал немецкий ученый Г. Геру применительно к физической картине мира [Маковский 1996: 15]). Но именно неогумбольдтианцы, опираясь на идеи В. фон Гумбольдта о «форме языка» как о «постоянном и разнообразном в деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятом во всей совокупности своих связей и систематичности» [Гумбольдт 1984: 71], формулируют положение о картине мира как о «промежуточном мире» (язык

«позволяет человеку объединить весь опыт в единую картину мира и заставляет его забыть о том, как раньше, до того, как он изучил язык, он воспринимал окружающий мир» [Вайсгербер 1993: 51]), считают язык «символическим руководством к пониманию культуры» этноса и воспринимают его как «путеводитель в “социальной действительности”» [Сепир 1993: 261]. На основании данных положений делается вывод, что «миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [Там же].

В дальнейшем, в конце XX – начале XXI вв., теория картины мира (далее КМ) разрабатывается в рамках различных наук, так или иначе связанных с исследованием языка, личности, этноса, человеческого общества в целом, – психологии, литературоведения, лингвистики, философии, культурологии (ср.: [Бляхер, Волинская 1976; Дышлевый, Яценко 1984; Планк 2004; Раушенбах 1986]). Большинство ученых отказывается от категоричности «неогумбольдтианцев», но сохраняет их представление о сложной и неоднозначной связи между языком, мышлением и этносом. В частности, КМ воспринимается как «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [Максимова 2010: 386]. Данная картина «запечатлевает в себе определенный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира» [Постовалова 1988: 60]: «человек не просто воспринимает мир, но конструирует его» [Фрумкина 1992: 90]. Принципиально важным здесь является признание множественности картин мира, что соответствует множественности субъектов, познающих мир, видов познания и способов репрезентации картин (непосредственных и опосредованных, архаических и современных, мифологических и научных, возрастных и гендерных, вербализованных и невербализованных и т.п.) (ср.: [Бородай 2013; Лях 2015; Постовалова 2016; Серебренников 1988а, 1988б; Цивьян 2006; Kramsch 2011; Pavlenko 2014]).

В этой связи языковая картина мира, с одной стороны, является одной из таких КМ, а с другой – занимает особое положение в этой системе, поскольку в той или иной степени непосредственно или опосредованно связана с другими КМ [Алефиренко 2009; Бенвенист 1974; Касевич 2004; Колистратова 2023; Попова, Стернин 2007; Степанов 2007; Фоменко 2021; Чейф 2015]. Большинство современных исследователей придерживается точки зрения, согласно которой «языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Вежбицкая 2000: 35]. Кроме того, поскольку каждый естественный язык этноспецифичен, то и соответствующая ему ЯКМ также обладает этим свойством, но это не исключает наличия в ней универсальных компонентов, поскольку общей базой для ее формирования является общая исходная когнитивная мотивированность [Кибрик, Кошелев 2015].

В соответствии с таким подходом ЯКМ, в отличие от научной КМ, – антропоцентрическая, этноспецифическая, более консервативная, ориентированная на отражение «наивных», а не научных понятий, отмеченная меньшей структурированностью, расплывчатостью и т.п. [Вершинина 2013; Кацнельсон 2011; Корнилов 2011; Постовалова 1988]. Но это не означает, что ЯКМ более проста по сравнению с научной КМ. Напротив, исследователи отмечают, что, поскольку язык – продукт диахронического развития, в нем может отражаться «опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий» [Апресян 1995: 57]. Вследствие этого, с одной стороны, в ЯКМ получают отражения представления о мире предшествующих поколений носителей языка, в том числе архаические и ошибочные, с точки зрения современной научной КМ, а с другой – «наивные» (тривиальные, обиходные) представления о мире «способны служить надежным проводником в этот мир» [Там же: 351], причем оформленный в виде языковых знаков «определенный способ

восприятия мира» навязывается «в качестве обязательного всем носителям языка» [Там же: 629].

Вместе с тем, по мнению большинства современных исследователей, ЯКМ не является монолитным феноменом, что непосредственно связано с современным восприятием языка как сложно структурированного и многофункционального объекта. В соответствии с этим в рамках ЯКМ могут выделяться социально, профессионально, дискурсивно ограниченные, психологические и иные КМ. Аналогичное явление наблюдается при определении и исследовании основной единицы КМ и ЯКМ – концепта.

Данный термин, заимствованный из логики, где он употреблялся начиная со средневековья (например, в работах философа П. Абеляра) [Неретина 1992: 134–160], получил распространение в последние десятилетия после активного включения в научный обиход идей С. А. Аскольдова (Алексеева), изложенных в статье «Слово и концепт» 1928 г.: концепт – «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов (Алексеев) 1997: 269]. Однако до настоящего времени общепринятого определения этого феномена нет, поскольку, во-первых, в качестве мыслительной (ненаблюдаемой) категории он «дает большой простор для своего толкования» [Попова, Стернин 2007: 30], а во-вторых, он широко используется в разных направлениях современной лингвистики, что позволяет рассматривать данный феномен в разных аспектах (логико-понятийном, лингвокогнитивном, когнитивно-семантическом, психолингвистическом, нейропсихолингвистическом, лингвокультурологическом, коммуникативном и др. (см. [Бабушкин 1996; Балашова 2016; Бушуева 2019; Карасик 2002; Крючкова 2009а; Кубрякова 2009; Попова, Стернин 2007])). Не случайно некоторые исследователи считают данный термин «зонтиковым», поскольку он «покрывает» предметные области разных научных направлений, «занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации, а также лингвокультурологии» [Воркачев 2003: 6].

Действительно, определения концепта могут существенно отличаться в зависимости от аспекта исследования; например:

- Лингвокогнитивный аспект: концепт – «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90], «любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербального обозначения субстрата» [Бабушкин 1996: 95]; способ переработки и хранения, репрезентации информации в процессе концептуализации могут быть разного типа (образы, мыслительные картинки, схемы, пропозиции, фреймы, скрипты, сценарии и т.п.), но их «концептуальные сущности близки к понятийным» [Там же];

- Психолингвистический аспект: концепт – «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская 2001: 39], то есть концептуальная сущность этого феномена, хотя и формируется под влиянием языка, мышления и культуры, обусловлена индивидуальным сознанием, опытом и ценностной системой человека;

- Лингвокультурологический аспект: концепт – культурная «доминанта», «основная ячейки культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 41], то есть структура концепта представляет собой взаимодействие образного, понятийного и ценностного компонентов, где доминирующей считается ценностная составляющая, поскольку именно она наиболее культурно значима [Карасик 1999: 39].

В каждом из указанных направлений и в когнитивной лингвистике в целом дискуссии ведутся по онтологическим признакам, структуре, форме выражения концепта и др.

Так, некоторые исследователи воспринимают концепт как максимально абстрагированную, подвергшуюся когнитивной обработке идею – «своего рода глубинный смысл предмета» [Красных 2003: 269], другие полагают, что концепты могут быть конкретными и абстрактными [Болдырев 2000: 27], а также относиться к разным сферам (натурфактам, физического бытия человека, социального бытия человека и т.п. [Крючкова 2009б]). В ряде случаев концепт ограничивается «содержательным минимумом значения» [Лихачев 1997: 281] или внутренней формой единицы – «сущностью понятия, явленной в своих содержательных формах – в образе, понятии и в символе» [Колесов 2004: 19–20], однако большинство современных исследователей воспринимают этот феномен более широко, отмечая его многомерность.

Не менее значимой является дискуссия о форме выражения концепта. Ряд лингвистов полагает, что концепт немислим без языкового воплощения: «Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [Бабушкин 1996: 29]. Более того, иногда выдвигаются более жесткие требования (ср.: «для того чтобы признать то или иное слово концептом, ключевым словом культуры, нужно, чтобы оно было общеупотребительным, частотным, было в составе фразеологизмов, пословиц, поговорок и т.д.» [Маслова 2001: 63]). Вместе с тем большинство исследователей считает, что вербализация – не обязательный признак концепта, признавая, однако, что, во-первых, «доступ к описанию и определению природы концепта обеспечивает язык» [Кубрякова 1996: 90] (ср.: «при человеческом общении недостаточно «обладать» понятием, важны также средства передачи его другим людям» [Вежбицкая 1997: 294]), а во-вторых, наиболее значимые концепты являются вербализованными (ср.: [Карасик 2004; Крючкова 2009а; Попова, Стернин 2007; Слышкин 2004]).

Несмотря на различие в аспектах и общетеоретических подходах к определению концепта, большинство современных исследователей придерживается следующих характеристик этого феномена.

Во-первых, концепт не отождествляется ни с логическим понятием, ни со значением языковых единиц, поскольку, с одной стороны, он содержит как понятийные, так и конкретно-ассоциативные, эмоционально-оценочные, ценностные признаки [Степанов 1997: 41; Лакофф 2004: 13; Lakoff 1987: 12], а с другой – ему не свойственна жесткая структуризация: «в сознании носителя языка концепт представляет собой не жесткую структуру с устойчивым набором признаков, а «вероятность взаимосвязей», ассоциативных и дискурсивных [Крючкова 2009б: 9]. Те же конструкты, что лишены предметно-чувственной образности, событийности и ценностно-оценочного смысла, «должны квалифицироваться как абстрактные сущности – понятия категории» [Алефиренко 2010: 153–154]. Более того, наличие субъективной, перцептивно-образной составляющей в концепте определяется его антропоцентричностью. Ментальные и лингвистические категории, по мнению большинства ученых-когнитивистов, не могут быть абстрактными, бестелесными или независимыми от человека, поскольку именно он конструирует и интерпретирует их на основе своего опыта и своих «телесных» возможностей [Buranova 2021; Johnson 1987; Lakoff 1987, 1993; Lakoff, Johnson 1980, 1999]. Таким образом, сам процесс концептуализации может быть охарактеризован как «воплощение» и «воплощенное познание» [Федосеева 2017].

Во-вторых, концепт представляет собой многомерный феномен полевого типа. Структуризация концепта может осуществляться в нескольких аспектах. В частности, с точки зрения типа ментальной информации исследователи обычно выделяют три вида компонентов, и, хотя их наименование и характеристики могут не совпадать у разных исследователей, сам принцип дифференциации является единым; например:

- (а) образно-перцептивный (предметно-образный) компонент; (б) понятийный (информационно-фактуальный); (в) ценностный компонент (оценка и поведенческие нормы) [Карасик 2002: 118, 127] (ср. аналогичную структуру в работе [Слышкин 2004: 9]);

- понятийная составляющая (признаковая и дефиниционная структура); образная составляющая (когнитивные метафоры); значимостная составляющая (этимологические, ассоциативные характеристики) [Воркачев 2004: 7];

- образ (перцептивный, когнитивный – метафорический); информационное содержание (когнитивные признаки, характеризующие важнейшие дифференциальные черты); интерпретационное поле (оценочная, энциклопедическая, утилитарная, регулятивная, социально-культурная и др. зоны) [Попова, Стернин 2007: 106–115].

Другой распространенный аспект структуризации концепта связан со степенью значимости в сознании человека тех или иных его компонентов, частей, признаков. Так, в лингвокультурных концептах Ю. С. Степанов [Степанов 1997: 44–45] выделяет три основных слоя полевого типа: (1) основной признак, «актуальный для всех пользующихся данным языком»; (2) дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже не актуальными, «историческими» или «актуальными лишь для отдельных социальных групп»; (3) внутренняя форма, обычно вовсе не осознаваемая, запечатленная во внешней, словесной форме», которая «открывается только исследователям». В несколько ином виде полевая структура вербализованного концепта в целом представлена у других исследователей, например, в работе [Попова, Стернин 2007: 64, 115]: (а) ядерная зона – прототипический образ с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью (он может быть как общенародный, так и групповой и индивидуальный); (б) окооядерная зона – «базовые слои, обволакивающие ядро, в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным»; (в) периферийная зона – «интерпретационное поле концепта, содержащее

оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием». При этом подчеркивается, что ядро и периферия не соотносятся как более или менее значимые компоненты: «периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления» [Там же: 60].

В-третьих, концепт по своей природе динамичен и вариативен, то есть, с одной стороны, он изменяется «под влиянием исторических, культурных, социальных, возрастных, тендерных и др. факторов», а с другой – эта структура хранения знаний присутствует «в сознании носителя языка в «свернутом», «минимализированном» виде и реализуется только в процессе коммуникации, на уровне дискурса» [Крючкова 2009б: 9]. Это в полной мере соотносится с представлением о множественности КМ, в том числе ЯКМ, представленным в разные периоды развития языка и в разных его социально-функциональных, дискурсивных и иных вариантах.

Наконец, несмотря на существенные различия в определении и характеристике концептов, все исследователи отмечают особую значимость метафорических средств в их формировании и функционировании. В частности, способность формировать метафорические производные и быть выраженным с помощью таких переносов является одним из основных онтологических признаков концептов. Вместе с тем различные типы метафор могут играть разную роль в концептуализации окружающей действительности носителями языка, в соответствии с этим и значимость метафорических средств в формировании ЯКМ может трактоваться по-разному.

1.2.2 Проблема исследования метафоры как способа репрезентации языковой картины мира

Вопрос о роли метафоры в репрезентации ЯКМ напрямую связан с общетеоретическим подходом к определению этого вида переноса, а также с узкой или широкой его трактовкой. В частности, при узкой интерпретации метафоры как исключительно стилистического, эмоционально-экспрессивного феномена, которому свойственна алогичность, непредсказуемость, а следовательно, и нерегулярность, внесистемность, метафора воспринималась как периферия, некоторая эмотивная «добавка» к объективному, системно организованному, «бесстрастному» ядру ЯКМ (ср.: [Брутян 1973; Колшанский 1975]). При широком подходе, наиболее актуальном в современной антропоцентрической лингвистике, «метафора рассматривается не просто как стилистический прием в языке, а как концептуальный инструмент для структуризации, реструктуризации и даже конструирования реальности» [Kövecses 2020: 1]. Соответственно ее роль в формировании и репрезентации ЯКМ признается одной из ведущих: «метафора как феномен языка создает отнюдь не фрагмент языковой картины мира, но заполняет все ее пространство» [Курочкина, Попова 2015: 46].

Вместе с тем принципы систематизации метафор как когнитивного феномена могут быть различными.

В частности, одним из основных принципов системного описания метафор становится их дифференциация по источникам метафоризации или по общему соотношению источника и мишени переноса. В этом случае обычно указывают на особую роль пространственных, предметных, фито-, зоо-, антропоморфных, социальных и иных метафор; на регулярность таких сфер-источников, как человеческое тело, здоровье / болезнь, животные, растения, здания, машины / инструменты, игры / спорт, бизнес, приготовление пищи / еда, жар / холод, свет / тьма, силы, движение / направление [Gibbs 2017: 20–21; Kövecses 2010a: 18], а также на базовые для языка в целом направления переносов, такие как: «предмет → предмет»; «предмет → человек»;

«физический мир → психический мир человека»; «человек → животное»; «животное → человек»; «животное → растение»; «животное → артефакт» и др. (ср.: [Астапкина 2023; Гак 1988; Карамышева 2024; Комышкова 2023; Москвин 2007; Складаревская 1993; Ульман 1970]). При этом исследователи подчеркивают, что выбор источников и основных направлений переносов связан как с когнитивными, так и с культурно-историческими факторами (ср.: «исследование метафорического арсенала ... является ярким показателем особенностей национального самосознания» [Чудинов 2012а: 85]). Но конкретный анализ языка свидетельствует о том, что сферы-источники метафоризации не могут однозначно предопределить и структурировать сферу приложения ее мишеней (ср.: [Балашова 2014б; Будаев 2020; Гак 1988; Кобозева 2001; Лакофф 2004; Телия 1988б; Чудинов 2012а]).

Не менее важным в современной лингвистике оказывает системный анализ мишеней переносов, то есть метафорических компонентов в рамках отдельных концептуальных, предметно-семантических, дискурсивных составляющих лексико-семантической системы языка, когда «метафора принимается за конечный продукт лингвистического анализа» [Апресян, Апресян 1993: 29]. Исследователи подчеркивают, что в качестве мишени метафоризации регулярно выступают такие абстрактные сферы, как эмоции, желания, мораль, мысли, общество / нация, политика, экономика, человеческие взаимоотношения, коммуникация, время, жизнь / смерть, религия, события / действия [Gibbs 2017: 18–20; Kövecses 2010a: 23], описание которых без использования метафор практически не представляется возможным. Очень активно в современной лингвистике исследуются, например: метафоры в медицинской, геологической, спортивной, IT-технологической и иных сферах; роль метафор в формировании и репрезентации различных концептов и т.п. (ср.: [Барашева 2022; Грубин, Дмитриева, Ишаева, Петренко 2021; Ерзенкина 2021; Ефимова 2024; Кондратьева 2025; Лященко 2015; Ощепкова 2020; Пучкова 2018; Сосновская 2011]). Но «в этом случае вопрос о степени моделируемости,

продуктивности выявленного арсенала ассоциаций обычно отходит на второй план, поскольку он ограничен выбранным объектом исследования» [Алексеева 2019: 43].

Вместе с тем, как отмечалось (см. 1.1.2), формирование метафор во многом определяется когнитивно значимым основанием (модулем) сравнения / переноса (символа метафоры). Вследствие этого анализ когнитивно-семантических характеристик таких оснований, как принципов метафоризации, становится не менее актуальным в современной антропоцентрической лингвистике.

В частности, практически все исследователи отмечают принципиальные различия в метафорических подсистемах в предметной и не предметной сферах, причем это может напрямую связываться с основной функцией переноса (см. функциональную типологию метафор в 1.1.3 [Арутюнова 1979, 1998; Телия 1988б]). В этом случае номинативная и образная метафоры, обслуживающие преимущественно предметную сферу, признаются нерегулярными (несистемными) или относительно нерегулярными. Напротив, «движение от более конкретного к более абстрактному» считается сутью когнитивных, системно организованных метафор, поскольку такие переносы являются «источником лексики, обслуживающей мир идей, событий, процессов, абстрактных понятий, конструируемых человеком» [Арутюнова 1999: 363] и в их основе лежат «гипотетико-когнитивные модели», создающие новые понятия [Телия 1988б: 193–194].

Однако полагать, что метафоризация в предметной сфере остается за рамками системных когнитивных процессов было бы неправомерно. Во-первых, как отмечалось (см. 1.1.2), формирование любой метафоры невозможно без когниции. Во-вторых, как показал анализ развития метафорической системы русского языка в диахронии (с XI по XXI вв.), метафорическая номинация предметных реалий, особенно в глагольной подсистеме, обнаруживает тенденции системности в выборе модулей сравнения. В

частности, отмечается, что основой для формирования переносов наиболее стабильно и регулярно оказываются визуальные компоненты (особенно пространственные), денотативные признаки (например, положение в пространстве, размер, форма, кинетические характеристики, цвет и т. д.). Большую роль в этом играет моделирующий принцип нашего сознания, которое классифицирует основные денотативные характеристики элементов предметного мира». Именно это свойство определяет регулярность конкретного соотношения источника и мишени переносов (например: «часть тела человека → часть растения») [Балашова 2014б: 85]. В-третьих, в отдельных семантических группировках, типах дискурса и социально-функциональных стратах обнаруживается тенденция к формированию более или менее полноценных моделей метафоризации (ср.: [Алексеева 2019; Балашова 2014б; Балаян 2006; Бучина 2003; Сосновская 2011]).

Но, безусловно, в общеязыковом аспекте моделирующая функция метафоры проявляется при переносах в непредметную сферу, поскольку именно в этом случае метафора, согласно когнитивной лингвистике, признается первичным когнитивным механизмом, упорядочивающим и структурирующим мышление и опыт человека [Кульчицкая 2012; Johnson 1987], когнитивным инструментом для понимания абстрактных понятий и абстрактного мышления [Lakoff 1993], одним из ведущих когнитивных механизмов осмысления одного через другое [Lakoff, Johnson 1999], «когнитивной базой, сквозь призму и с помощью которой категоризируется новая информация» [Вражнова 2009: 26]. Именно это предопределяет регулярность подобных переносов и их особую роль в формировании и репрезентации ЯКМ. Такой подход стал доминирующим в современной лингвистике [Gibbs 2006] и наиболее полно отражен в теории концептуальной метафоры.

1.2.3 Проблема исследования концептуальной метафоры как способа репрезентации языковой картины мира

Большинство исследователей признает, что основополагающей для исследования указанной проблемы стала теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в основе которой лежат три базовых принципа: (1) «сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода»; (2) «понятие упорядочивается метафорически, и, следовательно, язык также упорядочивается метафорически» [Лакофф, Джонсон 1990: 389; Lakoff, Johnson 1980: 5]; (3) концептуальные метафоры представляют собой не только собственно когнитивный, но и культурологический феномен.

Такой подход отличается от традиционного, в рамках которого выделялось «только несколько способов образования метафоры», что ограничивало применение термина «метафора» «только некоторыми из возможных случаев» и «заставляло рассматривать метафору только как языковое средство, как результат замены слов или контекстных сдвигов, в то время как в основе метафоры лежит заимствование и взаимодействие идей (thoughts) и смена контекста» [Ричардс 1990: 47]. Сам процесс метафоризации имеет системный характер: взаимодействие между целостными структурами концептуальных доменов, структурами знаний сферы-источника и сферы-мишени осуществляется на основе системно организованных модулей сравнения («однонаправленной метафорической проекции», «схем образов»; например: «спор – это война»; «деятельность – это путешествие» [Лакофф 2004: 158–161; 270–278]. Безусловно, за нескольких десятилетий данная теория претерпела существенные изменения, корректировалась, дополнялась (ср.: [Gibbs 2017; Johnson 1987; Kövecses 2020; Lakoff 1987, 1990, 1993, 1995, 2008; Lakoff, Johnson 1987, 1999; Lakoff, Kövecses 1987]). Но классические положения из книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона 1980 г. «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон 2004; Lakoff, Johnson 1980] сохраняют актуальность.

В частности, концептуальная метафора признается систематическим набором соответствий («проекций») между двумя областями опыта, что и означает понимание одной области в терминах другой (обычно из конкретной области опыта в абстрактную), при этом определенные элементы и отношения между ними проецируются из «исходной» области на «целевую» [Kövecses 2020a: 2–5], формируется «определенная концептуальная схема» [Там же: 6], «концептуальная структура» [Кобозева 2002: 190], «когнитивная матрица» [Балашова 2014б: 105], в рамках которой может быть охарактеризована целая область реальности [Сорокина 2022: 180]. Таким образом, «“переносу” подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной конвенциональной структурой» [Кобозева 2002: 191].

Исследователи акцентируют внимание на том, что благодаря метафорическому переносу может быть получена дополнительная информация о ряде элементов сферы-источника, которые проецируются на сферу-мишень; такую «дополнительную информацию об исходной области опыта часто называют “метафорическим выводом” или “метафорическим следствием”» [Kövecses 2020: 4]. Не менее теоретически значимым является указание на то, что в рамках конкретной концептуальной метафоры не все черты могут быть перенесены с исходной области на целевую, что такого рода переносы являются ассиметричными и частичными, поскольку каждый из них представляет собой «фиксированный набор онтологических соответствий между сущностями в сфере-источнике и сущностями в сфере-мишени». Причины данного феномена разные исследователи объясняют по-разному (ср.: [Grady 1997a, 1997b; Kövecses 2002; 2010, 2014; 2020; Lakoff 1990]).

Так, Дж. Лакофф разрабатывает «теорию инвариантности», в рамках которой предполагается, что из исходной области можно перенести на целевую все, что не противоречит образно-схематической структуре целевой области, и данная теория призвана объяснить невозможность переноса некоторых материалов с области-источника на область-мишень. Такого рода процессы соответствуют воплощенному и повседневному опыту и знаниям [Lakoff 1993: 232]. Например, в случае со схемами-вместилищами внутренние части сферы-источника будут переноситься на внутренние части сферы-мишени, внешние части сферы-источника – на внешние части сферы-мишени, а границы сферы-источника – на границы сферы-мишени и т. д. [Lakoff 1990, 1993]. Данная теория получает развитие в работах З. Ковечеша, который полагает, что «исходная область отображает концептуальные материалы, которые относятся к ее основному смысловому фокусу или фокусам» [Kövecses 2020: 5], тем самым акцент делается не столько на свойствах области-мишени, как в теории Дж. Лакоффа, сколько на свойствах области-источника [Kövecses 2000a, 2000b; 2010].

Примечательно, что первоначально (после публикации монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем») многие исследователи полагали, что концептуальная метафора используется наиболее активно в обыденной сфере. Но позднее было установлено, что область применения концептуальной метафоры гораздо шире: «научная и публицистическая речь и обиходно-бытовой язык» [Телия 1988б: 195], «обиходно-бытовая, общественно-политическая и научная, включая научно-популярную разновидность, т. е. все основные сферы, где наиболее часто возникает необходимость в обозначении объектов «невидимого мира» с отображением их объективных свойств» [Опарина 1988: 66–67]. Так, Р. Гиббс, ссылаясь на проведенный анализ MIPVU (вариант анализа MIP – «процедуры идентификации метафоры», где VU соотносится с названием Амстердамского свободного университета), приводит следующее процентное соотношение употребления концептуальных переносов в различных типах

дискурсах: научный дискурс – 18%, новостные заметки – 15%, художественные тексты – 11%, речевое общение – 7% [Gibbs 2017: 71].

Таким образом, концептуальные метафоры могут быть охарактеризованы как фундаментальное свойство языка. Они появляются всякий раз, когда человек пытается понять трудные, многосоставные, абстрактные или менее четкие понятия в терминах знакомых идей [Gibbs 2017]. Исследователи подчеркивают клишированность и конвенциональность тех аспектов человеческого опыта, которые в первую конституируются метафорическим мышлением [Gibbs 1994; 2017; Ungerer, Schmid 1996: 114–118].

Фундаментальный характер концептуальных метафор обуславливает разнообразие конкретных способов их реализации в языке и, следовательно, возможность их систематизации.

В соответствии с характером и способом концептуализации предметов и явлений объективной реальности Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют три группы переносов: (1) структурные метафоры «дают нам возможность использовать одно высокоструктурированное и четко выделяемое понятие для структурирования другого» [Лакофф, Джонсон 2004: 97], поскольку в процессе метафоризации «один концепт метафорически структурирован в терминах другого» [Там же: 35]; (2) ориентационные метафоры основаны на физическом и культурном опыте человека и представляют собой вид «метафорических концептов, не структурирующих один концепт в терминах другого, а организующих целую систему концептов относительно другой системы» [Там же: 35], например, связанные с ориентацией в пространстве; (3) онтологические метафоры составляет «опыт общения с материальными объектами (особенно с нашим собственным телом)», что приводит к их широкому разнообразию (ср.: метафоры сущности и субстанции, которые позволяют рационально осмыслить абстрактные сущности с помощью проецирования на них свойств окружающей действительности; метафоры вместилища, которые позволяют осмыслить пространства, поле зрения, события, действия, занятия и состояния [Там же: 49–58]. В частности, в

зависимости от характера отношений между сферой-источником и сферой-мишенью Дж. Лакофф выделяет две группы таких переносов. В первую группу он включает метафоры, для которых характерно онтологическое соответствие, то есть соответствие между сущностями («вместилище в области-источнике соответствует телу в области-мишени»), а во вторую – метафоры, для которых характерно эпистемическое соответствие, т. е. соответствие между знаниями (например, «Мы можем схематически представить эти соответствия между областью ЖИДКОСТИ и областью ГНЕВА» [Лакофф 2004: 500]).

Достаточно популярной является дифференциация концептуальных метафор в зависимости от типа мотивации. В соответствии с этим критерием выделяют первичные и сложные метафоры. К первичным относятся метафорические переносы, для которых существуют независимые и прямые эмпирические основы, выраженные в языке; к сложным – самосогласованный метафорический комплекс, в который входит более одной первичной метафоры. Сложные метафоры «создаются путем смешивания первичных, соединения небольших метафорических фрагментов в более крупные метафорические целые» [Gibbs 2017: 30] (см. также: [Grady 1997a, 1997b; Coulson, Grady, Oakley 1999; Mendoza, Pérez-Hernández 2011]). Например, отдельные вербальные метафоры могут быть мотивированы различными концептуальными метафорами, но различные лингвистические метафоры в дискурсе часто связаны с одними концептуальными метафорическими темами, с развитием общих метафорических идей. Существование этих логически связанных структур вербальных метафор в дискурсе часто рассматривается как важное эмпирическое свидетельство в поддержку утверждения о том, что концептуальные метафоры структурируют как мышление, так и язык [Gibbs 2017: 48].

Не менее значимым считает противопоставление концептуальных метафор по степени их универсальности. В этой связи обычно противопоставляют универсальные и культурно-специфичные переносы

[Lakoff 1993: 210]. Но исследования формирования и функционирования различных типов концептуальных метафор в разных языках в синхронии и диахронии показывает, что соотношение универсального и специфического может быть более сложным и неоднозначным (ср. соотношение состязательных и военных метафор в истории русского языка [Балашова 2014a], различного рода вариантов метамодели имущественных и товарно-денежных отношений в русском и американском варианте английского языка [Алексеева 2019]).

В целом концептуальные метафоры одновременно универсальны и этноспецифичны. Универсальность отмечается в основном у базовых концептуальных метафор [Маслова 2012], поскольку «важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей *homo sapiens*, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления» [Будаев, Чудинов 2006: 23]. Этноспецифичность концептуальных метафор основана на том, что они опираются на систему культурных стереотипов, «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка [Балашова 2014a: 30]. Их вариативность в свою очередь зависит от межкультурных и внутрикультурных влияний, причинами которых являются различный опыт, разные когнитивные предпочтения, культурное разнообразие и др. [Лакофф, Джонсон 2004; Kövecses 2000a; Kövecses 2005; Novak Mijic, Stojan 2019]. Кроме того, в настоящее время одним из самых востребованных становится анализ культурно обусловленных концептуальных метафор, поскольку, как отмечает, например, Н. А. Деви, «культурный аспект играет важную роль в формировании того, как каждый человек что-то воспринимает», и «на использование метафор в речи очень сильно влияет разнообразие культурного происхождения каждого человека» [Dewi 2021: 136–137]. В частности, отмечаются меж- и внутрикультурные различия в концептуализации мира с помощью метафор (ср.: [Chun 2002; Koivisto-Alanko, Tissari 2006; Pavpertova 2014; Stefanowitsch 2004; 2006]).

Характерной особенностью исследований конца XX – начала XXI в. являются исследования обобщающего характера, а именно: принципов организации метафорических систем. Отмечается, что концептуальная система иерархична, основана на фреймах, динамична и воплощена [Barsalou 1999; Fillmore 1982; Gibbs 2003, 2006; Cameron, Gibbs 2008; Johnson 1987; Lakoff 1987; Rosch 1978]. Тем самым иерархическая система наследует часть онтологических признаков концептуальной метафоры и метафоры вообще.

Так, З. Ковечеш выделяет пять типов метафорических систем. Во-первых, метафоры могут быть организованы в прямую иерархию, где источник и цель являются частными случаями понятий более высокого общего уровня. Во-вторых, различные аспекты существующего общего концепта могут быть по-разному концептуализированы с помощью концептуальных метафор. В-третьих, один аспект нескольких различных абстрактных понятий может организовать в иерархию большое количество зависимых концептуальных метафор определенного уровня. В-четвертых, концептуальные метафоры могут образовывать систему, поскольку области-мишени являются частью независимо существующей иерархии понятий. Наконец, конкретное понятие определенного уровня может являться частным случаем ряда различных понятий более высокого уровня, обладающих собственными концептуальными метафорами, что приводит к образованию системы [Kövecses 2020: 12]. В соответствии с этим концептуальные метафоры он рассматривает «как одновременно включающие концептуальные структуры или единицы на нескольких различных уровнях схематичности», выделяя «уровень образных схем, уровень доменов, уровень фреймов и уровень ментальных пространств (помимо лингвистического уровня актуальных высказываний, в которых конкретизируются метафоры)» [Там же: 51]. Домены и фреймы исследователь относит к «надындивидуальному» уровню когнитивной организации и анализа метафоры, а ментальные пространства к «индивидуальному» [Там же: 57]. Однако отмечается, что концептуальные метафоры «встречаются на четырех

уровнях схематичности во взаимосвязанной вертикальной иерархии образ-схем, доменов, фреймов и ментальных пространств» [Там же: 90] и они не должны быть связаны только с одной концептуальной структурой, такой как фрейм или домен, что приводит к «многоуровневому взгляду» на структуру концептуальной метафоры.

А. Нуньес характеризует образ-схемы как «сжатые, бессознательные и создающие порядок “выдержки” наших перцептивных процессов, которые хранятся в памяти в виде гибких паттернов, организованных подобно кластерам», отмечается, что «образ-схемы в смысле онтогенетической предварительной стадии обеспечивают нам когнитивную основу для концептуальной структуры лексических понятий языковой системы» [Núñez 2014: 150]. Р. Гиббс характеризует образ-схемы как «динамические аналоговые представления пространственных отношений и движений в пространстве» [Gibbs 2017: 23].

В другой работе З. Ковечеш рассматривает два способа построения концептуальной системы – с «вертикальной» и «горизонтальной» структурой. По «вертикальной» модели выстраивается тематическая структура системы, а «горизонтальная» модель состоит из более мелких доменов или фреймов. При «вертикальной» организации концепты вышестоящего уровня определяют крупные тематические группы в системе и принадлежат к определенным иерархиям, потому что имеют общие черты с концептуальной категорией более высокого уровня, таким образом, данные тематические группы могут рассматриваться как некие иерархические таксономии. Помимо этого, концепты также организуются «горизонтально» во фреймы, или домены. При этом такая организация понятий в виде фреймов, доменов, может пересекать несколько измерений и тематических групп, где каждый элемент фрейма может быть сфокусирован и определен с использованием других элементов фрейма. Отмечается также, что фреймы встраиваются в матрицу домена, которая также включает множество других понятий из множества дополнительных иерархических таксономий и

фреймов. При этом некоторые понятия в матрице в зависимости от конкретного контекста могут становиться более центральными, чем другие, а на самом внешнем уровне организации концепт профилируется на фоне фрейма относительно других элементов, входящих в тот же фрейм [Kövecses 2014: 16–19].

Еще одним из подходов к классификации концептуальных метафор является их разделение на мономодальные и мультимодальные метафоры. Отмечается, что долгое время после появления теории концептуальной метафоры ее сторонники фокусировались только на вербальных проявлениях концептуальной метафоры несмотря на то, что теория признавала возможность функционирования концептуальной метафоры и вне языка. Со временем появились исследования, посвященные другим видам мономодальных метафор, например, жестовых или изобразительных, которые реализуются в визуальном режиме, а также мультимодальным метафорам, находящим выражение одновременно и на уровне языка, и на уровне визуальных составляющих, например, в рамках креолизованных текстов, мультипликационных фильмах и т. д. [Deng, Wu 2024; Forceville 2008, 2016; Górska 2014; Pérez-Sobrino 2016; Wang 2022].

Сложность в организации концептуальной метафорической системы языка в целом и метафорических систем конкретных языков, возможность разных аспектов их анализа обуславливают необходимость разработки более или менее четких алгоритмов их изучения. Например, А. П. Чудинов [2001: 44–46] предлагает одну из наиболее развернутых и последовательных характеристик модели метафоризации, включающей следующие компоненты: (1) исходная понятийная область (источник метафорической экспансии); (2) новая понятийная область (направление переноса / метафорической экспансии); (3) относящиеся к данной модели фреймы; (4) составляющие каждый фрейм типовые слоты (элементы ситуации, аспект фрейма); (5) основание переноса (компонент, который связывает первичные и метафорические смыслы); (6) дискурсивная характеристика модели; (7)

продуктивность модели, частотность модели и при необходимости ее доминантность.

В других работах содержатся подобные или несколько иные методики анализа, что во многом определяется объектом, предметом и конкретной целью исследования. Однако в любом случае следует учитывать, что «моделируемость в лексико-семантической системе в целом весьма относительна, она действует как более или менее устойчивая тенденция, как некая матрица, на которую опираются носители языка, формируя новые или трансформируя традиционные переносные значения» [Балашова 2014б: 408].

Безусловно, в разных социальных, дискурсивных подсистемах языка и на разных этапах его функционирования формирование и реализация концептуальных метафор будут иметь определенную специфику (ср.: [Балашова, Дементьев 2022; Балаян 2006; Барашева 2022; Большакова 2015; Брагина 2006; Бучина 2003; Гусев 1984; Дементьев 2010; 2013; Крюкова, Нарыкова, Хатагова 2023; Орлова 2012; Чудинов 2012в; Cameron 2003; Cameron, Gibbs 2008; Ebzeeva, Pathan, Solnyshkina 2023; Goatly 2007; Kövecses 2010a, 2010b; Semino 2008; Yu 2008]).

1.3 Метафора и медиаполитический дискурс

1.3.1 Проблема определения медиаполитического дискурса

Современная теория дискурса как объекта междисциплинарного изучения складывается в последней трети XX в. (ср.: [Арутюнова 1990а; Демьянков 1995; Дейк 1989; Ермакова 2014; Макаров 2003; Beaugrande, Dressler 1981; Brown, Yule 1983; Dijk 1983; Dijk, Kintsch 1983; Stubbs 1983]), до настоящего времени «не существует никакого единого подхода, разделяемого всеми специалистами по дискурсу» [Кибрик 2003: 13].

В наиболее обобщенном виде дискурс рассматривается «как связанный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте. ... Дискурс – это речь, погруженная в жизнь»

[Арутюнова 1990а: 136–137]. При этом отмечается, что дискурс – «более широкое понятие, чем текст. Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (= текст)» [Кибрик 2002: 307].

Дискурс может определяться как «реальность, которую мы находим сконструированной в дискурсе, в этой совокупности текстов, которыми обменивались и делились люди, составляющие общество» единственной реальностью, «которая имеет значение» [Teubert 2010: 2]. Но не все ученые разделяют данную точку зрения. Например, ван Дейк придерживается социально-когнитивного подхода к дискурсу и утверждает, что коммуникативная ситуация доминирует над связью между социальными структурами и структурами дискурса, поскольку только когнитивные явления могут влиять на когнитивные процессы [Dijk 2009: 4].

Когнитивного подхода к дискурсу также придерживается Е. С. Кубрякова, характеризуя его как форму использования языка в реальном времени, «которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями», при этом она дополнительно указывает на то, что типы дискурса «исторически обусловлены», а дискурс «есть всегда детище своего времени» [Кубрякова 2004: 525–526]. На прочную взаимосвязь дискурса с историческим контекстом указывает также В. Е. Чернявская, говоря о том, что под дискурсом «следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую — ту, а не иную — упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [Чернявская

2012: 74]. Историческую составляющую дискурса ранее также подчеркивал М. Фуко: «дискурс – это совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Фуко 2004: 227–228].

Таким образом, дискурс «отражает фрагмент социальной реальности с учетом исторических, общественно-экономических, языковых, национальных особенностей» [Сулина 2014: 219], вследствие чего «в классификации типов дискурса в качестве определяющих признаков участвуют составляющие речевых ситуаций и в различных концепциях набор переменных, характеризующих такую ситуацию, не одинаков, общепринятая единая классификация дискурса отсутствует: каждому типу дискурса присуща своя информационная специфика как на уровне кода, так и на уровне реализации» [Островская, Хачмафова 2016: 102].

Одной из наиболее распространенных современных классификаций дискурса в современной отечественной лингвистике является «социально-информационный» подход [Сулина 2014: 219]. В. И. Карасик, характеризуя дискурс с позиций социолингвистики и коммуникативного языкознания, говорит о том, что дискурс есть «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик 2002: 194] и выделяет персональный (лично-ориентированный) и институциональный типы дискурса.

В рамках данного разграничения институциональный дискурс характеризуется как «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 2002: 194], а его нормы «отражают этнические ценности социума в целом и ценности определенной общественной группы, образующей институт», при этом

институциональность «носит градуальный характер», и ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации, а на периферии «находится контакт представителя института с человеком, не относящимся к этому институту» [Карасик 2002: 204]. Выделяются различные типы институционального дискурса: политический, административный, дипломатический, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский, массово-информационный, рекламный, научный и др. [Алимджанов, Третьякова 2019; Беляков 2015; Викулова, Макарова, Новиков 2016; Данилина, Прокофьева, Сальников 2025; Долгова 2014; Дронов 2020; Зяблова 2024; Казакова 2012; Казачкова, Калинин, Солнышкина 2015; Калинин, Потемкина 2025; Карасик 2000, 2002; Кузнецова, Панченко 2025; Панченко 2025а, 2025б; Пономаренко 2019; Сдобнова 2016; Шейгал 1998].

«Антропоцентрическая парадигма актуальных языковых исследований акцентирует внимание на изучении прагматики текста, а также изменения в геополитической ситуации» [Вдовина 2024: 1]. В связи с этим особое внимание привлекает политический дискурс как «явление, неразрывно связанное с политикой» [Романова 2019: 9] (см. также: [Chomsky 2004; Joseph 2006; Lakoff 1991, 1995]) и неотъемлемая часть активно развивающейся политической лингвистики. В целом предметом ее исследования является «политическая коммуникация, то есть речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2013: 9–10]. Главная задача политической лингвистики – «исследовать многообразные взаимоотношения между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества» [Там же], при этом важнейшим

постулатом современной политической лингвистики является «дискурсивный подход к изучению политических текстов» [Там же: 11].

Границы политического дискурса не всегда четко определены. Так, существует два подхода к определению политического дискурса: узкий и широкий. В узком смысле он рассматривается в контексте политических институтов и ограничивается «совокупностью всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов 1991: 6]. В таком случае к собственно политическому дискурсу относится только «дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных актов, парламентских дебатов, программ партий, политических речей» [Дейк 1989: 26]. В широком смысле к политическому дискурсу относится любая коммуникация, которая вносит «вклад в формирование политического сознания, в создание общественного мнения, что в итоге может повлиять на ход политического процесса» [Шейгал 2000: 37]: семиотическое пространство дискурса включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание коммуникативной сферы, тезаурус прецедентных текстов, типичные модели речевого поведения и систему речевых актов и жанров политического дискурса [Там же].

Исследователи отмечают, что политический дискурс (в широкой его трактовке) выступает в различных вариантах и контаминирует с другими типами дискурсов, в частности, регулярно с медийным дискурсом, поскольку «в условиях перехода на цифровые технологии усиливается роль СМИ как “четвертой власти”, контролирующей информационные потоки и процессы конструирования представлений о действительности, которые воздействуют на глубинные пласты человеческого восприятия мира и его отдельных фрагментов» [Кушнерук 2018: 26]. В ходе взаимодействия политического и медийного дискурсов на их основе может формироваться новый тип дискурса [Бойко, Будаев, Зарипов, Солопова 2021; Грушевская 2002; Демьянков 2003; Егорова, Осетрова 2015; Иванова 2008; Ишменев 2012;

Карасик 2000; Чикилева 2017; Чудинов 2003, 2006; Шейгал 2000; Fairclough 2003].

На данный момент отсутствует единый термин для обозначения данного феномена; в литературе встречаются следующие обозначения: «политический медиадискурс, политический дискурс СМИ, массмедийный политический дискурс, газетный политический дискурс» [Ширяев 2017: 21], но наиболее популярными становятся термины «медиаполитический дискурс» [Депутатова, Поморцева, Шангараева 2021; Дубровская 2017; Курганская, Степанова 2024; Литвинова 2017; Лукашевич 2018, 2019, 2021; Степанова 2025; Litvinova, Shustova 2022] и «политический медиадискурс» [Балашова 2018; Ветошкин, Каштанова 2022; Добросклонская, Логинова 2023; Козловский 2022; Коньков 2018; Плахотная 2022; Рябова 2024; Хазиева 2024].

Медиаполитический дискурс характеризуется как «сложное коммуникативное явление, целью которого является борьба за власть через формирование общественного мнения» [Никитина 2006: 5]; «специфический тип институционального дискурса, который имеет публичный характер и адресован массовой аудитории» [Ишменев 2012: 5]; «властный ресурс, функционирующий в медийно-коммуникативной политической среде и производящий политическую продукцию» [Грибовод, Русакова 2014: 66]; «формально семантическая структура, определяющая и формирующая порождение и восприятие политического газетного текста массовой аудиторией» [Грушевская 2002: 13]. Поскольку «политический медиадискурс – это функционально обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере политических коммуникаций, актуализированных в средствах массовой информации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2014: 110], он сочетает в себе черты политического и медийного дискурсов.

В рамках функционально-коммуникативного подхода медиаполитический дискурс «рассматривается как средство коммуникации и средство воздействия на коммуникантов в рамках определенной предметной области, а именно политики» [Гун, Матыцина 2024: 1613]. Для медиаполитического дискурса характерно использование средств речевого манипулирования, в том числе намеренное и целенаправленное использование языковых средств для неявного воздействия на адресата речи или на аудиторию [Скребцова 2017], с помощью которых оказывается «влияние на формирование общественного мнения» [Андиш, Каданцева 2020: 324].

Таким образом, «политический медиадискурс – это опосредованная политическая коммуникация на стыке политического и медиадискурса» [Вдовина 2024: 3], это коммуникативный процесс обмена между политическими акторами (субъектами) и массовой аудиторией смысловыми единицами семиотической природы, отражающий актуальный фрагмент политической реальности; совокупный результат этого процесса [Сулина 2014: 221]. Основу этого дискурса составляют политические тексты (в широком понимании), опубликованные в СМИ, массмедиа, авторами которых являются не только политические деятели, но и журналисты, аналитики и т.п.

Цель подобного текста, как и политического текста в целом, – его «предназначенность для воздействия на политическую ситуацию при помощи пропаганды определенных идей, эмоционального воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям», и информация, содержащаяся в подобных текстах, «призвана служить еще одним аргументом для убеждения адресата и в конечном итоге влиять на его политическую позицию, мировоззрение и установки» [Чудинов 2003: 38], в результате чего преобразуется существующая в сознании человека политическая картина мира [Чудинов 2013: 10].

1.3.2 Проблема исследования политической картины мира и ее единиц

Многие исследователи полагают, что политическая картина мира (далее ПКМ) зарождается относительно поздно, связывая этот процесс с Новым временем, то есть с периодом существенного усложнения социальной и политической дифференциации общества, и подчеркивая, что в дальнейшем роль данной картины в обществе и сознании индивида только усиливается (ср.: [Иванов 2025; Хабермас 2008; Шпенглер 2024]).

В самом общем виде ПКМ может быть определена как система образов, репрезентирующих политический мир, то есть систему представлений о власти, политике, ее структуре, содержании и механизмов. По мнению многих исследователей, ключевую роль в ПКМ играет идеология, которая «служит соединительным звеном между метаполитическим знанием и практическим политическим знанием», «задает вектор и смысл представлениям и образам политической картины мира, обуславливает целостность и системность этих представлений, которые только в этом случае (идеологического структурирования) становятся основой для политического действия» [Самаркина 2013: 23]. Идеология в этом случае воспринимается как «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные программы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений» [ФЭС 1983: 199–200]. Не случайно ПКМ регулярно именуют идеологической КМ, вследствие чего данные термины мы используем как синонимические.

В современной науке сформировалось несколько подходов к анализу ПКМ, что непосредственно связано с принципиальной многосубъектностью, плюралистичностью и динамизмом данной КМ (ср.: «Политическая картина мира является результатом интериоризации политического мира как части жизненного мира в индивидуальном и коллективном сознании»; «изменение

политической картины мира происходит по мере накопления человеком знаний и жизненного опыта под влиянием системы факторов, институтов» [Самаркина 2013: 119]).

Актером (субъектом) данной картины может выступать индивид, социально-политические группы, институты и государство в целом, и именно многосубъектность определяет ее плюралистичность и возможность изучения на уровне индивидуального, группового, этнического сознания (менталитета). Динамизм ПКМ, то есть подвижность образов и представлений о власти и политике, обусловлен действием системы внешних и внутренних факторов (особенностями политической системы, общего социально-политического контекста, социально-политическим опытом человека и т.п.). Кроме того, в ряде работ подчеркивается этнокультурная и историческая специфичность данной картины, поскольку «каждая страна имеет свои национальные особенности в определенных способах восприятия и языкового представления политической реальности» в зависимости «исторических условий, в которых формировалась данная политическая культура» [Иванов 2025: 217]. Не менее значимой характеристикой ПКМ, по мнению многих исследователей, является принципиальная открытость данной системы образов и ее взаимодействие с другими КМ в сознании актора [Там же]. Сам процесс формирования ПКМ многие исследователи связывают с процессом редуцирования сложной политической действительности, где «редукция есть специфически идеологическая техника порождения смысла, с помощью которой “мир” получает ... интерпретацию» [Матц 1992: 5], а непосредственная позиция актора в этом процессе выработка отношения к политической действительности формирует его мировоззрение [Хайдеггер 2008: 276].

К числу онтологических признаков ПКМ можно отнести также ее коммуникативную составляющую, которая проявляется в нескольких аспектах. С одной стороны, ПКМ формируется и изменяется в результате социально-политического взаимодействия актора (индивидуального и

коллективного) с окружающим миром в различных его проявлениях. С другой стороны, коммуникация необходима различным акторам, участникам политического процесса для выработки общей, согласованной программы действий, стабильности социально-политической системы государства и общемировой системы (ср.: [Иванов 2025; Самаркина 2013; Хабермас 2008]). Особую роль в этом процессе, безусловно, играет политический медиадискурс. Более того, «если сопоставить политические коммуникации разных эпох и стран, то можно отчетливо дифференцировать “свое” и “чужое”, закономерное и случайное, “общечеловеческое” и то, что свойственно только тому или иному национальному дискурсу. Это все помогает лучшему взаимопониманию между народом и межкультурной толерантности» [Самарин 2019: 107].

Наконец, не менее значимым признаком ПКМ признается ее прогностически-инструментальная составляющая, поскольку сформировавшиеся у актора представления о политической ситуации и его месте в ней позволяют оценить перспективы и динамику развития данной ситуации и выработать соответствующую модель политического поведения [Ангелина 2018; Иванов 2025; Моторин 2023; Самаркина 2013]. Ряд исследователей полагает, что ПКМ может использоваться «как инструмент экспансии и конкуренции с другими подобными образованиями», причем институциональной монополией выступает стратегическая деятельность государства [Моторин 2023: 210]. Но не менее распространенным является мнение, что «свои картины мира» могут навязывать «глобальные аналитические и экспертные организации и мировые рейтинговые агентства», особенно «при реализации масштабных проектов», причем делается это «путем разрушающей подмены таких элементов, как стратегии, нормы, ценности, символы, коммуникации» [Иванов 2025: 112–113].

Таким образом, ПКМ формируется в результате взаимодействия опосредованных языком различных точек зрения различных акторов на политический мир. В результате этого процесса формируются более или

менее устойчивая структура, ПКМ, «представляющая собой сложное объединение ментальных единиц, которые относятся к политическому дискурсу и политической сфере коммуникации» [Самарин 2019: 106]. Данные единицы могут получать различную интерпретацию, но наиболее активно в последнее время используется термин «идеологема».

Данный термин был введен в оборот в 1935 г. М. М. Бахтиным, который рассматривал его с литературоведческой точки зрения. В рамках концепции М. М. Бахтина идеологема трактуется как единица языка, обладающая воздействующим потенциалом, как способ репрезентации той или иной идеологии [Бахтин 1975].

В настоящее время выделяется лингвистический и когнитивный подходы к изучению идеологема [Кузина 2019; Нахимова 2011]. В рамках лингвистического подхода идеологема понимается как «языковая единицы с закрепленным идеологическим компонентом в значении» [Кузина 2019: 28]. Гораздо шире идеологема трактуется с когнитивной точки зрения. Так, Е. Г. Малышева говорит о том, что идеологема – «универсалия мыслительная, когнитивная», «единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и – шире – в дискурсе собственно языковыми единицами разных уровней, а также знаками других семиотических систем» [Малышева 2009: 34]. Л. В. Вдовиченко идеологема понимается «как особая когнитивная единица, придающая установленную идеологическую нагрузку, окраску конкретному событию, факту, действию и имеющая повышенную степень аксиологичности, характеристики которой зависят от идеологических позиций, предписаний и партийных установок» [Вдовиченко 2011: 71].

В качестве обязательных признаков идеологема выделяются аксиологичность / идеологичность / оценочность [Вепрева, Шадрин 2006; Гизатуллина, Гумерова 2015; Гусейнов 2004; Жамакочян, Мелконян 2015; Журавлев 2004; Лыкина 2014; Осипов 2012; Пионтек 2012], темпоральность [Журавлев 2004; Клушина 2008, 2014; Михайловская 2018],

целенаправленность [Гронская 2013; Клушина 2008; Рыжова 2014], мифологичность [Ведрева, Шадрина 2006; Иванова 2018; Клушина 2014; Савенкова 2010].

Исследователи отмечают, что идеологемы реализуются и актуализируются в тексте и дискурсе и играют важную роль в публицистическом и медиаполитическом дискурсе [Балашова 2022а, 2022б; 2025а, 2025б; Гизатуллина, Гумерова 2015; Иванова 2019; Клушина 2008; Кондратьева 2017; Кузина 2019; Купина 2012; Малышева 2009], где их функцией является «встраивание в массовое сознание идеологического кванта смысла» [Клушина 2014: 56]. Н. И. Клушина рассматривает идеологему как «центральное понятие публицистики», «базовую интенциональную категорию публицистического текста и публицистического дискурса», которая задает «определенный идеологический модус любому публицистическому тексту», как основную авторскую идею, имеющую «политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст» [Клушина 2008: 38–39], а Е. Г. Малышева определяет идеологему как «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009: 35]. Отмечается, что целью идеологического компонента, входящего в состав данной «ментальной единицы», является «сформировать заданное представление о политической действительности» [Гизатуллина, Гумерова 2015: 95]. Указывается, что отнесение какого-либо концепта к идеологемам позволяет рассматривать его как «лингвистический объект, намеренно моделируемый в средствах массовой информации под влиянием сложившейся политической конъюнктуры» [Макеева 2024: 177].

На данный момент существует несколько подходов к классификации идеологем. Так, С. А. Журавлев берет за основу историко-функциональный признак и выделяет следующие разряды идеологем: общие (диахронические) идеологемы, значимость которых является универсальной и их внешнее и внутреннее содержание ценностно актуализируется на любой стадии социально-политического развития общества; частные (синхронические) идеологемы, значимость которых имеет место только в пределах аксиосферы конкретной эпохи; описательные идеологемы, т. е. вспомогательные дискурсивные единицы, которые могут нести в себе логическую оценку и использоваться как средство предикации [Журавлев 2004].

А. П. Чудинов выделяет два основных вида идеологем в зависимости от степени употребительности. В первом случае под идеологемой понимается «слово, смысловое содержание которого неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов», эти различия связаны с «эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления» [Чудинов 2006: 92–93]. Вторую группу составляют «наименования, которые используются сторонниками определенных политических взглядов, соответствующие наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию», они «не просто вводят новые понятия или предлагают новые названия уже известным феноменам, но отражают определенные политические взгляды, способствуют идеологическому воздействию на адресата, рождению новых политических мифов» [Там же: 93].

Одну из наиболее развернутых и подробных классификаций идеологем создаёт Е. Г. Малышева, основываясь на разных точках зрения на данный феномен и беря за основу различные признаки и характеристики исследуемых идеологем. Так, в связи с характером концептуализируемой информации ученая выделяет идеологемы-понятия (*народ, флаг, гимн, демократия*), идеологемы-фреймы (*олимпиада, спорт, съезд, Государственная дума*), идеологемы-гештальты (*свобода, равенство*) и

идеологемы-архетипы (*Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев, Ельцин, Путин, Николай*). С точки зрения сферы употребления и понимания носителями языка она разделяет идеологемы на общеупотребительные / понимаемые по-разному (*народ, свобода*), идеологемы общеупотребительные / понимаемые одинаково (*спорт, отечество, гимн*), а также идеологемы ограниченного употребления / понимаемые одинаково (*советские солдаты-освободители* (ср. *оккупанты*)). С учетом прагматического компонента, т. е. оценочного потенциала и специфики восприятия носителями языка Е. Г. Малышева определяет идеологемы с положительным аксиологическим модусом (*родина, флаг, отечество*), идеологемы с отрицательным аксиологическим модусом (*террор, фашизм*) и идеологемы со смешанным аксиологическим модусом (*патриотизм, президент, воля, демократия, народ*). В зависимости от актуальности / неактуальности в современной идеологической картине мира она выделяет следующие типы идеологем: идеологемы-историзмы (*советский народ, социалистическое соревнование, КПСС, царь*), новоидеологемы (или современные идеологемы) (*финансовый кризис, принуждение к миру, парламент, национальная идея, монетизация льгот, толерантность*), реактуализованные идеологемы (*губернатор, дума*), универсальные идеологемы (*Родина, флаг, гимн, патриотизм*) [Малышева 2009: 37].

Одним из ключевых средств моделирования и генерирования идеологем и идеологических концептов современные российские и зарубежные ученые называют метафору в широком ее понимании [Балашова 2022; Богатырева, Казиахмедова 2016; Budiman, Khristianto 2023; Charteris-Black 2017a, 2017c; Dirven 1990; Goatly 2010; Kitis, Milapides 1997; Peterssen, Silva 2024; Alshomary, Baff, Sengupta, Wachsmuth 2024].

1.3.3 Проблема исследования метафоры в медиаполитическом дискурсе

Активное изучение метафоры в политической коммуникации ведется с конца 1980-х гг. (ср.: [Баранов 1991; Будаев, Чудинов 2006; Грушевская 2002; Чудинов 2001; Chilton 1996, 2003; Chilton, Iyün 1993; Fairclough 1989, 1992; Lakoff 2002; Muntigl 2002; Muntigl, Sedlak, Straehle, Weiss, Wodak 1999; Thornborrow 1993]). За это время сформировалось четыре основных вектора исследования политической метафоры (когнитивный, дискурсивный, риторический, семиотический), хотя их противопоставление часто условно (ср.: [Будаев, Ворошилова, Дзюба, Красильникова 2011; Elpass 2002; Herrera, White 2005; Language and Ideology 2001; Musolff 2004]).

Для нашего исследования наиболее значимыми являются первые два направления. В частности, в рамках когнитивного анализа основная цель – реконструкция когнитивной составляющей политического текста, то есть политической картины мира, отдельных политических концептов (идеологем) и т. д. Подобные исследования проводятся на базе единичных метафор; одной или нескольких семантических группировок как источников политической метафоризации; определенного политического концепта или политической области как мишени переноса и др. (обычно в сопоставлении общеязыковых и политически обусловленных метафорических значений, нескольких языков, реже – в динамическом аспекте) (ср.: [Антипина 2009; Балашова 2018; Будаев 2020; Будаев, Чудинов 2006; Вражнова 2009; Депутатова, Поморцева, Шангараева 2021; Керимов 2015]). Весьма перспективным признается сочетание нескольких аспектов, в том числе системный анализ различных моделей метафоризации для репрезентации одного или нескольких концептов. Данный аспект наиболее близок нашему исследованию. Ученые отмечают, что подобный анализ позволяет, с одной стороны, «раскрыть прагматический потенциал определенной семантической области в политической коммуникации» [Бойко, Будаев, Зарипов, Солопова 2021: 25], а с другой – выявить способы когнитивного представления об

актуальных политических проблемах (например, о терроризме, экономическом и / или политическом кризисе, миграции, пандемии, военном конфликте и т.п.). Анализ метафорических проекций в смешанных концептуальных пространствах тесно связан с теорией блендинга, согласно которой «метафоризация включает в себя не единичную проекцию из сферы-источника в сферу-мишень, а совокупность проекций из нескольких исходных сфер в единое смешанное ментальное пространство, в котором смыслы порождаются в ходе концептуальной интеграции» [Там же: 25] (ср. также анализ таких идеологем и тематических областей, как безработица [Muntigl, Sedlak, Straehle, Weiss, Wodak 1999], расизм [Teeflen 1994], миграция [Charteris-Black 2006; Hart 2010; López Maestre 2009; O'Brien 2003], религия [Charteris-Black 2017a, 2017b], бизнес и экономика [Cai, Deignan 2019; López Maestre 2000; Muelas Gil 2019], здравоохранение [Demjén, Demmen, Hardie, Koller, Payne, Semino, Rayson, Koller 2017; Navarro i Ferrando 2016]).

При дискурсивном подходе акцент делается на особенностях реализации метафорических ресурсов языка в определенном типе политической коммуникации с учетом различных экстралингвистических и собственно лингвистических факторов (актор и адресат коммуникации, цели коммуникации, условия ее реализации, ее функционально-стилистические особенности и т.п.), что позволяет изучить «особенности реализации концептуальных метафор в контексте определенной идеологии, реализуемой в индивидуальных или коллективных политических дискурсах», а также определенного события-нарратива «(выборы, война, референдум), которое рассматривается ... как экстралингвистический триггер для актуализации метафор, связанных с разными сферами-источниками и сферами-мишенями» [Бойко, Будаев, Зарипов, Солопова 2021: 34, 40] (ср.: [Dijk 2008, 2009; Hart 2011a; Mammadov, Mammadov 2014]).

Не менее актуальный обобщенный когнитивно-дискурсивный анализ концептуальных метафор, по мнению многих исследователей, позволяет

более полно проанализировать «идеологические эффекты и возможные социальные последствия, вытекающие из использования концептуальных метафор» [López Maestre 2020: 204], «обогатить исследования метафоры, подав плодотворные идеи о связи между метафорой, обществом и культурой» [Там же: 205] (ср.: [Dijk 2008; Toolan 2001]).

Независимо от конкретного аспекта анализа политических метафор практически во всех работах так или иначе затрагивается вопрос о функциональной специфике, поскольку именно этот аспект позволяет выявить их роль в формировании политической (идеологической) картины мира, в категоризации политической действительности и трансформации картины мира в сознании адресата, в оценке тех или иных политических реалий, в логико-эмоциональном воздействии на адресата и т.п.

Абсолютное большинство современных исследователей отмечает многофункциональность метафор в политической коммуникации, в том числе в ее важной составляющей – медиаполитическом дискурсе (ср.: [Баранов, Караулов 1994; Балашова 2017; Будаев 2020; Керимов 2015; Скребцова 2018; Чудинов 2012б; Шейгал 2004; Charteris-Black 2017a, 2017b, 2017c; Chudinov, Solopova 2019; Goatly 2007, 2010; Musolff 2016a, 2016b; Ritchie 2013]). Выявляется специфика реализации как общих функций, таких как номинативная, когнитивная, прагматическая, так и частных функций, таких как эвфемистическая, популяризаторская, гипотетическая и др. Например, при акценте на номинативной функции в центре внимания оказывается арсенал политических метафор, их использование в метафорической терминологии и т.п. Вместе с тем практически все исследователи обращают внимание на значимость и взаимодействие когнитивной и прагматической функций, а также разнообразие их конкретных реализаций. В частности, подчеркивается, что номинативная функция (именование политических реалий) может совмещаться с когнитивной (объяснительно-инструментальной), когда переносы «играют роль посредников в объяснении проблемы и выполняют функцию инструмента для восприятия» [Mammadov, Mammadov 2014: 117] (ср. также: [Антипина

2009; Баранов, Караулов 1994; Дреева, Кокоева 2024; Кобозева 2001; Логинова 2020; Чудинов 2001; 2012а; Hart 2011b; Musolff 2004, 2014; Musolff, Zinken 2009]). Так, значимость популяризаторской функции, когда метафоры «позволяют в доступной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею» [Чудинов 2013: 21–23], особенно ярко проявляется в медиаполитическом дискурсе, для которого «характерны публичный характер и адресованность массовой аудитории» [Ширяев 2017: 26].

Наиболее детально реализация ядерной когнитивной функции проанализирована в работах А. П. Чудинова, который выделяет несколько ее разновидностей в политической коммуникации: (1) номинативно-оценочная («Метафора может служить способом создания названий для новых, пока еще “безымянных” реалий»; «но значительно чаще метафора – это другое название взамен уже существующего, но по каким-либо причинам не устраивающего автора»); (2) моделирующая («Использование системы взаимосвязанных метафор позволяет создать модель политической реальности при помощи системы концептов, относящейся к совершенно иной понятийной области. В результате этого политическая ситуация, которая требует осознания, представляется как нечто хорошо знакомое, для нее как бы уже существует готовая оценка»); (3) инструментальная (Метафора «способна “подсказывать” решения, определять направление развития мысли, то есть выступает как своего рода инструмент мышления»); (4) гипотетическая (Метафора «позволяет представить что-то еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта») [Чудинов 2013: 18–20] (ср. также: (ср.: [Cameron 2003; Goatly 2007; Musolff 2004, 2014, 2016a, 2016b; Ritchie 2004; Semino 2008; Steen 2007, 2011]).

Когнитивная функция во всех ее разновидностях непосредственно взаимодействует со второй ядерной функцией политической коммуникации – прагматической (в широкой ее трактовке). Это вполне закономерно, поскольку фундаментальная цель политического дискурса в целом –

побуждение адресата к действию [Dijk 2002: 217], а «метафора является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния» [Чудинов 2013: 23].

Метафора, по мнению многих исследователей, активно участвует в реализации побудительной прагматической функции, то есть «способствует усилению действенности побуждения граждан к политической деятельности» [Чудинов 2013: 24]). Реализация данной функции непосредственно связана с двумя процессами: эмоционально-экспрессивным воздействием на адресата и манипуляцией его сознанием.

Эмотивная (эмотивно-экспрессивная) разновидность прагматической функции предполагает «использование метафор для воздействия на эмоционально-волевою сферу адресата и создания соответствующего отношения к рассматриваемым реалиям» [Чудинов 2013: 23–24], для формирования у адресата определённого эмоционального настроения (в том числе актуализация у адресата необходимых актору надежд и разочарований, страхов и сомнений и т.п.). Данная разновидность может выступать в контаминации с эстетической, изобразительной разновидностями прагматической функции, поскольку «образная форма привлекает внимание адресата и способна сделать высказывание более действенным» [Там же: 24],

Кроме того, метафора также «широко применяется как способ манипулирования сознанием, навязывания определенных субъективных оценок, установления нужных ассоциативных связей и ослабления нежелательной реакции аудитории на определенную информацию» [Окунева 2010: 136], поскольку «метафора способна не только подмечать, но и создавать аналогию или даже навязывать ее, что создает возможности для манипуляции сознанием» [Бойко, Будаев, Зарипов, Солопова 2021: 5], а также радикально влиять на общественное мнение [Johnson 2005a, 2005b; Santa Ana 2002]. Данная функция может реализоваться в нескольких

разновидностях, например, в функции аргументации, когда метафора «используется в политической речи как способ изменения политических воззрений адресата» [Чудинов 2013: 24], а также в функции инструмента «для подчеркивания политической идентичности» [Budiman, Khristianto 2023: 2]. В последнем случае метафора «побуждает адресатов излагать различные импликации, тонко убеждает их признать основные ценности и предпочтения и в конечном итоге помогает выстроить свою политическую идентичность» [Mammadov 2010: 72]. Одной из форм реализации у метафоры функции манипуляции является эвфемистическая функция переносов (ср.: [Саркисян 2022; У 2023; Филошина 2023]). Исследователи, отмечают, что метафоры-эвфемизмы «помогают передать информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить прямо, при помощи непосредственных номинаций» [Чудинов 2013: 23].

Среди частных прагматических функций политической метафоры исследователи также выделяют такие разновидности, как функция легитимизации или делегитимизации моральной оценки [Díaz-Peralta 2018: 129; Leeuwen 2007: 98], функция глобализации и локализации [Mammadov, Mammadov 2014]. Манипуляция может быть ориентирована на то, что метафоры способны «притуплять политическую осведомленность» [Billig, MacMillan 2005: 459], особенно когда речь идет об использовании генетических метафор: адресаты «могут привыкнуть к метафорическим идиомам, которые они используют, и поэтому будут бессознательно реагировать в одном предсказуемом направлении» [Там же: 478].

Таким образом, метафорические переносы используются как «эффективно действующий инструмент воздействия на общественное сознание», «отражают ЯКМ различных политических сил и социума в целом», и тем самым выполняют важную когнитивную функцию [Балашова 2017: 1180], тогда как состав метафор и их идеологическая составляющая могут существенно меняться в зависимости от политических установок автора, описываемых общественных событий, политической ситуации в

стране и мире, времени создания текста [Антипина 2009; Балашова 2022а, 2022б; Мингалева 2013; Туманова 2023]. Метафоры в медиаполитическом дискурсе активно участвуют в моделировании и трансформации картины мира в сознании адресата, а также в «манипулировании реальностью» [Negro 2011]. Это связано с тем, что «метафоры направляют взгляд, фокусируя его на определенных аспектах и скрывая другие» [Cubo de Severino, Israel, Zonana 2001: 219]. Исследователи подчеркивают, что, когда «мы говорим о каких-либо вещах, используя одну метафору, а не другую, мы конструируем нашу реальность одним способом, а не другим. Метафоры всепроникающим и фундаментальным образом структурируют то, как мы думаем, и то, как мы действуем, а также наши системы знаний и убеждений» [Fairclough 1992: 194].

Следовательно, любая политическая метафора полифункциональна, и именно это делает ее важным и эффективным средством формирования и репрезентации политической картины мира. Наиболее актуальным оно становится в последние годы, когда, по мнению исследователей, «медиатекст превратился в универсальное и эффективное средство воздействия, в инструмент власти» и других социально-политических сил [Выровцева, Некрасов, Тимофеева 2024: 7]. В этой связи употребляемые метафорические средства создают «определенные ценностно-смысловые модели для усвоения обществом и таким образом меняют аксиологическую картину мира социума» [Руденко, Котлярова 2017: 135]. Безусловно, востребованность и идеологическая составляющая различных видов метафор во многом зависит от того политического феномена, который характеризуется с их помощью.

1.3.4 Основные подходы к исследованию метафорических образов РФ и США в медиаполитическом дискурсе

В целом образы США и РФ как важная часть современной политической картины мира регулярно становятся объектом исследования в политологии, социологии, психологии, культурологии и др. [Бородавкина,

Пчегатлук 2014; Чебыкина 2024; Гизатуллина, Гумерова 2015; Шампарова 2024; Beattie, Sherstoboeva 2025]. В частности, изучается политический имидж этих стран, их политическое позиционирование в американских, российских и других массмедиа, различные журналистские приемы создания образов государств и т. д. (ср.: [Акселевич 2024; Гусейнов 2004; Данилова, Зиновьева 2023; Джанг 2020; Курбанова, Луговая 2016; Пензина 2017]).

Аналогичная проблематика систематически представлена в современной политической лингвистике. Так, активно анализируются способы формирования образов РФ и США в целом и отдельных идеологем, присущих данным концептам в политических картинах русского, американского этносов. Такого рода исследования проводятся в рамках как одной, так и нескольких ПКМ, как одного, так и нескольких политических концептов (ср.: [Белугина, Колегова, Стародубец 2023; Боброва, Кузнецова 2020; Вдовиченко 2011; Герасименко, Тарасова 2024; Журавлев 2004; Иванова 2019; Нурбагомедова 2024; Тупикова, Уполовникова 2017; Caselles, Kovaleva, Porova, Repina, Zheltukhina 2018]). Большое внимание уделяется репрезентации образов России и США в прессе других стран, например: КНР [Ивэнь 2022; Кошкарова, Мукушев 2021; Нагибина, Экзархова 2023; Шулика 2023], ФРГ [Дойникова 2023; Кокурина, Хорецкая 2019], Великобритании [Баскакова, Курц 2017; Наумов 2023; Posternyak 2020; Posternyak, Voeva-Omelechko 2018], Испании [Горностаева 2020]. При этом акцент может делаться на конкретных языковых способах репрезентации образов РФ и США; например, на лексических и грамматических средствах [Желтухина, Зеленская 2018], на стилистических особенностях формирования образов этих стран в медиаполитическом дискурсе [Volgina 2015].

Достаточно регулярно объектом исследования лингвистов становятся метафорические средства, фиксируемые в медиаполитическом дискурсе различных стран при характеристике РФ и США [Клещина 2017; Ольховикова 2016; Tsirkunova 2015]. При этом акцент может делаться на нескольких блоках проблем: на использовании конкретных метафорических

моделей, на их связи с конкретной политической ситуацией, с динамикой российско-американских отношений с середины XX в. до настоящего времени и др. Например, анализируется метафорическая репрезентация РФ и США в первом десятилетии XXI в. [Моисеева 2007; Шапиева 2013а, 2013б; Macgilchrist 2007], в период с 2010 по 2016 г. [Абрамова, Мозговая, Немировская 2016; Chudinov, Pyushkina 2019], во время сирийского конфликта в 2015–2016 гг. [Будаев, Тихонов 2016], перед началом специальной военной операции в 2020–2022 гг. [Земерова, Шехтман 2022]. Кроме того, внимание исследователей может быть сосредоточено на метафорических переносах, употребляемых при характеристике лидеров стран-оппонентов [Мазаева 2016; Мищенко, Нахимова, Сегал 2024; Никифорова 2022]. Активно изучаются отдельные метафорические модели: театральная [Алешина, Шехтман 2023], физиологическая [Воскресенская, Ноздренко 2021], зооморфная [Nilsen, Nilsen, Solopova 2023], спортивная [Петрова, Сегал 2016], пространственная [Billé, Humphrey 2024; Vujaković 2013], милитарная [Боброва, Кузнецова 2020].

Однако вопрос о системном анализе метафорической репрезентации РФ и США как стран-оппонентов в период резкого усиления конфронтации между ними с начала специальной операции (24 февраля 2024 г.) пока остается открытым.

В целом число работ, предметом которых становятся особенности характеристики РФ и США как стран-оппонентов в условиях усиления конфронтации между США и Россией в 2022–2025 гг. относительно небольшое. Более или менее регулярно встречается общий анализ средств создания негативного имиджа России в американском и западноевропейском медиаполитическом дискурсе последних лет [Герасименко, Тарасова 2024; Ветлугина, Пешкова, Умарова, Филимонова 2022; Фурсов 2024; Шмигельская 2024]. Весьма немногочисленными оказываются работы, посвященные системному анализу метафор как средства создания образа страны-оппонента в политической коммуникации после начала СВО; кроме

того, они не связаны непосредственно с целью и предметом нашего исследования (ср. [Балашова 2022б, 2025б]).

1.4 Выводы к Главе 1

Итак, на протяжении длительного развития (от античности до настоящего времени) теория метафоры претерпевает существенные изменения, главными из которых становится выход за пределы риторического подхода и признание принципиальной сложности и многоаспектности данного феномена. В современной антропоцентрической парадигме при динамическом подходе метафора в большинстве работ рассматривается не только как лингвистическая единица, но и как способ познания, категоризации, структурирования и оценки мира. Именно когнитивная составляющая предопределяет другие онтологические признаки прототипической метафоры: ее вторичность в номинативно-деривационном аспекте; двуплановость и ассоциативность в когнитивно-семантическом аспекте, формируемые на основе категориального сдвига, субъективно устанавливаемого подобия, модуса фиктивности «как если бы». Будучи одним из основных способов смыслопроизводства, метафора является необходимым условием формирования, развития и функционирования естественного языка.

Сложность, неоднородность метафор определяют возможность различных типов их систематизации. В соответствии с задачами нашего исследования наиболее важными представляются следующие критерии дифференциации метафор: (а) по степени освоенности языком – языковые и речевые, в том числе окказиональные; (б) по основной сфере приложения – общеупотребительные, книжные и сниженные; литературные и внелитературные; (в) по степени образности – живые и генетические; (г) по наличию эмотивной составляющей – нейтральные и экспрессивные, эмоционально-оценочные; (д) по деривационному признаку – полные и

частичные, словообразовательно обусловленные; (е) по номинативно-функциональному признаку – номинативные, образные и когнитивные.

Когнитивная сущность метафоры определяет ее особую роль в формировании языковой картины мира. В нашей работе ЯКМ трактуется как нежесткая, сложная и динамическая система, в основе которой лежат исторически сформировавшиеся «наивные» (обиходные) представления среднего носителя языка об окружающей его действительности. Данная картина содержит универсальные и этнически специфические черты, взаимодействует с другими КМ и варьируется в дискурсивно-функциональном аспекте. Наиболее значимыми для формирования и репрезентации ЯКМ являются регулярные концептуальные метафоры. В их основе лежат определенные модели метафоризации (концептуальные схемы, когнитивные матрицы), с помощью которых одна когнитивно-тематическая область структурируется и оценивается сквозь призму другой. Однако степень моделируемости метафорических переносов может быть различной и во многом зависит от языкового материала и аспекта его изучения.

Неоднородность национального языка в дискурсивно-функциональном аспекте обуславливает вариативность отраженной в нем ЯКМ и особенности использования концептуальных метафор. В настоящее время одной из значимых форм функционирования языка является медиаполитический дискурс – важная часть политической коммуникации, особый тип публичного институционального дискурса, функционирующий в медийно-коммуникативной политической среде, адресованный массовой аудитории, цель которого – борьба за власть через формирование общественного мнения.

В когнитивном аспекте данная цель достигается путем формирования политической (идеологической) картины мира, то есть системы образов, репрезентирующих политический мир, в том числе систему представлений о власти, политике, ее структуре, содержании и механизмах. К принципиальным признакам данной КМ относятся ее многосубъектность,

плюралистичность, динамизм, коммуникативная направленность и прогностически-инструментальный характер. Основной единицей данной системы является идеологема – политический концепт, в структуре которого с повышенной степенью аксиологичности актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, представления о власти, государстве, социуме, политических и идеологических институтах, напрямую зависящие от идеологической позиции, политических установок, политических задач актора ПКМ. Одним из основных средств формирования и репрезентации ПКМ и ее единиц (идеологем) является концептуальная метафора, которая выполняет в медиадискурсе как части политической коммуникации три общие функции – номинативную, когнитивную, прагматическую (воздействующую и аксиологическую), а также целый ряд специфических частных функций – номинативно-оценочную, эвфемистическую, популяризаторскую, гипотетически-моделирующую, инструментальную, манипуляционную и т.п.

ГЛАВА 2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВ СТРАНЫ-ОППОНЕНТА В РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ

2.1 Общая характеристика материала исследования

Как отмечалось (см. введение), материал для исследования извлечен из публикаций, посвященных характеристике страны-оппонента (США – в российских СМИ, Russia – в американских СМИ) и вышедших с 24.02.2022 по 20.01.2025 (в период резкого обострения отношений между РФ и США: с начала специальной военной операции до инаугурации Д. Трампа) в 13 российских и 13 американских электронных вариантах печатных и собственно цифровых газетных (отчасти еженедельных журнальных) общественно-политических массмедиа. Данные издания с различной политической ориентацией принадлежат к числу авторитетных, популярных, что дает основание предполагать, что они достаточно объективно отражают современную российскую и американскую политические картины мира:

- Российские издания: «Аргументы и Факты» – <https://aif.ru/> (далее АиФ); «Аргументы Недели» – <https://argumenti.ru/> (далее АН); «Ведомости» – <https://www.vedomosti.ru/> (далее Вед.); «Взгляд» – <https://vz.ru/> (далее Взг.); «Завтра» – <https://zavtra.ru/> (далее Зв.); «Известия» – <https://iz.ru/> (далее Изв.); «Коммерсант» – <https://www.kommersant.ru/> (далее «Ъ»); «Комсомольская правда» – <https://www.saratov.kp.ru/> (далее КП); «Московский комсомолец» – <https://www.mk.ru/> (далее МК); «Правда» – <https://gazeta-pravda.ru/> (далее Пр.); «Российская газета» – <https://rg.ru/> (далее РГ); «Царьград» – <https://tsargrad.tv/> (далее ЦГ); ИА «Sm. News» – <https://sm.news/> (далее Sm.);
- Американские издания: “Axios” – <https://www.axios.com/> (далее Ах.); “Bloomberg” – <https://www.bloomberg.com> (далее ВВ); “Business Insider” – <https://www.businessinsider.com/> (далее ВІ); “Foreign Affairs” –

<https://www.foreignaffairs.com/> (далее FA); “Foreign Policy” – <https://foreignpolicy.com/> (далее FP); “Fox News” – <http://www.foxnews.com/> (далее FN); “Jacobine” – <https://jacobin.com/> (далее Jac.); “New York Post” – <https://nypost.com> (далее NYP); “Newsweek” – <https://www.newsweek.com/> (далее NW); “The New York Times” – <https://www.nytimes.com/> (далее NYT); “The Washington Post” – <https://www.washingtonpost.com/> (далее WP); “U.S.News” – <https://www.usnews.com/> (далее USN); “USA Today” – <https://www.usatoday.com/> (далее USAT).

Как отмечалось (см. введение), в указанных массмедиа было выявлено 150 российских и 110 американских тематически ограниченных публикаций, содержащих метафорическую характеристику страны-оппонента (общий объем российских текстов составил 117000 словоупотреблений, американских – 127000). В данных текстах было зафиксировано 1442 метафорических контекста, используемых при характеристике США в российских СМИ, и 1515 – при характеристике Russia в американских СМИ. Таким образом, в российских массмедиа на одну публикацию приходится в среднем около 9,6 метафорических контекстов, а в американских – 13,8 метафорических контекстов. Данные контексты включают многочисленную и разнообразную по первичной и вторичной (метафорической) семантике лексику (ср.: русский язык (далее РЯ) – 774 единицы; английский язык (далее АЯ) – 712 единиц).

Обращает на себя внимание тот факт, что в большем (по сравнению с американскими) числе российских публикаций содержится меньшее число метафорических контекстов. Это вызвано несколькими причинами. Во-первых, в целом США чаще становятся информационным поводом или объектом аналитического разбора в российских СМИ, чем Russia – в американских. Во-вторых, заметную роль здесь играют жанрово-текстуальные особенности российских и американских массмедиа: американские статьи по объему обычно больше российских (и аналитических, и новостных).

Кроме того, общим свойством современных массмедиа, включая российские и американские является резкое сокращение «объема текстов и сужение жанрового разнообразия» [Упоров 2019: 85], «глобальный тренд на визуализацию», на «доминирование видеоконтента» [Вальковский 2023: 273], а это влечет за собой упрощение структуры текста [Там же]. Статьи становятся более «короткими и менее рассудительными» [Ковальчук 2021: 41], во многом ориентированными на читателя, предпочитающего более простой, разговорный и не содержащий средств выразительности язык СМИ [Там же]. В результате небесспорным оказывается даже общепринятое определение газетной статьи как «жанра, предназначенного прежде всего для анализа актуальных, общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей», предметом которого являются «противоречия и проблемы, содержащиеся в актуальных ситуациях и процессах, а также в вытекающих из них задачах» [Князев 2002: 60]. Данные особенности, по мнению ряда исследователей, более ярко проявляются в российских массмедиа, тогда как американские печатные СМИ, включая веб-сайты с текстовыми материалами, как правило, предоставляют наибольший объем фактической политической информации и аналитики по сравнению с другими видами медиа [Dunaway, Graber 2023: 7].

В функционально-типологическом аспекте единым для русскоязычного и англоязычного корпусов оказывается явное преобладание языковых живых (образных) и генетических метафор, тогда как речевые (включая окказиональные), развернутые и другие осложненные типы переносов фиксируются значительно реже; например:

- *Президент США Джо Байден на днях дал установку – готовиться к «ядерному Армагеддону». Но любое «светопреставление» требует качественной репетиции. С 17 по 30 октября свою подготовку решили провести натовские военные с привлечением «массовки» из 14 стран и использованием «реквизита» в количестве 60 боевых самолетов.* В. Воробьев

// АиФ. 17.10.22¹ – в данном случае ироническое отношение к агрессивной политике США выражается за счет совмещения двух концептуальных моделей метафоризации. С одной стороны, единицы из сакральной сферы (*Армагеддон*, *светопреставление*) акцентируют внимание на глобальной опасности таких действий (ср.: *Армагеддон*: (религ.) ‘описанное в библейской книге «Откровение» великое и решающее сражение сил добра и зла перед концом света’ → (перен.) ‘конец света’). С другой стороны, за счет обыгрывания паронимии (*светопреставление* ‘в христианском вероучении: конец мира, гибель всего существующего, живого’ и *представление* ‘спектакль, театрализованное или увеселительное зрелище’) вводятся театральные переносы (*репетиция*, *массовка*, *реквизит*), которые подчеркивают расчет на массмедийный эффект организуемых учений и одновременно их сценичность, нарочитость, но именно это позволяет не воспринимать их слишком серьезно;

- *But Russia's disastrous invasion of Ukraine quickly revealed that Shoigu had failed to address the systemic corruption and incompetence long metastasizing at the heart of the military establishment.* D. Brennan // NW. 13.05.24. [*Но катастрофическое вторжение России в Украину быстро показало, что Шойгу не смог справиться с системной коррупцией и некомпетентностью, давно метастазировавшими в сердце военного истеблишмента*] – развернутая метафора *metastasizing at the heart* представляет собой сочетание образного языкового переноса *heart* ‘центральная и самая важная часть чего-либо’ и речевой метафоры *metastasize* ‘о распространении чего-либо негативного, вредного, затрагивающего различные стороны общественной жизни’, поскольку в современных толковых словарях фиксируется только в первичном ЛСВ ‘давать метастазы’.

В обоих типах массмедиа метафоры представлены главным образом в статьях аналитического типа. В новостных публикациях (особенно в

¹ При цитировании для сокращения объема текста мы указываем только автора, издание и дату выпуска публикации.

российских СМИ) метафоры либо отсутствуют, либо это преимущественно генетические (стертые) переносы. Экспрессивные, в том числе речевые, развернутые метафоры, как правило, фиксируются в цитатах из речи политиков, общественных деятелей и т.п., ставших поводом для новостного освещения (ср.: *США каннибализируют своих европейских партнеров, убивая их химическую, автомобильную и другие отрасли, заявил помощник президента России Максим Орешкин*. В. Басилая // Взг. 26.12.23; «*Это провал политики, которая ассоциируется с Нуланд, потому что она была той фокусной фигурой, которая проводила русофобскую политику в отношении нашей страны, вся эта история была завязана на Нуланд*», – заявила госпожа Захарова. С. Строкань // «Ъ». 06.03.24; *Media outlets that were prepared to navigate the threat of censorship and wrist-slaps under the previous laws have understandably balked at the prospect of their employees and journalists spending large chunks of their lives incarcerated*. W. Oremus // WP. 11.03.22 [Медиа, которые были готовы «проплыть сквозь угрозу» (противостоять угрозе) цензуры и «шлепков по запястьям» (подзатыльников) в соответствии с предыдущими законами, по понятным причинам отказались от перспективы того, что их сотрудники и журналисты проведут значительную часть своей жизни в заключении]²; “*Putin was wrong in his assumptions about breaking the alliance and breaking Ukrainian will,*” Burns says. “*And because things have gone so wrong on the ground., the CIA believes Putin “has shrunk his objectives”*” W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [«Путин ошибался в своих предположениях о сломе альянса и сломе воли Украины, – говорит Бернс (американский государственный деятель, дипломат, директор ЦРУ в администрации Джо Байдена). – А поскольку на местах все пошло совсем неправильно., ЦРУ считает, что Путин «скукожил свои цели»)].

² Здесь и далее при переводе англоязычных переносов и идиом с метафорической основой мы стремимся прежде всего указать на модуль сравнения, поэтому при несоответствии внутренней формы английской и русской единиц сначала в кавычках дается дословный перевод, а затем в скобках – семантически адекватный вариант перевода.

Вместе с тем в американских массмедиа яркие живые (образные), развернутые и окказиональные переносы регулярно фиксируются в речи профессиональных журналистов, что связано в том числе и с традиционным для американских СМИ стремлением корреспондентов привлечь внимание не только к публикации, но и к своей персоне (ср.: *What exactly this symbol is supposed to mean, however, no one can say – which is why it's perfect for a regime trying to sell its citizenry on an ideology that is itself half-baked. ... You can't get people to spread a message., but you can get them, with hearty helpings of fear and delusion, to draw a letter that takes only three strokes.* M. Roberts // WP. 23.03.22 [Однако, что именно должен означать этот символ, никто не может сказать – именно поэтому он идеально подходит для режима, пытающегося продать своим гражданам «непропеченную» (несовершенную) идеологию. ... Нельзя заставить людей распространять послание., но можно заставить их с помощью изрядных порций страха и заблуждений, нарисовать букву, которая наносится всего тремя штрихами] – в рамках одной статьи за счет сочетания кулинарной, физиологической (удовлетворение потребности в еде) и финансово-экономической моделей метафоризации формируется емкий идеологизированный образ «RUSSIA»: навязывание обществу государственной идеологии отождествляется с насильственным кормлением пищей плохого качества).

В ситуативном аспекте общим свойством русскоязычного и англоязычного метафорического материала оказывается практически полное отсутствие характеристик США и Russia в социально-культурном аспекте (наука, спорт и т.п.), если только это не связано непосредственно с политическими событиями (например, с запретом российским атлетам выступать на международных соревнованиях). Наиболее систематично переносы употребляются при описании внешнеполитических реалий, в том числе отношений между США, «коллективным Западом» (далее КЗ) во главе с США и Россией (особенно в связи с вооруженным конфликтом на

Украине), а также внутривосточной ситуации в США и Russia. Вместе с тем тип ситуаций и, конечно, их оценка могут быть весьма неоднозначными.

Наконец, так как все русскоязычные и англоязычные метафорические контексты в той или иной степени участвуют в формировании политической КМ, репрезентируемой российскими и американскими массмедиа, то образы страны-оппонента в них выступают в роли идеологем – соответственно «США» и «RUSSIA».

В концептуальном аспекте зафиксированные русскоязычные и англоязычные метафоры, как показал анализ источников, мишеней и модулей сравнения, могут быть сгруппированы в четыре макромоделей, внутри которых выделяются метамоделей и конкретные модели переносов. В целом выделенные концептуальные метафоры ориентируются на языковые модели метафоризации³, хотя и имеют определенную специфику. Примечательно, что степень востребованности каждой из макромоделей при характеристике страны-оппонента может быть различной (см. табл. 1).

Таблица 1

Макромоделей метафоризации, используемые для репрезентации образа страны-оппонента в российских и американских массмедиа

Макромоделей	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Пространственная	807 (56%)	424 (54,8%)	800 (52,8%)	383 (53,8%)
2 Натуралистическая	58 (4%)	33 (4,3%)	55 (3,6%)	30 (4,2%)
3 Антропоморфная	103 (7,1%)	81 (10,5%)	119 (7,9%)	85 (11,9%)
4 Социоморфная	474 (32,9%)	236 (30,5%)	541 (35,7%)	214 (30,1%)
Всего	1442 (100%)	774 (100%)	1515 (100%)	712 (100%)

Согласно статистическим данным, ядерное положение в обоих метафорических корпусах занимает пространственная макромоделей (более 50% всех зафиксированных метафорических контекстов и включенных в их

³ Здесь и далее мы опирались прежде всего на систему метафорических концептуальных метафор, представленную в работах: [Балашова 2014а, 2014б], но указанные макромоделей, метамоделей и конкретные модели метафоризации оригинальны и выделены нами на основе анализа метафорических контекстов русскоязычного и англоязычного корпусов.

состав переносных ЛСВ), что в полной мере соответствует положению пространственных метафор в языках мира, в том числе РЯ и АЯ.

Околоядерную зону составляют социоморфные переносы (более 30% метафорических контекстов и включенных в их состав переносных ЛСВ), что связано с семантическим разнообразием социальной лексики, используемой как источник метафоризации в российских и американских СМИ, а также с устойчивостью именно социальных ассоциаций при характеристике страны-оппонента.

Положение ближней периферии принадлежит антропоморфной макромодели (более 7% метафорических контекстов, включающих более 10% переносных ЛСВ), тогда как дальнюю периферию составляют натуралистические метафоры (около 4% метафорических контекстов, включающих чуть более 4% переносных ЛСВ). Меньшая востребованность натуралистической и антропоморфной макромоделей объясняется, с одной стороны, особенностями языковой метафоризации членов соответствующих семантических подсистем, а с другой – спецификой использования антропоморфных и натуроморфных переносов в исследуемом материале (см. 1.2.1, а также: [Попова, Стернин 2007: 64, 115]).

Стоит отметить, что часть переносов вовлекается в реализацию нескольких макромоделей, метамоделей или моделей одновременно, что обусловлено действием «центробежных» и «центростремительных» сил в метафорической системе русского и английского языков, а также конкретными целями, которые ставят перед собой авторы российских и американских массмедиа при характеристике страны-оппонента.

Безусловно, в каждой из выделенных макромоделей метафорическая репрезентация образов «США» и «RUSSIA» имеет свою специфику.

2.2 Пространственная метафорическая макромодель

2.2.1 Общая характеристика пространственной макромодели

В целом пространственные метафоры, характеризующие «непредметную сферу (внутренний мир человека, социальные связи и отношения, абстрактные понятия) через систему пространственных категорий», являются «самыми многочисленными и продуктивными» [Балашова 2017: 1181], поскольку данные категории «считаются онтогенетически первичными, а следовательно, основополагающими для человеческого сознания» [Скребцова 2018: 242]. В политической коммуникации пространственные переносы считаются одними из самых продуктивных (ср.: [Балашова 2017; Бочина, Чжоу 2024; Дармаева, Орлова 2024; Дубин 2020; Пичкур 2001; Поречная 2024]).

В исследованных русскоязычном и англоязычном корпусах при характеристике «США» и «RUSSIA» пространственная макромодель также занимает ядерное положение по числу как метафорических контекстов, так и зафиксированных в них единиц в переносных ЛСВ (см. табл. 1): РЯ – 807 контекстов (56% от общего их числа); 424 единицы (54,8% от общего их числа); 800 контекстов (52,8% от общего их числа); 383 единицы (53,8% от общего их числа). Анализу данной макромодели в аналитических статьях современных российских газетных массмедиа посвящена работа [Кириллова 2024а].

В функционально-стилистическом аспекте абсолютное большинство используемых пространственных переносов относится к общеупотребительным; ограниченные в этом отношении метафоры (сниженные и книжные) в русскоязычном материале фиксируются значительно реже, а в англоязычном – спорадически (ср.: *На вопрос обозревателя «РГ» представителям ЮАР о том, могут ли американцы предложить что-то такое, из-за чего республика пойдет в фарватере (книжн.) Вашингтона, они ответили буквально следующее: «Мы ... не позволим никому учить нас настоящей демократии». И. Егоров // РГ.*

24.07.23; *Делать вид, что за минувший год в нашем диалоге [США и РФ] не произошло никаких подвижек (разг.), абсурдно.* О. Карпович // Изв. 12.12.22).

В функционально-типологическом аспекте в обоих корпусах основной блок метафор относится к языковым живым (образным) или генетическим (стертым, мертвым) переносам. Достаточно регулярно в обоих корпусах фиксируются речевые, развернутые, а также частичные метафоры (см. 1.1.3). (ср.: *Финансовые и политические круги (живая языковая метафора), определяющие курс (живая языковая метафора) американской администрации, стремятся (генетическая языковая метафора) к одному – к стратегическому поражению России.* Е. Панина // Изв. 31.10.22; *Экономисты называют две главные причины безудержной (‘ничем не сдерживаемой; необузданной’ – частичная метафора, формируемая от переносного ЛСВ *обуздать*: ‘надеть узду’ → (перен.) ‘подчинить своей воле’⁴) инфляции в США в марте 2022 года.* О. Самофалова // Взг. 14.04.22; *“Putin might look for avenues (живая языковая метафора) to escalate (генетическая языковая метафора)”. W. M. Arkin // NW. 13.05.22 [«Путин может искать «авеню» (пути) для эскалации]; *Kremlin-controlled media purvey a fire hose (речевая метафора) of propaganda.* R. Dixon // WP. 14.03.24 [Контролируемые Кремлем СМИ «выплескивают, как из брандспойта, огромную струю» пропаганды]; *Russia might be able to overcome (‘преодолеть’ – частичная метафора: от переносного осмысления частей глагола: *over* ‘через’ + *come* ‘приходить к’) those difficulties.* D. Bennett // WP. 17.08.23 [Россия может преодолеть эти трудности]).*

В концептуальном аспекте русскоязычные и англоязычные пространственные метафоры, несмотря на свою многочисленность, отмечены тенденцией к достаточно четкой структуризации, что подтверждает их ведущую роль в формировании образа страны-оппонента. Как показал анализ российских и американских массмедиа, в составе пространственной

⁴ В дальнейшем частичные метафоры (см. 1.1.3) для сокращения объема текста выделяются специальными пометами и толкуются только в том случае, если это необходимо для адекватного понимания принципа переноса.

макромодели выделяются две концептуальные метамоделю, которые мы условно обозначили как: (1) локальную и (2) геометрически организованную.

Локальная метамоделю занимает ведущее положение в пространственной макромодели (см. табл. 2: РЯ – 64,9% всех контекстов с пространственными переносами; 59,4% пространственных метафор; АЯ – 61,4% контекстов; 57,2% метафор) и включает пространственные метафоры, в которых положение, перемещение в линейном (горизонтальном, вертикальном), плоскостном или сферическом пространстве некоторого феномена ассоциируются с различными (бытийно-динамическими, деятельными, квантитативно-качественными, логико-квалификационными) политически значимыми характеристиками страны-оппонента (ср.: *США тормозят рост собственных экономических индикаторов, в том числе снижая потенциал тяжелой промышленности*. От ред. // Изв. 11.11.23; *In “Russia, Remastered,” The Washington Post documents the historic scale of the changes Putin is carrying out and has accelerated with breathtaking speed during two years of war*. R. Dixon // WP. 06.05.24 [В статье “Россия в обновленном виде” The Washington Post описывает исторический масштаб изменений, которые проводит Путин и которые ускорились с захватывающей дух скоростью за два года войны]).

Менее востребованная **геометрически организованная** метамоделю (см. табл. 2: РЯ – 35,1% всех контекстов с пространственными переносами; 41,6% пространственных метафор; АЯ – 38,6% контекстов; 42,8% метафор) объединяет метафоры, в которых страна-оппонент воспринимается не как точка, а как определенный участок пространства, один из одномерных, двухмерных или трехмерных пространственных объектов, обладающий протяженностью, площадью или объемом, с его изменением, трансформацией и т.п. Данные пространственные свойства также ассоциируются с политически значимыми (бытийными, динамическими, квантитативно-качественными, логико-квалификационными) характеристиками страны-оппонента (ср.: *В США вновь набирают силу*

изоляциянистские идеи. ... [Республиканцы] настаивают на возвращении к традиционным для США сферам влияния. А. Кузмак // Изв. 09.04.23; *The Kremlin will seek relief from Western sanctions to stabilize its crumbling economy, likely offering empty promises of good behavior.* P. Doran // NYP. 07.01.25 [Кремль будет добиваться снятия западных санкций, чтобы стабилизировать свою разваливающуюся на кусочки экономику, скорее всего, раздавая пустые обещания о хорошем поведении)].

Каждая из указанных метамоделей, согласно нашему анализу, сложно организована и включает несколько моделей с достаточно четко структурированными когнитивными матрицами и средствами их реализации (см. табл. 2). Безусловно, данные модели не исчерпывают всего многообразия зафиксированных пространственных переносов, но именно они играют ведущую роль в формировании образа страны-оппонента в российских и американских СМИ.

Таблица 2

Пространственная метафорическая макромодел в российских и американских массмедиа

Метамодел и модели	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Локальная	524 (64,9%)	252 (59,4%)	491 (61,4%)	219 (57,2%)
1.1 Деятельно-динамическая	228 (28,3%)	121 (28,5%)	215 (26,9%)	95 (24,8%)
1.2. Бытийно-динамическая	72 (8,9%)	36 (8,5%)	70 (8,8%)	38 (9,9%)
1.3 Реляционная	68 (8,4%)	44 (10,4%)	66 (8,3%)	41 (10,7%)
1.4 Квантитативно-качественная	156 (19,3%)	51 (12%)	140 (17,5%)	45 (11,7%)
2 Геометрически организованная	283 (35,1%)	172 (40,6%)	309 (38,6%)	164 (42,8%)
2.1 Бытийно-динамическая	76 (9,4%)	46 (10,8%)	71 (8,9%)	43 (11,2%)
2.2 Интегрально-фрагментарная	45 (5,6%)	31 (7,3%)	47 (5,9%)	24 (6,3%)
2.3 Реляционная	68 (8,4%)	47 (11%)	66 (8,3%)	46 (12%)
2.4 Квантитативно-качественная	94 (11,5%)	48 (11,3%)	125 (15,6%)	51 (13,3%)
Всего	807 (100%)	424 (100%)	800 (100%)	383 (100%)

Характерной особенностью пространственной макромодел (особенно ее 2-й геометрически организованной метамодел) является активное вовлечение в сферу ее действия переносов на базе не пространственных семантических полей (далее СП) и групп (далее СГ), что свидетельствует о продуктивности макромодел и отражает общеязыковые тенденции в

развитии метафорических систем. Кроме того, в целом ряде случаев дифференциация конкретных переносов в рамках этих метамоделей или пространственных и не пространственных макромоделей оказывается достаточно условной, возможна их контаминация, но это также общеязыковое свойство концептуальной структуризации метафор.

2.2.2 Локальная мета модель

2.2.2.1 Деятельно-динамическая модель

2.2.2.1.1 Общая характеристика модели

Когнитивная матрица (см. 1.2.3) локальной **деятельно-динамической модели** формируется на базе философской концепции «движение есть жизнь», в соответствии с которой «представление о деятельности и бездеятельности субъекта, о наличии или отсутствии у него желаний, стремлений, способности достичь определенных результатов, о наличии или отсутствии у субъекта свободы воли, а также оценка субъекта и его жизненной позиции, его желаний, стремлений и способов их достижения» осмысливается в системе пространственных координат [Балашова 2014б: 125]. Соответственно движение (как правило, горизонтально ориентированное), ассоциируется с активностью, а покой – с пассивностью субъекта / объекта (ср.: *США стремятся нанести максимальный ущерб России*. А. И. Антонов // *АиФ*. 26.04.22 (*стремиться*: ‘быстро двигаться куда-л.’ → ‘настойчиво добиваться чего-л.’; *Moscow is progressing toward its goal of mass-producing UAVs*. D. Bennett, M. Plyushina // *WP*. 17.08.23 [*Москва движется к своей цели* – массовому производству беспилотников] (*progress*: ‘двигаться вперед’ → ‘развиваться’, *toward*: ‘в направлении; навстречу’ → ‘к достижению’).

Данная модель является ведущей в российских и американских СМИ при характеристике страны-оппонента (см. табл. 2). Это проявляется не только в статистическом, но и в когнитивно-семантическом аспекте. Во-первых, ее применение фиксируется в наибольшем числе контекстов с пространственными переносами: РЯ – 228 употреблений (28,3%), АЯ – 215

употреблений (26,9%). Во-вторых, для реализации модели используется наибольшее число слов и фразеологизмов, формируемых на метафорической основе: РЯ – 121 единица (28,5%), АЯ – 95 единиц (24,8%). Это лексемы различной частеречной принадлежности (с преобладанием глаголов – в соответствии с когнитивной матрицей), а также с разнообразной семантикой первичных (исходных) ЛСВ. Ведущую роль играет СП «Движение». Кроме того, в реализацию модели активно вовлекаются единицы с периферийным или коннотативно-ситуативным динамическим компонентом. В частности, это могут быть члены СП «Артефакты» (именования транспорта, специальных полос для прохода, проезда, дорожных знаков и т.п.); СП «Неживая природа» (номинации рельефа, ландшафта, водоемов, пространственных, термических и иных физических характеристик объектов т.п.); номинации конкретных типов физических и социально ориентированных действий человека, его взаимодействия с животными и др. Все это свидетельствует об особой значимости деятельно-динамической локальной модели в репрезентации страны-оппонента в российских и американских СМИ.

Достаточно показательным в концептуальном аспекте оказывается конкретный состав источников метафоризации:

- Номинации направленного (вперед, назад, по кругу, в сторону, в обход, сквозь, через и т.п.; к определенной точке, из определенной точки; с достижением или недостижением целевой точки) самостоятельного движения субъекта, инициированного извне движением объекта, а также каузации (инициации) движения объекта, обобщенных или ограниченных конкретным типом реалий (человек, животное, транспортное средство, стрелковое оружие, природный феномен) и не связанных или связанных с определенной средой, способом перемещения (РЯ – 56 единиц: *двигать, двигаться, движение, подвигка, продвигать, продвигаться, продвижение, продвинуться, выдвигать* (вперед), *достичь, достигать, достижение, идти, пойти, прийти, приходиться, выйти, выходить, обойти, обходить, обход,*

отойти, отходить, отход, уйти, уйти ‘уйти далеко, в какие-л., за какие-л. пределы’⁵, *шаг, возвращаться, возвращение, виток, поворот, повернуть, вести, ведомый, довести, повести, привести, приводить, перевести* ‘ведя, поддерживая, помочь переместиться куда-л.’, *загнать* ‘заставить зайти; заставить уйти, убежать, уехать и т.п. куда-л. далеко’, *загонять, догнать, догонять, переместить, подтолкнуть, проталкивать* ‘толкая, продвигать, перемещать’, *протолкнуть* ‘продвинуть толчком’, *безудержный* ‘ничем не сдерживаемый; необузданный’ (частичная метафора; см. 1.1.3), *пустить* ‘заставить или дать возможность кому-, чему-л. двигаться’, *допустить* ‘позволить, разрешить прийти куда-л.’, *допускать, недопущение* ‘воспрепятствование чему-л.’ (частичная метафора), *оттянуть* ‘потянув, отодвинуть; заставить изменить направление движения’, *развязать* ‘освободив от того, что связывало, предоставить свободу движения’, *развязывать, рулить* ‘управлять транспортным средством с помощью руля’; АЯ – 38 единиц: *move* (v) ‘двигаться’, *move* (n) ‘движение’, *advance* (n) ‘продвижение’, *advance* (v) ‘продвигаться’, *go* ‘идти’, *go forward* ‘идти, продвигаться вперед’, *progress* (v) ‘двигаться вперед’, *step* (n) ‘шаг’, *misstep* (n) ‘неверный шаг’, *countersteps* ‘«контршаги»; действия, которые совершаются как реакция на предыдущие действия’ (частичная метафора), *return* (v) ‘вернуться’, *return* (n) ‘поворот в обратную сторону’, *reverse* (v) ‘заставить двигаться в обратном направлении’, *back away* ‘отступить’, *heel turn* ‘поворот на пятках’, *retrograde* ‘двигающийся в направлении, противоположном общему движению; особенно с востока на запад среди звезд; перемещение в обратном направлении’, *regressive* ‘регрессивный’; ‘обратный’ (генетическая метафора), *turnaround* ‘поворот, разворот’, *reach* ‘достичь, особенно после того, как потрачено много времени, усилий на путешествие’, *cakewalk* (неформ.) ‘чрезвычайно легкое задание’ (частичная

⁵ Для сокращения объема текста толкование исходных и иных значений русскоязычного материала дается только в том случае, если данное значение не является основным в лексикографических источниках и если мотивация формирования переноса не является очевидной.

метафора от *cakewalk* ‘легкая прогулка’: *cake* (n) ‘торт’ + *walk* (n) ‘прогулка’ – первоначально торт вручался как приз за самые изящные шаги во время процессии в южной «черной» традиции), *escape* ‘сбежать (из тюрьмы, клетки, от кого-л.), освободиться’, *escape hatch* ‘люк, обеспечивающий аварийный выход’, *loophole* ‘лазейка’, *overcome* ‘преодолеть’, *navigate* ‘плыть по воде’, *cruise* (n) ‘круиз’, *cruise* (v) ‘совершать круиз’, *pursue* ‘преследовать, чтобы настигнуть’, *push* (n) ‘толчок; продвижение вперед посредством толчка’, *push* (v) ‘толчком продвигать вперед’, *nudge* ‘легкий толчок’, *shift* (v) ‘переместить’, *bring (to)* ‘вести, нести, заставлять идти вместе с кем-л.’, *loose* ‘не закрепленный, имеющий свободу движения’, *unleash* ‘освободить от поводка, дать возможность двигаться’, *put in reverse* (n) ‘поворот в обратную сторону; задний ход’, *roll back* ‘откатить’, *set back* ‘отодвинуть, отбросить назад; повернуть вспять’);

- Номинации транспортных средств и управления ими (РЯ – 1 единица: *locomotive* ‘машина, движущаяся по рельсам и предназначенная для тяги прицепленных к ней вагонов’; АЯ – не зафиксированы);

- Номинации направления, конечной / начальной точки, траектории движения; естественных или специально созданных полос для прохода, проезда; прагматических характеристик таких специальных полос; специальных дорожных знаков и т.п. (РЯ – 14 единиц: *направление* ‘линия движения’, *вперед*, *назад*, *курс* ‘направление движения, путь (корабля, самолета и т.п.)’, *линия* ‘направление, маршрут’, *путь*, *фарватер* ‘часть водного пространства, достаточно глубокая и безопасная для прохода судов’, *край* ‘конечная, прилегающая к предельной линии часть (в нашем случае возможного пути следования субъекта)’, *цель* ‘место, которого хотят достичь; в которое надо попасть при стрельбе, метании’ (а не уничтожить), *нацелить*, *нацелиться*, *целенаправленный*, *целенаправленно*, *метить* ‘целиться, стараться попасть’; АЯ – 24 единицы: *farther / forward* ‘вперед’, *back* ‘назад’, *shift* (n) ‘смена направления’, *toward* ‘в направлении’, *reverse* (adj) ‘обратный’, *trajectory* ‘траектория’, *course* ‘курс’, *road* ‘дорога’, *path*

‘протопанная тропа’, *pathway* ‘тропинка’, *way* ‘магистраль’, *smooth* ‘ровный’ (о дороге), *smooth (the pathway)* ‘сгладить (о пути следования)’, *avenue* ‘широкая дорога в городе, обычно с растущими по ее сторонам деревьями’, *endpoint* ‘конечная точка, цель’, *target* (n) ‘цель, которую надо достичь’, *target* (v) ‘нацеливаться на что-л.’, *goal / objective* ‘цель’, *aim* (n) ‘наведение оружия на цель, возможность поразить цель’, *aim (at)* (v) ‘задавать курс, в особенности: направлять оружие на объект’, *signpost* ‘дорожный указатель’, *in the wake of* ‘в результате’ («по следу от корабля»), *access* ‘доступ’);

- Номинации разнонаправленного, ненаправленного движения субъекта или объекта (РЯ – 3 единицы: *метаться, метание, бросаться (из крайности в крайность)*; АЯ – 2 единицы: *erratic* ‘не имеющий фиксированного курса,двигающийся из стороны в сторону’, *ebb and flow* ‘приливы и отливы’),

- Номинации скоростного режима движения (РЯ – 14 единиц: *ускориться, ускорение, стремиться* ‘быстро двигаться, направляться куда-л.’, *стремление, подгонять* ‘заставлять кого-л. идти, бежать быстрее’, *подстегнуть* ‘стегнуть, хлестнуть, подгоняя’, *разгонять* ‘постепенно увеличивать скорость движения’, *замедлить, замедлять, замедляться, замедление, тормозить, притормозить, спустить на тормозах* ‘плавно спускать автомобиль, поезд, другое транспортное средство с осторожным использованием тормозов’); АЯ – 12 единиц: *pace* ‘темп; скорость, с которой кто-, что-л. движется’, *speed* (n) ‘скорость’, *speed* (v) ‘ускорить; ускоряться’, *accelerate* ‘ускорить; ускориться’, *run* ‘бежать’, *purvey a fire hose* ‘бить, выплескивать с большой скоростью, с большим напором («как из брандспойта»)', *rush* ‘спешить; двигаться вперед, с поспешностью или без подготовки’, *scramble* ‘двигаться с поспешностью или в панике’, *hasten* ‘побуждать двигаться быстро; подгонять’, *spur* (v) ‘пришпорить’, *hinder* ‘замедлить или затруднить продвижение’, *slow* (v) ‘замедлить, уменьшить скорость’);

• Номинации остановки, отсутствия движения субъекта / объекта по воле субъекта / объекта и в связи действием внешних факторов; естественных и искусственных преград на пути следования субъекта / объекта и т.п. (РЯ – 34 единицы: *остановить*, *остановиться*, *приземлиться* ‘опуститься на землю, завершив полет’, *столкнуться* ‘двигаясь навстречу друг другу, наткнуться друг на друга’ (следствием этого становится остановка движущегося субъекта), *столкновение*, *сталкиваться*, *перекрывать* ‘остановить течение, движение чего-л. при помощи какой-л. преграды’, *закрывать* ‘заградить’, *блокировать* ‘преграждать, прекращать движение вперед’, *блокирование*, *заблокировать* ‘преградить, прекратить движение вперед’, *удерживать* ‘приостанавливать, сдерживать ход, движение’, *удержать*, *сдержать* ‘остановить, задержать; замедлить (чей-л. ход, бег, движение)’, *сдерживать*, *сдерживание*, *сдержка*, *запутать* ‘спутать так, что трудно распутать’ (в том числе с целью ограничить способность свободно двигаться), *сковать* ‘надеть оковы на кого-л.’ (тем самым лишить возможности свободно двигаться), *заморозить* ‘охладить воду ниже 0°, дать ей замерзнуть’ (тем самым лишить способности двигаться); *заморозка* ‘охлаждение воды до твердого состояния, вследствие чего она теряет способность двигаться’, *замороженный*, *тормоз*, *тормозной*, *преграда*, *препятствие*, *препятствовать* ‘быть препятствием, мешать движению кого-, чего-л.’, *пресекать* (устар.) ‘преграждать (путь, дорогу)’, *увязнуть* ‘застрять, попав во что-л. вязкое, липкое’, *пропасть* ‘крутой, глубокий обрыв’ (как непреодолимая и опасная преграда для движения кого-, чего-л.), *тупик* ‘улица, не имеющая сквозного прохода; железнодорожный станционный путь, соединенный с другими путями только одним концом, а с другого конца не имеющий продолжения’, *угол* ‘тупик’, *китайская стена*, *заградительный* ‘предназначенный служить заграждением, преградой’; РЯ – 19 единиц: *stop* (v) ‘остановить’, *stop* (n) ‘остановка’, *bog down* ‘заставить (что-л.) утонуть в мокрой земле (болоте, грязи); застрять в мокрой земле (болоте, грязи)’, *stall* ‘остановиться (из-за застрявших колес или отказа

двигателя)’, *stuck* (adj) ‘быть пригвожденным, не иметь возможности двигаться’, *suspend* ‘заставить временно остановиться (путем подвешивания)’, *derail* ‘заставить сойти с рельсов’, *crash* ‘авария, в которой транспортное средство во что-л. врезается и разрушается; автокатастрофа’, *hobble* ‘стреножить’, *trap* ‘поймать в ловушку’, *freeze* ‘превратить в лед, заморозить’, *corner* (n) ‘угол’, *corner* (v) ‘загнать человека или животное в угол’, *obstacle* ‘препятствие’. *barrier* ‘барьер; то, что блокирует проход’, *block* ‘заблокировать; предотвратить движение через что-л.’, *close* ‘закрыть проход через что-л.’, *deter* ‘удерживать, сдерживать’ (от устаревшего значения ‘устрашать и останавливать страхом’), *shut down* ‘остановить’ (от: *shut* ‘закрыть; затворить’ + *down* ‘вниз’, то есть ‘закрыть проход’).

В-третьих, и это главное, в российских и американских СМИ с помощью указанных лексических единиц формируется единая, структурно организованная когнитивная матрица, отражающая особенности восприятия и оценки страны-оппонента. В ее основе в обоих массмедиа лежит языковая модель, в которой мы выделили два варианта: некаузативный – характеризует самостоятельную, не инициированную извне целенаправленную деятельность субъекта, каузативный – описывает ситуацию, когда субъект (агнс) каузирует, определяет направление деятельности пассивного объекта, становится причиной определенных тенденций в его развитии пациенса.

В **некаузативном** варианте самостоятельное движение «США» и «RUSSIA» (их лидеров, социально-политических институтов и т.п.) в определенном направлении осмысляется как последовательная целенаправленная деятельность по решению поставленной задачи, как основная тенденция в развитии; конечная точка движения – как желаемый результат, а ее достижение / недостижение – как успех / безуспешность в решении проблемы; траектория движения – как способ ее решения; различного рода препятствия на пути следования субъекта – как то, что мешает в достижении цели; скорость движения – как скорость достижения

цели и т.п. (ср.: [Коллективный запад во главе с США] взял курс на большой разрыв отношений с Россией. А. Пушков // АиФ. 29.07.22; *Американцы не хотят идти на полный разрыв [с РФ]. ... Понимают последствия избыточно резких шагов*, – сказал он [посол РФ в США А. Антонов]. От ред. // Изв. 23.12.22; *Тормозной путь: для чего Энтони Блинкен летит в Китай*. Н. Портякова // Изв. 15.06.23; *Even in the wake of all this, the Kremlin's decision to invade Ukraine took well-informed observers by surprise, their shock compounded by the seemingly irrational nature of this course of action*. Т. Wood // Яс. 12.08.22 [Даже «по следам» (на фоне) всего этого решение Кремля вторгнуться на Украину застало врасплох хорошо информированных наблюдателей, их шок усугублялся кажущимся иррациональным характером такого курса действий]; *The war is “not going according to Putin's plan”*. D. Brennan // NW. 13.05.24 [Война «идет не по плану Путина»]).

В **каузативном** варианте страна-оппонент может занимать позицию субъекта или объекта. В первом случае она воспринимается как агенс, который активно влияет на развитие пассивного объекта и в соответствии со своими интересами определяет цели, направление его деятельности, развитие или стагнацию. Во втором случае страна-оппонент и ее отдельные институты выступают в роли пациенса, чьи деятельность и развитие инициированы извне, подчинены воле и, возможно, интересам других сил (ср.: *Офис Кеннеди: США подтолкнули Россию к началу спецоперации на Украине*. А. Тихонов // МК. 07.06.23; *Насильно удерживать США в договоре [ДСНВ] Россия не собирается*. И. Мартов // МК. 26.01.23; *“Nothing short of a total defeat can stop the Russian leadership from continuing to prosecute this war”*. М. Wasiura // NW. 22.05.22 [Ничто, кроме полного поражения, не может остановить российское руководство от продолжения этой войны]).

Вместе с тем в применении данной модели в российских и американских массмедиа при создании образа страны-оппонента есть не только общие, но и специфические черты.

2.2.2.1.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Как показал анализ русскоязычного корпуса метафорических контекстов, в большинстве из них дается характеристика внешнеполитической деятельности «США», причем ведущим оказывается **некаузативный** вариант (146 употреблений, или 64% контекстов с реализацией модели). Тем самым подчеркивается активная позиция государства и его элиты на международной арене и независимость в принятии решений.

В частности, такая политическая КМ формируется за счет абсолютного преобладания переносов на базе глаголов (и их дериватов), именующих в первичном ЛСВ однонаправленное движение, тогда как метафоры на базе членов СГ «Покой, отсутствие движения» почти не представлены (1,5% контекстов с реализацией некаузативного варианта модели). Акцент на свободе в выборе цели, способах решения поставленной задачи осуществляется за счет не менее регулярного прямого или переносного указания на конечную точку и траекторию целенаправленного движения. Основной целью «США», согласно метафорическим контекстам, становится их гегемония в мире, ослабление противников, конкурентов (прежде всего РФ, но не только), а также усиление конфликтного характера международных отношений. Показательно, что в подобных ситуациях оппоненты, конкуренты (РФ, Китай, международные нормы и институты и т.п.) воспринимаются как преграда на пути «США», которую они хотят уничтожить или одолеть (ср.: *США стремятся причинить максимальный вред России*. Д. Ерусалимский // МК. 23.03.23; *Главной проблемой на пути США остается Россия, покончить с которой они хотят любой ценой*. В. Михайлов // МК. 04.06.23; *Киссинджер не одобряет путь конфронтации, который выбрали США в вопросе Тайваня* Г. Пархоменко // РГ. 17.05.23; *Америка стремится доминировать в международной политике, пытаясь смести всех, кто встанет на ее пути*. В. Михайлов // МК. 04.06.23).

Вместе с тем достаточно активно авторы статей, цитируемые эксперты, политики и т.п. используют метафоры на базе глаголов с первичными ЛСВ ‘покидать какое-либо место, удаляться от кого-, чего-либо’; ‘пройти стороной, огибая, минуя кого-, что-либо’. В соответствии с когнитивной матрицей такого рода переносы акцентируют внимание на неблагоприятности цели и / или способов ее достижения (ср.: *США пытаются уйти от ответственности за системные сбои в работе стамбульских договоренностей*. Ю. Рябинина // РГ. 09.08.23; *Вашингтон делал всё возможное, чтобы обойти заложенные в Договор ограничения, например, на количество шахтных пусковых установок и стратегических бомбардировщиков*. О. Карпович // Изв. 12.12.23).

В связи с этим концептуально значимым оказывается использование переносов на базе лексики, характеризующей движение в обратном направлении (12 контекстов, или 8,2% контекстов с реализацией некаузативного варианта модели). В отличие от общеязыковых тенденций они характеризуют не регресс в развитии, а позитивно оцениваемую смену политической парадигмы – нацеленность «США» не на конфронтацию, а на сотрудничество (прежде всего – с РФ). Это может подчеркиваться также с помощью метафоризации лексики, характеризующей совместное свободное движение в одном направлении нескольких субъектов (ср.: *Когда данная система создавалась, Москва и Вашингтон стремились всеми силами отойти от края пропасти, у которой мир оказался на раннем этапе холодной войны. ... Заявлявший о своей приверженности рациональной дипломатии Байден практически ничего не сделал ради возвращения к конструктиву на данном направлении*. О. Карпович // Изв. 12.12.22). Однако число таких контекстов невелико, а сами они характеризуют либо события прошлого, либо нереализованного настоящего, либо будущего, вероятность наступления которого, по мнению субъектов речи, довольно низкая.

Весьма неоднозначной в концептуальном аспекте оказывается реализация той части когнитивной матрицы, которая связана с выражением

степени результативности предпринятых «США» усилий. Примечательно, что с помощью данных метафор регулярно характеризуется не только внешнеполитическая деятельность США, но и политическая и экономическая ситуация внутри страны. Во-первых, число переносов на базе лексики, именующей достижение конечной точки перемещения, то есть фиксирующей результат деятельности кого-, чего-либо, в целом невелико, причем субъект речи обычно прямо или метафорически указывает на гипотетичность такого исхода или на неверность выбранного направления, траектории движения – для самих США и для мирового сообщества (ср.: *Шансы американской экономики в следующем году на «мягкую посадку» составляют 30-35%*. А. Абрамов // *АиФ*. 14.12.22; *Это путь к хаосу в Америке*. Э. Лозанкий // *Изв*. 08.11.22; *Американцы подошли к дефолту очень близко*. Д. Евстафьев // *Изв*. 22.05.23; *Структурные риски для экономики страны [США]... могут привести к техническому дефолту*. Д. Перепелица // *Вед*. 16.05.23; [*Поставка США оружия киевскому режиму*] *может привести к перерастанию войны на Украине в ядерный конфликт с РФ*. С. Строкань // «Ъ». 03.05.22). Во-вторых, более последовательно авторы подчеркивают безуспешность внешней и внутренней политики руководства «США». В рамках данной модели это реализуется с помощью контекстов, в которых указывается на невозможность движения в выбранном направлении из-за различного рода препятствий на пути следования, отсутствия проходов, повреждения, ненадежности дорожного покрытия или транспортного средства и т.п. (ср.: *США столкнулись с экономическим спадом*. М. Хазин // *АиФ*. 28.04.22; *США во внутренней политике загнали себя в тупик, и как из него выйти никто, похоже, не знает*. В. Васильев // *РГ*. 20.07.23; *Агентство Standard and Poor's впервые в истории понизило кредитный рейтинг США из-за ситуации политического тупика, влияющего на деятельность правительства*. А. Лосев // «Ъ». 24.05.23; *Команда Блинкена (да и он сам) не менее регулярно публично канючит о том, что*

госсекретарю никак не удается преодолеть китайскую стену. В. Воробьев // АиФ. 09.06.23).

Каузативный вариант, как отмечалось, фиксируется в 82 контекстах с использованием деятельно-динамической модели (36%), где в абсолютном большинстве случаев (80 контекстов, или 97,6%) «США» занимает позицию агенса. В соответствии с этим акцент делается на желании «США» определять, контролировать деятельность, направление развития отдельных государств, международных организаций и мирового сообщества в целом. Такое представление регулярно реализуется за счет следующих концептуальных ассоциаций:

- «США» управляют движением своих «сателлитов», избирая за них конечную цель и траекторию перемещения (ср.: *По сути, Соединенные Штаты помогают Украине идти по фальшивому пути мнимых «побед», на самом деле ведущем страну к полному краху*. Д. Миршаймер // АиФ. 27.06.22; *Они [США] это декларируют для третьих стран, которые привыкли, что Америка рулит*. В. Сергиенко // Изв. 28.07.22);

- «США» с помощью насилия заставляют двигаться своих «сателлитов» или менее «послушные» государства в избранном Америкой направлении (ср.: *Политолог Миршаймер: Запад подгоняет Украину к наступлению из-за страха проиграть*. А. Тихонов // МК. 31.07.23);

- «США» перемещают в нужном им направлении зависящие от них государства, политические силы и организации, которые в данном случае обычно выступают в роли неодушевленного объекта (ср.: *В США и Европе российское поведение нередко называют аномалией, которая якобы должна исчезнуть после подталкиваемой Вашингтоном «смены режима» или же «поражения России на Украине»*. О. Карпович // Изв. 29.12.22);

- «США» препятствуют свободному передвижению (развитию) тех государств, которые Америка воспринимает в роли противника, конкурента (ср.: *Ему [Байдену] было бы приятно заявить, что под руководством мудрого американского президента ... удалось остановить злого Путина»,*

сохранить суверенитет Украины. Д. Тренин // МК. 16.05.23; [США] настроены на конфликт [с Китаем]: заградительные тарифы и санкции нарастают. Группа «Прямая речь» // «Ъ». 24.06.23; СМИ раскрыли намерение США сковать Китай в случае войны. От ред. // Изв. 27.04.24).

К реализации данного варианта примыкают метафоры из натуралистической семантической сферы, в которых насильственная приостановка в развитии, деятельности кого-, чего-либо ассоциируется с превращением в твердое состояние путем охлаждения водных потоков, то есть с каузацией прекращения их течения, свободного перемещения. Такого рода переносы используются только при характеристике экономических санкций США против РФ после начала СВО: денежные средства, ценные бумаги, принадлежащие российскому государству, банкам и другим собственникам в РФ, не могут свободно «перемещаться» по воле их официальных владельцев (ср.: *Минфин США заявил о заморозке российских активов на 330 млрд долларов. ... Соединенные Штаты за последние 100 дней заморозили российских активов на общую сумму 330 миллиардов долларов. А. Шакиров // КП. 29.06.22; Вашингтоне хотят передать Киеву замороженные российские активы. От ред. // МК. 20.01.23).*

Таким образом, авторы российских массмедиа формируют образ «США» как активного участника общемировых экономических и социально-политических процессов, основной целью которого становится утверждение своей лидерской позиции за счет подчинения союзников и остановки деятельности стран-оппонентов, несогласных с проводимой Соединенными Штатами политикой, в первую очередь России. При этом подчеркиваются неблагоприятные намерения «США», а также возможные негативные последствия их действий как для общемировой, так и для их собственной внутренней политики.

2.2.2.1.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

В американских СМИ, как и в российских, деятельно-динамическая модель представлена двумя вариантами, но они примерно в равной степени оказываются востребованными при репрезентации образа «RUSSIA»: некаузативный – 114 контекстов (53% всех употреблений деятельно-динамической модели), каузативный – 101 контекст (47%).

В основе англоязычного **некаузативного** варианта лежит та же концептуальная схема, что и в русскоязычной. Достаточно однотипными с российскими СМИ оказываются регулярные источники метафоризации. Но в формировании образа страны-оппонента наблюдаются не только общие, но и специфические черты. В частности, в отличие от российских массмедиа, англоязычный некаузативный вариант регулярно (примерно в равных пропорциях) используется при характеристике не только внешнеполитической деятельности страны-оппонента, но и внутренней социально-политической, экономической ситуаций, причем в реализации данного варианта в первом и втором типе ситуаций есть общие и специфические черты.

Так, в международно-политическом аспекте «RUSSIA» в американских СМИ, как и «США» в российских СМИ, с помощью лексики, характеризующей самостоятельное однонаправленное движение вперед к избранной цели по свободно определенному маршруту, позиционируется, прежде всего, как активный игрок на международной арене, целью которого также является доминирование в мире, ослабление противников и конкурентов, но эту роль играет КЗ во главе с США (ср.: *Invading Ukraine was the most destructive step in Putin's ... plan to restore Russia's greatness*. R. Dixon // WP. 06.05.24 [Вторжение в Украину было самым деструктивным шагом в плане Путина по восстановлению величия России]; [In the autocrats' manifesto] *there was a pledge to change the world order with the aim to diminish the role of the U.S. and its allies*. T. O'Connor // NW. 10.05.22 [[В манифесте автократов] содержалось обещание изменить мировой порядок с целью

принизить роль США и их союзников]; *Mr. Putin ... has only one significant pathway in: his well-trained army of hackers, and an adjacent group of criminal ransomware operators.* D. E. Sanger // *TNYT*. 03.03.22 [У г-на Путина ... есть только один существенный (весомый) «путь»: его хорошо обученная армия хакеров и смежная группа операторов преступных программ-вымогателей]; *Russia was likely to seek ways to “sabotage logistic [sites] on NATO territory with plausible deniability”.* G. Miller // *WP*. 18.08. 23 [Россия, вероятно, искала пути “саботировать логистические [объекты] на территории НАТО, правдоподобно это отрицая”)].

Отличительная особенность американских СМИ – упор на военной агрессивности и глобальной опасности «RUSSIA». Наиболее ярко это обнаруживается при характеристике ее отношения к Украине после начала СВО, но не только. В когнитивном аспекте это проявляется в том, что цель, направление и избранный путь следования «RUSSIA» регулярно связаны с военным разгромом и уничтожением Украины как суверенного государства, нападением на соседние страны, страны Запада и даже развязыванием ядерной войны (ср.: *Disputed territories in Georgia, Moldova could be on ‘target list’, experts say.* T. Olson // *FN*. 07.03.22 [Эксперты утверждают, что спорные территории в Грузии и Молдове могут оказаться в «списке целей»]; *If Mr. Putin succeeds, the high anxiety in Europe over his next steps will justifiably continue to grow.* D. Coats // *TNYT*. 11.04.24 [Если мистер Путин добьется успеха, высокая тревога в Европе по поводу его следующих шагов будет оправданно продолжать расти]; *Or he [Putin] could believe that a nuclear demonstration is his best path to victory (or survival).* W. M. Arkin // *NW*. 24.08.22 [Или он [Путин] может верить, что ядерная демонстрация – его «лучший путь» к победе (или выживанию)]). Параллельно с этим американские журналисты и цитируемые политики, эксперты стремятся указать на несоответствие, с их точки зрения, между истинной и декларируемой «RUSSIA» целью внешней политики, на сокрытие реальной мотивации этой деятельности. В данном варианте это выражается, в

частности, в том, что в прямых или косвенных цитатах из выступлений политического руководства страны позицию цели, конечной точки ее движения занимает указание на желание восстановить справедливость, морально-этические нормы на Украине и в мире в целом (ср.: *Russia's main foreign policy goal right now is to distract the world from its ongoing invasion and atrocities in Ukraine*. J. Rogin // WP. 17.10.23 [Главная «конечная точка движения» внешней политики России сейчас – отвлечь мир от ее продолжающегося вторжения и зверств на Украине]; *Vladimir Putin shows no sign of abandoning his original aims to “demilitarize” and “denazify” Ukraine*. M. Wasiura // NW. 22.05.22 [Владимир Путин не проявляет никаких признаков отказа от своих первоначальных целей по “демилитаризации” и “денацификации” Украины]; *A key goal, it said, was “to position the Russian state on the international stage as a custodian and defender of traditional universal spiritual and moral values”*. R. Dixon // WP. 06.05.24 [Ключевой целью, по его словам, было «позиционировать российское государство на международной арене как хранителя и защитника традиционных универсальных духовных и моральных ценностей»]).

Весьма показательной в концептуальном аспекте оказывается реализация той части когнитивной матрицы некаузативного варианта, что связана с репрезентацией представления об успешности целенаправленной международной деятельности «RUSSIA».

Во-первых, наиболее регулярно акцент делается на отсутствии желаемого результата – в отношениях «RUSSIA» с КЗ, с международными институтами и т.п., а также в ведении болевых действий на Украине⁶. Такое представление реализуется с помощью достаточно регулярных (в отличие от характеристики «США» в российских СМИ) переносов на базе лексики,

⁶ В метафорических контекстах, характеризующих СВО, отчасти сохраняется прямое указание на пространственный компонент, но поскольку здесь речь идет не только о дислокации российских войск, но и о стратегических, тактических успехах или неудачах «RUSSIA» в ведении войны, то мы включили этот материал в объект исследования.

характеризующей препятствия на пути следования «RUSSIA», отсутствие дорог, невозможность или замедление движения вперед вследствие этого (7,3% контекстов с реализацией некаузативного варианта модели) (ср.: *There's a general sense growing that Putin indeed is in a corner, not just in Ukraine...* W. M. Arkin // NW. 13.05.22 [Растет общее ощущение, что Путин действительно «загнан в угол» не только на Украине...]; *Russia faced 2,754 sanctions before Feb. 22.* J. Shapero // Ах. 08.03.22 [К 22 февраля Россия столкнулась с 2754 санкциями]; *While a horrible humanitarian catastrophe is unfolding in Ukraine right now., the Russian effort bogged down.* G. Sargent // WP. 24.03.22 [В то время как ужасная гуманитарная катастрофа разворачивается в Украине прямо сейчас., российские усилия «увязли в влажной почве» (зашли в тупик)]; *Russia's Assault in Ukraine Slows After an Aggressive Start.* Н. Cooper, E. Schmitt // TNYT. 25.02.22 [Атака России на Украину замедляется после агрессивного начала]; *Russia is lumbering forward [in Ukraine].* W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [Россия медленно / неуклюже продвигается вперед [на Украине]]; *Ilham Aliyev ... appears to see a new opportunity to improve his country's position in Nagorno-Karabakh while Putin is bogged down in Ukraine.* L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [Ильхам Алиев., похоже, видит новую возможность улучшить позиции своей страны в Нагорном Карабахе, в то время как Путин увяз в Украине]).

Аналогичную концептуальную функцию выполняют переносы на базе лексики, характеризующей возвратное движение, вынужденное изменение маршрута, движение не в том направлении, что избрано изначально (4% контекстов с реализацией некаузативного варианта модели) (ср.: *Russia has now backed away from any grand plan to take all of southern Ukraine.* W. M. Arkin // NW. 13.05.22 [Россия сейчас отступила от любого грандиозного плана по захвату всего юга Украины]; *The ... war on Ukraine is not going to plan...* D. Brennan // NW. 13.05.24 [Война с Украиной идет не по плану]). Примечательно, что ход вооруженного конфликта с Украиной может получать «стихийную» интерпретацию – как чередование прилива и отлива

(морей и океанов), то чередование побед и поражений, усиления и ослабления боевых действий, тем самым ослабляется активная роль, значимость «RUSSIA», ее руководства в этом процессе (ср.: *The ebb and flow of warfare steadily weakening Moscow's demoralized force*. W. M. Arkin // NW.24.08.22 [«Приливы и отливы» боевых действий неуклонно ослабляли деморализованные силы Москвы]).

Во-вторых, достаточно регулярно в метафорических контекстах акцент делается на высоких потенциальных возможностях РФ и ее руководства в достижении поставленных задач. Это осуществляется за счет переносов на базе лексики, именующей активные усилия по преодолению препятствий на пути, волевое и быстрое изменение траектории движения в соответствии с изменением внешних условий и т.п. (7,2% контекстов с реализацией некаузативного варианта модели) (ср.: *Moscow ... is scrambling to avoid another humiliating defeat both in the south and west*. W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [Москва изо всех сил «карабкается, цепляясь руками и ногами» (пытается избежать) очередного унижительного поражения как на юге, так и на западе]); *Putin has [escape hatch] in getting around the full weight of our sanctions*. S. Cai. // Ах. 08.03.22 [У Путина есть [возможность] обойти всю тяжесть наших санкций]; *Putin will lash out in any way he can in order to get out of the proverbial corner which includes cyberattacks...* . A. M. Miller // FN. 12.03.22 [Путин будет атаковать любыми доступными ему «путями» (способом), чтобы выбраться из пресловутого тупика, который включает в себя кибератаки]; *Russia has found workarounds for most sanctions*. ВВ News // ВВ. 15.11.23 [Россия нашла обходные пути для большинства санкций]).

В-третьих, небольшое число реально позитивных результатов – достижение, приближение к конечной точке выражается либо цитатах из речей руководства РФ, либо при указании на локальные успехи в сотрудничестве с некоторыми государствами Африки, Азии, в вооруженном конфликте с Украиной и т.п. (ср.: *Russia's Africa Push Sparks Alarm...* I. van Brugen // NW. 10.05.24 [Российское «движение к цели» в Африке «искрой

зажигает» тревогу...]; *“We are a united and great people and together we will overcome all obstacles, realize all our plans, together we will win,” Putin said after being sworn in. Associated Press // NYP. 07.05.24* [«Мы единый и великий народ, и вместе мы преодолеем все препятствия, реализуем все наши планы, вместе мы победим», – заявил Путин после принятия присяги)].

Несколько более противоречивой оказывается реализация некаузатианого варианта модели при описании внутренней ситуации в стране. Это связано с принципиальным разграничением или даже противопоставлением: (1) субъекта действия (Россия, ее руководство (преимущественно президент РФ, а также государственные, правоохранительные органы, подвластные общественные и СМИ) как проводник идеологии правящей элиты, внутренние экономические, социальные и политические процессы); (2) направления, цели и результата действия в трактовке представителей российской власти или американских журналистов, цитируемых западных (в широком понимании) политиков и экспертов. Возможно также некоторое противопоставление ситуаций в экономической, социальной и политической сфере.

Так, в социально-политическом аспекте, с точки зрения американских журналистов, западных политиков и экспертов, основным направлением и целью движения руководства «RUSSIA» и подвластных ему структур является усиление власти президента, подавление инакомыслия, милитаризация общества, укоренение в общественном сознании антизападной, антидемократической идеологии, «фейкового», не соответствующего действительности представления о ситуации в стране и мире и т.п. (ср.: *In Russia, the death in February of Putin’s strongest rival, Alexei Navalny, was a clear signpost on this new path. R. Dixon // WP. 06.05.24* [В России смерть в феврале сильнейшего соперника Путина Алексея Навального⁷ стала «четким указателем на этом новом пути»]; *Putin is also instituting a new nationwide youth movement is aimed ... to militarize society and*

⁷ Внесен Росфинмониторингом в список террористов и экстремистов.

create support for the armed forces. W. M. Arkin // NW. 24.08.22. [Путин также создает новое общенациональное молодежное движение направлено ... на милитаризацию общества и создание поддержки вооруженным силам]; *Vladimir Putin ... imprisoned dissidents and poisoned his enemies to achieve that goal.* Н. Olsen // WP. 15.03.22 [Владимир Путин ... сажал в тюрьмы диссидентов и травил своих врагов, чтобы достичь этой цели]; *Russia's Orwellian use of the word "фейку" ... to criminalize truth is the logical endpoint of a years-long heel turn for the term "fake news".* W. Oremus // WP. 11.03.22 [Оруэлловское использование Россией слова «фейки» для криминализации истины является «конечной точкой» многолетнего «поворота» в понимании термина «фейковые новости»]). В цитировании российского руководства, российских СМИ и т.п. основным направлением движения оказывается развитие демократии с целью укрепления традиционных морально-нравственных ценностей, а также общее процветание страны (ср.: *In his [Putin's] pursuit of ... a patriotic, "moral" Russia...* К. Parker // WP. 11.03.22 [Его [Путина] стремление к патриотической, «нравственной» России]; *"We are going forward relying on our centuries-old traditions and feel confident that together we will ensure a free and secure future of Russia".* Associated Press // WP. 09.05.24 [«Мы идем вперед, опираясь на наши многовековые традиции, и чувствуем уверенность, что вместе мы обеспечим свободное и безопасное будущее России»]).

В экономическом аспекте такого разночтения практически нет. Основное направление и цель движения «RUSSIA» – устойчивое развитие экономики, но американские журналисты могут делать акцент на модернизации прежде всего оборонной промышленности (ср.: *Moscow has made steady progress toward its goal of manufacturing ... an attack drone capable of traveling more than 1,000 miles.* D. Bennett // WP. 17.08.23 [Москва неуклонно продвигается к своей цели – производства ... ударного беспилотника, способного преодолевать расстояние более 1000 миль]).

Примечательно, что при характеристике общей ситуации в стране практически не представлено переносов на базе статической лексики, а переносы на базе слов, именующих разнонаправленное движение, которые позиционируют отсутствие у руководства страны четко осознаваемой цели развития и способов решения внутренних проблем, единичны и относятся к началу пандемии «КОВИД-19» (ср.: *The Kremlin's erratic policies made Russia one of Covid's biggest victims*. L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [«Блуждающая / бродящая из стороны в сторону» (непредсказуемая) политика Кремля сделала Россию одной из крупнейших жертв Covid]).

Не менее концептуально значимыми оказываются переносы на основе лексики, именующей возвратное движение (6% контекстов с реализацией некаузативного варианта модели). В отличие от характеристики внешней политики «RUSSIA» такого рода метафоры указывают на сознательный выбор движения к целям прошлых эпох, но представители РФ считают это восстановлением традиционной идеологии, а американские журналисты, политики и эксперты – деградацией (ср.: *Putin has put his country in reverse*. K. Parker // WP. 11.03.22 [Путин обратил свою страну вспять]; *The Russian leader is ... promoting a new Orthodox religiosity and retrograde roles for women*. WP staff // WP. 06.05.24 [Российский лидер пропагандирует новую православную религиозность и «ретроградную» роль женщин]). Кроме того, в единичных примерах точки зрения российских экспертов эта часть когнитивной матрицы интерпретируется как выход экономики «RUSSIA» из кризиса в результате активной деятельности власти (ср.: [Marcel Salikhov, president of the Institute for Energy and Finance in Moscow:] *Russia's economy is likely to return to potential growth rates of around 1% of GDP*. ВВ News // ВВ. 15.11.23 [Экономика России, скорее всего, вернется к потенциальным темпам роста около 1% ВВП]).

Особое место в реализации некаузативного варианта модели занимает та часть когнитивной матрицы, что связана с представлением о степени успешности целенаправленной деятельности «RUSSIA». Как при

характеристике «США» в российских СМИ, внешней политики «RUSSIA» в американских массмедиа, здесь выявляется несколько вариантов концептуальной интерпретации результативных переносов.

Во-первых, в соответствии с общей когнитивной схемой метафоры на базе лексики, именующей достижение цели, приближение к ней, способность правильно определить цель и траекторию движения к ней, совершить маневр, преодолеть и обойти препятствия, покинуть замкнутое пространство и обрести свободу движения, трактуются как успех, тогда как невозможность достичь цели из-за внешних преград, недостатка сил, отклонение от правильного курса и т.п., – как провал, отсутствие успеха. В целом число метафорических контекстов с такого рода интерпретацией относительно невелико. Такого рода контексты (преимущественно позитивно) характеризуют экономическую ситуацию в стране и степень устойчивости власти, лично президента страны (ср.: *Russia has escaped economic collapse so far. ... Russia's economic growth ... have allowed businesses to find ways to cope [difficulties].* ВВ News // ВВ. 15.11.23 [До сих пор России удавалось избегать экономического коллапса. ... Экономический рост в России ... позволил предприятиям найти пути (способы) справиться с [трудностями]; *Putin cruises to another six-year term.* К. Hjelmgard // USAT. 15.03.24 [Путин «плавно вплывет» (будет переизбран) на еще один шестилетний срок]; [О несоответствии реальности взглядов на мир россиян:] *What you say starts to depart more and more from the way the world actually is.* G. Sargent // WP. 24.03.22 [То, что вы говорите, начинает все больше и больше «отъезжать / уезжать с дороги» (отличаться от того), каков мир на самом деле]).

Во-вторых, эта же концептуальная схема при характеристике международной политики «RUSSIA» в американских СМИ, как и «США» в российских массмедиа, может трактоваться диаметрально противоположным образом. Негативный итог здесь связывается почти исключительно с деятельностью властных структур, прежде всего – президента страны, которые избирают неправильную цель и направление движения (усиление

«авторитаризма»)), что в реальности приводит к противостоянию власти и социума, утрате ее связи с реальностью и вследствие этого к возможному (в гипотетическом будущем) ослаблению, падению власти (ср.: *The move widened the trust gap between Putin and the uniformed military.* W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [Этот шаг увеличил разрыв в доверии между Путиным и военными]; *As military reversals erode his domestic legitimacy, Russia's president faces an ever-darker road, and more drastic choices, in order to retain power. ... He must, however, realize that if military defeats continue, retaining his clout will require surprising, even drastic moves.* L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [Поскольку военные действия «подтачивают» его внутреннюю легитимность, российскому президенту предстоит пройти еще более мрачный путь и сделать более «кардинальный» выбор, чтобы сохранить власть. ... Однако он должен осознавать, что, если военные поражения продолжатся, сохранение своего влияния потребует неожиданных, даже радикальных шагов]). Примечательно, что, с точки зрения президента РФ, негативное развитие страны, напротив, связывается с ее стихийным движением, с отсутствием решительных действий со стороны властных структур (ср.: *For decades, Vladimir Putin has warned that Russia is on the path to extinction.* S. Talaver // Яс. 23.04.23 [Владимир Путин на протяжении десятилетий предупреждал, что Россия находится на пути к вымиранию]). Но подобная интерпретация не совпадает с мнением американских журналистов и экспертов, поскольку именно властные структуры стремятся кардинально изменить направление движения «RUSSIA» на прямо противоположное (ср.: *Plans by Putin's government had set the goal of starting to reverse the decline in the population in 2022.* ВВ News // ВВ. 18.10.22 [В планах правительства Путина была поставлена цель начать «обращать вспять» тенденцию к сокращению численности населения в 2022 году]).

Каузативный вариант фиксируется в большем по сравнению с российскими СМИ числе метафорических контекстов реализации – в 47% и лишь примерно в 40% из них страна-оппонент занимает позицию агенса,

тогда как в 60% контекстов «RUSSIA», в отличие от «США» в российских массмедиа, занимает позицию объекта.

Если «RUSSIA» мыслится как агент, как активный деятель, как и «США» в российских СМИ, то акцент делается на стремлении страны-оппонента контролировать деятельность, направление развития кого-, чего-л. Но специфической особенностью американских СМИ по сравнению с российскими является то, что, как и в некаузативном варианте, с помощью каузативного варианта модели дается характеристика и внешней, и внутренней политики страны-оппонента.

При освещении международных событий американские массмедиа делают акцент преимущественно на двух типах концептуальных ситуаций.

С одной стороны, «RUSSIA» (прежде всего – ее руководство) толчком, давлением и т.п. стремится продвинуть, ускорить движение в нужном ей направлении деятельность других государств, международных институтов, а также распространение в мире своих идеологических, политических установок и т.п. (6,5% контекстов с реализацией каузативного варианта модели) (ср.: *Putin Is Pushing Serbia and Bosnia to Back His Ukraine War.., has pushing his view that the North Atlantic Treaty Organization is intent on marginalizing the Russian, Slavic, Eastern Orthodox world.* J. Stavridis // ВВ. 04.10.22 [Путин подталкивает Сербию и Боснию поддержать его войну в Украине.., проталкивает идею (настаивает на идее), что Организация Североатлантического договора намерена маргинализировать русский, славянский и восточно-православный мир]). Сила и решительность президента подчеркивается его способностью управлять даже природными стихиями, изменять естественное направление движения рек (ср.: *Vladimir Putin ... would willingly reverse the tide of freedom even beyond Ukraine.* D. Von Drehle // WP. 08.04.22 [Владимир Путин с готовностью повернет вспять поток свободы даже за пределами Украины]).

С другой стороны, «RUSSIA» с помощью собственных усилий, преград и т.п. не дает двигаться (развиваться, действовать и т.п.) другим

государствам, межгосударственным соглашениям, позитивным международным процессам и т.п., инициирует регресс (движение назад) в развитии международных отношений (5% контекстов с реализацией каузативного варианта модели) (ср.: *Russia shut down most of its pipeline gas sales to the continent*. J. Blas // ВВ. 13.10.22 [Россия «закрыла» / «остановила» большую часть поставок трубопроводного газа на континент]; [On reconciliation with Japan:] *Any hope of a formal reconciliation was further set back by Russia's invasion of Ukraine in February 2022*. J. Feng // NW. 13.05.24 [[О примирении с Японией:] Любая надежда на формальное примирение была еще больше «отправлена назад» вторжением России в Украину в феврале 2022 года]). Кроме того, акцент может делаться на том, что именно глава государства как агент ответственен за неудачи в СВО, поскольку лишает войска возможности двигаться (действовать): связывает путями ноги лошади, охлаждает до твердого состояния водный поток (ср.: *They've [Russian troops] also been hobbled by Putin himself. ... Russian tactics, tightly controlled by the Kremlin, remain stubbornly frozen*. W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [Они [российские войска] были «стреножены» самим Путиным. ... Российская тактика, цепко контролируемая Кремлем, остается упорно замороженной]).

Более сложной, противоречивой и разнообразной по способам выражения, как и в некаузативном варианте, оказывается концептуальная характеристика внутренней политики «RUSSIA».

При описании экономического положения в стране-оппоненте американские СМИ фиксируют как укрепление, так и спад в развитии этой сферы. Успех трактуется как инициирование, ускорение движения экономики в нужном направлении, как способность агенса убрать препятствия на этом пути, вовремя применить маневр, изменить направление движения (вплоть до сознательного обращения движения вспять негативных экономических процессов) и т.п., тогда как трудности, провалы – как неспособность агенса к такого рода действиям, как вынужденное обращение движения вспять, причем позицию агенса в метафорических конструкциях

могут занимать номинации не только представителей органов управления, но и благоприятных / неблагоприятных внешних и внутренних факторов, связанных или не связанных непосредственно с действиями власти (ср.: *Russia's economic growth ... boosted by ample government spending...* ВВ News // ВВ. 15.11.23 [Экономический рост в России «подтолкнули» (стимулировали) значительные государственные расходы]; *This will both erode potential growth and stretch fiscal policy, as the government tries to reverse labor-force decline.* ВВ News // ВВ. 18.10.22 [Это приведет как к снижению потенциального роста, так и к ужесточению фискальной политики, поскольку правительство пытается «повернуть вспять» снижение рабочей силы]; *It's spurred logistical and financial constraints.* М. Durisin // ВВ. 17.08.22 [Это «подстегнуло» (стимулировало) возникновение логистических и финансовых трудностей]).

При характеристике социально-политической ситуации в «RUSSIA» американские СМИ в основном привлекают внимание к решительным действиям руководства страны-оппонента к укреплению своей власти, к подавлению оппозиции и распространению нужной ему идеологии. В рамках каузативного варианта модели это позиционируется как способность президента и подвластных ему социального-политических институтов, медиа, с одной стороны, инициировать движение нужных им процессов в нужном им направлении, устранять преграды на пути, а также при необходимости – корректировать скорость и направление такого движения (вплоть до обратного); с другой – прекращать движение оппозиционных сил, массмедиа, создавая препятствия на их пути, не давая им выбраться из замкнутого пространства и т.п. (ср.: *Authorities have shut down or blocked independent media outlets.* К. Hjelmgard // USAT. 15.03.24 [Власти «захлопнули» (запретили) или заблокировали независимые средства массовой информации]; *Russian authorities blocked more than 20 of the most popular VPN services.* М. Pyushina // WP. 20.03.22 [Российские власти заблокировали более 20 самых популярных VPN-сервисов]).

Значительно реже каузативный вариант используется при характеристике других социальных процессов, причем практически во всех контекстах подчеркивается негативный результат действий агенса-власти, избравшего неправильное направление движения «RUSSIA» и приближающего ее катастрофу, тогда как инициация движения «RUSSIA» в нужном направлении включается в конструкции с ирреальной модальностью (ср.: *Putin's War Escalation Is Hastening Demographic Crash for Russia*. ВВ News // ВВ. 18.10.22 [Путинская военная эскалация ускоряет демографическое крушение в России]; *[Russia] has been brought to the brink of ruin*. W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [[Россия] «доведена до края» (поставлена на грань) разорения]).

Как отмечалось, при реализации каузативного варианта модели «RUSSIA» более регулярно мыслится как объект внешнего воздействия, причем практически во всех контекстах речь идет о международной обстановке, прежде всего – об отношениях между «RUSSIA» и КЗ во главе с США, Украиной и ее руководством.

Наиболее последовательно американские СМИ характеризуют введение санкций против страны-оппонента, а также стремление Запада изолировать ее в политическом аспекте (примерно 50% контекстов с реализацией каузативного варианта модели). Основным метафорическим способом представления такого рода активных действий КЗ становятся переносы на базе лексики, именующей прекращение движения объекта («RUSSIA») (вплоть до аварий, крушения), создания препятствий на его пути, ловушек и т.п. (ср.: *A bipartisan group of senators is introducing a bill to prevent Russia from liquidating gold*. S. Cai // Ах. 08.03.22 [Двухпартийная группа сенаторов вносит законопроект, чтобы «остановить» Россию от ликвидации золота]; *The avalanche of sanctions directed at Moscow ... is cornering President Vladimir V. Putin*. D. E. Sanger // TNYT. 03.03.22 [Лавина санкций, направленных против Москвы., загоняет президента Владимира В. Путина в угол]; *The sanctions against Russia have frozen the country's foreign*

exchange assets. S. Cai // Ах. 08.03.22 [Санкции против России заморозили валютные активы страны]; *Boeing suspended major operations in Moscow*. D. Lawler, Z. Basu // Ах. 04.03.22 [Boeing «подвесил» (приостановил) крупные операции в Москве]; *It's now time for the House to approve aid to Ukraine and prevent victory by a dictatorship*. S. E. Moore // USAT. 18.04.24 [Пришло время Палате представителей одобрить помощь Украине и «остановить» (предотвратить) победу диктатуры]; *Putin ... will always strike back when trapped*. A. M. Miller // FN. 12.03.22 [Путин ... всегда нанесет ответный удар, если пойман в ловушку]).

Аналогичный способ выражения используется для оценочной характеристики военного противостояния «RUSSIA» и Украины (ср.: *Russia is stuck on the ground and losing territory*. W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [Россия пригвождена на земле и теряет территорию]; *The Pentagon wanted ... to prevent Russia from continuing to strengthen its lines*. WP staff // WP. 04.12.23 [Пентагон хотел «остановить Россию» (помешать России) в продолжении укрепления ее позиции]).

Таким образом, в рамках деятельно-динамической модели в американских массмедиа формируется более сложный и противоречивый образ страны-оппонента по сравнению с российскими СМИ. С одной стороны, как и «США», «RUSSIA» позиционируется как активный, стремящийся к доминированию игрок на международной арене, но цели этой, по мнению американских журналистов, политиков и экспертов она добивается более агрессивным способом, причем ведущую роль в этом процессе играет непосредственно руководство страны. Не меньше активности властные структуры проявляют внутри страны, причем эти действия преимущественно носят дестабилизирующий характер, поскольку их цель – укрепление личной власти президента. С другой стороны, в отличие от образа «США», «RUSSIA» в международном аспекте регулярно занимает позицию пациента. В этом случае акцент делается на стремлении КЗ и Украины изолировать, ослабить, победить «RUSSIA».

2.2.2.2 Бытийно-динамическая модель

2.2.2.2.1 Общая характеристика модели

Локальная **бытийно-динамическая модель**, как и деятельно-динамическая (см. 2.2.2.1), «тесно связана с противопоставлением состояния покоя и движения», однако нормой «в данном случае признается состояние покоя, тогда как любой вид неустойчивого положения в пространстве является признаком нестабильности» [Балашова 2014б: 134–135]. Эта модель занимает периферийное положение в пространственной макромодели (см. табл. 2), но она достаточно регулярно используется при характеристике страны-оппонента (см. (ср.: РЯ – 72 контекста, или 8,9% всех употреблений пространственных метафор; АЯ – 70 контекстов, или 8,8%) и представлена двумя вариантами (некаузативным и каузативным) антонимических переносов.

В соответствии с общей концепцией постоянство бытия, развития ассоциируется со способностью твердого предмета прочно стоять, держаться, сохранять равновесие, не колеблясь и не падая, а жидкого или газообразного – с малоподвижностью поверхности, отсутствием волн, вихреобразных потоков и т.п., тогда как отсутствие постоянства в функционировании и развитии, кризисные явления – с отсутствием или утратой данных свойств. При каузативном представлении ситуации такие характеристики пациента и их изменение оказываются следствием внешнего воздействия на него агенса. Концептуально значимой оказываются также такие компоненты первичных ЛСВ, как агрегатное состояние вещества (твердое / жидкое или газообразное); тип опоры и ее расположение; степень устойчивости / неустойчивости объекта в пространстве; характер воздействия на объект с целью сохранить его стабильное положение или вывести из этого положения. В частности, наиболее стабильным признается вертикальное стоячее положение твердого тела на твердой поверхности; относительно стабильным – положение висящего, закрепленного сверху твердого тела, а также состояние покоя двух равных по весу твердых тел, расположенных на одной

перекладине с опорой посередине или по краям закрепленного сверху свисающего шнура. К наиболее нестабильным состояниям относится падение в результате внешнего воздействия с большой высоты, а также колебательные, неупорядоченные, стихийные движения природных водных и воздушных масс с высокой скоростью (ср. *Многие аналитики считают, что американская линия на дестабилизацию обстановки в Мьянме и поддержку повстанцев служит одним из элементов политики сдерживания соседнего Китая. Ведь постоянная турбулентность на южных рубежах Поднебесной создает напряженность по обе стороны границы.* А. Яшлавский // МК. 12.04.23; *Вместо этого республиканцы со скрипом берут Палату представителей и находятся в повешенном состоянии в Сенате.* П. Дубравский // «Ъ». 11.11.22; *Russia has invested only in propaganda and agents of influence, fueling corruption ... and instability.* P. Erizanu // TNYT. 23.04.24 [Россия инвестировала только в пропаганду и агентов влияния, разжигая коррупцию ... и нестабильность]; *Kremlin officials employed Kremlin narratives ... to support China against the U.S.-led alliance system in the Indo-Pacific.* J. Feng // NW. 13.05.24 [Кремлевские чиновники использовали кремлевские нарративы, ... чтобы «подпереть» (поддержать) Китай в борьбе с возглавляемой США системой альянсов в Индо-Тихоокеанском регионе]; *Given Russia's overwhelming numerical superiority, Putin expected the government in Kyiv to fall in as little as 72 hours.* W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [Учитывая «сбивающее с ног / опрокидывающее, как сильная волна лодку» (подавляющее) численное превосходство России, Путин ожидал, что правительство в Киеве падет всего через 72 часа]).

Для реализации данной модели в российских и американских массмедиа используются, как правило, однотипные источники метафоризации, хотя и с некоторыми специфическими особенностями: РЯ – 36 единиц (8,5% от всех пространственных переносов), АЯ – 38 единиц (9,9%), причем в обоих корпусах преобладают номинации неустойчивого положения в пространстве.

Наиболее последовательно фиксируются переносы на базе лексики, именующей устойчивое / неустойчивое положение твердых тел, а также способы воздействия на это тело с целью сохранения устойчивого положения, равновесия или, напротив, выведения его из равновесия, падения⁸ (РЯ – 32 единицы: *устойчивый, устойчивость, установка, стабильность, стабилизация, нестабильность, дестабилизировать, дестабилизация, подвешенный, баланс, балансировать, раскачивать, раскачать, встряхивание, потрясение, расшатывание, рухнуть, обрушение, обвал, провалиться* ('упасть в какое-л. отверстие'), *провал* ('обрушение внутрь'), *сбросить, свергать, свержение, падение, упадок, поддержать, поддерживать, поддержка, поддержание, удержать, противовес* ('груз, применяемый для уравновешивания сил, действующих в механизмах и сооружениях'; АЯ – 36 единиц: *stability* 'стабильность', *balance* 'баланс; равновесие', *instability* 'состояние нестабильности', *unstable* 'нестабильный, неустойчивый', *destabilize* 'дестабилизировать', *imbalance* 'дисбаланс; отсутствие равновесия'; *wobbly* 'шаткий', *wobble* (v) 'колебаться; вихлять', *wobble* (n) 'колебание; то, что заставляет что-л. трястись, перемещаться из стороны в сторону таким образом, что это свидетельствует о плохом балансе', *shake* 'трясти; пошатнуть', *shake up* 'встряхнуть', *shakeup* 'встряска', *undermine* 'расшатывать, подкапывая фундамент', *support* (v) 'поддерживать', *support* (n) 'поддержка', *prop up* 'подпирать; поставить или прислонить кого-, что-л. (к чему-л. другому) таким образом, чтобы удерживать их в вертикальном положении'; *pillar* 'прочная колонна из камня, металла или дерева, которая поддерживает часть здания', *collapse* 'внезапное падение из-за давления или отсутствия сил или поддержки', *fall* (v) 'падать,

⁸ Как и в других моделях, некоторые из русских и английских источников метафоризации содержат компоненты, значимые при формировании других концептуальных метафор (например, деструкция, относительное положение на вертикальной оси и т.п.: *рухнуть, падать, overthrow* 'сбросить вниз', *slump* 'упасть, рухнуть' и др.), но в данные метафорические подкорпусы включены те контексты, в которых ядерным модулем сравнения единицы становится признак 'стабильное / нестабильное положение в пространстве'.

упасть’, *fall* (n) ‘падение’, *fallen* ‘поваленный, падший’, *slump* ‘резко упасть, поскользнуться, плюхнуться’, *shrug off* ‘стряхнуть с плеч, сбросить’), *topple* ‘становиться неустойчивым и падать; скинуть’, *upend* ‘перевернуть; опрокинуть’, *overturn* ‘опрокидывание, переворачивание’, *overwhelm* ‘опрокидывать, ниспровергать’, *deposition* ‘процесс опускания кого-, чего-л. на землю; позволение чему-л. упасть’, *overthrow* (v) ‘падать; свергать’, *overthrow* (n) ‘падение; свержение’, *plunge* ‘погружение’, *suspend* ‘подвесить; приостановить’, *decline* ‘падение; упадок’, *drop* (v) ‘упасть; уронить’, *drop* (n) ‘падение’, *ditch* ‘сбросить в яму’.

Лишь спорадически к реализации данной модели в российских и американских СМИ привлекаются единицы, характеризующие, как правило, стихийные явления, связанные с сильным волнением, неупорядоченным движением в водоемах, воздушных масс в атмосфере и т.п. (РЯ – 4 единицы: *бурлить, ураган, турбулентность, шторм*; АЯ – 2 единицы: *turbulence, a perfect storm*). Следует отметить, что данные единицы занимают периферийное положение не только в статистическом, но и в когнитивном аспекте, поскольку в формировании переносов у них большую роль играют компоненты, связанные с формированием интегрально-фрагментарной пространственной модели (см. 2.2.3.2) и (отчасти) натуралистической макромоделю (см. 2.3).

Как и при реализации других моделей, в функционировании бытийно-динамической модели в российских и американских СМИ есть общие и специфические черты.

2.2.2.2.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Отличительной особенностью реализации бытийно-динамической модели в российских массмедиа является, с одной стороны, более активное использование матрицы с каузативным представлением ситуации, а с другой – сами ситуации характеризуют не только внешнеполитическую

деятельность «США», но и внутривластную, экономическую обстановку в стране.

Вместе с тем большинство употреблений (46 из 72 контекстов с реализацией этой модели, или 63,9%) используется для репрезентации внешней политики «США», причем подавляющая часть таких примеров содержит указание на агрессивное вмешательство «США» во внутренние дела суверенных государств: Штаты стремятся привести в неустойчивое положение своих оппонентов и конкурентов, при возможности – сбросить, низвергнуть законные правительства или, напротив, сохранить устойчивость, не дать упасть лояльным Америке режимам и оппозиционным, ориентированным на нее политическим силам (ср.: *Расшатывание внутривластной ситуации в России остается одной из первоочередных задач США*. И. Егоров // РГ. 10.05.23; *Американские власти не скрывают своего желания максимально дестабилизировать ситуацию в нашей стране., расшатать нашу внутреннюю стабильность*. О. Карпович // Изв. 12.12.22; [Цель США – развал России,] *ликвидация институтов и установка власти серии хунт на этих мелких образованиях*. В. Михайлов // МК. 04.06.23; *Конгрессмен США Мэсси: США в 2014 году помогли свергнуть правительство Украины*. Изв. 06.12.23; *С необходимостью продолжения военной поддержки Украины согласны в обеих палатах Конгресса*. А. Забродин // «Ъ». 28.07.23; *США активизировали поддержку оппозиции в Мьянме*. А. Яшлавский // МК. 12.04.23).

В качестве главной причины такой агрессии российские журналисты и цитируемые политики, эксперты указывают желание «США» сохранить устойчивость своего доминирования в мире, подчеркивая безуспешность таких попыток (ср.: *Директор департамента Северной Америки МИД РФ Александр Дарчиев подчеркнул, что Белый дом, игнорируя новые геополитические реалии, пытается любой ценой удержать ослабевающую гегемонию США*. От ред. // Изв. 23.12.22). Для репрезентации подобного рода оценки роли «США» в мировом сообществе российские СМИ используют, с

одной стороны, каузативный вариант модели, где «США» оказывается объектом дестабилизирующих действий других государств, а с другой – некаузативный вариант, где «США» утрачивает стабильное положение в пространстве вследствие недальновидной внешней политики (ср.: *Миропорядок меняется с невиданной скоростью: кто сбросит США с Олимпа – Китай или Россия?* От ред. // Цр. 13.08.22; *Попытки [США и их союзников] заблокировать участие [России в мировых процессах] провалились.* Е. Панина // Изв. 31.10.22; *США предрекли катастрофический “идеальный шторм” из-за противостояния с РФ.* Н. Филиппов // МК. 16.09.22).

Весьма разнородной оказывается та часть когнитивной матрицы, что используется при характеристике экономической и политической ситуации внутри «США» (26 из 72 контекстов с реализацией этой модели, или 36,1%).

Так, при характеристике финансово-экономической ситуации российские СМИ делают акцент на ее нестабильности, причем в самом кардинальном виде (ср.: *Нестабильность рынка труда.* А. Козлов // Вед. 17.04.23; *Обрушение фондового рынка ... приведет к ... к колоссальным убыткам.* А. Лосев // «Ъ». 24.05.23; [Нестабильность на фондовом рынке США сделают] *рискованными инвестиции в такую неустойчивую систему.* Д. Перепелица // Вед. 16.05.23; *Страна будет до последнего балансировать на грани дефолта.* О. Самофалова // Взг. 03.05.23; *Финансист предрек США экономический «ураган» после выборов в конгресс. ... Реальный экономический «ураган» в США вероятен после возможного провала демократов на выборах в конгресс США этой осенью.* От ред. // Изв. 02.06.22). Вместе с тем эксперты (особенно американские) фиксируют также противоположные тенденции (ср.: *Данные по комбинированному PMI от S&P указывают на стабилизацию предпринимательской активности в марте.* А. Козлов // Вед. 17.04.23; *Экономика США переходит к «более*

устойчивому росту», заявила министр финансов Джанет Йеллен. Л. Уварчев // «Ъ». 28.07.23).

*Внутриполитическая ситуация позиционируется преимущественно как нестабильная и неустойчивая (ср.: *Ношение оружия, смертная казнь, вопросы семьи, миграция, права меньшинств... Единый «плавильный котел» Америки бурлит как никогда*). А. Меркулов. // РГ. 19.04.24; *Баланс интересов политических партий найти непросто*. А. Лосев // «Ъ». 24.05.23; *Демократы отказались поддержать этот план*. О. Самофалова // Взг. 03.05.23; *Байден стремительно теряет поддержку ... среди коренного электората демократической партии*. Е. Хамова // Изв. 29.05.24).*

2.2.2.2.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

В американских массмедиа, в отличие от российских, бытийно-динамическая модель используется преимущественно при характеристике внутренней ситуации в стране-оппоненте (48 из 70 контекстов, или 68,6%).

Примечательно, что репрезентация финансово-экономического положения «RUSSIA» с помощью бытийно-динамических переносов во многом «зеркальна» аналогичной характеристике «США» в российских СМИ: акцент делается на кризисных событиях, в том числе в самых негативных их проявлениях. Данные явления связаны в основном с началом СВО, санкциями Запада, большими расходами на оборону и социально ориентированные программы, а также с ошибками в управлении страной (ср.: *Moscow was said to be falling short of its purported goal to build 200 drones per month*. A. Slisco // NW. 15.11. 23 [Сообщается, что Москва «проваливается» на пути к поставленной цели – производить 200 беспилотников в месяц]; *Russia's economy is likely to continue facing turbulence in 2025*. B. Cole // NW. 13.01.25 [Экономика России, скорее всего, продолжит сталкиваться с турбулентностью в 2025 году]; *The ruble slumped again to 100 per dollar*. ВВ News // ВВ. 15.11.23 [Рубль снова обвалился до 100 долларов за доллар]; *This*

off-budget defense funding was harder to sustain during the second half of 2024. В. Cole // NW. 13.01.25 [Это внебюджетное финансирование обороны было труднее поддерживать во второй половине 2024 года]; *Russia's key economic sectors shrug off sanctions.* ВВ News // ВВ. 15.11.23 [Ключевые секторы экономики России «стряхивают с плеч» санкции (отмахиваются от санкций))].

При характеристике внутриполитической ситуации в стране-оппоненте американские журналисты, политики и эксперты также стремятся подчеркнуть кризисные явления в развитии государства, позиционируя «RUSSIA» как страну деградирующую, без будущего и т.п. Именно эти причины, по мнению американских массмедиа, делают возможной гипотетическую ситуацию утраты власти (естественной или инициированной извне, со стороны оппозиции) президентом РФ, причем то и другое, по их мнению, связано с СВО, подавлением демократии в стране, разногласием внутри политической элиты и т.п. (ср.: *Ultimately, the United States cannot be expected to save Russia from Putin's legacy of squandered national potential and self-inflicted decline.* Р. Doran // NYP. 07.01.25 [В конечном счете, нельзя ожидать, что Соединенные Штаты спасут Россию от путинского наследия – растраченного попусту национального потенциала и ее упадка]; *Russia's war is a failed answer to its demographic crisis.* S. Talaver // Яс. 23.04. 23 [Война России – провальный ответ на ее демографический кризис]; *Independent demographer Alexei Raksha is calling it “a perfect storm”.* ВВ News // ВВ. 18.10.22 [Независимый демограф Алексей Ракша называет это «идеальным штормом»]; *But the most significant insight they've gleaned is the extent to which Russia's president undermines his own men.* W. M. Arkin // NW.24.08.22 [Но самое важное, что им удалось выяснить, – это то, насколько президент России «подрывает почву под ногами» своих людей]; *None of this means, of course, that Putin is about to be toppled.* L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [Все это, конечно, не означает, что Путина вот-вот «скинут»]). Действия власти по стабилизации политической и социально-экономической ситуации в стране

позиционируются американскими СМИ как идеологическая пропаганда Кремля, хотя отмечается ее успешность среди части населения, разделяющего имперские воспоминания и амбиции руководства (ср.: *Kremlin-controlled media ... convince Russians that only Putin can guarantee stability*. R. Dixon // WP. 14.03.24 [Контролируемые Кремлем СМИ ... убеждают россиян, что только Путин может гарантировать стабильность]; *One bloc of the population said to be in support of the war is Russia's Orthodox Church*. A. Kellogg // FN. 01.04.22 [Один из блоков населения, который, как утверждается, поддерживает войну, – это Русская Православная Церковь]; *Putin has turned Victory Day ... into a pillar of his nearly quarter-century in power*. Associated Press // WP. 09.05.24 [Путин превратил День Победы ... в столп своего почти четвертьвекового пребывания у власти]).

Во внешнеполитическом аспекте (22 из 70 контекстов, или чуть более 31,4%) акцент делается на агрессивном стремлении «RUSSIA» к доминированию в мире, что проявляется в желании восстановить российскую империю, дестабилизировать обстановку в соседних странах, победить Украину и свергнуть режим Зеленского (ср.: *Putin's inauguration ... showcase Russia's shift into a "revolutionary power," set on set on upending the global order*. R. Dixon // WP. 06.05.24 [Инаугурация Путина продемонстрировала превращение России в «революционную державу», настроенную на то, чтобы перевернуть мировой порядок]; *Russian foreign policy has extensively used Russian citizenship as a means of soft power, destabilizing the sovereignty of neighboring countries*. S. Talaver // Jас. 23.04.23 [Российская внешняя политика широко использовала российское гражданство как средство мягкой силы, дестабилизируя суверенитет соседних стран]; *Russia is trying to undermine democracies throughout Europe, funneling funds and support to far-right groups and propaganda operations*. J. Stavridis // ВВ. 04.10.22 [Россия «подрывает почву под ногами» демократий по всей Европе, направляя средства и поддержку крайне правым группам и пропагандистским операциям]; *Russia is on the side of Hamas... – in part to*

undermine the United States and its allies. J. Rogin // WP. 17.10.23 [Россия находится на стороне ХАМАС ... – отчасти для того, чтобы «подорвать почву под ногами» позиции Соединенных Штатов и их союзников]; *What does Russia hope to achieve..? The deposition of Zelensky and his replacement with a puppet?* M. Roberts // WP. 23.03.22 [Чего надеется добиться Россия..? Смещения Зеленского и замены его марионеткой?]). Но, как правило, в американских СМИ отмечается бесперспективность имперских амбиций Кремля (ср.: *Vladimir Putin's wobbly empire gives US a path to stifle Russia's threats*. P. Doran // NYP. 07.01.25 [Шаткая империя Владимира Путина дает США возможность подавить угрозы России]).

Таким образом, при формировании образа страны-оппонента российские и американские СМИ используют во многом однотипные средства репрезентации в рамках бытийно-динамической модели. Наиболее востребованной оказывается «нестабильная» часть когнитивной матрицы, тогда как ее противоположная часть чаще употребляется при характеристике ситуаций как гипотетических, желаемых и т.п.

2.2.2.3 Реляционная модель

2.2.2.3.1 Общая характеристика модели

Концептуальным ядром локальной **реляционной модели** является «классификационное осмысление пространственных ориентиров и координат» [Балашова 2014б: 145], то есть разнообразные логико-классификационные характеристики (системные связи и отношения, относительная значимость одного или нескольких феноменов) трактуются как их релятивное положение в линейном, плоскостном или сферическом пространстве, а также как их позиция относительно нескольких замкнутых участков пространства (обычно «своего» и «чужого») [Маляр 2002; Шамне, Янина 2014; Янина 2022]. Данная модель, как и бытийно-динамическая, занимает периферийное положение при характеристике страны-оппонента (см. табл. 2), но она достаточно регулярно фиксируется в российских и

американских СМИ: РЯ – 68 контекстов (8,4% употреблений пространственных метафор); АЯ – 66 контекстов (8,3%). Как показал анализ материала, в рамках данной модели в русскоязычном и англоязычном метафорических корпусах формируется несколько субмоделей с более или менее четко организованными когнитивными матрицами.

Первая субмодель базируется на пространственной интерпретации положения объекта / объектов в рамках единого пространства и регулярно используется при реализации модели: РЯ – 39 контекстов (57,4% употреблений реляционных метафор); АЯ – 44 контекста (66,7%). Данная субмодель представлена в двух вариантах, связанных с характеристикой одного или двух (реже более) феноменов.

В первом варианте в соответствии с общей концептуальной установкой положение одного феномена в центре линейной шкалы, плоскости или сферы воспринимается как нечто наиболее важное, значимое, тогда как положение на периферии – как менее важное и значимое. Подобное противопоставление связано с противопоставлением положения именуемого феномена в передней / задней части пространства, а также в его особенной / обычной точке. В российских и американских СМИ таким образом оценивается относительная значимость страны-оппонента, ее отдельных социально-политических, экономических институтов и проблем (ср.: *Наступает финал привилегированного положения Соединенных Штатов*. А. Лосев // «Ъ». 24.05.23; *Но сейчас они [обвинения против Трампа] отошли на второй план*. В. Васильев // РГ 20.07.23; [Russia:] *Backwardness of an Undynamic Economy*. J. Tell, В. de Robiano // Яс. 13.12.23 [[Россия:] Отсталость нединамичной экономики]).

Во втором варианте акцент делается на отношениях двух феноменов. Соответственно положение на близком друг от друга расстоянии трактуется как близость именуемых феноменов в каком-либо аспекте, гармоничность их отношений, тогда как их расположение на большом расстоянии друг от друга, на противоположных краях линейного, плоскостного, сферического

пространства – как их антиподность, конфликтность и т.п. Изменение относительного положения таких феноменов (сближение / удаление друг от друга) в рамках этого пространства свидетельствует о динамике отношений между именуемыми феноменами (ср.: *Поляризация, нетерпимость и невротизация в [американском] обществе явно растут*. В. Васильев // РГ. 20.07.23; *Пентагон объяснил такие астрономические запросы необходимостью противостоять одновременно и России, и Китаю*. Г. Иванов // АиФ. 13.02.23; *What pushed China and Russia closer?* М. Champion // ВВ. 14.06.22 [Что толкает Китай и Россию ближе друг к другу]).

Вторая субмодель, напротив, более регулярно представлена в российских СМИ: РЯ – 29 контекстов (42,6% реализаций реляционных метафор); АЯ – 22 контекста (33,3%). В ее основе лежит переосмысление позиции именуемого феномена относительно положения внутри / вне замкнутого пространства или двух пространств, из которых одно обычно воспринимается как «свое», а другое – как «чужое». В соответствии с этим самостоятельное проникновение в «чужое» пространство интерпретируется двояким образом (в зависимости от целеполагания субъекта): (а) при принятии субъектом ценностей обитателей «чужого» пространства – как желание сотрудничать, стать «своим» среди них, за что приходится расплачиваясь полной или частичной утратой суверенитета, свободы принятия решений и т.п.; (б) при неприятии этих ценностей – как стремление обесценить ценности «чужих», посеять сомнения, дестабилизировать это сообщество и т.п. Иницированное извне перемещение в «чужое» пространство ассоциируется с вынужденным, нежелательным участием в каких-либо процессах; недопущение кого-либо внутрь «своего» пространства – как отказ в статусе «своего». Добровольный выход за пределы «своего» пространства интерпретируется как отказ от ценностей «своего» сообщества и желание получить этот статус в составе сообщества из «чужого» пространства, а принудительное перемещение феномена за пределы «своего» пространства или недопущение внутрь него – как лишение статуса «своего»

вопреки желанию данного феномена (ср.: *Да и другие члены альянса проходили долгий и порой очень тернистый путь, прежде чем попасть под американский ядерный зонтик*. В. Кожемякин // АиФ. 28.06.23; *Задача [США и их союзников] заключается в том, чтобы, с одной стороны, не втянуть НАТО в конфликт с Россией, а с другой – не разочаровать полностью украинское руководство*. О. Карпович // Изв. 12.12.22; *США не удастся изгнать Россию с международной арены*. Ю. Сергеева // МК. 25.04.22; *Putin is also instituting a program ... to counter the increasing infiltration of Western media and culture into Russia*. W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [Путин также разрабатывает программу противодействия растущему «просачиванию, как через фильтры» (проникновению) западных СМИ и культуры в Россию]; *Keeping Russia out of the Mediterranean has been a key strategic objective*. I. van Brugen // NW. 10.05.24 [Удержание России вне Средиземноморья было ключевой стратегической задачей]).

Для реализации данной модели в российских и американских массмедиа используются достаточно разнообразные и, как правило, однотипные источники метафоризации, хотя и с некоторыми специфическими особенностями: РЯ – 44 единицы (10,4% пространственных метафор), АЯ – 41 единица (10,7%). Это единицы со значением относительного положения и перемещения в пространстве, а также воздействия на объект с целью его перемещения (при каузативном осмыслении ситуации) (РЯ – 41 единица: *позиция, положение, центр, периферия, передний / второй план, отойти, отодвинуть, сместиться, смещение, отставить, в сторону, сблизиться, сближение, сходиться, расходиться, расхождение, противопоставить, противостояние, поляризация, однополярный, многополярный; попасть, вступить, влезть, залезть, прошмыгнуть, вести за ручку, влечь, вовлечь, вовлекать, вовлеченность, втянуть, втягиваться, втягивание, внедрять, погружать, вмешаться, вмешательство, выйти, вытолкнуть; АЯ – 36 единиц: center ‘центр’, center (v) ‘центрировать’, centralize ‘перемещать к центру’,*

concentrate ‘приводить, направлять к общему центру’, *side* ‘сторона’, *place* ‘место’, *place* (v) ‘поместить’, *peripheral* ‘периферийный’; *confront* ‘противостоять, противопоставить’ (частичная метафора от: *con* ‘против’ + *front* ‘передняя сторона; впереди’), *confrontation* ‘противостояние’, *front* ‘передняя сторона; впереди’), *end* ‘конец; сторона’, *core* ‘центральный, ядерный’, *diverge* ‘расходиться в разные стороны’, *close* (adj) ‘близкий’, *push closer* ‘насиленно сближать’, *against* ‘против’, *put aside* ‘сместить в сторону’; *backward* ‘назад; позади’, *backwardness* ‘отсталость’ (частичная метафора); *alienation* ‘отдаление’, *cozy up* ‘придвинуться, прижаться; обняться’; *turn back* ‘отвернуться; повернуться спиной’, *bring into* ‘переместить в’, *keep out* (of something) ‘удерживать за пределами (чего-л.)’, *force out of* ‘оказывать давление на объект, чтобы он покинул пространство’, *lock out* ‘закрывать проход, чтобы объект не мог войти внутрь пространства’, *creep into* ‘прокрадываться, пробираться внутрь чего-л.’, *take beyond* ‘выводить за пределы’); *exit* ‘выйти, покинуть’, *shun* ‘сторониться, избегать’, *rush for the exit* ‘устремляться к выходу’, *abandon* ‘покидать, оставить’, *pull out* ‘выезжать из какого-л. места на транспортном средстве (автомобиле, поезде); покидать (что-л.)’, *withdrew* ‘выводить; выходить’, *exclude* ‘запрещать входить, исключить’. Помимо этого, источником метафоризации при реализации данной модели становится натуралистическая, артефактная и иная лексика, содержащая в качестве ядерного, периферийного или коннотативного пространственный компонент, причем именно здесь обнаруживаются наибольшие различия по языкам (ср.: РЯ – 3 единицы: *обочина*, *окраина*, *ядерный зонтик*; АЯ – 5 единиц: *gravitational force* ‘гравитационная сила’, *exodus* ‘исход израильтян из Египта’, *sideline* ‘оттеснить за боковые линии игрового поля’, *invasiveness* ‘способность организмов (микроорганизмов, паразитов, опухолевых клеток и др.) проникать в другие ткани’, *infiltration* ‘просачивание, как через фильтры; проникновение’).

Как и в других моделях, наиболее ярко общее и специфическое проявляется в контекстной реализации реляционной модели в российских и американских СМИ.

2.2.2.3.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

В российских СМИ **первая** реляционная субмодель (39 контекстов) используется почти исключительно для характеристики гегемонистский, деструктивной внешнеполитической деятельности «США».

В частности, это проявляется в том, что в когнитивной матрице первого варианта субмодели (относительное положение одного объекта в рамках одного пространства – 10 из 39 контекстов (25,6%) «США» отводят себе место в центре пространства, а другим странам, международным институтам и т.п. – окраинное. Кроме того, «США» могут произвольно менять их положение – в соответствии с собственными геополитическими и экономическими интересами (ср.: *США и их союзники мыслили себя как ядро системы глобального управления, а «двадцатку» – как ее периферию. [Другим странам] отводилась роль аутсайдеров на обочине нового мирового порядка. Е. Панина // Изв. 31.10.22; С самого начала конфликта на Украине США пытались удерживать Китай в стороне от него. А. Кошеленко // МК. 23.03.23). Вместе с тем российские журналисты, политики и эксперты отмечают, что такого рода действия могут приводить к негативным результатам, и сами «США» могут занять невыгодное для них положение в пространстве мирового сообщества (ср.: *Эксперты также отметили, что после встречи в Москве [Си Цзиньпина и В. Путина] ... Вашингтон оказался в неудобной позиции*. От ред. // Изв. 23.03.23).*

При реализации второго, более востребованного варианта субмодели (относительное положение нескольких объектов в рамках одного пространства – 29 из 39 контекстов, или 74,6%) характеристика «США» оказывается разноплановой и отчасти противоречивой.

С одной стороны, как и в первой субмодели, здесь основной акцент делается на конфликтных отношениях «США» с остальным миром (прежде всего – с РФ, Китаем, но не только). В соответствии с этим наиболее последовательно российские СМИ используют переносы на базе лексики, именующей положение объектов на разных границах пространства, на большом удалении друг от друга, а также движение этих объектов друг от друга (ср.: *Лавров рассказал о новом противостоянии между Россией и США*. В. Воробьев // АиФ. 19.04.23; *Технологическое противостояние [США и Китая] усиливается*. Группа «Прямая речь» // «Ъ». 24.06.23; *Картины мира [Запада во главе с США] и России сегодня расходятся во всё*. Д. Соколов // АиФ. 29.07.22). Но аналогичные метафоры спорадически употребляются при характеристике напряженной внутривнутриполитической ситуации (ср.: *Никогда в новейшей истории само американское общество не было столь поляризовано и напряжено, как сейчас*. А. Меркулов. // РГ. 19.04.24).

С другой стороны, фиксируется, хотя и в меньшем объеме, употребление метафор с антонимическим значением – на базе лексики, именующей сокращение расстояния между объектами, их движение навстречу друг другу. Вместе с тем журналисты, политики и эксперты обычно включают такие переносы в контексты с ирреальной модальностью (как пожелание, как допустимое в будущем при определенных условиях) или подчеркивают незначительность и кратковременность консолидации, сотрудничества «США» с другими странами и международными институтами (ср.: *Экс-советник Буша допустил сближение США и РФ после окончания конфликта на Украине*. От ред. // Изв. 27.08.23; *С чем связаны попытки США сблизиться с Кубой?* Е. Хамова // Изв. 29.05.24).

Вторая реляционная субмодель (положение объекта внутри / вне одного или двух замкнутых участков пространства – 29 контекстов) в российских СМИ, как и другие модели, в абсолютном большинстве случаев используется для репрезентации «США» как агенса / участника международных конфликтов, чья деятельность направлена на утверждение

собственной гегемонии и усиление нестабильности в мире. Данное представление реализуется в рамках данной модели следующими способами:

- «США» (отдельно или как лидер «коллективного Запада», НАТО) добровольно и целенаправленно проникают в «пространство» наиболее острых конфликтов, становясь активными их участниками, то есть «своими», что, однако, может затруднить их возможность покинуть это «пространство» (ср.: [Оружейные фирмы] выиграют от того, что США вступят в великодержавное соперничество с Россией и Китаем. Е. Спирин // Изв. 29.08.22; Ни для кого уже не является секретом... непосредственная вовлеченность в конфликт на Украине Вашингтона. И. Егоров // РГ 24.07.23; Американцы будут вынуждены все дальше втягиваться (от: ‘постепенно войти, углубиться куда-л.’) в военный конфликт [на Украине], который теоретически может привести к гибели Америки как нации. Д. Тренин // МК. 16.05.23);

- «США» (отдельно или как лидер Запада, НАТО) целенаправленно вовлекают в пределы «своего» пространства другие государства, международные институты, отдельные группы людей, подчиняя их своему влиянию, дестабилизируя общество (ср.: США втянули НАТО в конфликт на Украине, чтобы получить наибольшую выгоду от продажи оружия. И. Петров // РГ. 08.02.23; Запад [во главе с США] будет вовлекать российских подростков в свои психологические и военные операции для расшатывания ситуации в стране. И. Егоров // РГ. 10.05.23; Глобальная элита сознательно погружает людей в атмосферу лжи, эксклюзивным правом на которую обладают только представители этой элиты. А. Ильницкий // АиФ. 28.07.22);

- «США» (отдельно или как лидер Запада, НАТО) целенаправленно проникают в пределы «чужого» пространства» для усиления своего влияния и дестабилизации обстановки внутри «чужого» пространства (ср.: Вашингтонские стратеги нагло вмешиваются во внутренние дела неудобных им стран. И. Егоров // РГ. 24.07.23; За скобками их внимания

остается вмешательство США во внутренние дела этой ранее известной как Бирма азиатской страны. А. Яшлавский // МК. 12.04.23);

- «США» (отдельно или как лидер Запада, НАТО) удаляют за пределы пространства (обычно международного, считая его «своим») негодные им государства или принуждают их покинуть это пространство (ср.: Россия вытолкнута Западом [во главе с США] из современного миропорядка, который им контролируется. Д. Тренин // МК. 16.05.23; ... Одновременно США буквально вынудили Россию выйти [из Договора об обычных вооруженных силах в Европе]. О. Карпович // Изв. 12.12.22);

Примечательно, что небольшим числом примеров представлены ситуации, в которых другие субъекты международного права добровольно стремятся попасть в зону влияния США, частично отказываясь от своего суверенитета, соглашаясь противостоять противникам «США», и лишь в этом случае США открывают проход в «свое» пространство (ср.: Тайвань заявляет, что ведет переговоры о том, чтобы попасть под ядерный зонтик США. От ред. // Пр. 30.05.23). Исключение составляет Украина, которая ставит своей целью попасть в эту зону (НАТО). Но российские журналисты и эксперты могут подчеркивать, что США не способствуют этому процессу (ср.: Байден отказался помочь Киеву прощмыгнуть в НАТО. ... Отсюда и гнев, и раздражение, и отказ [США] вести Украину в НАТО за ручку. В. Воробьев // АиФ. 17.06.23).

2.2.2.3.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

При реализации **первой** реляционной субмодели (положение объекта / объектов в рамках единого пространства – 44 контекста) в американских СМИ, как и в российских, акцент делается на международном положении страны-оппонента, но возможна также оценка ситуации внутри «RUSSIA».

Специфической особенностью реализации первого варианта субмодели (15 из 44 контекстов, или 34,1%) является преимущественное использование единиц, именующих положение объекта вдали от центра или позади

центральной линии. Таким образом, американские массмедиа позиционируют «RUSSIA» как второстепенное, малозначащее в политическом и экономическом аспектах государство. Такое же положение, с точки зрения американских журналистов и экспертов, занимают российские регионы внутри страны – как в экономическом, так и в политическом аспектах. Но возможны контексты с диаметрально противоположной оценкой ситуации: они трактуются как мнение правящей элиты «RUSSIA» о политическом, нравственно-этическом месте своей страны в международном сообществе, а также как ушедшие в прошлое советские реалии (ср. использование блока таких переносов в одной публикации – J. Tell, B. de Robiano // Яс. 13.12.23: *The Russian elite's perspective misses how much Russia has become peripheral to the world economy in the last thirty years and is in fact perceived in the West as backward. ... The remnants of Moscow as the former core of the communist world ensure it an appearance, and something of the societal composition, of a core country of the world-system. ... This development in the Russian capital, however, accounts for an ever-growing contrast with the backwardness of the rest of the country – a backwardness that rests in its undynamic economy and peripheral place in the world economy.* [Российская элита упускает из виду, насколько сильно Россия за последние тридцать лет стала периферийной по отношению к мировой экономике и фактически воспринимается на Западе как «стоящая позади» (отсталая). ... Остатки Москвы как бывшего ядра коммунистического мира обеспечивают ей видимость и что-то вроде общественного соглашения, что-то вроде положения «ядерной» (центральной) страны мировой системы. ... Однако такое развитие событий в российской столице объясняет постоянно растущий контраст с «положением позади» (отсталостью) остальной части страны – «положением позади» (отсталостью), которая коренится в ее нединамичной экономике и периферийном положении в мировой экономике]).

Второй вариант данной субмодели (относительное положение нескольких объектов в рамках одного пространства – 29 из 44 контекстов,

или 65,9%) наиболее последовательно, как и в российских СМИ, используется для характеристики отношений страны-оппонента (в данном случае «RUSSIA») с остальным миром, причем здесь акцент делается на усиливающих противоречиях и конфронтации «RUSSIA» не только со странами «коллективного Запада», Украины, но и с бывшими союзниками по «Варшавскому договору», бывшими союзными республиками. Напротив, совпадение интересов, партнерские отношения усиливаются с теми государствами, которые, по мнению западных журналистов и экспертов, относятся к недемократическими, конкурирующими с Западом и опасными для него (ср.: *There is a real confrontation between Russia and the West*. P. Lempges // Яс. 24.08.24 [Между Россией и Западом существует настоящее противостояние]; [Georgia, Ukraine] *have diverged most from Russia in terms both of their internal politics and above all their geopolitical alignment*. T. Wood // Яс. 08.12.22 [Грузия, Украина] больше всего «разошлись» с Россией (отдалились) с точки зрения как своей внутренней политики, так и геополитического расклада]; *It [Russia] has cozied up to North Korea*. H. Notte // TNYT. 29.03.24 [Она [Россия] «уютно прижалась» к Северной Корее (сблизилась)]; *Russia has been heavily sanctioned by the West and is turning to other regimes like China, Iran and North Korea for support*. Associated Press // NYP. 07.05.24 [Россия подверглась жестким санкциям Запада и «поворачивается» (обращается за поддержкой) к другим режимам, таким как Китай, Иран и Северная Корея]). Вместе с тем спорадически этот вариант субмодели употребляется, чтобы подчеркнуть противоречия между властными структурами и отдельными общественными институтами внутри «RUSSIA» (ср.: *These attacks are often reduced to the superficial confrontation of an emancipatory feminist agenda and the autocratic patriarchal Putin*. S. Talaver // Яс. 23.04.23 [Эти нападки часто сводятся к поверхностному противостоянию эмансипационной феминистской программы и автократического патриархального Путина]; *A growing number of Russian men disgruntled by Vladimir Putin's war against Ukraine have turned their back on their*

own country. S. Farberov // NYP. 14.12.23 [Все большее число россиян, недовольных войной Владимира Путина против Украины, «повернулись спиной» к своей стране)].

Примечательно, что в некоторых контекстах первый и второй вариант субмодели может контаминировать (ср.: *In sum, although Russia became peripheral, it retained the cultural and diplomatic gravitational force it once had in the pro-Soviet communist world*. J. Tell // Яс. 13.12.23 [В целом, хоть Россия и стала периферийной страной, она сохранила культурную и дипломатическую силу притяжения, которую она когда-то имела в просоветском коммунистическом мире] – в данном случае физическое явление (притягивание (приближение) других государств) связано с одновременным восприятием «RUSSIA» как центра силы).

Вторая субмодель (положение объекта внутри / вне одного или двух замкнутых участков пространства) в американских массмедиа используется менее регулярно – 22 контекста, но в центре внимания американских СМИ по-прежнему оказывается конфликтных характер взаимодействия: (а) «RUSSIA» и остального мира (прежде всего – «коллективного Запада»); (б) властных структур «RUSSIA» и отдельных социальных институтов, групп граждан и т.п. По сравнению с российскими журналистами американские корреспонденты значительно более активно используют единицы, характеризующие положение вне замкнутого пространства или движение наружу. Кроме того, «RUSSIA» преимущественно занимает позицию объекта, а не агенса описываемой ситуации.

Во внешнеполитическом аспекте «RUSSIA» позиционируется в основном как изгой международного сообщества:

- «Коллективный Запад» (агенса) держит «RUSSIA» (пациенса) вне «своего цивилизованного» пространства, изгоняет ее из этого пространства (ср.: *So Moscow must continue to be kept out [США и их союзниками]*. D. Von Drehle // WP. 8.04.22 [Так что Москву надо и дальше «держат вонне»]; *It will be a huge precedent to exclude such a country from the world economy*. D.

Brennan // NW. 03.08.22 [Это будет огромный прецедент – «исключить (запретить входить)» такую страну из мировой экономики]). Обратные действия со стороны «цивилизованного» мира воспринимаются в современной ситуации как ошибочные и неуместные (ср.: *Former US security officials: We did 'everything possible' to bring Russia into international systems*. P. Aitken // FN. 23.07.22 [Бывшие сотрудники служб безопасности США: Мы сделали «все возможное», чтобы «привести / принести» Россию в международные системы]);

- «Коллективный Запад» (агенс) добровольно покидает пространство «RUSSIA», воспринимая его как «чужое (чуждое)» или старается держаться подальше от этого пространства (ср.: *Foreign-based tech firms have pulled out of the country [Russia]*. C. Rampell // WP. 24.03.22 [Иностранные технологические компании покинули (как поезд станцию) страну]; *Some banks and shipping companies opting to shun the region [Russia]*. M. Durisin // BV. 17.08.22 [Некоторые банки и судоходные компании предпочитают «сторониться» (избегать) этого региона]; *Seemingly dead after a mass exodus of Western brands, car sales have returned to pre-war levels in just over a year*. BV News // BV. 15.11.23 [Казавшиеся мертвыми после массового исхода западных марок продажи автомобилей вернулись к довоенному уровню всего за год]).

Если «RUSSIA» занимает позицию агенса, то на первый план выходит ее стремление не допустить в «свое» пространство «чужой (чуждой)» идеологии или удержать прежних союзников вне «чужих (чуждых)» для «RUSSIA» пространств (враждебных «RUSSIA» блоков (ср.: *Putin wants to keep Serbia and Bosnia out of NATO and the EU*. J. Stavridis // BV. 04.10.22 [Путин хочет удержать Сербию и Боснию вне НАТО и ЕС]).

При характеристике внутривосточной ситуации американские СМИ обращают внимание на конфликтные отношения между властями и остальным «гражданским» обществом. В рамках данной субмодели это осуществляется следующим образом:

- Власти (агенси) стремятся проникнуть (в том числе тайно) внутрь «гражданского» пространства, которое в этом случае воспринимается как «чужое», чтобы дестабилизировать его, повлиять на него в нужном властям направлении, или, напротив, выдворяют из «своего» пространства нежелательные СМИ и т.п. (ср.: *A mother of a young son from Gatchina was worried about the war propaganda creeping into the son's school.* М. Пыушина // WP. 20.03.22 [Мать маленького сына из Гатчины беспокоится о военной пропаганде, которая «прокрадывается» в школу ее сына]; *New efforts by the Kremlin to silence dissent are forcing independent media and social networks out of the country.* S. Fischer // Ах. 05.03.22 [Новые попытки Кремля заставить замолчать инакомыслие вынуждают независимые СМИ и социальные сети покинуть страну]);

- Представители «гражданского» общества, СМИ, оппозиционные руководству страны, добровольно покидают пространство «RUSSIA», отказывая от восприятия его как «своего» (в данном случае отчасти актуальным является и первичный ЛСВ лексемы, но не менее значим акцент на «идеологическом» конфликте с официальной политикой страны) (ср.: *Russian talent is rushing for the exits, in what might represent the seventh great wave of Russian emigration over the past century.* С. Rampell // WP. 24.03.22 [Российские таланты устремляются к выходу, и это может стать седьмой большой волной русской эмиграции за последнее столетие]).

Таким образом, характеристика страны-оппонента при реализации реляционной модели в российских и американских СМИ, как и других моделей, остается преимущественно негативной, но образ «RUSSIA» оказывается более противоречивым по сравнению с «США».

2.2.2.4 Квантитативно-качественная модель

2.2.2.4.1 Общая характеристика модели

Локальная **квантитативно-качественная модель** чрезвычайно востребована в исследованных текстах российских и американских СМИ при

метафорической характеристике страны-оппонента и занимает околоядерное положение в пространственной макромодели (см. табл. 2): РЯ – 156 контекстов (19,3% употреблений пространственных метафор); АЯ – 140 контекстов (17,5%). Ее концептуальную основу составляет одна из самых устойчивых в русском и английском языках вертикальная модель, в которой относительное положение феномена на вертикальной оси координат определяет количество, степень проявления качества и / или степень значимости характеризуемого феномена [Балашова 2014б: 152].

В общей когнитивной матрице положение на нулевой отметке вертикальной оси (поверхности земли и т.п.) принимается за точку отсчета. При этом возможны два варианта осмысления квантитативно-качественного значения – от «нулевой» точки вверх или вниз. Соответственно в первом варианте положение на значительном расстоянии вверх от нулевой точки, большая протяженность вверх от нее осмысляется как значительность в количестве и степени проявления какого-либо феномена, а положение на небольшом расстоянии от этого уровня, небольшая протяженность вверх от него – как незначительность соответствующих показателей; во втором (зеркальном) варианте трактовка будет прямо противоположной (ср.: *высокий / high*: ‘имеющий большое протяжение снизу вверх; расположенный на значительном расстоянии вверх от какого-л. уровня’ → ‘большой, значительный по количеству, силе и т.п.’; *низкий / low* ‘имеющий небольшое протяжение снизу вверх; расположенный на небольшой высоте’ → ‘небольшой, незначительный по количеству, силе, степени и т.п.’; *глубокий / deep* ‘имеющий большую глубину; находящийся на значительной глубине’ → ‘значительный; достигший высшей степени проявления’).

Как показал анализ обоих метафорических корпусов, в абсолютном большинстве случаев российские и американские СМИ используют первый вариант модели, тогда как примеры со вторым ее вариантом единичны и ограничены несколькими лексемами (ср.: *Противоречия между США и Китаем очень глубокие, поэтому конфликт будет очень долгим*. Группа

«Прямая речь» // «Ъ». 24.06.23; *Russia will deepen its oil export cuts to 500,000 barrels a day*. J. Lee // ВВ. 19.12.23 [Россия «углубит» (увеличит) сокращение экспорта нефти до 500 000 баррелей в день]).

Достаточно многочисленными и во многом единообразными в российских и американских СМИ оказываются источники метафоризации (см. табл. 2): РЯ – 51 единица (12% всех зафиксированных метафор), АЯ – 45 (11,7%). В абсолютном большинстве случаев это непосредственно пространственная лексика, характеризующая условную метку, линию / плоскость, определяющих высоту / глубину объекта; относительное положение на вертикальной оси, относительный размер по вертикали; самостоятельное или инициированное извне перемещение вверх / вниз по вертикали с актуальным или нейтральным темповым компонентом⁹; увеличение / уменьшение протяженности по вертикали. При этом российским СМИ, как и РЯ в целом, присуще регулярное вовлечение в процесс метафоризации членов одного словообразовательного гнезда разных частей речи, тогда как американским СМИ – вовлечение в процесс метафоризации более разнообразной по семантике пространственной лексики, с большей дифференциацией по типу субъекта / объекта, способа, среды перемещения и т.п. (РЯ – 44 единицы: *уровень, точка, положительная / отрицательная зона, высокий, сверхвысокий, высота, повыситься, повыситься, повышать, повышаться, повышение, поднять, подняться, поднимать, подниматься, подъем, подскочить, скачок, взлететь, низкий, понизить, понизиться, понижать, понижаться, понижение, снизить, снизиться, снижать, снижаться, снижение, падать, падение, упасть, спад, опуститься, скатывание, ускоряться, ускориться, стремительно, замедлиться, зашкаливать* ('выходить за пределы шкалы, свидетельствуя о

⁹ В ряде русских и английских единиц со скоростной семой нет дифференциального компонента 'перемещение по вертикали' и они отчасти совпадают с единицами из локальной деятельно-динамической модели, но мы посчитали возможным включить их в состав источников формирования данной модели, поскольку они значимы для концептуального представления о стране-оппоненте.

превышении допустимых показателей, норм (о стрелке в измерительном приборе), *глубокий, углубить*; АЯ – 40 единиц: *level* ‘уровень; высота чего-л.’, *high* ‘большой вертикальной протяженности’, *up* (v) ‘встать из положения лежа или сидя; двигаться вверх’, *drive up* ‘повысить; повыситься’ (от: ‘ехать к месту, расположенному выше, севернее текущего местоположения’), *mount* (v) ‘подниматься, забираться наверх’, *rise* ‘подниматься; встать (особенно из положения сидя)’, *increase* (n) ‘увеличение, повышение’; *increase* (v) ‘увеличивать, повышать; увеличиваться, повышаться’, *boost* ‘повышать’, *push up* ‘фразовый глагол: толкать вверх’, *escalate* ‘увеличивать, поднимать, подниматься; обострять, обостряться’, *escalation* ‘рост, повышение; обострение’, *overreach* ‘подняться выше необходимого, за пределы чего-л.’, *hike* (n) ‘о значительном или нежелательном увеличении в размерах’, *hike* (v) ‘подняться; подняться с нужного места; задраться (как о юбке)’, *raise* ‘поднять что-л. на более высокую позицию’, *above* ‘выше’, *skyrocket* ‘вызывать резкий подъем; взлет (например, о ракете)’, *soar* ‘летать высоко, парить’, *culminate* ‘о небесном теле: достигать наивысшей точки; находиться прямо над головой; подниматься на вершину’, *jump* ‘подпрыгивать’, *surge* ‘вздвигаться (о волне)’, *great wave* ‘большая / высокая волна’, *rapid* ‘стремительный’, *low* (adj) ‘низкий’, *low* (n) ‘нижний уровень, нижняя точка’, *bring down* ‘опустить на более низкую точку’, *below* ‘ниже’, *record low* ‘самый низкий уровень’, *slip* ‘соскользнуть (вниз)’, *down* (adv) ‘в направлении вниз’, *decline* (n) ‘снижение; падение’, *decline* (v) ‘снижаться; падать’, *fall* (n) ‘снижение; падение’, *fall* (v) ‘снижаться; падать’, *reduce* (v) ‘уменьшить; снизить’, *ebbing wave* ‘спадающая волна’, *dip* (v) ‘погружаться в жидкость и быстро выныривать; внезапно падать вниз или исчезать из виду; о самолете: внезапно падать перед набором высоты’, *deep* ‘глубокий’, *deepen* ‘углублять’, *rebound* (v) ‘отскочить: ударившись о дно / пол’; *rebound* (n) ‘отскок’). Обращает на себя внимание то, что только в английских СМИ фиксируются переносы, характеризующие резкую смену направления движения объекта – от падения к подъему) (ср.: *rebound* (v), *rebound* (n); *The*

ruble hit record lows immediately after the war began, but soon rebounded. ВВ News // ВВ. 15.11.23 [Сразу после начала войны рубль достиг рекордно низкого значения, но вскоре «отскочил, как мячик от пола»)].

В обоих языках в сферу действия модели попадают номинации биологического процесса увеличения в размерах растений, животных (РЯ – 6 единиц: *расти, рост, подрасти, вырасти, возрасти, нарастать*; АЯ – 4 единицы: *grow* ‘расти’, *growing* ‘возрастающий’, *growth* ‘рост’, *growth rate* ‘уровень роста’), реже – члены других семантических группировок (ср.: РЯ – 1 единица; *потолок* (‘верхнее внутреннее покрытие помещения’ → (разг.) ‘верхняя граница, предельное значение; предельная степень’); АЯ – 1 единица: *mounting* ‘растущий, нарастающий; становящийся высоким, как гора’).

Общим свойством исследуемых подкорпусов является отсутствие в большинстве примеров оценочной составляющей непосредственно в семантике переносных значений. Прагматический компонент актуализуется непосредственно в контексте в зависимости от отображаемой в нем ситуации (ср.: *Уровень расходов госбюджета постоянно превышает уровень доходов. ... Каждый год будет идти подобная канитель с повышением потолка* [госдолга США]. Г. Мирзаян // Взг. 12.05.23; *Аргументом в пользу отсутствия рецессии выступают сильный рынок труда в США и низкая безработица в 3,5% по итогам февраля 2023 г.* А. Козлов // Вед. 17.04.23; *Проблема не только в грядущих выборах, но и в снижении роли Вашингтона в регионе.* Р. Романов // Вед. 08.05.24; *The Kremlin’s weekly revenues from oil export duties slipped after the previous week’s jump to the highest level for the year.* J. Lee // ВВ. 19.12.23 [Недельные доходы Кремля от экспортных пошлин на нефть снизились после скачка на предыдущей неделе до самого высокого уровня за год]; *Interest rates have soared to 21 percent.* L. J. Austin III, A. J. Blinken // TNYT. 14.01.25 [Процентные ставки «воспарили» (взлетели) до 21 процента]; *The rapid decline in the ruble and rise in food prices suggest inflation is much higher than the official data.* T. Duesterberg, P. Rough // NYP. 01.12.24

[Быстрое снижение рубля и подъем цен на продукты питания свидетельствуют о том, что инфляция значительно выше официальных данных]). Вместе с тем в американских СМИ отмечается несколько более регулярное вовлечение в процесс метафоризации лексики, в первичные (в том числе устаревшие / устаревающие) ЛСВ которых уже входит оценочный компонент; например: *overreach, hike* (ср.: *Russian President Vladimir V. Putin has a tendency ... to double down when he feels trapped by his own overreach*. D. E. Sanger, E. Schmitt, J. E. Barnes // TNYT. 03.03.22 [У президента России Владимира В. Путина есть склонность действовать с удвоенной силой, когда он чувствует себя пойманным в ловушку «из-за того, что поднялся слишком высоко» (перестарался)]; *This is driving up inflation and interest rate hikes*. B. Cole // NW. 13.01.25 [Это приводит к росту инфляции и увеличению процентных ставок]).

Безусловно, в реализации модели в российских и американских СМИ при характеристике страны-оппонента обнаруживаются и другие общие и специфические черты.

2.2.2.4.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Характерной особенностью реализации квантитативно-качественной модели является то, что в российских СМИ ее используют в основном для характеристики внутренней ситуации в «США» (около 90% всех контекстов с реализацией данной модели).

Ведущим оказывается акцент на негативных тенденциях. Так, положение на значительном расстоянии от «нулевой» точки, движение вверх с нейтральной или высокой скоростью занимают характеристики параметров преступности, безработицы, стоимости жизни, энергоресурсов, величины госдолга в «США» и т.п., тогда как положение на небольшой высоте от точки отсчета, движение вниз и т.п. – параметры экономической, финансовой активности, государственного финансирования социально значимых проектов, социальной поддержке незащищенных групп населения и т.п. (ср.:

Республиканцы ... указывают на возросшую преступность в штатах и городах, где финансирование полиции уже было снижено. М. Сучков // Изв. 07.11.22; В США зашкаливает уровень убийств. От ред. // АиФ. 14.08.22; Сокращение бюджетных трат ... существенно снизит поддержку их избирателей. А. Лосев // «Ъ». 24.05.23; Растет и стоимость заимствований, которая достигает непривычных высот. Д. Мигунов // Изв. 12.05.24; Джанет Йеллен допустила скатывание американской экономики в рецессию в 2023 году. Е. Никтовенко // АиФ. 14.12.22; Майкл Хартнетт описал 12 основных признаков скорейшего спада в американской экономике. ... [Фиксируется] снижение производственных индексов., рост безработицы., падение стоимости акций после повышения ставок ФРС, снижение доступности кредитования для бизнеса, спад предпринимательской активности, сверхвысокий государственный долг США. ... американский ВВП может уйти в отрицательную зону уже в ближайшие кварталы. А. Козлов // Вед. 17.04.23).

Позитивные тенденции фиксируются только в 5% от контекстов, характеризующих внутреннюю ситуацию, причем в них, как правило, подчеркивается кратковременность и слабое проявление таких тенденций (ср.: *Реальный рост ВВП США ускорился до 2,8 процента во втором квартале 2024 года по сравнению с ростом на 1,4 процента в первом квартале. К. Боровикова // «Ъ». 25.07.24; Экономика США в I квартале 2024 года выросла достаточно скромно. Д. Мигунов // Изв. 12.05.24).*

В международном аспекте российские массмедиа отмечают исключительно негативные явления в деятельности «США» и в их отношениях с мировым сообществом. Для этого используются оба варианта осмысления квантитативно-качественного значения – от «нулевой» точки вверх или вниз, причем регулярно с указанием на значительное, максимальное удаление от этой точки (ср.: *Противоречия между США и Китаем очень глубокие. ... Эти отношения находятся в самом низу. Группа «Прямая речь» // «Ъ». 24.06.23; Метания президентской администрации и*

конгресса в реакции на действия Израиля говорят о снижении роли США как арбитра политических процессов на Ближнем Востоке. Р. Романов // Вед. 08.05.24).

2.2.2.4.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

В американских СМИ, в отличие от российских, количественно-качественная модель последовательно используется для характеристики не только внутренней ситуации в стране-оппоненте, но и ее международной деятельности: соответствие примерно 60% – 40% всех контекстов с реализацией модели (ср. в российских СМИ: примерно 90% – 10%). Более сложной и противоречивой оказывается также прагматическая оценочная составляющая, хотя преобладающей, как и в российских массмедиа, остается негативная оценка описываемых феноменов.

Так, при характеристике внутренней ситуации американские журналисты и эксперты, как и российские, за счет той же части когнитивной матрицы обращают особое внимание тенденциям в развитии экономики, финансовой системы, уровню жизни населения и демографии в условиях жестких западных санкций, ведения военных действий, причем спектр оценок способности страны-оппонента развивать экономику и поддерживать уровень жизни весьма разнороден (ср.: *This was spiking inflation and pushing up interest rates for “real” economy borrowers to above 21 percent.* В. Cole // NW. 13.01.25 [Это привело к резкому росту инфляции и повышению процентных ставок для заемщиков из «реальной» экономики до уровня, превышающего 21 процент]; *Its [Gazprombank] inclusion on the list was a factor in the Russian currency, the ruble, plunging to its lowest level against the U.S. dollar for 32 months.* В. Cole // NW. 03.12.24 [Его включение в список стало фактором резкого падения курса российской валюты, рубля, по отношению к доллару США до самого низкого уровня за 32 месяца]; *Manufacturing jumped 10.6% in the second quarter after mere 0.3% growth in January-March and a decline in the second half of 2022. ... That pace is not far*

*from the growth Russia experienced in the years before the Covid pandemic, and likely buttressed by the country's ability to re-route trade in the face of international sanctions as well as a boost in military production and growing consumer demand supported by social spending and an increase in wages. ВВ News // ВВ. 08.09.23 [Производство подпрыгнуло на 10,6% во втором квартале после роста всего на 0,3% в январе-марте и спада во второй половине 2022 года. Эти темпы не сильно отличаются от темпов роста, которые Россия наблюдала в годы, предшествовавшие пандемии COVID, и, вероятно, подкреплены способностью страны перенаправить торговлю в условиях международных санкций, а также стремительным ростом военного производства и растущим потребительским спросом, поддерживаемым социальными расходами и повышением заработной платы]; *Key sectors of Russia's economy are adapting and in some cases completely rebounding from unprecedented international sanctions imposed over the war in Ukraine. ... Annual growth accelerated to 5.5% in the third quarter. ВВ News // ВВ. 15.11.23 [Ключевые секторы российской экономики адаптируются, а в некоторых случаях и полностью «отскакивают вверх, как мячик» (восстанавливаются), после беспрецедентных международных санкций, введенных в связи с войной на Украине)].**

При характеристике внутривластной обстановки особое внимание уделяется усилению влияния на социум властных структур, подавлению оппозиции и т.п., причем независимо от выбора той или иной части когнитивной матрицы данные проявления американские массмедиа трактуют как негативные, поскольку, по их мнению, это свидетельствует об укреплении антидемократических тенденций (ср.: *Post-Soviet Russia has seen the fastest rise in inequality anywhere in the world. F. Zakaria // WP. 30.06.23 [В постсоветской России наблюдается самый быстрый рост неравенства в мире]; [This] has resulted in an alarming increase of violations of civil and political rights. К. Hjelmgard // USAT. 18.03.24 [[Это] привело к тревожному росту нарушений гражданских и политических прав]; *Putin's stature has risen among**

Russians in the wake of the invasion. ... FOM recorded a seven-point increase bringing approval of Putin to 71 percent. К. Parker // WP. 11.03.22 [Авторитет Путина среди россиян поднялся после вторжения. ФОМ зафиксировало увеличение на семь пунктов, в результате чего одобрение Путина достигло 71 процента]; *Shoigu has faced mounting pressure over the stagnant war in Ukraine and the short-lived Wagner.* R. Reyes // NYP. 12.05.24). [Шойгу столкнулся со «становящимся высоким, как гора» (растущим) давлением из-за застойной войны на Украине и недолговечного восстания наемников Вагнера)].

Характеристика «RUSSIA» в международном аспекте также отмечена неоднородностью и разнонаправленностью.

С одной стороны, подчеркиваются максимально негативные тенденции в развитии политических и экономических отношений страны с КЗ, Украиной. Для этого используются единицы с указанием на предельное удаление от «нулевой точки», на стремительное и последовательное движение вверх / вниз от нее, причем агенсом таких изменений может быть как «RUSSIA», так и КЗ (ср.: *Tensions with Washington over Ukraine are soaring to their highest level since the Cold War.* Associated Press // WP. 09.05.24 [Напряженность в отношениях с Вашингтоном из-за Украины «взлетела» до самого высокого уровня со времен холодной войны]; *U.S. officials are reportedly charting out possible responses if Putin escalates with chemical or even nuclear weapons.* G. Sargent // WP. 24.03.22 [Сообщается, что официальные лица США намечают возможные ответные меры, если Путин «увеличит / нарастит» (обострит) ситуацию, применив химическое или даже ядерное оружие]; *S&P dropped Russia's credit rating to CCC-*. D. E. Sanger // TNYT. 03.03.22 [S&P «уронило» кредитный рейтинг России до CCC-]; *We can increase the difficulty of Putin's increasingly-costly military campaign.* S. Cai // Ах. 08.03.22 [Мы можем «увеличить / заставить расти» (усложнить) все более дорогостоящую военную кампанию Путина]).

С другой стороны, при характеристике внешнеэкономических связей «RUSSIA», прежде всего – экспорта энергоресурсов, продовольствия и т.п. регулярно фиксируются не только негативные явления как следствие санкций, волатильности международного рынка и др., но и позитивные связанные с благоприятными внешними условиями, со способностью «RUSSIA» активно противостоять внешнему давлению (ср.: *Russia's seaborne crude exports climbed again on a four-week average basis, despite a dip in weekly flows. ... Russia's oil processing climbed to the highest since early April, making up for a recent decline caused by logistical constraints resulting from storms in the Black Sea.* J. Lee // ВВ. 19.12.23 [Российский экспорт сырой нефти морским транспортом вновь вырос в среднем за четыре недели, несмотря на резкое снижение недельных поставок. ... Объемы переработки нефти в России «вскарабкались на самый высокий уровень» с начала апреля, компенсировав недавний спад, вызванный логистическими ограничениями из-за штормов в Черном море]; [On the intensification of Russia's foreign economic activity:] *The rebound illustrates the limits of the sanctions that US President Joe Biden said were designed to cut Russia's economy as punishment for the February 2022 invasion of Ukraine.* ВВ News // ВВ. 15.11.23 [[Об интенсификации внешнеэкономической деятельности России:] Этот отскок иллюстрирует пределы санкций, которые, по словам президента США Джо Байдена, были направлены на сокращение экономики России в качестве наказания за вторжение в Украину в феврале 2022 года)].

Таким образом, несмотря на то что вертикальная квантитативно-качественная модель в своей основе обычно не содержит оценочного компонента, российские и американские массмедиа активно используют ее для создания преимущественно негативного образа страны-оппонента.

2.2.3 Геометрически организованная метамодель

2.2.3.1 Бытийно-динамическая модель

2.2.3.1.1 Общая характеристика модели

В основе геометрически организованной **бытийно-динамической модели**, как и соответствующей локальной модели, лежит противопоставление стабильности / нестабильности, но в данной случае эти свойства связаны не с положением объекта в пространстве, а с его качественными (физическими) характеристиками (крепкий, твердый / мягкий, хрупкий, деформированный, разрушенный). Это определяет непосредственное пересечение данной модели с натуралистическими моделями, но и «пространственный компонент (форма и целостность) столь же значим в моделировании системы переносных значений» [Балашова 2014б: 142–143]. Переносы, в основе которых лежит деструктивный компонент, были рассмотрены в статьях [Балашова, Кириллова 2024; Кириллова 2024в].

В соответствии в общезыковой когнитивной матрицей неизменность формы, цельность объекта ассоциируется с устойчивостью бытия, развития страны-оппонента или одного из его институтов, признаков, с неподверженностью на них влияния извне, со свободой принятия решения, тогда как хрупкость, деформация и деструкция – с отсутствием этих свойств (от подверженности чужому влиянию, неспособности принимать самостоятельные решения до частичной или полной утраты суверенности, упадка, гибели). Данная модель, как и другие, реализуется в двух вариантах – некаузативном и каузативном (ср.: некаузативный – *Конгресс подтверждает администрации США «прочную» двухпартийную поддержку» Украины.* // АН. 16.12.22; *It [Russia] has put its economy on a solid non-Western foundation.* Н. Notte // TNYT. 29.03.24 [Она [Россия] поставила свою экономику на прочную не-западную основу]; каузативный – *США фактически разрушают все экономики в мире.* И. Буслаева // МК. 20.10.22; *Washington began to taste the*

possibilities of destroying all of Russia. W. M. Arkin // NW. 13.05.22 [Вашингтон начал «пробовать на вкус» возможности «разрушения» всей России)].

По активности использования при характеристики страны-оппонента в российских и американскими массмедиа данная модель занимает околоядерную зону в составе геометрически организованной метамоделли (см. табл. 2): РЯ – 76 контекстов (9,4% из 35,1%), 46 единиц (10,8% из 40,6%); АЯ – 71 контекст (8,9% из 38,6%), 43 единицы (11,2% из 42,8%).

В концептуальном аспекте значимым представляется то, что предпочтение отдается правой части когнитивной матрицы, связанной с указанием на непрочность, деформацию, деструкцию объекта. Это отражается на системе источников метафоризации. Относительно небольшим числом представлены единицы, именующие отсутствие повреждения, деформации и деструкции объекта, высокую степень его сопротивления внешнему воздействию и т.п. (РЯ – 7 единиц: *твердый, прочный, крепнуть, крепчать, укрепить, укреплять, укрепление*; АЯ – 5 единиц: *rigid* ‘жесткий, неподатливый; такой, который невозможно согнуть’, *hard* ‘жесткий, твердый, крепкий’, *firmly* ‘твердо, прочно’, *tightly* ‘прочно’, *fixation* ‘фиксация, закрепление’). Число единиц с противоположным значением значительно больше в обоих корпусах (РЯ – 39 единицы; АЯ – 38 единиц), однако среди них переносы на базе лексики, именующей изменение формы тела под действием механических сил без его деструкции, представлены только в американских СМИ всего 4 единицами (*reshape* ‘изменить форму чего-л.’, *transform* ‘трансформировать, заставить принять форму’, *transformation* ‘изменение формы, трансформация’, *squash* ‘спрессовать, сделать плоской массой с помощью давления’). Абсолютное большинство живых, генетических и частичных метафор формируется на базе лексики, характеризующей преимущественно полное, реже частичное уничтожение объекта – обобщенно или с конкретизацией причины (удар, падение, ненадежность конструкции, обветшалость объекта, приведение в действие взрывчатых или едких веществ, давление на объект, действие огня или

насекомых-вредителей), а также некоторые орудия деструкции. Примечательно, что в российских СМИ, как и при реализации других моделей, в процесс метафоризации регулярно включаются члены одного словообразовательного гнезда, а в английских, помимо этого, грамматически многозначные единицы (ср.: РЯ – 36 единиц: *деструктивный, хрупкий, трещина, рухнуть, рушить, рушиться, обрушить, обрушать, обрушение, разрушить, разрушать, разрушение, разрушительный, разрушиться, нарушить, нарушать, нарушение, эрозия, разойтись по швам, обветшать, обвалиться, сломать, слом, ударить, удар, разбить, растоптать, подорвать, подрывать, подрыв, подрывной, поразить, поражать, каток, молоток, торпеда*; АЯ – 30 единиц: *destroy* ‘разрушать’, *destruction* ‘разрушение’, *destructive* ‘разрушительный’, *ruin* (v) ‘разрушить, полностью испортить, уничтожить что-л.’, *ruin* (n) ‘процесс или состояние порчи или уничтожения’, *battered* ‘потрепанный, изношенный, побитый, поврежденный’, *fracture* (n) ‘трещина, разлом’, *fracture* (v) ‘ломать, сломать, дробить’, *hit* ‘нанести удар, повредить ударом’, *strike* ‘разбивать, ломать’, *demolition* ‘акт разрушения чего-л. (здания или другой конструкции)’, *break* ‘разбить’, *breaking* ‘разрыв, ломка’, *crush* ‘раздавить, сломать’, *squash* ‘раздавить’, *trample* ‘топтать, растаптывать, раздавить’, *ravage* ‘причинить большой ущерб’, *fall apart* ‘распадаться на части’, *blow* ‘наносить удар’, *blow a hole* ‘пробить дыру’, *damage* ‘повреждать, испортить’, *damaging* ‘вредящий’, *ravage* ‘опустошать, разрушать’, *undermine* ‘подрывать’, *bomb* (n) ‘бомба’, *rupture* ‘разрывать, порваться, разрушаться’, *burn* ‘сжигать, уничтожать с помощью огня’, *erode* ‘разесть, разрушить; подтачивать; выветривать ветром, дождем’, *erosion* ‘эрозия’, *moth-eaten* ‘изъеденный молью’). К данной группе источников (как периферийные) примыкают единицы, обобщенно характеризующие природные или антропогенные трагические события, вызывающие большие разрушения, деструкцию объектов (ср.: РЯ – 3 единицы: *катаклизм, катастрофа, катастрофический*; АЯ – 4 единицы: *catastrophe* ‘внезапное бедствие, событие, вызывающее

очень большие неприятности или разрушения’, *catastrophic* ‘катастрофический’, *disaster* ‘внезапное катастрофическое событие, приносящее большой ущерб, разрушения’, *disastrous* ‘катастрофический’).

Как и в других случаях, в реализации данной модели в российских и американских СМИ при характеристике страны-оппонента обнаруживаются и другие общие и специфические черты.

2.2.3.1.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Как показал анализ, российские массмедиа используют бытийно-динамическую модель для характеристики преимущественно внешней политики «США» – 56 контекстов (73,7% всех примеров с реализацией данной модели). Акцент делается на их стремления усилить свои лидирующие позиции в мировом сообществе. Примечательно, что практически во всех примерах Штаты выступают в роли инициатора полной, реже частичной деструкции (уничтожения) какого-либо феномена, а именно:

- Действия «США», направленные на дестабилизацию общемировой экономической и политической ситуации (ср.: *Именно США разрушили мировую экономику*. И. Буслаева // МК. 20.10.22; *Дальнейшая эскалация, которую инициируют Штаты, чревата глобальной катастрофой*. Е. Панина. // Изв. 31.10.22; *Захарова назвала veto США на резолюцию ОАЭ по Газе ударом по механизму ООН*. От ред. // Изв. 12.12.23);

- Действия «США», направленные на уничтожение противников и конкурентов (РФ, Китай и др.) (ср.: *США пытаются замаскировать свою деструктивную деятельность и подорвать доверие к России*. Г. Пархоменко // РГ. 20.07.23; [США проводят] *политику подрыва мощи и влияния России*. С. Строкань // «Ъ». 03.05.22; *Наращивая конфронтацию, США ... работают также на ослабление и разрушение конкурентов*. Е. Панина // Изв. 31.10.22).

- Действия «США» по ослаблению политических союзников (ср.: [Недобросовестная конкуренция США] *приводит к разрушению*

промышленности..., вынуждает даже президента Франции ... или канцлера ФРГ ... заявлять о возможности «торговой войны» с Соединенными Штатами. Е. Панина. // Изв. 31.10.22);

- Губительные для самих «США» последствия их недальновидной внешней политики (ср.: [Путин:] «*Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно ... для самого суверена, потому что разрушает его изнутри*». Рами Аль-Шаер // Зв. 03.12.22; [Внешняя политика США:] «*Торпеда*», пущенная в последние месяцы, поразит гегемонию США. Н. Кричевский // Изв. 28.10.22; *Разведывательные службы США заявляют, что Америка сталкивается со «все более хрупким мировым порядком», напряженным из-за конкуренции великих держав, транснациональных вызовов и региональных конфликтов*. А. Яшлавский // МК 12.03.24).

Аналогичную картину можно наблюдать при использовании единиц с противоположными значениями: «США» стремится к лидерству в мире, содействуют тем структурам, международным процессам, что способствуют такому развитию событий (ср.: *США укрепляют свою глобальную гегемонию через НАТО*. И. Буслаева // МК. 19.10.22; *Салливан ... подчеркнул твердую поддержку США независимости и территориальной целостности Украины*. И. Буслаева // МК. 02.10.22; *Советник Салливан заявил о готовности США укрепить восточный фланг НАТО*. От ред. // Изв. 24.02.22).

Значительно реже (20 контекстов, или 26,3% всех примеров с реализацией данной модели) с помощью данной модели характеризуется внутренняя ситуация в «США». С помощью преобладающей деструктивной части матрицы дается негативная оценочная характеристика следующих явлений:

- Общефедеральные (реальные и потенциальные) кризисные явления в финансово-экономической и военной сфере, которые квалифицируются как следствие внешнего воздействия (разрушительной деятельности властных структур, стихийного бедствия) или как самопроизвольное разрушение обветшалого здания с непрочной конструкцией (ср.: *Дефолт потенциально*

может сломать сформировавшуюся в Америке с начала 2000-х гг. финансово ориентированную экономику. Д. Перепелица // Вед. 16.05.2023; Мы постоянно слышим соответствующие заявления в США..., что военные арсеналы якобы обветшали, одряхлели ... и нужны срочные меры для того, чтобы эти военные арсеналы восстановить, нарастить. Д. Новиков // Изв. 13.10.23);

- Ослабление государственности «США», политические кризисы, связанные с ростом недоверия к власти, конфронтации демократов и республиканцев: саморазрушение правящей партии и предельно активность оппозиции (Д. Трампа) (ср.: По мнению демократов, несвоевременное письмо [30 конгрессменов-демократов к президенту Д. Байдену] подрывает позицию их партии. Г. Иванов // АиФ. 26.10.2022; США вмешивались в выборы по всему миру, а их собственная система хрупка и несовершенна. А. Антонов // Взг. 08.11.22; Тайная болезнь главы Пентагона выявила эрозию системы власти в США. А. Задорожная // Взг. 08.01.24; По демократической молодежи он [Д. Трамп], без сомнения, пройдется, словно каток. В. Воробьев // АиФ. 04.10.22).

Немногочисленные примеры использования единиц из противоположной части когнитивной матрицы также связаны с характеристикой кризисных явлений, например, с усилением оппозиции власти (ср.: Соединенных Штатах крепнет недовольство поддержкой Украины. От ред. // МК. 20.09.23; Трамизм крепчал. А. Забродин // «Ъ». 09.03.24).

2.2.3.1.3 Идеологема «RUSSIA» в российских массмедиа

Американские массмедиа, в отличие от российских, активно используют геометрическую бытийно-динамическую модель при характеристике как внешнеполитической деятельности «RUSSIA», так и внутренней ситуации в стране. Вместе с тем, как и российских СМИ, ведущее положение занимает положение «RUSSIA» на международной арене: 44 контекста (62% всех

примеров с реализацией данной модели). И здесь обнаруживаются общие и специфические черты по сравнению с оценкой такой деятельности «США» в российских СМИ.

В частности, страна-оппонент, как и в российских массмедиа, позиционируется преимущественно как агент негативных деструктивных процессов. Однако эти действия обычно имеют узколокальный характер и почти полностью ограничены политикой «RUSSIA» в отношении Украины. Примечательно, что результативной эта деятельность, по мнению американских журналистов и политиков, оказывается только в части экономики и гуманитарной ситуации в стране – как следствие прямых разрушений экономических объектов. Таким образом, заметную роль играют прямые деструктивные значения. Но в результате метафорического расширения семантика соответствующих контекстов становится более обобщенной и не связанной напрямую только с военными действиями (ср.: *Two months of relentless missile and drone attacks by Russia have ... blown a hole in projections for the country's war-ravaged economy.* J. Stein // WP. 12.12.22 [Два месяца беспрестанных ракетных и беспилотных атак со стороны России ... пробили брешь в прогнозах относительно разрушенной войной экономики страны]; *Mining and manufacturing ... of Ukraine are among the hardest-hit sectors [by Russian strikes].* S. Morgunov // WP. 15.12.22 [Горнодобывающая и обрабатывающая промышленность – наиболее пострадавшие [от российских бомбардировок] секторы]; *Marchenko warned that [Russian] energy attacks could unravel previous calculations...* S. Morgunov // WP. 15.12.22 [Марченко предупредил, что [российские] энергетические атаки могут разрушить предыдущие расчеты]).

В идеологическом аспекте «RUSSIA», согласно американским массмедиа, стремится оправдать военную агрессию, искажая исторические факты (ср.: *Putin has long obsessed over the idea of a civilizational battle against the West, distorting history, to claim that Russia is merely retaking its "historical lands" in Ukraine.* WP. Robyn Dixon. 6.05.24. [Путин уже давно одержим

идеей цивилизационной битвы против Запада, деформируя (искажая) историю, заявляя, что Россия просто возвращает себе «исторические земли» на Украине)]. При этом (при помощи конструкций с отрицанием и субъективной, ирреальной модальностью) акцент может делаться безрезультативности (для населения Украины) подобной политики (ср.: *Ukrainians are adamant that Russia's missile attacks will not break their fighting spirit.* S. Morgunov // WP. 15.12.22 [Украинцы уверены, что ракетные атаки России не сломят их боевой дух]; *The attack was "another primitive attempt by the Kremlin to show its own power," Ukrainian presidential adviser Mykhailo Podolyak said in an interview, "as if they still have the power to destroy Kyiv as a decision-making center".* K. Ables // WP. 16.05.23 [Советник президента Украины Михаил Подоляк заявил в интервью, что эта атака была «очередной примитивной попыткой Кремля продемонстрировать собственную силу, как будто у них все еще есть силы уничтожить Киев как центр принятия решений»]).

Не менее показательным в идеологическом аспекте оказывается то, что «RUSSIA», в отличие от «США», регулярно выступает в роли объекта (пациенса) деструкции со стороны внешних сил, где агенсом становится преимущественно КЗ во главе с США, а орудием деструкции – антироссийские санкции и политический бойкот (ср.: *As a country, Russia is ruined for decades to come. ... The whole world is behind Ukraine.* K. Parker // WP. 11.03.22 [Как страна Россия разрушена на десятилетия вперед]. ... Весь мир за Украиной]; *Russian President Vladimir Putin has cast Moscow's military action in Ukraine as an existential battle against purported attempts by the West to destroy Russia.* // AP. 28.11.23 [Президент России Владимир Путин назвал военные действия Москвы на Украине экзистенциальной битвой против предполагаемых попыток Запада разрушить (уничтожить) Россию]).

Кроме того, косвенным агенсом негативных для «RUSSIA» и его руководства международных процессов, по мнению авторов публикаций и цитируемых ими политиков, выступает сама специальная военная операция

на Украине – как проявление недальновидной внешней политики «RUSSIA» (ср.: *Others ... say Putin's defeat in Ukraine will destroy his strongman cult and expose him as a weak leader.* A. Vohra // FP. 17.04.23 [Другие говорят, что поражение Путина на Украине разрушит его культ сильного человека и выявит его как слабого лидера]; *Everything about the assumptions of the Russian war plan fell apart.* W.M. Arkin // NW. 24.08.22 [Все предположения российского плана войны развалились]).

Единицы, выражающие противоположную часть когнитивной матрицы, обычно оценочно характеризуют тот же тип ситуаций (ср.: *The balance between drawing a hard line against acts that Russia might see as a trigger, combined with robust sanctions, potentially charts a new realism about what the Western alliance can accomplish.* G. Sargent // WP. 24.03.22 [Баланс между проведением жесткой линии в отношении действий, которые Россия может рассматривать как спусковой механизм, в сочетании с «крепкими» (жесткими) санкциями потенциально позволяет по-новому взглянуть на то, чего может достичь западный альянс]; *It was the start of Putin's fixation on the "Ukrainian problem" and his belief that an independent, democratic neighbor was an unacceptable threat to his own regime.* R. Dixon // WP. 06.05.24 [Это стало началом «укрепления» (заикленности) Путина на «украинской проблеме» и его убежденности в том, что независимый, демократический сосед представляет собой неприемлемую угрозу для его собственного режима]).

При характеристике внутрироссийских социально-экономических и политических процессов (27 контекстов, или 38% всех примеров с реализацией данной модели) американские массмедиа также используют правую (деструктивную) часть когнитивной матрицы.

Основной акцент делается на агрессивной, с их точки зрения, политике российского руководства по отношению к оппозиции, гражданскому обществу; на произвольном обращении с фактическими данными и т.п. (ср.: *Since 2020, the Kremlin has worked tirelessly to crush dissent.* R. Dixon // WP. 14.03.24 [С 2020 года Кремль неустанно работает над подавлением

инакомыслия]; *The state will be their next target of placing anger ... as it is the state that ruined their lives*". М. Ilyushina // WP. 10.12.22 [Государство станет их следующей целью для направления гнева ... поскольку именно государство разрушило их жизни)]; *Putin has squashed the political opposition in Russia*. WP staff // WP. 06.05.24 [Путин «раздавил» политическую оппозицию в России)]. Кроме того, подобным образом может подчеркиваться нестабильность, склонность к саморазрушению власти (ср.: *All his years in power have earned him the benefit of the doubt among Russia's powerful, a group moth-eaten by negative selection*. L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [Все годы его пребывания у власти принесли ему презумпцию невиновности среди влиятельных людей России, группы, изъеденной молью негативным отбором]).

Использование левой части матрицы связано с характеристикой аналогичных процессов – подавление инакомыслия, ослабление демократических и иных институтов и укрепление авторитарной власти (ср.: *Putin ... has spent a fortune implementing rigid control over Russia's political system*. К. Hjelmgard // USAT. 15.03.24 [Путин ... потратил целое состояние на осуществление жесткого (несгибаемого) контроля над политической системой России]; *Putin has steadily destroyed democratic institutions, leaving the media, courts, a rubber-stamp parliament and a tame electoral commission under rigid state control*. R. Dixon // WP. 14.03.24 [Путин оставил средства массовой информации, суды, парламент с печатями и ручную избирательную комиссию под жестким контролем государства]).

Таким образом, образы «США» и «RUSSIA» в рамках данной модели позиционируются исключительно оценочно и весьма однозначно. Акцент делается на дестабилизирующей роли страны-оппонента во внешней политике и конфликтном характере отношений между различными социально-политическими институтами внутри страны.

2.2.3.2 Интегрально-фрагментарная модель

2.2.3.2.1 Общая характеристика модели

Интегрально-фрагментарная модель занимает периферийное положение в системе пространственных метафор в целом, так и в составе геометрически организованной метамодели (см. табл. 2): РЯ – 45 контекстов (5,6% всех употреблений пространственных метафор), 31 единица (7,3% всех пространственных переносов); АЯ – 47 контекстов (5,8%), 24 единицы (6,3%). Переносы, в основе которых лежит деструктивный компонент, были рассмотрены в статьях [Балашова, Кириллова 2024; Кириллова 2024в]

В когнитивном аспекте данная модель, как и бытийно-динамическая, связана с противопоставлением целостного и не целостного объекта, но в данном случае концептуально значимым является противопоставление целого и его части. Анализ русскоязычного и англоязычного метафорических корпусов показал, что на основе противопоставления двух онтологических признаков целостного объекта в рамках данной модели выделяются две субмодели. В **первой** субмодели объект представляет собой монолитный, нечленимый предмет (ср.: *монолитный / monolithic* ‘являющийся монолитом, цельной каменной глыбой; свойственный монолиту’ → (перен.) ‘представляющий собой единство, цельный, сплочённый’). Во **второй** субмодели это предмет, изначально дискретный, состоящий из отдельных, структурно организованных частей (ср.: *пазл / puzzle* ‘головоломка; разделённое на множество фигурных частей изображение, которое необходимо собрать воедино’ → (перен.) ‘сложная ситуация, проблема, которую можно решить, лишь собрав все «части» воедино’; *сектор / sector* (геометр.) ‘часть круга, ограниченная дугой и двумя радиусами, соединяющими концы дуги с центром круга; сегмент’ → ‘структурное подразделение, отдел в некоторых общественных или производственных организациях; отрасль; сфера’). Но реализация этих субмоделей в нашем материале имеет определенную специфику.

Статистический анализ русскоязычного и англоязычного корпусов показал, что российские и американские массмедиа отдают явное предпочтение **первой** субмодели: РЯ – 37 из 45 контекстов (82,2%); 27 из 31 единицы (87,1%); АЯ – 39 из 47 контекстов (83%); 18 из 24 единиц (75%). В соответствии с когнитивной матрицей этой субмодели целостность, нечленимость феномена воспринимается как его стабильность, устойчивость развития, тогда как его фрагментация, деление на части – как утрата этого свойства, как качественное изменение феномена (ср. деструктивную часть бытийно-динамической модели в 2.2.3.1). В последнем случае возможны три варианта развития процесса: (а) именуемый феномен становится членимым и продолжает функционировать в новом качестве; (б) именуемый феномен прекращает свое существование, а его фрагменты начинают функционировать как на самостоятельные объекты; (в) аннигиляция распространяется как изначально целостный объект, так и на его фрагменты, то есть полученные в результате членения части не способны функционировать как самодостаточные сущности. Но в любом случае членение объекта на фрагменты обычно сопровождается негативными процессами – утратой суверенности, усилением кризисных явлений, конфронтацией и т.п. (ср.: *Трио в лице Бернса, Блинкена и Салливана вряд ли можно назвать монолитным*. Г. Иванов // АиФ. 19.03.24; [По вине «коллективного Запада» во главе с США] *произошел множественный и необратимый разлом системы мирового хозяйства*. А. Конопляник // Вед. 31.05.23; [В США] *звучат прямые призывы «уничтожить», «ликвидировать», «расчленить» нашу страну*. В. Овчинников // Зв. 07.11.22; [A commercial on Fox “News” Channel] *juxtaposes Trump’s sickening praise for Vladimir Putin’s dismemberment of Ukraine with pictures of the suffering being inflicted by the Russian military*. М. Boot // WP. 08.03.22 [Рекламный ролик на канале Fox “News”] *противопоставляет отвратительные похвалы Трампа расчленению Украины Владимиром Путиным фотографиям страданий, причиняемых российскими военными*]; [Putin's] *fantasies that the West would*

fracture in the face of the Russian onslaught haven't materialized. G. Sargent // WP. 24.03.22 [Фантазии [Путина] о том, что Запад расколется перед лицом российского натиска, не оправдались]).

Примечательно, что среди источников метафоризации в американских СМИ не фиксируется лексем, именующих в исходном ЛСВ целостный феномен, а в российских их только 3 из 27 (*монолитный, целостность, целостный*). Таким образом, в реализацию первой субмодели вовлекаются исключительно единицы, характеризующие в исходном ЛСВ деление на части в результате внешнего деструктивного воздействия (не случайно данные переносы часто пересекаются с переносами бытийно-динамической модели), а также результат или орудие такого воздействия (ср.: РЯ – 24 единицы: *разделить, раздел, отделить, расчленил, расчленение, развалить, развалиться, разваливаться, развал, разлом, расколоть, раскалывать, расколотся, раскалываться, раскол, распасться, распад, атомизировать, рассечь, разорвать, разрыв, клоч (клочья), осколок, топор*; АЯ – 18 единиц: *atomize* ‘атомизировать’ *atomized* ‘атомизированный; разделенный, фрагментированный’, *break* (v) ‘ломать, разделять на части внезапно или с силой’, *break down* ‘разрушать, разделять на части, ломая или разбивая’, *breakdown* ‘существительное от фразового глагола *break down*’, *crumble* ‘ломаться на маленькие части (распасться)’, *dismemberment* ‘расчленение, отрезание, отрывание, вырывание рук и ног’, *disrupt* ‘разламывать: разрывать; разделять на части’, *disruption* ‘разрушение, разрыв; разделение на части’, *disruptive* ‘разделяющий на части’, *divide* ‘разделять на две или более частей’, *division* ‘разделение’, *fall apart* ‘разламываться на части’, *fracture* (v) ‘ломаться, разламываться на части’, *fragment* (v) ‘разбить что-л. на мелкие части или быть раздробленным таким образом’, *redivide* ‘разделить на части заново’, *split* ‘разделяться или разделять на две или более частей, особенно по определенной линии’, *splinter* ‘щепка, стружка; небольшой, тонкий, острый кусок дерева, стекла или подобного материала, отколовшийся от более крупного куска’).

Вторая субмодель, где реализуется представление о целом как о дискретном множестве, представлена более фрагментарно: РЯ – 8 из 45 контекстов (17,8%), 4 из 31 единицы (12,9%); АЯ – 8 из 47 контекстов (17%), 6 из 24 единиц (25%) и весьма специфично.

Во-первых, в российских и американских СМИ в центре внимания оказывается отсутствие внутреннего единства в рамках дискретного множества (страны-оппонента, различного рода сообществ и объединений). Это может проявляться даже при номинации конструктивно целого с акцентом на его «рукотворности», где целое собирают из разнородных по составу частей и / или соединяют части не самым надежным способом (ср.: *В числе причин, которые могут способствовать распаду США, глава Совбеза назвал сомнение американских элит, возмнивших себя «неприкасаемыми» ... США могут «разойтись по швам» как лоскутное одеяло.* В. Кожемякин // АиФ. 29.03.23; *Even when Russian reinforcements do arrive, they are coming in piecemeal, in units of 600-700 soldiers that have been cobbled together, in odd conglomerations of forces with no real relationship to their higher headquarters, and with little fighting spirit.* W. M. Arkin // NW. 13.05.22 [Даже когда российские подкрепления действительно прибывают по частям, в подразделениях по 600-700 солдат, которые сколочены воедино, в виде странных конгломератов сил, не имеющими реального отношения к своему высшему штабу и с низким боевым духом]).

Во-вторых, ряд переносов на базе лексики, именующей часть целого или целое, состоящее из частей, функционирует в рамках не данной, а геометрически организованной реляционной модели (ср.: *блок / bloc* ‘отдельная, относительно независимая часть чего-л., выполняющая отдельную функцию’), где они и будут рассмотрены (см. 2.2.3.3).

В-третьих, источники метафоризации в данной субмодели оказываются не только немногочисленными, но и весьма различными по языкам (ср. в РЯ – *деталь, пазл, лоскутное одеяло, разойтись по швам*; АЯ – *fragment* (n) ‘фрагмент’, *remnant* ‘небольшая оставшаяся часть, элемент’, *piecemeal* ‘по

частям’, *conglomeration* ‘конгломерат; механическое соединение чего-л. разнородного’, *cobbled together* ‘сколоченный воедино’; *hold together* ‘скреплять, собирать вместе, конструировать из отдельных деталей’).

Различия в структуризации и средствах реализации каждой из субмоделей достаточно четко проявляются в формировании образов «США» и «RUSSIA».

2.2.3.2.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Характерной особенностью употребления данной модели в российских СМИ является то, что независимо от использования первой или второй субмодели, левой (интегральной) или правой (фрагментарной) частей когнитивной матрицы акцент делается на негативных (дестабилизирующих) процессах во внешней и внутренней политике «США».

Так, употребление единиц из левой (интегральной) части при реализации обеих субмоделей невелико (14 контекстов, или 31,1% всех употреблений интегрально-фрагментарных переносов) и ограничено преимущественно двумя типами ситуаций. Во-первых, во внешней политике журналисты, политики и эксперты подчеркивают релятивистский характер отношения «США» к суверенности и единству (цельности) других государств (ср.: *Принцип территориальной целостности для Вашингтона – не фундамент международного права, а инструмент, используемый произвольно, в зависимости от геополитической целесообразности, как ее понимают в США*. С. Строкань // «Ъ». 08.03.23). Во-вторых, при характеристике внутренней ситуации акцент делается на социально-политической нестабильности общества, поэтому ставится под сомнение единство самих «США» (ср.: *Илон Маск обеспокоился целостностью США после решения Байдена помиловать сына*. Изв. 02.12.24).

Абсолютное большинство употреблений интегрально-фрагментарных метафор (31 контекст, или 68,9%) в обеих субмоделях связано с реализацией правой (фрагментарной) части когнитивной матрицы. Данные переносы

примерно с одинаковой регулярностью используются при характеристике трех типов ситуаций (реальных и потенциальных):

- Активная внешнеполитическая деятельность США по укреплению лидирующего положения за счет уничтожения целостности, единства международных экономических, политических институтов и главных оппонентов (СССР в прошлом, РФ – в настоящем) (ср.: [Международная деятельность США] раскалывает некогда глобализированный мир на противостоящие блоки. А. Лосев // «Ъ». 24.05.23; НАТО [во главе с США] вспорол границы Советского Союза, рассекло его на обрубки. А. Проханов // Зв. 23.03.22; [США и Евросоюз] всё циничнее заявляют о желании разорвать в клочья нашу страну. От ред. // Пр. 20.06.22);

- Усиление социально-политической конфронтации внутри «США», «недемократических» способов функционирования их отдельных институтов и потенциальное нарушение единства страны (ср.: Американцы готовятся к возможному расколу общества и гражданской войне в США. Ю. Герасимова. // АиФ. 14.09.22; Идейные основы, способные объединить страну по линии раскола, давно мертвы. И. Титов // Зв. 16.11.22; Это лишь одна маленькая деталь большого пазла его [украинского лобби] влияния на американскую внешнюю политику на российском направлении. Е. Спириин // Изв. 29.08.22);

- Активное продвижение внутри страны и в мире идеологии, направленной на разрушение традиционных социальных и нравственных норм (ср.: Это [из-за позиции США и КЗ] уже сложившаяся мировая тенденция, когда социум целенаправленно ... атомизируется до уровня индивидов. А. Ильницкий // АиФ. 28.07.22).

Таким образом, реализация данной модели в российских статьях связана с позиционированием дестабилизирующей роли «США» как способа достижения собственной гегемонии в мире, а также деструктивных тенденций внутри американского общества.

2.2.3.2.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

При реализации данной модели в американских СМИ обнаруживаются тенденции, отчасти общие в российскими, отчасти отличные от них.

В частности, указание на некоторое единство, относительную целостность объекта отражено только во второй субмодели. Число таких употреблений невелико (6 контекстов, или 12,8% использований интегрально-фрагментарных переносов), и все они подчеркивают отсутствие реального единства внутри страны и в международном пространстве (ср.: *The justification for this whole war is built on myths that don't really hold together about the shared identity of all members of a "Russkiy mir," or Russian world.* М. Roberts // WP. 23.03.22 [Оправдание всей этой войны построено на не очень-то «держатся (скрепленных) вместе» мифах об общей идентичности всех членов «русского мира», которые на самом деле не совпадают]).

Абсолютное большинство употреблений переносов, как и в российских СМИ, связано с правой (фрагментарной) частью когнитивной матрицы в обеих субмоделях (41 из 47 контекстов, или 87,2%), но фиксируются они в несколько иных (реальных, потенциальных или позиционируемых) ситуациях.

Так, активная внешнеполитическая деятельность страны-оппонента отражена в относительно небольшом числе примеров (9 из 47 контекстов, или 19,1%), где «RUSSIA» позиционируется, с одной стороны, как прямой или косвенный агент, инициатор дезинтегрирующих процессов в мировом сообществе, во враждебных ей государствах, а с другой – как страна, утратившая свое ведущее положение в мире и представляющая собой лишь «осколок», результат дробления прежних агрессивных и авторитарных блоков (ср.: *We [USA and EU] will resist all attempts [from the Russian side] to divide.* Т. О'Connor // NW. 10.05.22 [Мы [США и Евросоюз] устоим против попыток [со стороны России] разделения нас на части]; *The remnants of Moscow as the former core of the communist world ensure it an appearance, and something of the societal composition, of a core country of the world-system.* J.

Tell, B. de Robiano // Яс. 13.12.23 [Остатки Москвы как бывшего ядра коммунистического мира придают ей внешний вид и отчасти социальный состав центральной страны мировой системы]).

Обе субмодели более последовательно (27 из 47 контекстов, или 57,4%) используются для указания на потенциальное разрушение «RUSSIA» как единого государства, ее разделение на отдельные региональные и национальные составляющие, причем разные авторы оценивают такую перспективу как вероятную и маловероятную. Кроме того, подобного рода дезинтеграция (в зависимости от идеологических установок авторов статей) может квалифицироваться как следствие внутренних конфликтов или внешнего вмешательства. Примечательно, все эти оценки можно обнаружить в рамках одной публикации (ср.: *Janusz Bugajski, a senior fellow at the Jamestown Foundation, has recently written a book called «Failed State: A Guide to Russia's Rupture» ... The West Is Preparing for Russia's Disintegration ... Russia's disintegration is “highly improbable,” said Joana Deus Pereira. A. Vohra // FP. 17.04.23 [Януш Бугайски, старший научный сотрудник Фонда Джеймстауна, недавно написал книгу под названием «Несостоявшееся государство: руководство по распаду России» ... Запад готовится к распаду России ... Распад России «крайне маловероятен», – сказала Жоана Деус Перейра]).*

Наконец, небольшим числом примеров (5 из 47 контекстов, или 10,7%) представлен третий тип ситуаций, в котором руководство «RUSSIA» выступает в роли агенса по дезинтеграции оппозиционных сил внутри страны с целью их ослабления (ср.: *The regime uses them to divide and fragment any real opposition. R. Dixon // WP. 14.03.24 [Режим использует их для разделения и фрагментации любой реальной оппозиции]).*

Таким образом, с помощью интегрально-фрагментарной модели американские СМИ формируют в сознании читателей образ «RUSSIA» как нестабильного и предрасположенного к краху авторитарного режима,

агрессия которого направлена на «демократические» государства и внутрироссийские оппозиционные силы.

2.2.3.3 Реляционная модель

2.2.3.3.1 Общая характеристика модели

Геометрически организованная **реляционная модель** используется в российских и американских СМИ несколько более активно по сравнению с интегрально-фрагментарной (см. табл. 2): РЯ – 68 контекстов, или 8,4% употреблений пространственных переносов; 47 единиц (11% пространственных метафор); АЯ – 66 контекстов (8,3%); 46 единиц (12%). Члены данной модели частично проанализированы в статьях [Балашова, Кириллова 2024; Кириллова 2024а, 2024в].

Концептуальную основу геометрически организованной реляционной модели, как и аналогичной локальной модели (см. 2.2.2.3), составляет логико-классификационное осмысление относительного (релятивного) положения объекта в пространстве, но в данном случае речь идет о релятивной позиции самих топографических участков, линейных, плоскостных, сферических (в том числе «своего» и «чужого»). В соответствии с этим само выделение некоторого участка в общем (мировом, государственном и ином) пространстве ассоциируется с отдельной страной, ее социально-политическими и иными институтами; с группами государств, противопоставленными другим странам, объединениям (ср.: *блок / bloc*: ‘отдельная, относительно независимая часть чего-л., выполняющая отдельную функцию (часть сооружения, устройства)’ → (полит.) ‘объединение государств, партий, организаций’; *лагерь / camp*: ‘временная стоянка, временное поселение вне населенных пунктов’ → (перен., полит.) ‘общественно-политическая группировка, течение’). Отношения между субъектами внутри таких замкнутых участков являются союзническими, тогда как отношения с остальным пространством (миром), другими замкнутыми участками (государствами и союзами) – конфликтными или (в

лучшем случае) нейтральными (ср.: *Свыше 100 стран и регионов* [с точки зрения администрации Байдена], в том числе непризнанные Тайвань и Косово, вошли в лагерь «демократии», противостоящий лагерю «автократии». Ю. Тавровский // МК. 05.05.22; *World Will Divide in Two Blocs, Democracy* [The collective West, led by the United States] vs. *Autocracy* [Russia, China]. Т. О'Коннор // NW. 10.05.22 [Мир разделится на два блока, демократия [КЗ во главе с США] и автократия [Россия, Китай]]). Гармоничный и дисгармоничный характер отношений между участками (странами, объединениями) зависит от их относительного положения, возможности сообщения и их восприятия как «своего» или «чужого» пространства. На основе концептуального противопоставления контактного / дистантного расположения участков в рамках модели выделяется две субмодели.

В **первой** субмодели (соположение участков) неконфликтный и конфликтный характер отношений во многом определяется противопоставлением «своих» и «чужих».

Так, экономическое, политическое сотрудничество между странами-союзниками ассоциируется с их плотным прилеганием друг к другу в рамках общего («своего») пространства, а степень взаимодействия – со степенью прочностью их соединения, отсутствием трещин, деструкции по линии соединения. Наличие границ между отдельными участками в рамках общего «своего» пространства воспринимается как усиление конфликтных, дисгармоничных отношений между именуемыми феноменами. Это распространяется как на некаузативный, так и каузативный варианты субмодели (ср.: «Возможно, на этой идеологической основе вы сможете сплотить своих ближайших союзников», – обращается к руководителям [США] Росс Доутхэт. Р. Николаев // МК. 20.04.23; *В последние годы США и Европа все более настойчиво пытались вбить клин между Россией и Китаем*. Е. Карпович // Вед. 26.05.23; [Russian aggression] ... *has rallied allies and partners worldwide to help Ukraine*. L. J. Austin III, A. J. Blinken // TNYT.

14.01.25 [[Агрессия России] ... сплотила союзников и партнеров по всему миру, чтобы помочь Украине]; *Russia will continue to drive a wedge between the Balkans and the West.* J. Stavridis // ВВ. 04.10.22 [Россия продолжит вбивать клин между Балканами и Западом]).

Сотрудничество или нейтральные отношения с конкурентами, оппонентами при непосредственном соприкосновении «своего» пространства с «чужим» ассоциируются, с одной стороны, с четкостью и неизменностью разделительной линии с ними, а также возможностью сообщения между ними (например, с наличием открытых проемов: дверей, окон и т.п.). Соответственно произвольное изменение границ между «своим» и «чужим» пространством», полная изоляция одного из них или обоих типов пространств, непроницаемость специальных проемов – свидетельство конфликтных отношений и отсутствия взаимодействия, сотрудничества. Указанные ситуации также получают каузативное или некаузативное осмысление (ср.: *Блинкин заявил об открытых дверях для новых членов НАТО.* Изв. 02.06.23; *Байден передвинул «красные линии» Путина.* М. Ростовский // МК. 26.01.23; *Госдеп заявил об отсутствии стремления США заблокировать финансовую систему России.* И. Мартов // МК. 15.12.22; *By sanctioning these reserves, we [USA] can further isolate Russia from the world's economy.* S. Cai // Ах. 08.03.22 [Вводя санкции против этих резервов, мы [США] можем еще больше изолировать Россию от мировой экономики]). Периферийную зону этой субмодели занимает представление о глобальных изменениях в отношении между различными объединениями государств, организаций и т.п. как о глобальной подвижке отдельных плит земной коры (ср.: *Ученый обратил внимание на «тектонический сдвиг» в геополитике, в рамках которого Америку отстраняют от участия в вопросах безопасности на евразийском континенте.* От ред. // Изв. 02.12.23; [Due to Russia's actions], *tectonic shifts are brewing here* [in Africa]. I.van Brugen // NW. 10.05.24 [[Из-за действий России] тектонические сдвиги назревают здесь [в Африке]]).

Во **второй** субмодели (дистантное положение участков) сотрудничество, взаимодействие ассоциируется с наличием специальных приспособлений, обеспечивающими сообщение между объектами; отсутствие или деструкция таким приспособлений – с недружественным, конфликтным характером отношений (ср.: *Пентагон заявил об обнадеживающем использовании каналов связи между США и РФ*. О. Жуков // МК. 28.11.22; *Накопленные за десятилетия российским бизнесом доллары и евро исчезнут с банковских счетов., торговые связи будут разорваны*. А. Лосев // «Ъ». 24.05.23; *The canceling of many flights to and from Russia means even tourism links are breaking down*. J. Whalen // WP. 04.03.22 [Отмена многих рейсов в Россию и из России означает, что даже туристические связи разрываются]).

Источниками метафоризации в российских и американских массмедиа являются два класса единиц. Так, небольшую группу составляют номинации собственно обособленных одномерных, двухмерных, трехмерных участков (ср.: РЯ – 5 единиц: *блок, лагерь, зона, земля, сфера*; АЯ – 5 единиц: *axis* ‘ось’, *bloc* ‘блок’, *camp* ‘лагерь’, *zone* ‘зона’, *sphere* ‘сфера’). Абсолютное же большинство единиц (РЯ – 42; АЯ – 41) представляет собой именованья процессов, артефактов, связанных с соединением или с разделением участков, причем соотношение первых и вторых – примерно один к четырем:

- Агрегация пространственных участков, возможность доступа в них (РЯ – 11 единиц: *сплотить, собиратель, связывать, связь, канал, линия, окно, дверь, открыть, распахнуть, открытый*; АЯ – 11 единиц: *closely* ‘тесно’, *rally* ‘сплотить’, *rallied* ‘сплоченный’, *cement* ‘цементировать, укреплять’, *tie* (n) ‘связь’, *tie* (v) ‘связывать’, *link* (n) ‘связь, связующая структура’, *bond* ‘связь, узы’, *open* (v) ‘открыть’, *open* (adj) ‘открытый’, *unlimited* ‘неограниченный’);

- Разделение, изоляция участков (РЯ – 31 единица: *изолировать, изолированный, изоляция, самоизоляция, изоляционизм, изоляционистский, обкладывать, граница, ограничить, ограничение, ограничительный,*

блокировать ‘перекрывать доступ куда-л., окружать, изолировать’, *заблокировать* ‘перекрыть доступ куда-л.; окружить, изолировать’, *блокада*, *рамка*, *красная линия*, *водораздел*, *железный занавес*, *передвинуть*, *вбить клин*, *надлом*, *разлом*, *разделение*, *отделить*, *разорвать*, *разрыв*, *оторвать*, *прерываться*, *истончить*, *трещина*, *тектонический сдвиг*¹⁰; АЯ – 30 единиц: *closed* (adj) ‘закрытый’, *impenetrable* ‘непроницаемый’, *insulate* ‘изолировать; покрывать материалом, веществом, чтобы не допустить утечки или проникновения тепла, звука, электричества’, *insulation* ‘изоляция’, *isolate* (v) ‘изолировать’, *isolation* (n) ‘изоляция’, *blockade* ‘блокада’, *limit* (n) ‘линия, за пределы которой что-л. не простирается, не может переходить’, *limit* (v) ‘ограничивать’, *limitation* (n) ‘ограничение’, *limited* (adj) ‘ограниченный’, *border* ‘граница’, *red line* ‘красная линия’, *restrict* (v) ‘ограничивать рамками’, *restriction* (n) ‘ограничение’, *gap* ‘прогал’, *break* (n) ‘разрыв’, *break* (v) ‘разрывать’, *tectonic shift* ‘тектонический сдвиг’, *break with* ‘отстраняться; отделяться от чего-л.’, *cut* ‘разрезать’, *cut off* ‘отрезать’, *drive a wedge* ‘вбивать клин’, *fissiparous* ‘расщеплять’, *fracture* ‘перелом’, *rupture* ‘усилием разъединить’, *sever* ‘разломать, разрезать’, *slash* (v) ‘разрезать острым лезвием быстрым, сильным движением’, *slash* (n) ‘разрез’, *split* ‘расщеплять’).

Однотипность источников метафоризации обуславливает общность в реализации данной модели в российских и американских массмедиа, но с определенной спецификой.

2.2.3.3.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Характерной особенностью использования геометрически организованной реляционной модели, как и большинства других пространственных моделей, оказывается ее востребованность при характеристике почти исключительно внешнеполитической деятельности

¹⁰ Некоторые из перечисленных единиц используются в других моделях (в рамках иных когнитивных матриц) или находятся на пересечении нескольких локальных и геометрически организованных моделей (см. 2.2.2.1, 2.2.3.1, 2.2.3.2).

«США» (64 из 68 контекстов, или 94,1%), причем, независимо от выбора первой или второй субмоделей, данная политика позиционируется как агрессивно-доминирующая. Это представление базируется на использовании следующих составляющих общей когнитивной матрицы модели:

- «США» (и возглавляемый ими КЗ) как агент произвольно устанавливает, изменяет границы между «своим» и «чужим» пространством (в роли последнего наиболее последовательно выступает РФ); стремится обособить, сделать непроницаемым пространство «чужих» (оппонентов и конкурентов) и уничтожить все возможные способы связи, сообщения с ними (ср.: *Сколько еще красных линий должны пересечь США на Украине?* От ред. // «Ъ». 20.07.22; [*Возглавляемый США «коллективный Запад»*] *вновь пытается опустить «железный занавес» вокруг России.* От ред. // Правда. 20.06.22; *В США раскрыли план долгосрочной изоляции России.* // МК. 18.04.22; [*США стремится*] *заблокировать Китай с юга и севера.* С. Марков // МК. 04.06.23; *Контакты между американскими и российскими военными были разорваны.* К. Суховерхов // Изв. 30.11.22; *По вине Вашингтона, взявшего на вооружение оголтелую русофобию, они [связи РФ и США] предельно истончились, рискуют быть разорванными в любой момент. ... До разрыва отношений с США один шаг.* И. Пшеничников // ЦГ. 06.01.24);

- «США» как агент стремится объединить вокруг себя своих сторонников, союзников и вассалов в пределах одного общего участка пространства, противопоставив этот участок остальному миру или другим, оппозиционным пространственным объединениям (ср.: *США, Великобритания и другие «передовики» поставок постараются оказать давления на тех участников блока, которые отстают от главных доноров.* И. Поляченко // Изв. 16.06.23; *Мир делится на две зоны несовместимых правовых порядков путем одностороннего изменения «под себя» правил и институтов западным «международным сообществом» [во главе США].* А. Конопляник // Вед. 31.05.22);

- «США» как агенс стремится нарушить соединение и связи стран-оппонентов и стран-конкурентов, тем самым ослабляя их (ср.: *Профессор Жданов разоблачил попытки Запада вбить клин между Россией и Китаем. А. Яшлавский // МК. 06.07.24; В нем он сначала рассуждает о возможности оторвать Китай от России: «... И с нашей стороны неразумно говорить, что мы хотим отделить [РФ] от Китая, но это то, что мы должны иметь в виду».* В. Воробьев // АиФ. 09.06.23).

Вместе с тем российские массмедиа делают акцент на росте противоречий между «США» и их союзниками. Это выражается с помощью единиц, именующих частичную деструкцию в связях и соединении пространств «США» и НАТО, ЕС и т.п. (ср.: *Одновременно увеличиваются трещины в отношениях ЕС и США.* О. Карпович // Изв. 30.11.22). Кроме того, в единичных контекстах содержится указание на наличие связей, сообщения между «США» и их оппонентами, прежде всего – Россией, но подобного рода ситуации либо относятся к прошлому, гуманитарной и военной сферам, либо воспринимаются как гипотетические, ирреальные (ср.: *У России и Штатов даже в самые напряженные моменты двусторонних отношений, по сути, никогда не прерывалась связь, особенно по вопросам безопасности.* К. Суховерхов // Изв. 30.11.22; *Лавров: РФ и США обсуждают обмен задержанных при помощи специального канала.* В. Воробьев. АиФ. 25.04.23).

В немногочисленных примерах использования модели при характеристике внутривнутриполитической ситуации в «США» акцент обычно делается на усилении социальной и политической конфронтации в американском обществе, что выражается указанием на появление границ между ними в рамках общего («своего») пространства страны (ср.: *Налицо новый повод для ... размежевания штатов: их деление на «синие», где у руля находятся представители ... Демократической партии, и «красные», контролируемые республиканцами, – сейчас водораздел пройдет еще и по вопросу о праве на прерывание беременности.* К. Сенин // Изв. 27.06.22).

2.2.3.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

Геометрически организованная реляционная модель оказывается наиболее востребованной, как и в российских СМИ, при характеристике внешнеполитической деятельности «RUSSIA» (50 из 66 контекстов, или 75,8%), но в осмыслении ситуаций есть определенная специфика.

В частности, независимо от выбора первой или второй субмодели «RUSSIA» чаще (29 из 50 контекстов) выступает в роли пациента, объекта воздействия со стороны КЗ. Страны ЕС и США с помощью санкций обособляют, отделяют «RUSSIA» от мирового экономического и политического пространства, уничтожают способы связи с КЗ, изолируя ее от «своего» (мирового и «демократического») пространства (ср.: *Cutting Russian banks' access [to SWIFT] would further isolate the country from the global financial community.* E. Peck // Ах. 26.02.22 [Отрезание российских банков от доступа [к SWIFT] еще больше изолирует страну от мирового финансового сообщества]; *Financial sanctions have isolated Russia from the rest of the world.* Норе King // Ах. 12.03.22 [Финансовые санкции изолировали Россию от остального мира]; *Ernst & Young was severing ties with Russia.* D. Lawler, Z. Basu // Ах. 04.03.22 [Ernst & Young разрезают связи с Россией]; *Western restrictions disrupted Russian access to foreign-produced electronics.* D. Bennett, M. Plyushina // WP. 17.08.23 [Западные ограничения перекрыли доступ России к электронике зарубежного производства]). Менее регулярно (11 из 50 контекстов) в роли агенса выступает руководство «RUSSIA», которое изнутри ограждает страну от «чужого» пространства, уничтожая различными способами экономические, политические и информационные связи с остальным миром (ср.: *It [Russia] has put its economy on a solid non-Western foundation..., largely insulating itself from future Western pressure.* H. Notte // TNYT. 29.03.24 [Она поставила свою экономику на прочный незападный фундамент, в значительной степени изолируя себя от будущего давления Запада]; *He [Putin] fractures global ties and girds his nation for a forever war with the West.* R. Dixon // WP. 06.05.24 [Он «ломает» глобальные связи и

готовит свою страну к вечной войне с Западом]). Активные же действия по укреплению связей представлены спорадически (3 из 50 контекстов) и характеризуют отношения «RUSSIA» со странами Азии (ср.: *President Vladimir Putin has sought to boost ties with countries such as China and India*. ВВ News // ВВ. 15.11.23 [Президент Владимир Путин ищет [способ] улучшить связи с такими странами, как Китай и Индия]).

Некаузативные варианты обеих субмоделей при характеристике внешней политики страны-оппонента оказываются мало востребованными (7 из 50 контекстов). С их помощью характеризуются исключительно связи с Китаем (ср.: *Closer Ties Between Russia and China Have Democracies Worried... The partnership between China and Russia has been enhanced by a strong personal bond between Putin and Xi*. М. Champion // ВВ. 14.06.22 [Более тесные связи между Россией и Китаем вызывают беспокойство у демократических стран. ... Партнерство между Китаем и Россией улучшается благодаря сильной личной связи между Путиным и Си]).

При характеристике внутренней политики страны-оппонента в американских СМИ реляционная модель используется более регулярно, чем в российских, но и здесь она занимает периферийное положение (16 из 66 контекстов, или 24,2%). Примечательно, что функционально-прагматическая роль англоязычных переносов идентична русскоязычным: вне зависимости от выбранного варианта и субмодели, с их помощью характеризуются исключительно негативные процессы – социально-политическое разобщение социума, конфликтный характер отношений между властью и обществом, ограничение прав и свобод граждан и т.п. (ср.: *Government employees and workers in state-controlled enterprises provide a well of Kremlin support, many of them beneficiaries of a closed, corrupt system*. R. Dixon // WP. 14.03.24 [Государственные служащие и работники государственных предприятий обеспечивают значительную поддержку Кремля, многие из которых являются бенефициарами закрытой, коррумпированной системы]; *The new Russia is crushing all dissent and restricting personal freedoms*. WP staff // WP.

06.05.24 [Новая Россия подавляет любое инакомыслие и ограничивает личные свободы]; *Authorities in Russia have in recent years adopted a slew of laws restricting human rights, including freedom of speech and assembly, as well as the rights of minorities and religious groups.* К. Hjelmggaard // USAT. 15.03.24 [Официальные органы в России в последние годы приняли множество законов, ограничивающих права человека, включая свободу слова и собраний, а также права меньшинств и религиозных групп)].

Таким образом, при реализации реляционной модели, как и других, акцент делается на негативных процессах, связанных с деятельностью страны-оппонента: во внешней политике это размежевание «своего» и «чужого» пространства и в стремлении изолировать «чужое» пространства от «своего».

2.2.3.4 Квантитативно-качественная модель

2.2.3.4.1 Общая характеристика модели

Геометрически организованная **квантитативно-качественная модель**, как и соответствующая локальная (см. 2.2.2.2), занимает в своей метамодели околоядерную зону (особенно четко это проявляется в американских СМИ): РЯ – 94 контекста (11,5 всех употреблений пространственных переносов); 48 единиц (11,3% всех пространственных метафор); АЯ – 125 контекстов (15,6%); 51 единица (13,3%).

В концептуальном и лексическом аспектах зоны локальной и геометрически организованной локальных моделей отчасти пересекаются, но обнаруживается также определенная специфика. Когнитивной основой анализируемой здесь модели является метафорическая корреляция относительного размера (величины) объекта (в одномерном, двухмерном и трехмерном измерении) с количеством, степенью проявления качества и / или степенью значимости характеризуемого феномена (ср.: *В целом на фоне колоссальной активности украинского лобби..., участие в данном обращении – это лишь одна маленькая деталь большого пазла влияния на американскую*

*внешнюю политику на российском направлении. Е. Спирин // Изв. 29.08.22; Putin doesn't do crazy, big things. He does small stuff – Crimea, Belarus. К. Parker // WP. 11.03.22 [Путин не совершает безумных, грандиозных поступков. Он занимается мелочами – Крымом, Беларусью]). Изменение соответствующего размера свидетельствует о динамике процесса (ср.: *Доля американской валюты в резервах центральных банков будет уменьшаться, полагает эксперт. А. Козлов // Вед. 20.04.23; The Washington Post provide new information about expand the Kremlin's drone program М. Plyushina // WP. 17.08.23 [The Washington Post опубликовала новую информацию о расширении кремлевской программы беспилотных летательных аппаратов]).**

Специфическая особенность геометрически организованной модели (по сравнению с локальной) – большая значимость в первичных ЛСВ компонента ‘больше / меньше естественной или установленной нормы’. При переносе он сохраняет свою прагматическую актуальность, подчеркивая не только несоответствие норме, но и возможность принципиальных (обычно негативных) изменений в характеризуемом процессе. Но в целом оценочно-прагматическая составляющая, как и в локальной модели, непосредственно связана с отражаемой в контексте конкретной ситуацией (ср.: *В Конгрессе многие считают, что оборонный бюджет США непомерно раздут, и военным следует померить свои аппетиты. Г. Иванов // АиФ. 13.02.23; The devil in the details is Russia's ballooning LNG trade, with Europe still buying. J. Blas // ВВ. 13.10.22 [Дьявол кроется в деталях – это «раздувающаяся, как воздушный шарик» (стремительно растущая) российская торговля СПГ, который Европа продолжает покупать]).*

Кроме того, на периферии геометрически организованной модели (как правило, с актуализацией прагматического компонента) находится концептуальное соответствие количественно-качественных признаков таким пространственным компонентам, как ‘степень заполнения некоторого объема (емкости) каким-л. веществом, чаще всего – жидким’, ‘степень пропитывания чего-л. таким веществом’. Периферийное для когнитивной матрицы этого

типа ассоциаций связано с включением в семантику переносов бытийно-динамических, деятельных признаков (ср.: *Соответствующие заявления США полны менталитета холодной войны и идеологических предрассудков*. В. Воробьев // АиФ. 02.12.22; *Целью накачивания Киева оружием в Вашингтоне называют военное поражение России*. С. Строкань // «Ъ» 03.05.22; *Украинский конфликт опустошает американские склады боеприпасов*. От ред // Изв. 30.08.22; [Russian] *government is draining its resources to maintain state spending*. ВВ News // ВВ. 15.11.23 [Правительство [России] «осушает» (истощает) свои ресурсы для поддержания государственных расходов]; *The Kremlin uses forcefully displaced Ukrainians to refill the population pool with educated, predominantly Slavic, Russian-speaking new citizens*. S. Talaver // Яс. 23.04.23 [Кремль использует насильственно перемещенных украинцев, чтобы «наполнить» заново «бассейн» (пополнить численность) населения образованными, преимущественно славянскими, русскоязычными новыми гражданами]).

Основным источником метафоризации в рамках данной модели становятся номинации относительного размера объекта, а также некаузативных или каузативных процессов, следствием которых становится изменение его величины (РЯ – 34 единицы: *большой, крупный, значительный* (по величине), *огромный, гигантский, колоссальный, массив* (‘большое пространство’), *массивный* (‘имеющий большую массу, объем’), *масштаб* (‘отношение отрезка линии (на чертеже, плане, карте и т.п.) к изображаемой им действительной длине’), *масштабный, масштабно, объем, увеличить, увеличиваться, раздуть, раздувание, раздутый, распространить* (‘сделать больше, увеличить пределы чего-л.’), *распространение, расширить, расширять, расширение, тянуть резину, растянуть, маленький (меньший), уменьшить, уменьшаться, сжиматься, сократить* (‘сделать коротким или более коротким’), *сокращать, сокращаться, сокращение, урезать* (‘уменьшить, укоротить режущим инструментом’), *резать*; АЯ – 32 единицы: *big* ‘большой по размерам или объёму’, *enormous* ‘отмеченный необычайно

большим размером’, *huge* ‘большого размера или площади’, *massive* ‘крупный, большой; гигантский’, *gigantic* ‘гигантский’, *scale* ‘масштаб’, *volume* ‘объем’, *expand* ‘расширяться, увеличиваться в объеме’, *expansion* ‘расширение’, *expansionist* ‘экспансионистский’, *expansive* ‘экспансивный, способный расширяться, распространяющийся’, *broaden* ‘расширять’, *extensive* ‘обширный’, *extensively* ‘широко, далеко простирающийся’, *cast further afield* ‘более масштабный по распространению’, *fan out* ‘широко простираться, распространяться в разные стороны’, *full-scale* ‘полномасштабный’, *reach* ‘большой непрерывный участок пространства’, *balloon* (v) ‘раздуваться, набухать’, *swell* ‘распухать; постепенно расширяться (по размеру, объему) за пределы нормального, первоначального предела’, *wide* ‘имеющий большее расстояние от одной стороны до другой, чем обычно, чем ожидается, особенно по сравнению с длиной чего-л.; не узкий’, *widespread* ‘широко распространенный’, *sweeping* ‘обширный’, *long-range* ‘относящийся к длинным, дальним дистанциям’, *protracted* ‘растягиваться во времени или пространстве’, *small* ‘сравнительно небольшой по размеру’, *little* ‘маленький по размеру’, *diminish* ‘делать маленьким; заставить казаться меньше’, *shrink* ‘становиться меньше; делать что-л. меньше’, *ever-shrinking* ‘постоянно уменьшающийся (сжимающийся, суживающийся)’, *scale back* ‘уменьшать что-л. по размеру’, *narrow* (v) ‘уменьшаться по широте, протяженности’).

Реже в реализацию данной модели вовлекаются номинации жидкой или газообразной массы, значительной по объему, скорости движения; степени заполнения ею некоей емкости, а также действий, направленных на увеличение или уменьшения такого объема (ср.: РЯ – 13 единиц: *поток, полный, наполнять, пустой, опустошить, опустошать, черпать, исчерпать, высасывать, пропитать, бездонная бочка, волна, каскад*; АЯ – 18 единиц: *avalanche* ‘лавина’, *deplete* ‘выкачивать основное вещество’, *desert* ‘пространство, практически лишенное воды (пустыня)’, *drain* (v) ‘осушать’, *drain* (n) ‘осушение’, *empty* ‘пустой’, *exhaust* ‘полностью исчерпать’, *fill*

‘наполнить’, *flood* (n) ‘наводнение’, *flood* (v) ‘наводнять’, *flow* ‘поток’, *imbue* ‘пропитывать’, *infuse* ‘наполнять / вымачивать в жидкости’, *pool* ‘бассейн (запас)’, *refill* ‘наполнять заново’, *torrent* ‘сильный поток жидкости’, *wave* ‘волна, большая масса воды»; *stream* ‘ручей как непрерывный поток’). Единичными примерами представлена метафоризация номинаций астрономических явлений (*черная дыра / black hole*: ‘коллапсар’ → ‘что-л., отнимающее усилия, ресурсы, но не приносящее пользы’).

Как и в других случаях, в функционировании данной модели в российских и американских СМИ есть общие и специфические черты.

2.2.3.4.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Геометрически организованная количественно-качественная модель, как и локальная, используется в российских СМИ прежде всего при характеристике внешней политики «США» – 61 из 94 контекстов (64,9%).

При помощи единиц, именующих значительный размер чего-л., в основном дается характеристика значительной финансовой, военной помощи киевскому режиму, а также санкционной политики в отношении РФ. Примечательно, что российские массмедиа обычно подчеркивают исключительно большой размер того и другого (ср.: *Предоставленная США оборонная поддержка – это «самый большой» вклад в укрепление обороноспособности Украины*). М. Беленькая // «Ъ». 25.04.22; *Граждан США обманом вынудили поддержать прокси-войну против России, чтобы избежать возмущения общества гигантскими тратами на военную помощь Киеву*. АиФ. 29.08.22; [Санкций] должно быть много. Отсюда интенсивное наращивание антироссийского санкционного массива. А. Конопляник // Вед. 31.05.23; *США ... продолжают рассматривать варианты, чтобы сохранить и расширить давление на Россию*. А. Томин. 10.06.22). Кроме того, единицы из этой же группы делают акцент на значительном объеме распространяемой КЗ во главе США недостоверной информации о России, Китае (ср.: *Американская сторона ... распространяет ... дезинформацию о*

том, что «Китай оказывает военную поддержку России». Н. Портякова // «Ъ». 18.04.24; Но закрыться полностью от [недостоверного] западного информационного потока мы тоже не можем. А. Пушкин // АиФ. 29.07.22).

Единицы из противоположной части когнитивной матрицы (незначительный по величине) при характеристике внешней политики США фиксируются в небольшом числе контекстов. С их помощью описывают те же ситуации, что и при использовании единиц из антонимической группы (значительный по величине), но в данном случае такое развитие событий трактуется как желаемое (оппонентами власти), как гипотетически возможное в будущем (ср.: *Один из чиновников Пентагона заявил CNN, что ... количество снаряжения и боеприпасов, которые США могут предоставить Киеву, также сокращается.* Г. Иванов // АиФ. 13.02.23; *Республиканцы потребовали урезать расходы Пентагона на ракеты для Киева.* От ред. // Взг. 18.06.23).

Единственная ситуация, в которой данная модель используется для указания на противоречия между «США» и киевским режимом, – это отказ Киеву в быстром принятии в НАТО, намеренное увеличение во времени этого процесса (ср.: *США на предстоящем саммите НАТО в Вильнюсе в июле нужно начать отказываться от своего обещания принять Украину в военный блок или хотя бы явно тянуть резину на этот счет.* В. Воробьев // АиФ. 17.06.23).

Специфической особенностью употребления переносов на базе лексики, именующей в исходных ЛСВ степень заполнения некоторого объема, пропитывания жидкостью объекта, является их регулярная экспрессивность, тогда как описываемые ситуации и их оценка аналогичны вышеуказанным (гегемонистский характер американской внешней политики, финансовая и военная помощь Украине, в том числе во вред Штатам). Для реализации такого представления используются единицы обеих частей когнитивной матрицы (ср.: *Украина – бездонная бочка для денег США.* Д. Соколов // АиФ. 26.04.24; *Украина – это черная дыра, которая высасывает*

деньги американских налогоплательщиков. Г. Иванов // АиФ. 13.02.23; [Штатам и КЗ] важно отчитаться перед своим населением., что те 40 миллиардов, которые они вбухали в Украину, потрачены не впустую. В. Кожемякин // АиФ. 28.06.23; Новая Стратегия национальной безопасности США пропитана откровенным реставрационным пафосом. От ред. // «Ъ». 13.11.22; «Горшок пуст»: США располагают деньгами на пару недель поддержки Украины. А. Маркова // МК. 12.12.23; У Вашингтона нет «волшебного горшочка», откуда можно было бы черпать помощь Киеву. От ред. // Изв. 28.12.23; Помощь ... Украине опустошила американские военные запасы. А. Комолов // РГ. 19.10.22).

При характеристике внутренней ситуации в «США» (33 из 94 контекстов, или 35,1%) акцент в основном делается на кризисных явлениях в финансово-экономической, социально-политической сферах, причем для этого используются единицы из обеих частей когнитивной матрицы (ср.: *У США никогда не было такого большого дефицита бюджета, как сегодня. А. Кубышкин // Вед. 26.02.24; Непростая ситуация с долговым лимитом: сам размер госдолга ... существенно сократит и увеличит стоимость кредитования., сокращение предложения долларов как внутри, так и за пределами США создаст колоссальные трудности для обслуживания долларовых долгов компаниями. А. Лосев // «Ъ». 24.03.23).* Позитивные тенденции в развитии «США» фиксируются в единичных примерах, которые обычно параллельно содержат негативную информацию или подчеркивают гипотетический характер таких процессов (ср.: *Соединенные Штаты – крупнейшая экономика мира, которая ... давно живет не по средствам. Г. Мирзаян // Вед. 12.05.23; Департамент эффективности госуправления будет проводить «радикальные изменения», сокращая раздутые штаты федеральных ведомств к 4 июля 2026 года. А. Тимофеев // АиФ. 17.11.24).*

Наиболее экспрессивно негативные процессы внутри страны, как и в ее международной деятельности, регулярно выражаются с помощью единиц, характеризующих степень заполнения емкости, пропитывания жидкостью

объекта (ср.: *Полный «шатдаун»: в США возникла угроза приостановки работы правительства*. От ред. // Изв. 25.09.23; *Дефолт ... опустошит пенсионные счета, увеличит расходы*. Изв. 31.05.23; *Стратегический нефтяной резерв США опустошен почти наполовину*. От ред. // Изв. 09.10.22).

2.2.3.4.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

В отличие от российских СМИ, американские массмедиа примерно с одинаковой активностью используют квантитативно-качественные переносы при описании внешней и внутренней политики страны-оппонента (внешняя – 60 из 125 контекстов, или 48%; внутренняя – 65 из 125 контекстов, или 52%), причем в ряде случаев эти характеристики совмещены (например, влияние санкций и военных действий на экономику и социально-политические процессы в «RUSSIA»). Вместе с тем в употреблении данной модели в разных ситуациях прослеживаются определенные тенденции.

Так, при характеристике внешнего политического и экономического положения «RUSSIA» наиболее последовательно используется та часть когнитивной матрицы, которая указывает на значительные параметры объекта. С одной стороны, таким образом американские массмедиа позиционируют агрессивную, «антидемократическую» деятельность страны-оппонента в мировом пространстве: СВО, угроза ядерной войны, укрепление торговых связей с «авторитарными» режимами, экспорт энергоносителей и получение сверхприбыли от этого (ср.: *Russian officials ... have reverted to expansionist rhetoric recently*. N. Venegas // NW. 16.12.23 [Российские официальные лица ... в последнее время вернулись к экспансионистской риторике]; *Putin broadens guidelines on potential use of nuclear weapons*. A. Crawford // BB. 19.11.24 [Путин расширяет указания по потенциальному применению ядерного оружия]; *The Pskov [submarine] ... is part of a much wider, and ballooning, trade that's receiving very little attention despite its political and economic significance* [with Iran]. J. Blas // BB. 13.10.22 [Псков

[субмарина] – часть намного более широкой и «быстро раздувающейся (как воздушный шар)» торговли [с Ираном]]; *Although better known for its vast pipeline gas exports, Russia is also the world's fourth-largest LNG shipper.* J. Blas // ВВ. 12.10.22 [Хотя Россия больше известна своим обширным экспортом трубопроводного газа, она также является четвертым по величине поставщиком СПГ в мире]; *Favorable energy prices provide Russia with a stream of oil and gas revenue.* ВВ News // ВВ. 15.11.23 [Благоприятные цены на энергоносители обеспечивают Россию «ручьём / речкой» (потоком) доходов от продажи нефти и газа)]. С другой стороны, таким образом американские массмедиа подчеркивают затяжной характер СВО, сопутствующие ей экономические, военные и человеческие потери, а также ослабление поддержки «RUSSIA» в мире (ср.: *Latest Putin's actions may reflect that the full-scale war on Ukraine is not going to plan, with ballooning casualties and costs in exchange.* D. Brennan // NW. 13.05.24 [Полномасштабная война с Украиной идет не по плану, вследствие чего потери и затраты будут «раздуваться, как воздушный шарик» (расти)]; *Russia has regrouped, in part because Mr. Putin was willing to accept enormous casualties.* P. Sonne, A. E. Kramer // TNYT. 13.12.23 [Россия перегруппировалась, отчасти потому, что г-н Путин был готов пойти на огромные потери]; *The war is likely to take on a more protracted character.* M. Wasiura // NW. 22.05.22 [Война, скорее всего, примет более затяжной характер]; *Russia's biggest problem is not that it is losing the Ukraine war but rather that it is losing the 21st century.* F. Zakaria // WP. 30.06.2023 [Самая большая проблема России заключается не в том, что она проигрывает войну на Украине, а в том, что она проигрывает XXI век]).

Единицы с антонимической семантикой (незначительный размер объекта) при характеристике внешней деятельности «RUSSIA» представлены в небольшом числе контекстов, но с их помощью также позиционируется «антизападная» агрессивная деятельность Кремля, ослабление экономических и политических связей «RUSSIA» с другими странами (ср.: [Their goal is] *diminish the role of the U.S. and its allies.* T. O'Connor // NW.

10.05.22 [Их цель – уменьшить роль США и их союзников]; *Putin's captured war plans show his ukraine ambitions shrinking*. W. M. Arkin // NW. 13.05.22 [Захваченные военные планы Путина показывают, что его украинские амбиции «сжимаются»]; *Supplies of the Iranian drones have been shrinking*. A. Slisco // NW. 15.11.23 [Поставки иранских беспилотников [в Россию] «сжимаются»)].

Употребление метафор на базе лексики, именующей степень заполнения объема, степени пропитывания жидкостью чего-либо наиболее последовательно используются трех типах внешнеполитических ситуаций

- Способность «RUSSIA» обходить санкции и увеличивать экспорт энергоносителей (ср.: *The LNG flows also show how Russia plays [with gas buyers] ... is cashing in record prices*. J. Blas // ВВ. 13.10.22 [«Потоки» (поставки) СПГ также показывают, как Россия играет [с покупателями газа] ... наживаясь на рекордных ценах]; *Russia's crude flows stay strong despite Baltic port stoppage*. J. Lee // ВВ. 19.12.23 [Российские «потоки» сырой нефти остаются высокими, несмотря на остановку работы балтийского порта]);

- Рост проблем, связанных с военным противостоянием «RUSSIA» и Украины (ср.: *Now, Moscow can't increase the number of its missile strikes because it has already depleted its overall supply*. W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [Теперь Москва не может увеличить количество своих ракетных ударов, поскольку она уже «выкачала» свои запасы ракет]; *Moscow has been forced to pull units from all over the country to fill the manpower black hole developing in Ukraine*. D. Brennan // NW. 29.12.23 [Москва была вынуждена стянуть подразделения со всей страны, чтобы заполнить «черную дыру» в личном составе, образовывавшуюся на Украине]);

- Стимулированная «коллективным Западом» эмиграция российской научной, творческой элиты с целью ослабить «RUSSIA», которая выступает в данном случае в роли пациента. Но такого рода контексты обычно содержат указание на ирреальную модальность (см. последовательное использование таких переносов в публикации С. Rampell // WP. 24.03.22: *Drain Putin's*

brains. Want to help the U.S. economy, promote democratic values abroad and punish Russia in one fell swoop? One option: Drain Russia's brains. ... But the prospect of doing this while imminently draining Russia's talent pool should make the policy even more attractive. [Выкачайте путинские мозги. Хотите помочь экономике США, продвигать демократические ценности за рубежом и наказать Россию одним махом? Одна опция: выкачайте российские мозги. ... Но перспектива сделать это во время неминуемого «осушения российского бассейна» (истощения российского резерва) талантов должна сделать эту политику более привлекательной]).

Внутреннюю политическую и экономическую ситуацию в «RUSSIA» американские СМИ характеризуют как достаточно противоречивую, отмеченную противоположными тенденциями.

С одной стороны, отмечаются кризисные явления в экономической и социально-политической сферах, усиление давления на общество со стороны властных структур, частичное ослабление самой власти. Примечательно, для репрезентации такого видения используются обе части когнитивной матрицы (ср.: *This is a big problem, how to live without Western companies. ... Russia's economy is too small and inefficient to make up for the shortfall.* D. Brennan // NW. 03.08.22 [Это большая проблема: как жить без западных компаний. ... Российская экономика слишком мала и неэффективна, чтобы компенсировать дефицит]; *The Kremlin expands its anti-Ukraine propaganda to students as young as kindergarten.* М. Pyushina // WP. 20.03.22 [Кремль «расширяет» (усиливает) антиукраинскую пропаганду на учеников в возрасте детсадовцев]; *The decision was indicative of a narrowing of decision-making circles., a growing insulation of those at the top from realit.* Т. Wood // Јас. 12.08. 22 [Это решение свидетельствовало об сужении круга лиц, принимающих решения, о растущей изоляции тех, кто находится на самом верху, от реальности]; *The Times analyzed the details of every case, revealing the extraordinary reach and invasiveness of the Kremlin's crackdown.* А. Troianovski. // TNYT. 29.12.23 [The Times проанализировала детали каждого дела, выявив

необычайный размах и агрессивность кремлевских репрессий]; *The elections took place in an ever-shrinking political space*. K. Hjelmggaard // USAT. 18.03.24 [Выборы прошли в условиях постоянно сужающегося политического пространства)].

С другой стороны, отмечаются, хотя значительно реже, успехи «RUSSIA» в социально-экономической сфере, обороноспособности и т.п. Для этого используются единицы преимущественно из правой части когнитивной матрицы (ср.: *Russia is a very big economy*. D. Brennan // NW. 03.08.22 [Россия – очень крупная экономика]; *The Washington Post documents the historic scale of the changes Putin is carrying out*. R. Dixon // WP. 06.05.24 [The Washington Post документирует исторический масштаб перемен, которые проводит Путин]; *Russia's Ministry of Defense is expanding an “FPV [first-person view] drone instructor program”*. A. Slisco // NW. 15.11.23 [Министерство обороны России расширяет «программу подготовки инструкторов по пилотированию беспилотников FPV (с видом от первого лица)»]).

Основная функция метафор на базе лексики, именующей степень заполнения емкости и пропитывания жидким веществом объекта, – преимущественно экспрессивная оценка негативных явлений в социально-экономической сфере, связанных с СВО, западными санкциями, действиями руководства страны (ср.: *The pace of this brain drain is especially impressive. ... Russian self-exiles are mostly flooding into nearby countries...* C. Rampell // WP. 24.03.22 [Скорость «иссушения» (утечки) мозгов особенно впечатляет. ... Российские добровольные изгнанники в основном «наводняют» соседние страны]; *These reserves will be exhausted in the first half of 2025*. T. Duesterberg, P. Rough // NYR. 01.12.24 [Эти резервы будут полностью опустошены в первой половине 2025 года]; *Russia's budget remains under pressure from the financial drain from the war*. ВВ News // ВВ. 08.09.23 [Бюджет России по-прежнему находится под давлением финансового «осушения» (утечки финансовых средств), вызванного войной]). Как и в российских СМИ, особое внимание здесь уделяется идеологической составляющей. В американских

массмедиа это проявляется в резко негативной оценке провластной, патриотической деятельности российских СМИ, социальных институтов и т.п. (ср.: *Russian state TV removed all entertainment shows from its programming, filling the broadcasts with propaganda-filled talk shows and state-vetted news.* М. Plyushina // WP. 20.03.22 [Российское государственное телевидение исключило из своих программ все развлекательные передачи, заполняя сетку вещания наполненными пропагандой ток-шоу и проверенными государством новостями]; *The Russian leader is militarizing his society and infusing it with patriotic fervor..., and conditioning a new generation of youth to view the West as a mortal enemy in a fight for Russia's very survival. ... The education system has been imbued with patriotic fervor.* WP staff // WP. 06.05.24 [Российский лидер милитаризирует свое общество и наполняет его патриотическим пылом..., а также приучает новое поколение молодежи воспринимать Запад как смертельного врага в борьбе за само выживание России. ... Система образования пропитана патриотическим пылом]; *"Z" is just an empty symbol for an empty war.* М. Roberts // WP. 23.03.22 ["Z" – просто пустой символ для пустой войны]).

Таким образом, геометрическая квантитативно-качественная матрица в российских и американских массмедиа также ориентирована на создание преимущественно негативного образа страны-оппонента в глазах своих читателей.

Итак, как показал анализ русскоязычного и англоязычного метафорических корпусов, именно пространственные переносы оказываются не только самыми востребованными в российских и американских массмедиа при характеристике страны-оппонента, но и системно организованными. Принципиально значимым представляется тот факт, что пространственная макромодель в обоих корпусах имеет идентичную структуру с однотипными когнитивными матрицами конкретных моделей и соразмерным числом контекстных реализаций. Когнитивное единство пространственных

переносов при характеристике страны-оппонента в российских и американских СМИ обуславливает единообразие основных источников метафоризации, а также относительное число метафорических членов концептуальных моделей. Больше количество пространственных переносов, фиксируемое в российских СМИ, во многом объясняется словообразовательными потенциями РЯ, регулярным включением в процесс метафоризации целых словообразовательных гнезд и близких по семантике единиц с однотипной словообразовательной структурой.

Концептуальный анализ использования пространственных метафор при характеристике страны-оппонента показывает, что в российских и американских СМИ формируется определенный политический образ «США» и «RUSSIA». Обе страны позиционируются как активные и самостоятельные субъекты мирового политического сообщества, деятельность которых в абсолютном большинстве случаев оценивается негативно (стремление «США» к абсолютной гегемонии в мире; агрессивная политика «RUSSIA» в отношении «демократических» Украины и КЗ). В качестве специфических способов создания пейоративного образа страны-оппонента можно отметить употребление каузативного варианта пространственных метафорических моделей. В российских СМИ «США» выступает исключительно в роли агенса, принуждающего других участников мирового сообщества действовать в его интересах; в американских СМИ «RUSSIA» может занимать позицию не только агенса, но пациента, объекта негативного воздействия со стороны «коллективного Запада». При характеристике внутренней ситуации в стране-оппоненте российские и американские СМИ сосредоточивают внимание преимущественно на негативных тенденциях в экономическом и социально-политическом развитии «США» и «RUSSIA». С помощью пространственных метафор «США» позиционируются как потенциально экономически нестабильное государство, в котором усиливается конфликт между различными политическими, социальными, расово-этническими и иными группами. В американских СМИ с помощью

такого рода переносов акцент делается в основном на кризисных экономических явлениях, на «недемократических», авторитарных действиях руководства «RUSSIA» в отношении оппозиции и гражданского общества.

2.3 Натуралистическая метафорическая макро модель

2.3.1 Общая характеристика натуралистической макро модели

Натуралистическая макросистема, «основанная на отношении “человек и природа”, объединяет метафоры, которые репрезентируют непредметную сферу через физические характеристики и состояния живых и неживых природных объектов» [Балашова 2014б: 167], – одна из самых продуктивных и сложно организованных в языках мира. Исследователи обычно противопоставляют в рамках данной макро модели переносы, источниками которых становятся номинации природных неорганических или органических объектов. В нашем исследовании эту оппозицию мы отразили в противопоставлении двух метамоделей: (1) Абиотическая мета модель (неорганический мир); (2) Биоморфная мета модель (флора и фауна).

Характерная особенностью исследуемых метафорических корпусов – действие «центробежных сил», когда многие натуралистические переносы функционируют в составе других макромоделей (см. 2.2, 2.4, 2.5). Наиболее последовательно этот процесс представлен в лексемах из метасистемы «Неорганический мир». Это свойственно, в частности, большинству метафор на базе номинаций космических и атмосферных явлений, рельефа, физических и химических свойств объектов предметного мира (ср.: *атомизировать / atomize* – геометрически организованная интегрально-фрагментарная модель; *тектонический сдвиг / tectonic shift* – геометрически организованная реляционная модель»; *заморозить / freeze* – локальная деятельно-динамическая модель). Несколько менее последовательно центробежные процессы, фиксируются в метасистеме «Органический мир (флора и фауна)» (ср.: *расти / grow* – локальная квантитативно-качественная

модель; *подстегнуть* ‘стегнуть, хлестнуть, подгоняя (о животном)’, *hobble* ‘стреножить’ – локальная деятельно-динамическая модель).

Собственно натуралистические (абиотические и биоморфные) переносы (то есть те, что мы не рассматриваем в составе других макромоделей) в исследуемом материале представлены небольшим числом единиц и их употреблений и составляют дальнюю периферию исследуемых метафорических корпусов (см. табл. 1): РЯ – 58 контекстов (4% всех зафиксированных переносных употреблений), 33 единицы (4,3% всех зафиксированных метафор); АЯ – 55 контекстов (3,6%); 30 единиц (4,2%).

Как показал анализ русскоязычного и англоязычного метафорических корпусов, при характеристике страны-оппонента выделяется лишь несколько более или менее оформленных блоков натуралистических метафор (см. табл. 3). Именно они рассмотрены в этом параграфе.

Таблица 3

Натуралистическая метафорическая макро модель в российских и американских массмедиа

Метамодел и модели	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Абиотическая	32 (55,2%)	14 (42,4%)	28 (50,9%)	11 (36,7%)
1.1 Огненная	14 (24,2%)	6 (18,1%)	12 (21,8%)	5 (16,7%)
1.2 Термическая	18 (31%)	8 (24,2%)	16 (29%)	6 (20%)
2 Биоморфная	26 (44,8%)	19 (57,6%)	27 (49,1%)	19 (63,3%)
2.1 Фитоморфная	8 (13,8%)	5 (15,2%)	12 (21,8%)	8 (26,7%)
2.2 Зооморфная	18 (31%)	14 (42,4%)	15 (27,3%)	11 (36,7%)
Всего	58 (100%)	33 (100%)	55 (100%)	30 (100%)

2.3.2 Абиотическая мета модель

Как показал анализ, при характеристике страны-оппонента абиотическая мета модель используется несколько более последовательно в российских СМИ по сравнению с американскими массмедиа (см. табл. 3): РЯ – 32 контекста (55,2% употреблений натуралистических переносов), 14 единиц (42,4% натуралистических метафор); АЯ – 28 контекстов (50,9%), 11 единиц (36,7%). Абиотическим метафорическим переносам, характеризующим «США» и «RUSSIA», посвящена наша статья [Кириллова 2025a].

В рамках данной метамоделю более или менее регулярно употребляются две модели – огненная и термическая.

Огненная модель, формируемая на базе лексики, характеризующей процесс горения, весьма продуктивна в языках мира, в том числе в русском и английском (ср.: [Ван Сяохуань 2025; Моисеенко 2020; Облецова 2018; Шиманская 2005]), но в российских и американских СМИ при характеристике страны-оппонента число таких метафор и их употреблений невелико: РЯ – 14 контекстов (24,2% употреблений членов натуралистической макромоделю); 6 единиц (18,1% натуралистических метафор) (*разжечь, разжигать, поджечь, сжечь, гореть; бросить в топку*); АЯ – 12 контекстов (21,8%); 5 единиц (16,7%) (*fuel* ‘снабжать систему веществом, которое можно сжигать для получения тепла или электроэнергии’; *spark* (v) ‘зажечь огонь’, *spark* (n) ‘искра’; *slow-burn* ‘медленно разгорающийся, медленно горящий’; *burn* ‘жечь, сжечь’). Указанные единицы, как показал анализ их употреблений, можно весьма условно разделить на две субмоделю – бытийно-динамическую и деструктивно-аннигиляционную.

В бытийно-динамической субмоделю начало бытия, развития какого-либо феномена ассоциируется с началом горения, его завершение – с окончанием горения, а степень проявления чего-либо – с объемом, силой горячей массы. Характерной особенностью исследуемого материала стало то, что с помощью членов данной субмоделю российские и американские СМИ позиционируют «США» и «RUSSIA» исключительно как агентов или косвенных виновников нестабильности в мире (ср.: *США разжигают конфликты у границ РФ и КНР и пытаются столкнуть Россию с Европой*. И. Егоров // РГ. 05.10.22; *Taken together, Moscow’s machinations fuel a feeling of growing instability worldwide*. Н. Notte // TNYT. 29.03.24 [В совокупности махинации Москвы «зажигают» ощущение растущей нестабильности во всем мире]; *The fear each time was sparking an escalation with Russia*. Editorial Board // WP. 23.11.24 [Страх каждый раз «зажигал искрой» (разжигал) эскалацию

отношений с Россией]). Лишь в одном контексте в американских СМИ дается характеристика внутрироссийских процессов, которые, однако, связаны с действием внешнеполитических факторов: начало финансово-экономического кризиса вследствие СВО и западных санкций (ср.: *Craig Kennedy*..: “*For Moscow, credit event risk ... will be of far more immediate concern than slow-burn risks like declining GDP*”. S. Farberov // NYP. 27.10.23 [Крейг Кеннеди..: «Для Москвы риск кредитных событий ... будет иметь гораздо более неотложное значение, чем такие медленно разгорающиеся риски, как снижение ВВП»].

В деструктивно-аннигиляционной субмодели процесс горения ассоциируется исключительно с разрушением, уничтожением какого-либо феномена. В российских СМИ подобным образом характеризуются дестабилизирующие действия «США» на международной арене, а также конкурирующих партий – внутри страны. В американских СМИ данная субмодель используется для позиционирования «RUSSIA» как объекта деструктивных действий со стороны США и КЗ (ср.: [Власти Украины] *пытаются угодить своему американскому хозяину, который бросил их – а заодно и всю Европу – в топку войны*. Рами Аль-Шаер // Зв. 03.12.22; *Губернатор Флориды заявил о желании Харрис сжечь США*. Губернатор Флориды: *девиз Харрис и Уолца – пусть США горят*. От ред. // Изв. 07.08.24; *Turkey: World Cannot Burn Bridge Connecting with Moscow*. WP staff // WP. 27.03.22 [Турция: Мир не может сжечь мост, соединяющий его с Москвой])).

Переносы на базе термической лексики, как отмечалось (см. 2.2.2), частично относятся к периферии локальной деятельно-динамической модели. Собственно «**термическая**» модель в российских и американских СМИ фиксируется несколько чаще, чем «огненная», но тоже в весьма ограниченном числе примеров: РЯ – 18 контекстов (31% употреблений членов натуралистической макромоделю), 8 единиц (24,2% натуралистических метафор); АЯ – 16 контекстов (29%), 6 единиц (20%). Основным источником метафоризации в обоих языках становятся собственно

«температурные» единицы (РЯ – 6 единицы: *горячий, потепление, накалять, накал, холодный, охлаждение*; АЯ – 6 единиц: *fervent* ‘очень горячий’, *heat up* ‘нагреваться, накаляться / нагревать, накалять’, *warm* ‘теплый’, *cold* ‘холодный’; *freeze* ‘заморозить, сделать жидкость твердой’, *froze* ‘замерзнуть; заморозить’, *frozen* (adj) ‘замороженный’). В российских СМИ представлены также 2 речевые экспрессивные метафоры на базе климатической лексики с низким температурным режимом: *зима, ледниковый период*.

В соответствии с общеязыковой когнитивной матрицей повышенная температура ассоциируется с высокой степенью проявления, развития какого-либо процесса, а пониженная – с низким уровнем в проявлении, развитии чего-либо. Примечательно, что обе части когнитивной матрицы (повышенный / пониженный температурный режим) в исследуемом материале обычно характеризуют конфликты на международной арене или внутри страны-оппонента: высокая температура ассоциируется с их наиболее активной фазой, сниженная – с их пассивной фазой или с ослаблением контактов с другими странами и т.п. Но в любом случае страна-оппонент позиционируется как виновник этих негативных процессов (ср.: *США продолжает накалять ситуацию на Ближнем Востоке*. От ред. // Изв. 04.02.24; «*Сейчас мы находимся [с США] в весьма и весьма горячей точке противостояния, – оценил Песков*. К. Латухина // РГ. 16.06.22; «*Мрачными симптомами*» смерти американского «миропорядка» стало охлаждение отношений США с их историческими союзниками из числа ближневосточных стран. И. Нечаев // РГ. 13.04.22; *В МИД рассказали о «зиме» в отношениях с США*. А. Юдин // Взг. 30.11.22; *Антонов указал на «ледниковый период» в российско-американских отношениях*. От ред. // Изв. 23.12.22; *Now it'll be Belousov who oversees Russia's invasion in Ukraine, which heated up over the weekend after the Kremlin's forces began to seize villages in the northeast province of Kharkiv*. R. Reyes // NYP. 12.05.24 [Теперь именно Белоусов будет курировать вторжение России в Украину, которое накалилось в минувшие выходные после того, как силы Кремля начали захватывать села

на северо-востоке Харьковской области]; *Vassily Nebenz, Russia's representative to the United Nations, declared on Monday: "No schemes to freeze the [Ukrainian] conflict are agreeable to Russia"*. J. Sweet, M. Toth // NYP. 21.12.24 [Василий Небензя, представитель России в ООН, заявил в понедельник: «Никакие схемы замораживания [украинского] конфликта неприемлемы для России»)].

Примеры с реализацией другой части термической когнитивной матрицы (повышенная температура – свидетельство дружественных отношений, проявление позитивных эмоций) в российских и в американских СМИ единичны и обычно включены в ирреальную модальную или ироничную рамку (ср.: *Ожидать потепления отношений Кубы и США в ближайшее время не стоит, уверены эксперты*. Е. Хамова // Изв. 29.05.24).

Примечательно, что в обоих языках неоднократно используется термин *холодная война / Cold War*, характеризующий военную эскалацию между странами-оппонентами в прошлом и настоящем (ср.: *Таких решений [о санкциях в отношении РФ] Вашингтон не принимал даже во время «холодной войны»*. К. Латухина // РГ. 16.06.22; *Should we expect more direct confrontation between nations [Russia and The collective West] or more of a slower, Cold War-style?* Т. О'Connor // NW. 10.05.22 [Стоит ли нам ожидать более прямой конфронтации между странами [Россией и КЗ] или более медленных усилий в стиле холодной войны?]).

Особого внимания заслуживает клишированное сочетание *горячая точка / hot spot* 'о регионе, где происходит или готовится вооруженный конфликт'. В проанализированных американских СМИ оно не зафиксировано, что может быть вызвано как ограниченным кругом анализируемых ситуаций (характеристика «RUSSIA»), так и возможной утратой его актуальности в американской политической коммуникации. В российских СМИ, напротив, данный фразеологизм на метафорической основе расширяет сферу приложения: его используют также при характеристике внутривнутриполитических конфликтов (без применения оружия)

(ср.: *Новая горячая точка: США готовятся к военному конфликту с Китаем*. А. Парфеев //АиФ. 29.09.23; *Техас в последние дни превратился в настоящую «горячую точку» Америки, где происходит противостояние между демократической администрацией Байдена и местными властями*. Я. Яшлавский // МК. 27.01.24).

Таким образом, несмотря на небольшое число единиц и их употреблений в российских и американских СМИ, абиотическая метамоделю выполняет свою основную функцию – формирование негативных образов «США» и «RUSSIA», конфликтного типа их взаимодействия с другими странами (в экспрессивной или клишированной форме).

2.3.3 Биоморфная метамоделю

Характерной особенностью функционирования биоморфной метамоделю в исследуемых метафорических корпусах оказывается меньшее (по сравнению с абиотической метамоделю) относительное число контекстов с ее реализацией – при достаточно большем количестве единиц, формирующих соответствующие переносы (см. табл. 3): РЯ – 26 контекстов (44,8% употреблений натуралистических переносов); 19 единиц (57,6% натуралистических метафор); АЯ – 27 контекстов (49,1%), 19 единиц (63,3%).

В универсальной биоморфной метамоделю обычно выделяют две модели – фитоморфную и зооморфную, но в исследуемых метафорических корпусах в их реализации есть определенная специфика.

Фитоморфная модель в русском и английском языках, в политической коммуникации устойчиво развивает бытийно-динамические переносы, в которых бытие, развитие и результат деятельности определенного феномена ассоциируется с жизнедеятельностью растений, а при каузативном представлении ситуации – с деятельностью человека по выращиванию растений и т.п. (ср.: [Айсакова 2021; Балашова 2014б; Гарбуйо 2017; Кропотухина 2014; Петрова 2013]). Однако в исследуемых метафорических корпусах данный тип метафор представлен спорадически (см. табл. 3): РЯ – 8

контекстов (13,8% употреблений членов натуралистической макромоделли), 5 единиц (15,2% натуралистических метафор); АЯ – 12 контекстов (21,8%), 8 единиц (26,7%). Возможно, это связано с объектом анализа, с ограниченным типом описываемых ситуаций или с предпочтениями авторов изученных публикаций.

Вместе с тем выявленные единицы в обоих корпусах (РЯ – *прорастить, корень, плод, культивировать, культивация*; АЯ – *cultivate* ‘культивировать, возделывать’, *fertile* ‘плодородный’, *ground* ‘почва’, *plant* ‘сажать (растения)’, *thrive* ‘цвести; процветать’, *uproot* ‘вырвать с корнем’, а также ситуативно включающиеся в модели единицы: *clear* ‘расчищать, освобождать (от камней, сорняков и т.п.)’, *field* ‘поле’) в полной мере вписываются в языковую когнитивную матрицу модели. С их помощью отражаются различные ситуации, связанные с международной деятельностью страны-оппонента, а также с ее внутренней социально-политической ситуацией. На столь малочисленном материале установить устойчивые тенденции в употреблении выявленных метафор проблематично, хотя можно отметить преобладание каузативного представления описываемых процессов, взаимодействия человека с растительным миром; например:

- **Идеологема «США» в российских СМИ:** *Американские военные удивительно долго добираются до останков сбитых над озером Гурон и Аляской аппаратов, давая возможность истории с НЛО прорастить корни в мозги обывателя.* Г. Простаков // Взг. 15.02.23; *Стратегия республиканцев, направленная на эскалацию миграционной проблемы в США, приносит плоды.* Рейтинг главы Белого дома Джо Байдена поставил антирекорд за последние полтора года. Е. Забродин // «Ъ». 01.02.24; *Президент Кубы ... заявил, что США культивируют русофобию.* С. Новиков // РГ. 14.04.23;

- **Идеологема «RUSSIA» в американских СМИ:** *The threat of expanding the conflict ... seemed to fall on fertile ground: the apathy and helplessness that have gripped many Russians since the invasion began.* (TNyT. Nataliya Vasilyeva, Valerie Hopkins. 23.11.24 [Угроза расширения конфликта...]

похоже, попала на благодатную почву: апатию и беспомощность, охватившие многих россиян с начала вторжения]; *Dmitry Kolezev, who fled Russia after the war, described the New People Party as a “fake party” planted by the Kremlin*. R. Dixon // WP. 14.03.24 [Дмитрий Колезев, бежавший из России после войны, назвал партию «Новые люди» «фальшивой партией», «посаженной» Кремлем]; *Under his watch, Russia has cultivated problems and pressure points for Western countries*. H. Notte // TNYT. 29.03.24 [Под его руководством Россия «культивировала» проблемы и точки давления для западных стран]; [Russian] *once-pervasive networks across Europe have been uprooted by waves of expulsions and arrests*. G. Miller // WP. 18.08.23 [Некогда широко распространенные [российские] разведывательные сети по всей Европе были «вырваны с корнем» волнами высылков и арестов].

Зооморфная модель (по сравнению с фитоморфной) оказывается более востребованной и лексически разнообразной в российских и американских СМИ (см. табл. 3): РЯ – 18 контекстов (31% употреблений членов натуралистической макромоделей), 14 единиц (42,4% натуралистических метафор); АЯ – 15 контекстов (27,3%), 11 единиц (36,7%). Как показал анализ, здесь (в отличие от фитоморфной модели) выделяется несколько языковых субмоделей, основанных на концептуальном противопоставлении животного и человека; опасного и безопасного для человека животного; восприятия человеком животного как добычи, пищи и объекта ухода, заботы. Данные субмодели не получают в исследуемых метафорических корпусах системной реализации. Но можно отметить, что зооморфная когнитивная матрица, как и фитоморфная, отмечена последовательным антропоцентризмом. Это получает отражение в основных принципах метафоризации и выборе ее источников.

Так, относительно немногочисленными и несистематизированными примерами (особенно в американских СМИ) представлены номинации животных, частей их тела и их жизнедеятельности, причем это отчасти речевые метафоры и идиомы с метафорической основой (преимущественно в

российских СМИ). Примечательно, что в семантике данных лексем обычно содержится прямое или косвенное указание на степень опасности или полезности для человека животного (РЯ – 9 единиц: *собака, сукин, доберман, тушка, разношерстный, сдохнуть, лаять, не по зубам, поглотить*¹¹; АЯ – 4 единицы: *hawkish* ‘ястребиный’, *rat* ‘крыса’, *parasitic* ‘паразитический’, *lash out* ‘наброситься, проявить агрессию (о животном)’). Более последовательно в обоих корпусах фиксируются переносы на базе периферийной для СП «Фауна» лексики, которая характеризует взаимодействие человека с животными: это номинации охоты человека на животное, забоя животных, приручения и использования животного для охоты, охраны, питания человека и т.п., а также артефактов, связанных с этими процессами (РЯ – 5 единиц: *охотиться, натаскивать, направлять, стравливание, травля*; АЯ – 7 единиц: *slaughter* (v) ‘забивать животное’, *slaughter* (n) ‘бойня, убой’, *tame* ‘ручной, прирученный’, *unleash* ‘спустить с поводка, с цепи (о животном)’, *fold* ‘загон для животных’, *network* ‘сеть’, *vet* ‘осматривать (о ветеринаре)’).

При репрезентации **идеологемы «США»** в российских СМИ данная модель употребляется в следующих ситуациях.

При характеристике внешней политики «США» выступает в роли хозяина или охотника, а подвластные «США» государства и международные институты – в роли прирученных, но агрессивных животных. Хозяин осуществляет минимальный уход за своими подопечными, но активно использует при охоте на оппонентов. Кроме того, с целью доминирования в мире «США» могут поощрять бойцовские схватки между независимыми от них странами-животными. Суверенные государства могут также позиционироваться как охотничий трофей «США» (ср.: *Многие десятилетия*

¹¹ В данном случае в основе метафоризации лежит представление о процессе приема пищи, который в равной степени присущ животным и человеку, но поскольку на первый план выходит проявление хищнических свойств (способности съесть живое существо), а также агрессивности, то мы рассмотрели данные единицы в составе этой модели.

американцы подбирают, натаскивают и натравливают на оппонентов самых разношерстных «сукиных детей». А. Ведрусов // Изв. 25.03.24; Именно поэтому они дают ей военную технику порционно, по системе – «Корми собаку, чтобы она не сдохла с голода, но громко лаяла». В. Кожемякин // АиФ. 28.06.23; Администрация президента США Байдена и ее международные союзники охотятся за голосами в Организации Объединенных Наций. А. Яшлавский // МК. 05.10.22; В целом можно сказать, что идёт коллективная травля Российской Федерации и они [западные страны во главе с США] подначивают друг друга к наращиванию давления. М. Алимов // МК. 10.06.22; Первый заместитель постпреда РФ при ООН Дмитрий Полянский уверен, что [Запад во главе с США] заинтересован в стравливании братских народов России и Украины. И. Сысоев // РГ. 18.07.23). Не менее концептуально значимым является то, «США» сами могут выступать в роли хищника, стремящегося растерзать, уничтожить противника (ср.: *Великая Китайская стена оказалась не по зубам американцам*. Ю. Мавашев // Изв. 27.04.24).

При характеристике внутренней ситуации в «США» на первый план выходит восприятие власти как агрессивного животного, выполняющего сторожевую функцию, а членов законодательных органов – как отъевшихся и малоподвижных домашних животных (ср.: *Стоун назвал Владимира Путина рассудительным и спокойным человеком, а власть США сравнил с «доберманом»*. От ред. // АиФ. 26.04.22; *Американские конгрессмены – «тушки на стероидах»*. А. Ведрусов // Изв. 22.04.24).

В американских СМИ при репрезентации внешнеполитической деятельности «**RUSSIA**» зооморфная модель также регулярно используется в «охотничьем» варианте (ср.: *He [Putin] seems unlikely to accept any result that does not achieve his goal of bringing Ukraine closer to the Russian fold. ... Members of Congress have also raised concerns that Mr. Putin could unleash Moscow's network of criminal hackers, who have conducted ransomware attacks.* D. E. Sanger // TNYT. 03.03.22 [Похоже, он [Путин] вряд ли примет какой-

либо результат, который не достигнет его цели – приблизить Украину к российскому загону. ... Члены Конгресса также выразили обеспокоенность тем, что г-н Путин может спустить с поводка сеть московских хакеров-преступников, которые до этого устраивали атаки с целью получения выкупа]). Вместе с тем агрессивность «RUSSIA» и ее опасность для мирового сообщества может позиционироваться с помощью представления о стране-оппоненте как о мяснике, осуществляющем массовый забой «беззащитных» животных, или о животном-хищнике, а также как о животном-паразите (ср.: *Trump likely doesn't have to worry that his Putinphilia will cost him a significant amount of support with his base no matter how many civilians Putin slaughters*. M. Boot // WP. 8.03.22 [Трампу, вероятно, не стоит беспокоиться о том, что его путинофилия будет стоить ему значительной части поддержки его электората, независимо от того, сколько мирных жителей Путин забьет на мясо]; *But there are also signs that more Russians have come to accept and even cheer on Mr. Putin's hawkish stance*. N. Vasilyeva, V. Hopkins // TNYT. 23.11.24 [Но есть также признаки того, что все больше россиян принимают и даже приветствуют ястребиную позицию г-на Путина]; *A new book by scholar Alexander Etkind, "Russia Against Modernity," makes the case that Putin has created a parasitic state*. F. Zakaria // WP. 30.06.23 [В новой книге ученого Александра Эткина «Россия против современности» утверждается, что Путин создал паразитическое государство]).

При характеристике внутренней социально-политической ситуации в «RUSSIA» акцент делается на том, что руководство страны выступает в роли, с одной стороны, хозяина, который приручил все политические и социальные институты и внимательно, как ветеринар, следит за их поведением, а с другой – работника скотобойни, готового жертвовать своим народом (ср.: *Putin has steadily destroyed democratic institutions, leaving the media., a tame electoral commission under rigid state control*. R. Dixon // WP. 14.03.24 [Путин последовательно разрушал демократические институты, оставляя средства массовой информации., ручную избирательную комиссию под жестким

государственным контролем]; *Russian state TV removed all entertainment shows from its programming, filling the broadcasts with ... state-vetted news*. М. Plyushina // WP. 20.03.22 [Российское государственное телевидение исключило из своих программ все развлекательные передачи, наполнив передачи ... «осмотренными как ветеринар осматривает животное» (одобренными)_государством новостями]; *Putin sends waves of troops to the slaughter*. I. Sabina-Joja // NYU. 18.12.23 [Путин посылает волны войск на бойню]).

Таким образом, характерной особенностью реализации натуралистической макромодели в российских и американских СМИ является экспрессивная насыщенность большинства переносов (особенно в зооморфной модели), что позволяет создать исключительно негативный образ страны-оппонента.

2.4 Антропоморфная метафорическая макромодель

2.4.1 Общая характеристика антропоморфной макромодели

Антропоморфные метафоры, в которых различные непредметные феномены ассоциируются с физическими, психолого-поведенческими характеристиками человека, с оценкой благоприятных или неблагоприятных для него условий жизни [Балашова 2014б: 167], относятся к универсальным. Их активно используют в разных типах дискурса, в том числе в политическом (ср.: [Арутюнова 1998; Балашова 2022б; Балашова 2025а; Воскресенская, Ноздренко 2021; Керимов 2015; Лященко 2015; Ульман 1970]). Анализу данной макромодели посвящены наши статьи [Кириллова 2024б, 2025в].

При характеристике страны-оппонента антропоморфные метафоры употребляются более регулярно (особенно в американских массмедиа), чем натуралистические, но не столь активно, как пространственные и социоморфные (см. табл. 1), и составляют ближнюю периферию в исследуемых корпусах: РЯ – 103 контекста (7,1% всех зафиксированных

переносных употреблений), 81 единица (10,5% всех зафиксированных метафор); АЯ – 119 контекстов (7,9%), 85 единиц (11,9%).

В концептуальном аспекте в рамках макро модели выделяются две базовые модели: (1) физиологическая модель (непредметные феномены ассоциируются с физиологическими характеристиками человека); (2) психологическая модель (такого рода феномены ассоциируются с ментальной, эмоциональной деятельностью человека и их поведенческим проявлением). В Степень востребованности данных моделей при характеристике страны-оппонента в российских и американских СМИ различна (см. табл. 4).

Таблица 4

Антропоморфная метафорическая макро модель в российских и американских массмедиа

Модели	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Физиологическая	85 (82,5%)	69 (85,2%)	104 (87,4%)	75 (88,2%)
2 Психологическая	18 (17,5%)	12 (14,8%)	15 (12,6%)	10 (11,8%)
Всего	103 (100%)	81 (100%)	119 (100%)	85 (100%)

2.4.2 Физиологическая модель

2.4.2.1 Общая характеристика

Физиологическая модель статистически является главенствующей в антропоморфной макро модели (см. табл. 4): РЯ – 85 контекстов (82,5% употреблений переносов); 69 единиц (85,2% антропоморфных метафор); АЯ – 104 контекста (87,4%); 75 единиц (88,2%). В концептуальном аспекте исследуемые переносы в российских и американских СМИ формируют общую, достаточно четко структурированную матрицу, для реализации которой используется разнообразная по исходной семантике лексика.

В частности, наиболее последовательно в обоих метафорических корпусах источником метафоризации становятся номинации базовых этапов в жизнедеятельности человека (рождение, жизнь и смерть); физических признаков, состояний, отражающих степень жизнеспособности организма человека, его возможности нормально функционировать, причем предпочтение отдается номинациям с негативной оценкой такого рода

характеристик (ср.: РЯ – 28 единиц: *жить, выживание, выжить, изжить, смертный, умереть, отмирание; здоровый, бодрый, инстинкт самосохранения, мощь, мощный, сила, сильный, усилие, бессилие, слабый, слабость, ослабевать, дряхлый, на последнем издыхании, больной, близорукость, слепо, слепоглухонемой, недальновидный* (частичная метафора), *бесхребетность* (частичная метафора), *кровоточить*; АЯ – 25 единиц: *live* ‘жить, быть живым’, *healthy* ‘здоровый’, *power* ‘способность действовать; сила, энергия’, *powerful* ‘сильный, мощный’, *strength* ‘физическая сила’, *strengthen* ‘стать сильнее’, *strong* ‘наделенный физической силой’, *recover* ‘полностью выздороветь после болезни или травмы’, *recovery* ‘выздоровление’, *survive* ‘продолжать жить, особенно после того, как кто-л. оказался на грани смерти’, *weak* ‘слабый; с недостатком физической силы’, *weakness* ‘слабость’, *painfully* ‘болезненно, мучительно’, *pain* (cause pain) ‘боль’, *painfully* ‘болезненный’, *headache* ‘головная боль’, *pathology* ‘медицинская патология’, *symptom* ‘симптом’, *suffer* ‘страдать’, *dead* ‘мертвый’, *die* ‘умереть’, *breathless* (adj) ‘потерявший возможность дышать’, *brehtaking* (adj) ‘захватывающий дух’ (частичная метафора), *overreach* ‘чрезмерное, непосильное напряжение’, *struggle* ‘испытывать трудности, прилагать огромные усилия, чтобы что-л. сделать’).

Достаточно активно в процесс метафоризации вовлекается также лексика, связанная с каузативным представлением ситуации: номинации процессов, связанных с внешним воздействием на физиологическое состояние человека, а также тех реалий, что становятся причиной улучшения или ухудшения его состояния, причем и здесь (прежде всего в РЯ) преобладают именованья негативного воздействия на физическое состояние человека, вплоть до его смерти (причинение физических страданий, толчок, давление, перекрытие дыхания, болезнь и т.п.) (ср.: РЯ – 35 единиц: *оживить, ослабить, ослаблять, ослабление, ослабленный, насиловать, истязать, мучить, замучить, мучительный, чума, пилюля, пасть жертвой, жертва, гибнуть, погибнуть, задушить, удушить, удушение, рана,*

уязвимый, бить, добить, удар, ударить, кулак (как «орудие» нанесения удара), самобичевание, давить, давление, надавить, прижать, нажим, отягощенный, нагрузка, нелегкий; АЯ – 42 единицы: *revive* ‘вернуть к жизни, оздоровить’, *strengthen₂* ‘сделать сильнее’, *antidote* ‘антидот от яда’, *pill* ‘пилюля, таблетка’, *swallow a pill* ‘проглотить таблетку’, *casualty* ‘человек, раненый или убитый в результате серьезного несчастного случая или войны’, *trauma* ‘повреждение (например, рана) живой ткани’, *vulnerable* ‘уязвимый’, *wound* (v) ‘ранить’, *wound* (n) ‘рана’, *wounded* (adj) ‘раненый’, *plague* (v) ‘заражать; причинять боль’, *plague* (n) ‘чума; эпидемия’, *corruption-plagued* ‘зараженный коррупцией’ (частичная метафора), *enforce* ‘применить силу’, *force* (v) ‘применять силу’, *weaken* ‘ослаблять, лишать физической силы’, *excruciatingly* ‘мучительно; с причинением сильной боли, мучений’, *hurt* (smb) ‘причинять физическую боль’, *pressure* (n) ‘физическое давление, применение силы’, *risk smb’s neck* ‘рисковать чьей-л. шеей; подвергать кого-л. опасности серьезной травмы или смерти’, *pressure* (v) ‘давить, применять силу’, *hit* (n) ‘удар’, *hit* (v) ‘ударять’, *beat* (v) ‘бить повторяющимися движениями’, *beat* (n) ‘удар или толчок, в особенности в серии ударов’, *unbeatable* ‘непобедимый’ (частичная метафора – от: *un-* с отрицательным значением + *beat* ‘бить, избивать’), *blow* (n) ‘сильный удар, нанесенный частью тела (кулаком, ногой и т.п.) или инструментом’, *boot* (v) ‘пинать’, *buffet* (v) ‘наносить резкие удары, особенно кистью руки’, *buffet* (n) ‘удар кистью руки’, *strike* (n) ‘удар’, *strike* (v) ‘ударять’, *wrist-slap* ‘шлепок по руке’, *slap* ‘дать пощечину’, *decapitate* ‘отрубать голову’, здоровье и сила, благоприятные условия жизни (в том числе удовлетворение в потребности в пище) ассоциируются с большим потенциалом, успешным развитием страны-оппонента и ее отдельных институтов, политических сил и т.п., тогда как смерть, болезнь, физическое несовершенство, невозможность удовлетворить потребность в еде и т.п. – с кризисными явлениями, отсутствием развития, бытия этих институтов и т.п. (ср.: «Любая компания, пособничающая ужасам на Украине, как это делает китайский оборонно-промышленный комплекс,

заслуживает того, чтобы испытать на себе всю мощь американских санкций», – заявил ... конгрессмен-республиканец Майк Галлахер. Н. Портякова // «Ъ». 18.04.24; *США в Европе кормятся за чужой счёт*. В. Сокирко // АиФ. 12.04.24; *Кто-то после этого пошутил, что лидер страны общается с духом умершей американской демократии*. А. Власенко // АиФ. 09.08.22; *A big powerful country [Russia] is aimed at taking imperfect democracies and wiping them out*. G. Sargent // WP. 24.03.22 [Большая мощная (могущественная) страна [Россия] нацелена на то, чтобы захватить несовершенные демократии и уничтожить их]; *Why Russia won't soon recover from Putin's Ukraine blunder*. К. Parker // WP. 11.03.22 [Почему Россия не скоро «выздоровеет» (оправится) от ошибки Путина на Украине]; *Russia's weakness is not lost on foreign leaders*. L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [Слабость России не остается незамеченной иностранными лидерами]; *Its [Russian] economy starved of young employees*. [Ее [российская] экономика испытывала «голод» (недостаток) в молодых работниках].

При каузативном осмыслении ситуации страна-оппонент или его отдельные институты оказываются либо инициатором таких процессов в других странах, институтах и т.п., либо объектом позитивного или негативного внешнего воздействия (ср.: *Установление дипотношений между этими странами ... «оживит» американский проект Ближневосточного экономического коридора ИМЕС (Индия – Ближний Восток – Европа)*). Р. Романов // Вед. 08.05.24; *При этом политика долгосрочного ослабления России [со стороны США и их союзников] за счет разного рода эмбарго продолжится. ... Все вместе [США и их союзники] – еще один «кулак» для удара по РФ*. Д. Бавырин // Взг. 19.05.23; *“We want Google search to be an antidote to fake news [in the Russian media]”*. D. Brennan // NW. 03.08.22 [Мы хотим, чтобы гугл-поиск был «антидотом» к фейковым новостям [в российских СМИ]]; *We've weakened its financial system*. С. Rampell // WP. 24.03.22 [Мы ослабили ее [российскую] экономическую систему]; *The case has become another damaging blow to Russia's spy services*. G. Miller // WP.

18.08.23 [Это дело стало еще одним сокрушительным ударом по российским шпионским службам]).

При метафоризации номинаций позитивных или негативных ощущения (приятный / неприятный вкус, боль и т.п.), в российских и американских СМИ обычно акцентируется эмоционально-экспрессивная реакция на позитивные / негативные тенденции в развитии чего-л., связанного со страной-оппонентом; на каузацию таких процессов и тех событий, что их инициируют. Примечательно, что в исследуемых метафорических корпусах даже приятные ощущения (сладкий на вкус) ассоциируются с отрицательно оцениваемыми ситуациями, поскольку таким образом маркируется манипулирование общественным мнением со стороны участников политического процесса (ср.: *Справедливость этого изречения бывший глава штата Гуджарат [Индия], которого сладкоречивые американцы метили как фашиста, доказал на собственном опыте.* Д. Бавырин // ВЗг. 22.06.23; *Even on state television ... Russia's defeats are engendering much bitterness and hurt.* L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [Даже на государственном телевидении ... поражения России вызывают много горечи и боли]).

При реализации физиологической модели в российских и американских СМИ, как и в других моделях, есть общие и специфические черты.

2.4.2.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Характерной особенностью использования данной модели при характеристике «США» является явное преобладание ее **каузативного** варианта – 70 из 85 контекстов с физиологическими метафорами (82,4%).

Как при реализации других моделей, российские массмедиа сосредоточивают внимание на агрессивно активной позиции «США» во внешнеполитической деятельности. «США» выступают в роли агенса, который, стремясь к гегемонии, причиняет вред другим государствам (включая своих союзников), международным институтам и т.п. (ср.: *США ... предпринимают всяческие усилия, чтобы давить на дипломатов* [других

государств в ООН]. Г. Иванов // *АиФ*. 21.06.23; *Жертвой таких действий* [со стороны США] *пал ближневосточный «квартет»* [по урегулированию конфликта между Израилем и Палестиной]. В. Воробьев // *АиФ*. 25.04.23; *Европе постоянно приходится принимать на себя удар политики Вашингтона*. От ред. // *АиФ*. 29.08.22; *Байден попытается усилить давление на Нетаньяху, ограничивая поставки части вооружений*. Р. Романов // *Вед.* 08.05.24; *Помимо Палестины, сегодня еще кровоточит не менее десятка других ран, которые* [возглавляемый США «коллективный Запад»] ... *нанес мусульманам*. А. Борисов // *РГ*. 21.05.23). Но, безусловно, наиболее регулярной и разнообразной по способу выражения становится характеристика агрессивной политики США по отношению к России (ср.: *Выбранная президентом Байденом стратегия ослабления России может «превратить войну на Украине в глобальную»*. С. Строкань // «*Ъ*». 03.05.22; *Давление* [на Россию со стороны США] *не окончится с решением украинского вопроса*. Ю. Белов // *Пр.* 04.05.22; *«Задушить» её* [Россию] *представлялось* [США] *задачей весьма быстрой и легко выполнимой*. П. Пархитько // *Пр.* 11.08.22; *В США ... не скрывают цели «удушения» нашей экономики*. От ред. // *АиФ*. 30.04.22; *На сегодняшний день в отношениях Москвы и Вашингтона не осталось почти ничего конструктивного. Один сплошной мучительный «деконфликтинг»*. А. Ведрусов // *Изв.* 16.11.22; *Вашингтон ... пытается экономически прижать Москву*. А. Яшлавский // *КП*. 05.10.22).

Значительно реже «США» выступают в роли объекта внешнего негативного воздействия, причем здесь обычно подчеркивается «возвратное» действие агрессии «США»: страна причиняет вред самой себе, стремясь ослабить, уничтожить своих оппонентов (ср.: *Отказ ряда западных стран от нормального сотрудничества с Москвой, а также от части российских энергоресурсов уже ударил по Европе и США*. От ред. // *Изв.* 02.06.22; *Они* [США] *напропалую вводили санкции вообще на все, но теперь пришло понимание, что это бьет по их собственной экономике*. А. Степанов // *АиФ*.

15.07.22; Самобичевание в Белом доме [о внешней санкционной политике]. ... [Байден] согласился с тем, что на самом деле ударил по экономике собственной страны. ... Кто же забудет человека, который за короткий срок умудрился своими решениями добить некогда процветающую экономику великой страны? В. Воробьев // КП. 11.01.25).

При характеристике внутренней ситуации в «США» каузативный вариант используется для маркирования вредоносной для самих Штатов деятельности правящей элиты, а также конфронтации ведущих партий (ср.: Всё с более раннего возраста детей [в США и странах КЗ]... начинают истязать сомнениями о принадлежности к своему полу, разрушать их психику призывами «найти себя и изменить». А. Башкин // КП. 26.07.22; Чума на ваши дома [подзаголовок к статье об экономической ситуации в США]. Г. Мирзаян // Взг. 12.05.23).

Некаузативный вариант (15 из 85 контекстов с физиологическими метафорами, или 17,6%) используется российскими журналистами преимущественно при негативной оценке внешнеполитической деятельности «США»: физическая слабость, неполноценность «США» оказывает пагубное влияние на весь мир и их самих (ср.: Гегемон смертен. А. Мельников // АиФ. 22.03.24; Слепоглухонемой капитан дальнего плавания – это именно то, что нужно американским глобалистам. Е. Маслов // АиФ. 13.05.23; Отношения России и США находятся «на последнем издыхании». ... Вашингтон продолжает втягиваться в украинский конфликт и теряет инстинкт самосохранения. От ред. // Изв. 23.12.22; Республиканцы, разумеется, стали утверждать, что Блинкен [на переговорах с Китаем], как обычно, не справился., тем более что их критика проходит по части бесхребетности гонца. Д. Бавырин // Взг. 21.06.23). Во внутренней политике с помощью некаузативных физиологических метафор негативно оценивается экономическая ситуация в США, но связана она и недалёковидной внешней политикой страны (ср.: Но последствием

вмешательства в данном случае будет серьезное ослабление курс доллара и новый виток инфляции. А. Кубышкин // Вед. 26.02.24).

Таким образом, физиологические переносы преимущественно экспрессивно характеризуют негативную, с точки зрения российских СМИ, политику США, направленную на усиление их доминирующего положения в мире и способов достижения этой цели.

2.4.2.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

Американские массмедиа, в отличие от российских, активно используют оба варианта модели, хотя ведущее положение и здесь занимает **каузативный** вариант: 68 из 104 контекстов с физиологическими метафорами (65,4%).

Характеристика внешнеполитической деятельности «RUSSIA» представлена в 28 из 68 контекстов (41,8%) этого варианта. Примечательно, что примерно в равной степени «RUSSIA» выступает в роли агенса по отношению к другим государствам, международным институтам и в роли пациенса – объекта воздействия на нее внешних сил.

Если «RUSSIA» занимает позицию агенса, то акцент делается на ее агрессивном деструктивном воздействии на другие государства – Украину, страны КЗ, общемировую ситуацию, причем такого рода влияние может позиционироваться как гиперболизированное, иллюзорное и потенциально возможное (ср.: *They ... sped forces to Kyiv, the capital, with the goal of decapitating the government of the democratically elected president, Volodymyr Zelensky.* Н. Соопер // TNYT. 25.02.22 [Они ... перебросили войска к столице, Киеву, с целью обезглавить правительство демократически избранного президента Владимира Зеленского]; *In invading Ukraine, they think they're putting huge pressure on the Biden administration.* G. Sargent // WP. 24.03.22 [Вторгнувшись в Украину, они думают, что оказывают большое давление на администрацию Байдена]; *Putin is helping Hamas to hurt the West.* J. Rogin // WP. 17.10.23 [Путин помогает ХАМАС «ранить» Запад]; *Mr. Putin correct in*

his longstanding conviction that he can exhaust Western resolve in global politics and conflicts. P. Sonne // *TNYT*. 13.12.23 [Г-н Путин прав в своем давнем убеждении, что он может «истощить / изнурить» решимость Запада в глобальной политике и конфликтах)].

В позиции пациенса «RUSSIA» позиционируется как объект негативного политического, экономического, военного воздействия со стороны не только КЗ, Украины, но и ее партнеров (ср.: *The recent collapse of Syrian dictator Bashar al-Assad dealt a significant blow to the power projection capabilities of both Russia and Iran.* P. Doran // *NYP*. 07.01.25 [Недавнее падение сирийского диктатора Башара Асада нанесло значительный удар по возможностям проецирования силы как России, так и Ирана]; *Chinese banks are refusing to work with sanctioned financial institutions in Russia, delivering another blow to the economy.* B. Cole // *NW*. 03.12.24 [Китайские банки отказываются работать с попавшими под санкции финансовыми институтами в России, нанося очередной удар по экономике]; *Russia Hit with Unexpected Headache from Oil Refinery Attacks.* I. van Brugen // *NW*. 10.05.24 [Россия пострадала от неожиданной головной боли из-за атак на нефтеперерабатывающие заводы]; *Will the growing number of businesses departing Russia ... cause enough pain to end Putin's war in Ukraine?* D. Brennan // *NW*. 03.08.22 [Растущее число предприятий, покидающих Россию, ... причинит достаточно боли, чтобы закончить войну Путина?]; *Agreeing to a lasting cease-fire in Ukraine may be a bitter pill for Putin to swallow.* Editorial Board // *NYP*. 09.12.24 [Согласие на длительное прекращение огня на Украине может оказаться горькой пилюлей для Путина]).

Вместе с тем в целом ряде случаев американские СМИ подчеркивают, что негативное воздействие на «RUSSIA» дает обратный результат – «подпитывает», «возбуждает аппетит» к активным действиям (ср.: *“I would never underestimate President Putin’s risk appetite on Ukraine,” Mr. Burns said in December.* D. E. Sanger // *TNYT*. 03.03.22 [«Я бы никогда не стал недооценивать аппетит президента Путина к риску в отношении Украины», –

заявил в декабре г-н Бернс]). Но такая активность «RUSSIA» имеет исключительно негативную цель – возродить Российскую империю или СССР (ср.: *“Russia would be revanchist one day,” she added, referring Russia’s eventual desire to revive the Soviet Union.* P. Aitken // FN. 23.07.22 [«Россия однажды станет реваншистской», – добавила она, имея в виду возможное желание России возродить Советский Союз]).

Более противоречивой в рамках каузативного варианта модели оказывается характеристика внутренней ситуации в «RUSSIA» – 40 из 68 контекстов (58,2%). С одной стороны, руководство страны выступает в роли агенса, деструктивно воздействующего не только на оппозиционные силы, СМИ, но и на общую социально-экономическую ситуацию в стране (ср.: *Truth is the first casualty of war, as the saying goes.* H. Olsen // WP. 15.03.22 [Как гласит пословица, правда – первая жертва войны]; *The Times analyzed the details of every case, revealing the extraordinary reach and invasiveness of the Kremlin’s crackdown.* A. Troianovski // TNYT. 29.12.23 [The Times проанализировала детали каждого случая, раскрыв чрезвычайный размах и инвазивность суровых мер Кремля]; *Historic corruption in Russia may have hit its military.* P. Aitken // FN. 06.03.22 [Исторически сложившаяся в России коррупция могла нанести удар по ее военным силам]). С другой стороны, руководство страны оказывается пациентом, страдающим от собственных ошибок во внешней и внутренней политике (ср.: *It is an isolated country embroiled in war and plagued by systemic decay.* P. Doran // NYP. 07.01.25 [Это изолированная страна, втянутая в войну и «зараженная как чумой» (измученная) системным упадком]; *After the Russian military’s poor performance in the first week of the war, he [Putin] may be concerned that any whiff of failure could weaken his hold on power.* D. E. Sanger // TNYT. 03.03.22 [После неудачных действий российских военных в первую неделю войны он [Путин] может быть обеспокоен тем, что любой намек на неудачу может ослабить его «силу» (власть)]).

В отличие от российских СМИ, американские массмедиа более последовательно указывают на действия руководства «RUSSIA» созидательного характера, но все они направлены на поддержку своего окружения и реализацию агрессивных планов (ср.: *Putin is relying increasingly on a swollen, well-fed security apparatus.* L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [Путин все больше полагается на раздутый, хорошо раскормленный аппарат безопасности]; [Advisers to the President of Russia] *would fill the Russian leader's head with notions of "dynastic, messianic duty" to revive the "Russian nation"*. P. Aitken // FN. 23.07.22 [[Советники президента РФ] забивали голову российского лидера идеями «династического, мессианского долга» по возрождению «русской нации»]).

Менее представленный в американских СМИ **некаузативный** вариант физиологической модели (36 из 104 контекстов с физиологическими метафорами, или 34,6%) также отмечен известной противоречивостью. С одной стороны, во внешней политике и во внутренней ситуации «RUSSIA» позиционируется как физически крепкое государство с высоким потенциалом, а с другой – она предстает физически слабой, больной, возглавляемой слабым руководством (ср.: *Top wheat exporter Russia is struggling to ship its record harvest.* M. Durisin // ВВ. 17.08.22 [Крупнейший экспортер пшеницы Россия с трудом справляется с поставками своего рекордного урожая]; *To put it even more bluntly, who, if anyone, still needs a weak Vladimir Putin?* L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [Говоря еще более откровенно, кому еще нужен слабый Владимир Путин?]; *In this sense, the talk of a return to "traditional values" is just a symptom of the Russian government's helplessness.* S. Talaver // Яс. 23.04.23 [В этом смысле разговоры о возврате к «традиционным ценностям» – всего лишь симптом беспомощности российского правительства]). С другой стороны, в целом ряде случаев отмечается способность «больной» и «израненной» страны восстанавливать свои силы без поддержки извне или даже вопреки внешнему давлению (ср.: *Recovery [the economy of Russia] shows limits of sanctions.* ВВ News // ВВ.

15.11.23 [Выздоровление [экономики России] показывает ограниченность санкций]).

Таким образом, образ «RUSSIA» сквозь призму физиологических метафор в американских СМИ предстает достаточно противоречивым и эмоционально экспрессивным насыщенным.

2.4.3 Психологическая модель

Психологическая модель, в отличие от физиологической, представлена в российских и американских СМИ небольшим числом примеров с небольшим числом метафорических единиц (см. табл. 4): РЯ – 18 контекстов (17,5% всех употреблений антропоморфных переносов), 12 единиц (14,8% антропоморфных метафор); АЯ – 15 контекстов (12,6%), 10 единиц (11,8%), причем четкого противопоставления метафоризации членов базовых СГ «Интеллект», «Эмоции; их поведенческое проявление» в исследуемых метафорических корпусах практически нет.

В соответствии с общей прагматически-оценочной когнитивной матрицей страна-оппонент, ее отдельные институты и т.п. воспринимаются как личность, оцениваемая с точки зрения ее ментально-эмоционального соответствия. В этом аспекте характеризуются также действия, решения данных феноменов и причины, их обуславливающие. Показательно, что в обоих корпусах представлена только правая часть матрицы, характеризующая несоответствие ментально-эмоциональной норме, неадекватные состояния и поведение, а также их причины и результаты (ср.: *Это какая-то шизофреническая логика.* [о деструктивных решениях США, НАТО и Евросоюза в отношении РФ] В. Воробьев // *АиФ.* 25.04.23; *Yet, this elite [Russian] self-perception is only partly delusional.* J. Tell // *Яс.* 13.12.23 [Тем не менее это «самовосприятие» элиты лишь отчасти бредовое]).

Соответственно источниками языковых и речевых метафор становятся лексемы и устойчивые сочетания, именующие в первичных ЛСВ и в буквальном значении психические заболевания, психически и эмоционально

неадекватные состояния и поведение, а также причины, проявления и результат возможной неадекватной ментально-эмоциональной реакции (ср.: РЯ – *безумный, извращенный, истерика, паранойя, параноидально, уйти в виртуальную реальность* (окказионально), *фобия, шарики за ролики* (заходят), *шизофренический, опьянить, пьяный* (в режиме *пьяного матроса* – окказионально), *подсадить на иглу*; АЯ – *capricious* ‘капризный; управляемый, характеризующийся внезапными иррациональными импульсами’, *delusional* ‘бредовое мышление (часто встречается при шизофрении)’, *denizen of “pink pony planet”* ‘обитатель «планеты розовых пони» (об иллюзии, неправильном восприятии реальности)’ (окказионально), *divorced from the objective reality* ‘оторванный от объективной реальности’, *idiotic* ‘идиотский’, *fantasy* ‘фантазия’, *illusion* ‘иллюзия; вводящее в заблуждение изображение’, *madness* ‘состояние тяжёлого психического заболевания’, *obsession* ‘постоянная тревожная одержимость; навязчивая идея’, *paranoid* ‘параноидальный’).

В использовании данной модели в обоих корпусах обнаруживается много общего, но есть и некоторая специфика.

В российских СМИ «США» воспринимается в основном как психически больной, эмоционально неадекватный, пьяный или находящийся под воздействием психотропных веществ человек, incapable мыслить и действовать здраво и потому опасный для окружающих. Подобным образом дается резко негативная оценка преимущественно внешней политики «США», отчасти – внутренней (ср.: «*Распространение теории «китайской угрозы от кранов-шпионов» вызваны очередной паранойей [США] и являются лишь попыткой повлиять на торговое и экономическое сотрудничество наших стран*», – заявил официальный представитель посольства КНР в Вашингтоне Лю Пэньюй. М. Плотников // КП. 06.03.23; *Эти адепты мирового порядка по-американски несут глобальную диктатуру, и показывают, что запад ушел в виртуальную реальность, которая им выгодна и которую они пытаются навязать всему миру.* Д.

Соколов // АиФ. 29.07.22; Опьяненные «концом истории» американские элиты начали пытаться закрепить «новый мировой порядок» через уничтожение наследия недавнего прошлого. О. Карпович // Изв. 12.12.22; За последние месяцы антикитайская истерика в США достигла своего апогея. М. Плотников // КП. 06.03.23). В единичных контекстах с характеристикой внутренней ситуации в «США» таким образом позиционируются действия одной партии с точки зрения другой (ср.: «Экстремисты-демократы из Палаты представителей требуют продолжать тратить наши деньги в режиме пьяного матроса – в ином случае они подорвут нашу экономику и допустят объявление Америкой дефолта», – заявил республиканский конгрессмен Ричард Хадсон. Г. Мирзаян // Взг. 12.05.23).

В американских СМИ «**RUSSIA**» и ее руководство в основном позиционируется как личность с искаженным восприятием реальности, вызванным психическими, ментальными расстройствами. В международном аспекте это трактуется как неспособность «**RUSSIA**» адекватно оценить ситуацию в мире, свое положение в нем, что проявляется, в частности, в вере в возможность вернуть прежнее величие страны, победить Украину (ср.: *That probably was their deep fantasy about the West: Successful military occupation in Ukraine; the Biden administration is totally impotent; we humiliate them; Trump comes back; this is a big strategic victory for us... That's the reason you want institutions, the rule of law and pluralism and public discussion: To avoid idiotic decisions like that.* G. Sargent // WP. 24.03.22 [Вероятно, это была их глубинная фантазия о Западе: успешная военная оккупация Украины; администрация Байдена полностью бессильна; мы унижаем их; Трамп возвращается; это большая стратегическая победа для нас... Вот почему вам нужны институты, верховенство закона, плюрализм и общественное обсуждение: чтобы избежать идиотских решений, подобных этому]; *“The general Russian population is tired of his militarism, of the war, of this patriotic, anti-Western hysteria,” Gallyamov said.* R. Dixon // WP. 06.05.24; [«Население России в целом устало от его милитаризма, от войны, от этой

патриотической, антизападной истерии, – сказал Галлямов¹²]. Во внутренней политике, по мнению американских массмедиа, это проявляется в недостижимых идеях о возрождении сверхсильной державы и обращенности в безвозвратно ушедшее прошлое (ср.: *Mr. Putin, with his perpetually extended rule and obsessions, has tried to turn back the clock.* J. Neumeyer // TNYT. 13.05.24 [Г-н Путин с его постоянно растягивающимся правлением и навязчивыми идеями об истории попытался повернуть время вспять]). Особого саркастического эффекта подобные характеристики достигают в развернутых речевых метафорах, используемых российскими эмигрантами и оппозиционерами (ср.: *Putin himself, stubbornly maintaining a business-as-usual program of meetings of little relevance to the Ukrainian elephant in the room, looks like a denizen of “Pink Pony Planet,” as far-right commentator Igor Girkin (Strelkov) calls the distant realm of the Russian elite.* L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [Сам Путин, упрямо поддерживающий обычную программу встреч, не имеющих особого значения для украинского слона в комнате, выглядит как обитатель «Планеты розовых пони», как называет далекие владения российской элиты крайне правый комментатор Игорь Гиркин (Стрелков)]).

Таким образом, немногочисленная группа переносов в составе психологической модели, как и физиологической, преимущественно ориентирована на эмоционально-экспрессивную негативную оценку страны-оппонента. Акцент на интеллектуальной и эмоциональной нестабильности оппонента подчеркивает его нестабильность и несостоятельность.

2.5 Социоморфная метафорическая макро модель

2.5.1 Общая характеристика макро модели

Социоморфная метафорическая макросистема основана на отношении «человек и другие люди» и «объединяет метафоры, репрезентирующие не предметный мир как определенную социальную модель, связанную с

¹² Признан Минюстом Российской Федерации иностранным агентом.

жизнью человека в обществе, с различными типами его хозяйственной, созидательной, общественной и культурной деятельности» [Балашова 2014а: 58]. Такого типа переносы – одни из самых продуктивных, разнообразных по источникам и формируемым моделям метафоризации в языке в целом, в том числе в современной политической коммуникации, и в них ярко проявляется антропоцентризм метафорической системы [Gibbs 2017; Арутюнова 1999; Балашова 2014а, 2014б; Брагина 2006; Гак 1998; Зализняк 2006; Телия 1988а]. Социоморфные метафорические модели и их члены частично проанализированы в наших статьях [Кириллова 2024б, 2024г, 2024д, 2024е].

Это свойство ярко проявляется в исследуемых метафорических корпусах, где данная макросистема занимает околядерное положение (см. табл. 1): РЯ – 474 контекста (32,9% всех переносных употреблений), включающих 236 единиц (30,5% всех метафор); АЯ – 541 контекст (35,7%), включающих 214 единиц (30,1%).

В функционально-типологическом аспекте социоморфные метафоры представлены в основном живыми и генетическими переносами, но число речевых (в том числе окказиональных), развернутых метафор, трансформированных идиом, формируемых на метафорической основе, несколько больше, чем в ядерной пространственной макросистеме (ср.: *Это как бывает, когда мужик заводит любовницу, а бросать из-за этого жену и детей не собирается. А любовнице обещает: мол, подожди, скоро разведусь, женюсь на тебе. Надо, чтобы дети выросли, достигли совершеннолетия. А жена болеет, не могу ее сейчас бросить и т. д. Жизнь проходит у любовницы, жениться на ней никто не собирается, и детей от себя ей этот мужчина рожать не позволяет... Такая же история и с Украиной. НАТО в лице США ее «матросит», а потом бросит.* В. Кожемякин // АиФ. 28.06.23; *Лишь в одном можно быть уверенным – наши недруги отыграют свою деструктивную партию по полной. А стало быть, и нам давно пора противодействовать им без сомнений и поддавков.* А. Ведрусов // Изв. 25.03.24; *Rice drew attention specifically to Putin's nationalist leanings, which she attributed to his isolation and*

“*modern Rasputins*” who would fill the Russian leader’s head with notions of “*dynastic, messianic duty*” to revive the “*Russian nation.*” P. Aitken // FN. 23.07.22 [Райс обратила особое внимание на националистические наклонности Путина, которые она связывала с его изоляцией и «современными Распутинами», которые забивали голову российского лидера идеями «династического, мессианского долга» по возрождению «русской нации»]; *Still, the fact that such obviously apocryphal histories have become gospel in Kremlin circles suggests that decision makers in Moscow are waging this war based on a calculus that is largely divorced from objective reality.* M. Wasiura // NW. 22.05.22 [Тем не менее тот факт, что такие явно апокрифические истории стали евангелием в кремлевских кругах, говорит о том, что лица, принимающие решения в Москве, ведут эту войну, основываясь на расчетах, которые в значительной степени оторваны от объективной реальности]).

В концептуальном аспекте социоморфная макро модель, как и другие, базируется на языковых принципах метафоризации, но в несколько модифицированном виде (см. *табл. 5*). В частности, в исследуемых корпусах выделяется 6 метамоделей. Четыре из них ориентируются на когнитивные матрицы, генерируемые в рамках отдельных социальных семантических метаполей, полей и групп (состязательная, хозяйственно-трудовая, финансово-экономическая, сакральная). Две других формируются из членов различных социальных семантических группировок на основе сквозных реляционных модулей сравнения, связанных с оппозициями иерархического типа и «свой» / «чужой»).

Таблица 5

Социоморфная метафорическая макро модель в российских и американских массмедиа

Метамоделли	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Состязательная	135 (28,4%)	91 (38,6%)	138 (25,5%)	65 (30,4%)
2 Хозяйственно-трудовая	105 (22,1%)	52 (22%)	151 (27,9%)	52 (24,3%)
3 Финансово-экономическая	50 (10,6%)	34 (14,4%)	67 (12,4%)	21 (9,8%)
4 Сакральная	34 (7,2%)	11 (4,6%)	65 (12%)	30 (14%)
5 Иерархическая	69 (14,6%)	37 (15,7%)	67 (12,4%)	25 (11,7%)
6 «Свои / чужие»	81 (17,1%)	11 (4,7%)	53 (9,8%)	21 (9,8%)
Всего	474 (100%)	236 (100%)	541 (100%)	214 (100%)

Согласно статистическому анализу, степень востребованности метамоделей, число фиксируемых в них метафорических единиц имеют как общие, так и специфические черты в российских и американских СМИ.

2.5.2 Состязательная мета модель

2.5.2.1 Общая характеристика мета модели

Анализу данной мета модели посвящена наша статья [Кириллова 2024г]. Состязательные (в широком их осмыслении) метафоры объединяют единицы, в первичные ЛСВ которых входят такие компоненты, как ‘соперничество’, ‘стремление превзойти кого-л. в каком-л. отношении, достичь превосходства на кем-л.’. Такого рода переносы продуктивны и разнообразны в русском и английском языках и активно употребляются в политической коммуникации (ср.: [Балашова 2014а, 2017; Барышникова, Дубинина 2019; Бойко, Будаев, Зарипов, Солопова 2021; Корж 2019]).

В исследуемых корпусах степень востребованности мета модели различна. В российских СМИ она занимает ядерное положение в составе социальной макро модели по числу как употреблений (135 контекстов, или 28,4% контекстов с социоморфными переносами), так и зафиксированных в них метафор (91 единиц, или 38,6% социоморфных переносов). В американских СМИ по количеству употреблений мета модель занимает околоядерную зону, уступая только хозяйственно-трудовой мета модели (138 контекстов, или 25,5% фиксаций социоморфных переносов), а по числу представленных в них метафор – ядерное (65 единиц, или 30,4% социоморфных переносов).

В структурно-концептуальном аспекте в составе данной модели можно выделить три самостоятельные модели с достаточно четко структурированными когнитивными матрицами и средствами их реализации (1) милитарно-состязательная, (2) спортивно-состязательная, (3) азартно-игровая. Общей для всех трех моделей является ядерная часть их

когнитивных матриц, в которой стремление превзойти кого-л. в каком-л. отношении, добиться лучших результатов (в сражении, в спортивном соревновании, в азартной игре) ассоциируется со стремлением добиться преимущества в чем-либо, преодолевая сопротивление (противника, соперника / конкурента) или рискуя, но рассчитывая на удачу. В каждой из трех моделей это концептуальное ядро получает специфическое преломление, хотя границы между этими моделями могут быть весьма условными, что, впрочем, соответствует общеязыковым тенденциям.

Востребованность каждой из указанных состязательных моделей при характеристике страны-оппонента в российских и американских массмедиа имеет концептуальное значение (см. *табл. 6*).

Таблица 6

Состязательная метафорическая метамодель в российских и американских массмедиа

Модели	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Милитарно-состязательная	52 (38,5%)	39 (42,9%)	92 (66,6%)	40 (61,6%)
2 Спортивно-игровая	68 (50,4%)	40 (43,9%)	27 (19,6%)	16 (24,6%)
3 Азартно-игровая	15 (11,1%)	12 (13,2%)	19 (13,8%)	9 (13,8%)
Всего	135 (100%)	91 (100%)	138 (100%)	65 (100%)

Согласно статистическим данным, периферийное положение в обоих метафорических корпусах занимает азартно-игровая модель (немногим более 10% контекстов с менее 14% единиц метамодели), то есть надежда на случай, на удачу в меньшей степени ассоциируется с деятельностью стран-оппонентов. В отношении милитарно-состязательной и спортивно-состязательной моделей такого единообразия нет. В российских СМИ при характеристике «США» преобладающей оказывается спортивно-игровая модель (50,4% контекстов, включающих 43,9% единиц метамодели), хотя достаточно активно используется также милитарно-состязательная модель (38,5% контекстов, включающих 42,9% единиц метамодели). В американских СМИ при характеристике «RUSSIA» абсолютное лидерство принадлежит милитарной модели (66,6% контекстов, включающих 61,6% единиц метамодели), тогда как спортивно-игровые переносы составляют только

19,6% контекстов, включающих 24,6% единиц метамоделей. Таким образом, «RUSSIA» американскими СМИ позиционируется в более «воинственном» ключе, чем «США» – российскими. Следует, однако, учитывать, что в целом границы между моделями могут быть весьма размытыми (ср. языковую семантическую структуру таких единиц, как *реваниш*, *fight*, *win*).

Как и в других случаях, в использовании каждой из состязательных моделей в российских и американских массмедиа есть общие и специфические черты как лингвистического, так и концептуального порядка.

2.5.2.2 Милитарно-состязательная модель

2.5.2.2.1 Общая характеристика модели

Характерной особенностью одной из самых древних по времени формирования милитарно-состязательной модели (ср.: [Балашова 2014а; Жантурина, Савельева 2023; Сидоренко 2021]) является то, что в ней: (1) отношения между странами, социальными и иными институтами трактуются как враждебные, конфликтные, неприятельские; (2) каждый из данных феноменов активен в отстаивании своей позиции, в «реализации своих политических, идеологических и иных установок»; (3) «цель противостояния («состязания») – с помощью активных действий уничтожить или подчинить себе оппонентов» [Балашова 2014а: 230]. Таким образом, общим оказывается реляционно-деятельный принцип метафоризации. (ср.: *Эксперт заявил об экономической войне в случае конфискации США активов РФ*. От ред. // Изв. 02.05.24; *Putin has long obsessed over the idea of a civilizational battle against the West*. R. Dixon // WP. 06.05.24 [Путин уже давно одержим идеей цивилизационной битвы против Запада]).

Как отмечалось выше, данная модель активно употребляется при характеристике страны-оппонента (особенно в американских СМИ): РЯ – 52 контекста (38,5% употреблений состязательной метамоделей), американские – 92 (66,6%), причем российские и американские массмедиа достаточно последовательно используют сложно организованную когнитивную матрицу.

Это отражается в разнообразии, однотипности и примерно равном количестве переносов, зафиксированных при реализации данной модели (РЯ – 39 единиц; АЯ – 40 единиц). В процесс метафоризации включаются обобщенные и конкретизированные номинации вооруженных столкновений, их участников, этапов и степени успешности одной из сторон вооруженного конфликта. Помимо этого в сферу действия модели вовлекается лексика, именующая вооруженные силы как важную составляющую государственного устройства, а также номинации военных артефактов (оружие и его применение, средства защиты, участки, оборудованные для ведения боевых действий и подготовки к ним) (ср.: РЯ – 38 единиц: *война, воинственный, боевые действия, бой, схватка, сражение, битва, противник, стратегия, тактика, диспозиция; мятеж, заложник, ветеран; бросить вызов, атака, атаковать, наступать, завоевать, победа, победить, побеждать, разгром, триумф, оттаивать, отбивать (противника), обороняться, отступить, поражение, реванш, пиррова победа; бомба, закладывать (о мине), мишень, оружие, бумеранг, позиция, полигон; АЯ – 37 единиц: war ‘война’, fight ‘борьба, battle ‘битва’, defender ‘защитник’, ally ‘союзник’, struggle (v) ‘бороться’, struggle (n) ‘борьба’, militarize ‘милитаризировать’, strategy ‘стратегия’, aggressive ‘агрессивный’; terrorize ‘терроризировать’, terrorist ‘террорист’, blitzkrieg ‘блицкриг’, mobilize ‘мобилизовать’, attack (v) ‘атаковать’, attack (n) ‘атака’, frontal attack ‘лобовая атака’, offensive ‘агрессивно атакующий’, undefeated ‘непобедимый’, deploy ‘разворачивать вооружение’, defend ‘защищать’, defense ‘защита’, beat back ‘заставить кого-либо отступить с помощью боя’, retreat (v) ‘отступить, чтобы избежать боя’, retreat (n) ‘отступление’, protect ‘защищать’, defeat ‘нанести поражение’, losing battle ‘проигранное сражение’; weapon ‘оружие’, weaponize ‘использовать в качестве оружия, time bomb ‘бомба замедленного действия’, trigger (v) ‘приводить в действие спусковой механизм’, trigger (n) ‘спусковой крючок’, fortress ‘крепость’, impregnable ‘неприступный (о крепости или здании)’, bulwark ‘крепостной вал’, being targeted ‘быть мишенью’).*

Единичными примерами представлена лексика, именующая вооруженное противостояние социально-политических сил внутри государства или исторических деятелей, связанных инициацией конфронтации внутри страны-оппонента (ср.: РЯ – 1 единица: *мятеж*; АЯ – 3 единицы: *revolution* ‘революция’, *Russian October Revolution* ‘Октябрьская революция’, *modern Rasputin* ‘современный Распутин’).

Использование данных источников метафоризации при характеристике страны-оппонента во многом зависит от идеологических (политических) установок авторов российских и американских СМИ.

2.5.2.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

В российских массмедиа с помощью милитарно-сопоставительной модели дается характеристика «США» в внешнеполитическом и внутривнутриполитическом аспектах, причем, в отличие от описанных выше моделей, преобладающим (хотя не на много), оказывается второй (ср.: внешняя политика – 24 контекста, или 46,2% употреблений милитарных переносов; внутривнутриполитическая ситуация – 28 контекстов, или 53,8%).

Примечательно, что во внутривнутриполитическом аспекте в рамках милитарно-сопоставительной модели наиболее последовательно осмысляются процессы противостояния ведущих партий в Конгрессе и Сенате, предвыборной компании и т.п. Таким образом журналисты и цитируемые ими политики подчеркивают ожесточенность этих процессов. Вместе с тем наиболее обобщенное обозначение такого противоборства (лексема *война*) в российских СМИ не фиксируется. Но все основные части милитарно-сопоставительной когнитивной матрицы, связанные с метафорической концептуализацией самого вооруженного столкновения, его участников, его стратегии и тактики, его результатов, типов вооружения и т.п., получают последовательное выражение. Так, внутривнутриполитическая борьба в «США» последовательно воспринимается как череда вооруженных столкновений разной степени интенсивности и разной степенью успешности для той и

другой стороны (ср.: *Феномен нынешней ситуации* [в республиканской партии], диспозиции, тактики и стратегии в том, что они не меняются с 2015 года. В. Васильев // РГ. 20.07.23; *Большинство законодателей-республиканцев полно решимости дать новый бой сторонникам финансирования Киева. ... Мэтт Гейтс и Марджори Тейлор Грин возобновили атаки на своего однопартийца, спикера нижней палаты Конгресса Майка Джонсона. С. Строкань // «Ъ». 01.05.24; *Исторически правящая партия на промежуточных выборах находится в положении обороняющейся стороны. М. Сучков // Изв. 07.11.22; [Избрание спикером Майка Джонсона] это поражение «умеренных», включая лоббистов ВСУ: они отступили, тогда как «трамписты» настояли на своем человеке. Д. Бавырин // Взг. 26.10.23; *Республиканцы отстаивают места в значимых так называемых колеблющихся штатах, где Трамп в свое время победил. Г. Иванов // АиФ. 19.03.24; *Это и есть та самая юридическая бомба, которая закладывается демократами под Трампа. В. Васильев // РГ. 20.07.23).****

При характеристике внешней политики «США» акцент делается на негативной оценке стремления «США» установить собственную гегемонию путем дестабилизации общей обстановки в мире. Именно американская элита позиционируется как агенс, инициатор конфликта, использующий предельно агрессивные способы для ослабления и уничтожения противника / конкурента (преимущественно РФ, отчасти – Китая и других независимых государств), а также для дестабилизации обстановки в общемировом пространстве (ср.: *США ведут против Китая полномасштабную экономическую войну. ... Ничто не говорит о том, что [после выборов] «боевые» действия ослабнут. А. Яшлавский // МК. 07.04.23; *Власти страны [США] используют валюту в качестве экономического оружия против своих геополитических противников. А. Лесных // Изв. 01.04.22; *Политизация ситуации с госдолгом США ... заставит его [мир] пересмотреть свою зависимость от бумажек американского казначейства. И выйти из статуса***

американского заложника хотя бы в этом вопросе. Г. Мирзаян // Взг. 12.05.23).

Параллельно практически во всех публикациях отмечается, что «выиграть» «войну» против всего мира «США» не удастся, что успехи в этом противоборстве являются призрачными, что агрессор вынужден переходить к обороне и в конечном счете потерпит «поражение» (ср.: *Это [поддержка Украины для США] может оказаться пирровой победой. Д. Соколов // АиФ. 26.04.24; А сам саммит, который изначально планировался Госдепом как пафосный триумф американской дипломатии, может стать неприятным сюрпризом для Джо Байдена. Е. Панина // Изв. 31.10.22; США хотят сохранить очаг нестабильности в Европе, чтобы ... и удержат позиции Вашингтона на мировой арене. От ред. // АиФ. 26.04.22; Запад [во главе США] скорее готов превратить ее [Украину] в выжженное поле, чем признать свое поражение в противостоянии с Россией. А. Ведрусов // Изв. 22.04.24; Хипиа: долговой кризис в США приведет к сокрушительному разгрому Штатов. От ред. // АиФ. 04.06.23).* Более того, политика конфронтации и доминирования ассоциируется с «оружием», которое «поразит» самого агрессора (ср.: *Это [санкции в отношении Китая] для всего западного мира – не только для США – страшный бумеранг. А. Яшлавский // МК. 07.04.23).*

2.5.2.2.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

В ситуативно-концептуальном аспекте реализация милитарно-сопоставительной модели в американских СМИ имеет существенные отличия от российских массмедиа.

Так, абсолютное большинство зафиксированных милитарных метафор используется при описании внешней политики «RUSSIA»: 82 из 92 контекстов (89,1%). При этом в центре внимания американских журналистов преимущественно оказываются ситуации, связанные с глобальным противостоянием «RUSSIA» и КЗ. В рамках милитарно-сопоставительной

когнитивной матрицы экономическая, политическая, идеологическая и информационная конфронтация позиционируется как вооруженный конфликт, в котором каждая из сторон с разной степенью успешности использует все доступные способы («оружие», «укрепления», «стратегию и тактику») для «победы над противником» (ср.: *The United States, coordinating with Western allies, has deployed many economic weapons against Russia*. С. Rampell // WP. 24.03.22 [Соединенные Штаты, координируя действия с западными союзниками, применили против России многочисленные виды экономического оружия]; *The Kremlin has always weaponized these commercial relations*. Р. Erizanu // TNYT. 23.04.24 [Кремль всегда использовал эти коммерческие отношения в качестве оружия]; *Major industries remain heavily dependent on imports despite the Kremlin's “fortress economy” strategy*. Д. Brennan // WP. 03.08.22 [Основные отрасли промышленности по-прежнему сильно зависят от импорта, несмотря на стратегию «экономики-крепости» Кремля]; *Rising populism made Putin think Western liberal democracy was on the losing end of a grand struggle*. G. Sargent // WP. 24.03.22 [Растущий популизм заставил Путина думать, что западная либеральная демократия терпит поражение в великой борьбе]; *Mr. Putin has paired his non-Western charm offensive with heightened confrontation with the West*. Н. Notte // TNYT. 29.03.24 [Г-н Путин сочетает свое не западное наступление с помощью обаяния с усилением конфронтации с Западом]).

Вместе с тем «RUSSIA» позиционируется агрессором, который, воспринимая Запад как вечного идеологического противника, последовательно борется с его либеральными ценностями, стремится укрыться от них в неприступных крепостях, рассматривая все российское общество как передний край такого противоборства (ср.: *Putin casts the Ukraine war as part of a centuries-old battle with the West*. G. Faulconbridge // USAT. 06.05.24 [Путин рассматривает войну на Украине как часть многовековой борьбы с Западом]; *The new Russia claims to defend Orthodox values against Western cultural influences*. // WP. 06.05.24 [Новая Россия

утверждает, что защищает православные ценности от западного культурного влияния]; *Russia's education minister, Sergey Kravtsov, openly described schools as central to Moscow's fight to "win the information and psychological war" against the West.* М. Ilyushina // WP. 20.03.22 [Министр образования России Сергей Кравцов открыто назвал школы центральной фигурой в борьбе Москвы за «победу в информационной и психологической войне» против Запада)].

Внутренняя ситуация в «RUSSIA» в американских СМИ представлена небольшим числом примеров: 10 контекстов (10,9% употреблений милитарных метафор), но их концептуальная интерпретация примерно та же, что при характеристике внешнеполитической деятельности страны-оппонента. Политическая элита страны воспринимается как агрессор, который максимально жестко борется с оппозицией и западными либеральными ценностями внутри государства, причем такая политика ассоциируется с новой "the Russian October Revolution" (ср.: *Putin fought with his own intelligence chief and defense minister. ... Press and internet freedoms are increasingly being targeted on the pretense that a free press is promoting "fake news" about Ukraine.* W. M. Arkin // WP. 24.08.22 [Путин боролся с собственным начальником разведки и министром обороны. ... Свобода прессы и интернета все чаще становится мишенью под предлогом того, что свободная пресса распространяет «фейковые новости» об Украине]; *Forging an ultraconservative, puritanical society mobilized against liberal freedoms...* R. Dixon // WP. 06.05.24 [Формирование ультраконсервативного, пуританского общества, мобилизованного против либеральных свобод...]; *Putin has equally battled with the Russian people, cracking down on domestic freedoms and hiding the truth...* W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [Путин в равной степени борется с российским народом, принимая более жесткие меры, обрушиваясь на внутренние свободы и скрывая правду]). Вместе с тем недемократические, с точки зрения американских СМИ, способы управления государством могут стать «оружием», которое окажется направленными против самого

руководства «RUSSIA» (ср.: *Putin “sits on a ticking financial time bomb of his own making”* В. Cole // NW. 13.01.25 [Путин «сидит на тикающей финансовой бомбе замедленного действия, которую он сам и создал»])

Таким образом, с помощью милитарно-сопоставительных переносов российские и американские СМИ формируют достаточно четкий негативный образ страны-оппонента. В международном аспекте обе идеологемы («США» и «RUSSIA») позиционируются прежде всего как активные и агрессивные участники негативных международных процессов, тогда как во внутриполитическом аспекте при характеристике «США» на первый план выходит активная конфронтация республиканцев и демократов, а «RUSSIA» – противостояние агрессивной власти и оппозиции (гражданского общества).

2.5.2.3 Спортивно-игровая модель

2.5.2.3.1 Общая характеристика модели

Спортивно-игровая модель, по мнению исследователей, формируется позже милитарно-сопоставительной и может быть охарактеризована как ее «смягченный» вариант – с акцентом на добровольном участии в соперничестве, «в нацеленности на успех, суть которого – объективно подтвержденное превосходство над соперником, лидерство в какой-либо сфере, а также использование в качестве стимулов, аргументов в соперничестве тех средств, которые определяются “правилами игры”» [Балашова 2014а: 243].

Как отмечалось (см. 2.5.2.1, табл. 6), в российских СМИ данная модель занимает ядерную позицию по числу как контекстов, так и зафиксированных в них переносов: 68 контекстов (50,4% употреблений членов сопоставительной метамодели), 40 единиц (43,9% сопоставительных метафор). В американских СМИ эта модель находится в околядерной зоне, но абсолютное и относительное число контекстов и переносов значительно уступает российским: 27 контекстов (19,6%), 16 единиц (24,6%). Такое положение может показаться парадоксальным, поскольку, по мнению многих

исследователей, продуктивность спортивных метафор – характерная черта АЯ и англоязычной политической коммуникации [Askarian, Vanesyan 2019; Charteris-Black 2017a; Gibbs 1994; Howe 1988; Pirsl, Pirsl 2014; Scheithauer 2007; Wiliński 2015, 2023]. Возможно, высокая степень востребованности данной модели в российских СМИ обусловлена именно тем, что таким образом дается характеристика «США» (для американского политического дискурса типично восприятие различных внутренних и внешних политических процессов как спортивного состязания).

Несмотря на статистические различия, российские и американские массмедиа при характеристике страны-оппонента используют однотипные источники метафоризации. Наиболее последовательно фиксируются переносы на базе обобщенных наименований этого вида деятельности, ее участников, отдельных мероприятий и их этапов, а также результатов состязания, участников соревнований в этом аспекте; конкретизированные номинации видов спорта, состязаний и их типов, отдельных этапов, участников и т.п. фиксируются реже и не столь системно, как обобщенные наименования (ср.: РЯ – *спорт, игра, играть, отыграть, игрок, арбитр, соревнование, состязание, партия, матч-реванш, старт, стартовая позиция; выиграть, выигрышный, переиграть, проиграть, проигрыш, набирать очки, лидировать, лидер, фаворит, чемпион, аутсайдер, пьедестал; гонка, ралли, поддавки, обогнать, обгонять, опережать, выбыть / выйти из гонки, игра / играть в одни ворота, выйти в дамки, дать фору, под шахом, эндшпиль, подмять под себя, пинг-понговый, правила игры; АЯ – game ‘игра’, competitor ‘участник состязания’, champion ‘чемпион’, win ‘выигрывать’, score (v) ‘набирать очки’, score (n) ‘счет’, lead (v) ‘лидировать’, lose ‘проигрывать’, losing ‘проигрышный’; race (v) ‘участвовать в гонке’, race (n) ‘гонка’, racing ‘действие, связанное с участием в гонке’, sideline (в командной игре) ‘оттеснить за линии поля’, playbook (в американском футболе) ‘книга, содержащая планы команды на игру’, knockout ‘нокаут’, stalemate ‘патовая ситуация; ничья в шахматах’).*

Не менее концептуально значимыми оказываются особенности функционирования данной модели в российских и американских СМИ.

2.5.2.3.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Наиболее регулярно (48 из 68 контекстов, то есть 70,6% примеров) спортивно-игровая модель, как и милитарно-состязательная, используется при описании внутривнутриполитической ситуации в «США», прежде всего – противостояния двух партий в президентских и промежуточных выборных кампаниях и т.п. Характерной особенностью реализации этой части модели является ориентация на единицы, аналогичные тем, что традиционно фиксируются в американских СМИ и отчасти являющиеся семантическими кальками с английского языка. Примечательно также, что большое число контекстов представляет собой цитаты из американских СМИ, выступлений американских политиков, политологов (ср.: *Между тем Трамп, несмотря на то, что, по данным RealClearPolitics, лидирует в гонке за выдвижение от республиканцев почти на 50 пунктов, также не является фаворитом, в основном из-за его собственных многочисленных юридических проблем. А. Яшлавский // МК. 10.12.23; Politico считают, что [выступления трех губернаторов] ... можно расценивать как начало подготовки к отказу Байдена от участия в президентской гонке. Г. Пархоменко // РГ. 22.02.23*). Во многом именно этим, как отмечалось, объясняется ядерное положение спортивно-игровой модели в исследуемом метафорическом корпусе.

В частности, наиболее регулярно предвыборная кампания ассоциируется с состязаниями в скорости (на автомобилях, мотоциклах, велосипедах), со скачками, где каждый кандидат стремится опередить соперников, прийти к финишу первым, но обладает разными потенциальными возможностями на разных этапах состязания и может отказаться от участия в соревновании (ср.: *Стартовые позиции республиканцев смотрелись более выигрышно. ... Сейчас в преддверии предвыборной гонки ситуация переходит в фазу попыток «закрыть»*

Трампа. М. Сучков // Изв. 07.11.22; При этом ... Никки Хейли вопреки традиции отказалась поддержать фаворита. А. Забродин // «Ъ». 09.03.24); [Виктория Нуланд] проиграла гонку за пост первого заместителя главы внешнеполитического ведомства. С. Строкань // «Ъ». 06.03.24; Десантис может проиграть Трампу и обойти Байдена. Е. Чукалина // Изв. 05.06.23; Госпожа Хейли ... после результатов «супервторника» решила выйти из гонки. А. Забродин // «Ъ». 09.03.24).

Несколько менее активно в исследуемых российских массмедиа используется другой вариант когнитивной матрицы, где предвыборная кампания ассоциируется с командным турниром или поединком. С помощью этого варианта модели акцент обычно делается на противоборстве двух кандидатов, двух партий, где каждый кандидат или политическая партия его выступает в роли игрока, стремящегося набрать очки и выиграть турнир (ср.: *Сейчас тот случай, когда [республиканцам] можно набирать очки на ошибках демократов. М. Сучков // Изв. 07.11.22; В СМИ активно обсуждают предстоящий матч-реванш между республиканцем Дональдом Трампом и демократом Джо Байденом на американских выборах в ноябре. Э. Лозанский // Изв. 15.03.24; «Сейчас его время сделать выбор», – сказала умеренная республиканка, разгромно проигравшая ... Дональду Трампу. А. Забродин // «Ъ». 09.03.24; Дональд Трамп ... с подавляющим преимуществом переиграл свою единственную конкурентку Никки Хейли 5 марта. А. Забродин // «Ъ». 09.03.24). Относительное положение кандидата-игрока может ассоциироваться также с конкретной (выигрышной / проигрышной) позицией в поединке, матче, партии. Обычно такие употребления более экспрессивно-оценочные и, возможно, речевые / окказиональные (ср.: *Джонсон отказался от предложения «выйти в дамки» и баллотироваться в стикеры, когда оно поступило впервые. Д. Бавырин // Взг. 26.10.23; Тем более, что «под шахом» и сама администрация Байдена. В. Васильев // РГ. 20.07.23).**

При характеристике внешней политики «США» спортивно-игровая модель используется значительно реже (20 контекстов из 68, или 29,4%) и менее системно организовано. Вместе с тем именно здесь достаточно последовательно представлены экспрессивные метафоры, в которых дается авторская (исключительно отрицательная) оценка действий «США» на международной арене. В ситуативном аспекте превалируют характеристики двух взаимосвязанных типов международной повестки: социально-экономическая и политическая конкуренция «США». В первом случае используются калькированные, но утвердившиеся в русском языке метафоры, в которых финансовая нестабильность рынков и валют представляется в виде стремительных автомобильных гонок, где экипажи постоянно меняют свое положение во время заезда, причем США потенциально могут проигрывать в нем (ср.: *Мы можем ожидать продолжения ралли на рынке акций. И ценой такого ралли должен стать доллар.* А. Кубышкин // Вед. 26.02.24; *Даже несмотря на то, что на сегодняшний день на США приходится порядка 80% всех цифровых технологий, для страны существуют риски потерять лидирующее положение.* Р. Романов // Вед. 08.05.24; *Самая богатая страна ... оказалась аутсайдером в смертности в общем-то здоровых и трудоспособных людей.* А. Мельников // АиФ. 22.03.24). Во втором случае обычно подчеркивается агрессивно-доминирующая политика «США», которые стремятся либо взять на себя роль судьи, решающего судьбы других стран, либо навязать конкурентам и оппонентам «свою игру» с выгодными для них «правилами», используя «нечестные» приемы, но это не гарантирует США победы. Показательно, что «неспортивное» поведение свойственно как оппонентам, так и союзникам (ср.: *Метания президентской администрации и конгресса в реакции на действия Израиля говорят о снижении роли США как арбитра политических процессов на Ближнем Востоке.* Р. Романов // Вед. 08.05.24; *[Китай] осмелился «подвинуть» Америку с ее пьедестала «главного мирового политического игрока», которому дозволено по своему усмотрению*

трансформировать геополитическое пространство. А. Яшлавский // МК. 07.04.23; Фактически верификацию соблюдения Договора администрация Байдена превращала в игру в одни ворота. О. Карпович // Изв. 12.12.22; [Павел Подлесный:] США буквально за полгода подмяли под себя Европу, Евросоюз. В. Кожемякин // АиФ. 29.03.23; Это [противоборство США и Китая] – действительно не просто спортивное состязание по правилам, а, как вы сказали, драка, мордобой, пусть пока экономический и технологический. И не по вине Китая. Именно американцы меняют правила игры по ходу самой игры. М. Яшлавский // МК. 07.04.23).

2.5.2.3.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

В отличие от российских СМИ в американских массмедиа спортивно-игровая модель используются преимущественно при описании внешней политики: 19 из 27 контекстов (70,4%). Образ «RUSSIA» трактуется достаточно традиционно – как стратегический (политический, экономический, идеологический) соперник США и всего КЗ, в противоборстве («гонке», «соревновании») с которыми «RUSSIA» может побеждать или быть на равных («выигрывать», «набирать очки»), и именно это требует соответствующей реакции со стороны ее оппонентов (ср.: *[Aggressive policy of the Russian Federation plunges] the world into an arms race like those leading up to the world wars. ... The Soviet Union or Russia has been our strategic competitor*. D. Coats // TNYT. 11.04.24 [Агрессивная политика РФ ввергает] мир в гонку вооружений, подобную той, что привела к мировым войнам. ... Советский Союз или Россия были нашим стратегическим соперником]; *[Putin] is working to ... as a champion of Orthodox Christian values and an opponent of liberal freedoms*. // WP. 06.05.24 [[Путин] работает над тем, чтобы... как поборник православных христианских ценностей и противник либеральных свобод]; *US, Russia lead in warheads* W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [США и Россия лидируют по количеству боеголовок]; *The Kremlin seems to have scored a geopolitical win by keeping revenues from global*

LNG sales intact. J. Blas // ВВ. 13.10.22 [Кремль, похоже, набрал очки для геополитической победы, сохранив доходы от мировых продаж СПГ нетронутыми]). Менее активно американские журналисты используют спортивно-игровую при характеристике вооруженного конфликта на Украине, где военные успехи «RUSSIA» ассоциируются с осязаемым, но не с победным ударом в боксерском поединке, боевые действия – с патовой ситуацией в шахматах; информационная пропаганда – с точным планом игры в американском футболе, а переговорный процесс – с игрой (ср.: *Russia has been unable to deliver any knockout blow. ... Putin's army then stalled again into a stalemate. ... The Bucha claims were grotesque – and in using the same playbook in Kremenchuk, Moscow's propagandists seemed to want it both ways*. W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [Россия не смогла нанести нокаут. ... Затем армия Путина снова зашла в патовую ситуацию. ... Заявления Бучи были гротескными — и, используя тот же сборник схем в Кременчуге, московские пропагандисты, похоже, хотели добиться и того, и другого]; *The Russian leader planned to invade, and was not massing troops around Ukraine simply to gain leverage in some kind of bargaining game*. D. E. Sanger // TNYT. 03.03.22 [Российский лидер планировал вторжение и не собирал войска вокруг Украины просто для того, чтобы получить рычаги влияния в какой-то переговорной игре]).

В немногочисленных контекстах с характеристикой внутренней политики «RUSSIA» акцент делается кадровых перестановках в правящей элите, инициируемые главой государства, которые ассоциируются с позиционными изменениями на поле, паркете во время игры (ср.: *Putin ... sidelined naysayers and skeptics, according to multiple U.S. government sources*. W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [Путин... оттеснил за пределы площадки скептиков и недоброжелателей, сообщают многочисленные источники в правительстве США]).

Таким образом, концептуально-ситуативная и оценочная характеристика страны-оппонента в рамках спортивно-игровой модели во

многим совпадает с аналогичной характеристикой этих стран в рамках милитарно-состязательной модели.

2.5.2.4 Азартно-игровая модель

2.5.2.4.1 Общая характеристика модели

Специфической особенностью азартно-игровой модели в целом является то, что в ней акцент делается на «материальной» (прагматической) составляющей предпринимаемых усилий в достижении цели, на рискованности мероприятия и зависимости результата деятельности от случайности, стечения обстоятельств, степени удачливости и/или ловкости кого-либо. В этом отношении данная модель сближается и отчасти контаминирует с финансово-экономической метамоделю. Но ядро самой когнитивной матрицы все же принадлежит ее игровому компоненту.

Азартно-игровая модель, как отмечалось (см. 2.5.2.1, табл. 6), занимает периферийное положение в составе состязательной метамоделю: РЯ – 15 контекстов (11,1% употреблений состязательных переносов), 12 единиц (13,2% состязательных метафор); АЯ – 19 контекстов (13,8%), 9 единиц (13,8%). В качестве источников метафоризации в российских и американских СМИ более или менее регулярно используются обобщенная терминология азартных игр и специализированная карточная терминология (ср.: РЯ – *ставка, сделать / взвинтить / повысить ставки, ставить, идти ва-банк; козырь, карты, битая карта*; АЯ – *card* ‘карта’, *double down* ‘удваивать ставки’, *shuffle* (v) ‘тасовать карты’, *shuffle* (n) ‘тасование карт’, *reshuffle* (v) ‘перетасовывать’, *reshuffle* (n) ‘перетасовка’, *bluff* ‘блеф’). Обнаруживается также использование единиц, специфичных для российских и американских массмедиа. Российские журналисты и цитируемые ими политики, эксперты могут употреблять в переносном значении терминологию денежно-вещевых розыгрышей (ср.: *лотерея, выигрышный билет, приз*), а американские – номинации позиций в древних азартных играх, игры в кости (ср.: *have the upper hand* ‘иметь превосходство’ – происходит от древней азартной игры, в

которой каждый игрок по очереди клал руку на палку, начиная снизу, и выигрывал тот, кто клал руку последним, *throw of the dice* ‘бросок игральной кости’).

2.5.2.4.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Несмотря на относительно небольшое число контекстов, азартно-игровая модель в российских СМИ обнаруживает достаточную системность в концептуальном аспекте.

Наиболее регулярно данная модель употребляется для негативной оценки внешнеполитической деятельности «США», их стремлению в гегемонии в мире. В концептуально-ситуативном аспекте это осуществляется двояким образом. С одной стороны, обострение военных конфликтов с участием страны-оппонента (прежде всего России) с целью ее уничтожения, ослабления ассоциируется с повышением «ставок» на ее противника (ср.: [В поставках вооружений Киеву] *я вижу только одно: попытку еще больше взвинтить ставки, еще больше обострить ситуацию, увидеть больше потерь*. М. Беленькая // «Ъ» 25.04.22; *Американцы идут ва-банк в геополитической игре на Украине*. А. Ведрусов // Изв. 22.04.24). С другой стороны, экономические и политические санкции угрозы в адрес страны-оппонента, санкции против них ассоциируются с козырями, которые «США» используют в карточной игре (политической борьбе), причем не всегда успешно (ср.: *США выложили новый козырь против России: давят на торговые привилегии*. Р. Абдуллин // МК. 11.03.22; *У Вашингтона остался во внешней политике последний козырь – язык угроз, и даже он уже не так эффективен*. От ред. // Изв. 05.02.23).

Описание внутривнутриполитических процессов в «США» представлено единичными примерами. Их специфической особенностью является то, выборная кампания трактуется как рискованная игра, в которой побеждает не лучший, а удачливый (ср.: *Новым спикером Палаты представителей стал*

малоизвестный 51-летний политик Майк Джонсон. Он достался Америке, как приз в лотерее. Д. Бавырин // Взг. 26.10.23).

2.5.2.4.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

При характеристике внутренней политики «RUSSIA» (8 из 19 контекстов, или 42,1% употреблений азартно-игровых переносов) в американских СМИ акцент делается на рискованности, случайности, несистемности социально-экономических, политических процессов в условиях проведения СВО. Руководство страны, решившееся на кадровые перестановки и экономические преобразования, ассоциируется с игроком, который сознательно рискует («удваивает ставки») и пытается получить «хорошие карты» после их «тасования» (ср.: *Putin's reshuffle indicates he is doubling down on his war economy. D. Brennan // NW. 13.05.24 [Перетасовки Путина указывают на то, что он удваивает ставку на военную экономику]; Putin shuffles goons running Russian's war in Ukraine as defense minister Shoigu replaced with economist. R. Reyes // NYP. 12.05.24 [Путин перетасовывает головорезов, ведущих войну России на Украине, а министра обороны Шойгу заменяют экономистом]).*

Во внешнеполитической деятельности (СВО и противостояние КЗ) правящая элита «RUSSIA», по мнению американских публицистов, ведет себя аналогичным образом, причем обычно подчеркивается склонность «RUSSIA» к введению «партнеров по игре» в заблуждение («блефованию») и / или ее возможному временному, случайному «выигрышному положению». Такого рода употребления азартно-игровой метафоры оказывается преобладающим при характеристике «RUSSIA» – 11 из 19 контекстов (57,9%) (ср.: *Putin's effort to re-engineer Russia is a desperate – and doomed – throw of the dice, disconnected from reality. R. Dixon // WP. 06.05.24 [Попытка Путина перестроить Россию — это отчаянный и обреченный бросок игральных костей, оторванный от реальности]; [After the introduction of economic sanctions against the Russia] Putin's reaction will be to double down and lash out. D. E. Sanger // TNYT. 03.03.22*

[[После введения экономических санкций против России] реакция Путина будет заключаться в том, чтобы удвоить ставки и наброситься]; *Some Western and Ukrainian officials have said Russia is bluffing to scare the West, though the Kremlin has repeatedly indicated that it would consider breaking the nuclear taboo if Russia's existence was threatened.* G. Faulconbridge // USAT 06.05.24 [Некоторые западные и украинские официальные лица заявили, что Россия блефует, чтобы напугать Запад, хотя Кремль неоднократно давал понять, что рассмотрит возможность нарушения ядерного табу, если существование России окажется под угрозой]; *On the information side, Moscow has the upper hand.* J. Stavridis // ВВ. 04.10.22 [С информационной точки зрения Москва взяла верх]).

Таким образом, можно констатировать, что использование состязательной метамоделю в российских и американских массмедиа имеет системный, концептуально значимый характер и направлено на создание почти исключительно негативного образа страны-оппонента. Акцент делается на активности, агрессивности, склонности к «неигровому» поведению и «шулерству»: на международной арене – в отношении к соперникам и другим членам мирового сообщества, во внутренней политике – в отношениях между конкурирующими партиями, властью и оппозицией.

2.5.3 Хозяйственно-трудовая метамоделю

2.5.3.1 Общая характеристика метамоделю

Хозяйственно-трудовая метамоделю – одна из продуктивных в русском и английском языках. В ее основе лежит представление о процессах и феноменах в непредметной сфере как о процессах и феноменах, связанных с трудовой и хозяйственной деятельностью человека, с теми артефактами, что используются в этой деятельности, и т.п.

В исследуемых метафорических корпусах эта метамоделю занимает околоядерное положение, хотя ее востребованность в российских и американских массмедиа при характеристике страны-оппонента значительно

меньше, чем ядерной состязательной метамоделю (см. табл. 5): РЯ – 105 контекстов (22,1% употреблений социоморфных переносов), 52 единицы (26,7% социоморфных метафор); АЯ – 151 контекст (27,9%), 52 единицы (24,3%). Но более значимой представляется структурно-концептуальная специфика хозяйственно-трудовой метамоделю. В отличие от состязательной данная метамоделю не образует четко структурированной системы конкретных моделю. В российских и американских массмедиа фиксируются разнообразные переносы на базе членов СП «Хозяйственно-трудовая деятельность», которые, как нам представляется, можно сгруппировать в три относительно структурированных моделю, включающих как ядерные, так и периферийные для указанного СП единицы: (1) механико-инструментальная; (2) искусственно-имитационная; (3) строительно-созидательная. Кроме того, в американских СМИ спорадически используются члены кулинарной моделю. В российских СМИ этот тип переноса не получает распространения (см. табл. 7).

Таблица 7

Хозяйственно-трудовая метафорическая метамоделю в российских и американских массмедиа

Моделю	РЯ		АЯ	
	Контексты	Единицы	Контексты	Единицы
1 Механико-инструментальная	48 (45,7%)	28 (53,9%)	71 (47%)	22 (42,3%)
2 Искусственно-имитационная	41 (39,1%)	14 (26,9%)	50 (33,1%)	17 (32,7%)
3 Строительно-созидательная	16 (15,2%)	10 (19,2%)	24 (15,9%)	10 (19,2%)
4 Кулинарная	0	0	6 (4%)	3 (5,8%)
Всего	105 (100%)	52 (100%)	151 (100%)	52 (100%)

Следует отметить, что зафиксированная только в американских СМИ кулинарная моделю не отмечена регулярностью и структурированностью: 6 контекстов, включающих 3 метафорических единицы. При использовании данной моделю акцент делается на получении результата, качество которого связано со степенью готовности получаемого блюда. Кроме того, может быть подчеркнута «неестественность» происхождения политического феномена, передаваемой информации, что усиливает негативную оценку действий руководства «RUSSIA» (ср.: *What exactly this symbol is supposed to mean, however, no one can say — which is why it's perfect for a regime trying to sell its*

citizenry on an ideology that is itself half-baked. M. Roberts // WP. 23.03.22 [Однако никто не может сказать, что именно должен означать этот символ – именно поэтому он идеально подходит для режима, пытающегося продать своим гражданам идеологию, которая «пропечена лишь наполовину»]; *The potential consequences of failing to help Ukraine resist Russia's raw territorial aggression are not limited to Europe*. D. Coats // TNYT 11.04.24 [Потенциальные последствия неспособности помочь Украине противостоять «сырой» территориальной агрессии России не ограничиваются Европой]; *Russia's Africa Push Sparks Alarm: 'Great Chaos Brewing'* I. van Brugen // NW. 10.05.24 [Российское «движение к цели» в Африке «искрой зажигает» тревогу: «Заваривается огромный хаос»)].

В формировании когнитивных матриц каждой из основных (механико-инструментальной, искусственно-имитационной, строительно-созидательной) моделей и средствах их реализации (источниках метафоризации) есть определенная специфика, но общей тенденцией оказывается ориентация на метафорическое расширение и функциональное уподобление.

2.5.3.2 Механико-инструментальная модель

2.5.3.2.1 Общая характеристика модели

Механико-инструментальная модель, согласно статистическим данным (см. табл. 7), является ядерной для хозяйственно-трудовой метамоделю: РЯ – 48 контекстов (45,7% употреблений хозяйственно-трудовых переносов), 28 единиц (53,9% хозяйственно-трудовых метафор); АЯ – 71 контекст (47%); 22 единицы (42,3%). Но с точки зрения первичной семантики ее членов она формируется за счет периферийной части СП «Хозяйственно-трудовая деятельность», поскольку базовым источником формирования переносов становится артефактная лексика, тогда как хозяйственно-трудовая деятельность человека, использующего эти артефакты, представлена

относительно небольшим числом единиц. Артефактные метафорические переносы рассмотрены в нашей статье [Кириллова 2025б].

В российских и американских массмедиа основным источником метафоризации в рамках данной модели становятся члены СГ «Машины, механизмы, инструменты, приспособления», реже привлекаются члены из других артефактных СГ (РЯ – 12 единиц: *аппарат, громоотвод, инструмент, инструментарий, маховик, машина, механизм, ограничитель, орудие, переключатель, рупор, рычаг*; АЯ – 16 единиц: *apparatus* ‘аппарат’, *golden key* ‘золотой ключ’, *instrument* ‘инструмент’, *kit* ‘набор инструментов’, *leverage* ‘рычаг’, *lever* ‘рычаг’, *machine* ‘машина’, *mechanism* ‘механизм’, *system* ‘система’, *structure* ‘структура’, *mouthpiece* ‘рупор’, *screw* (n) ‘винт’, *clamp* ‘хомут’, *testing ground* ‘полигон’, *tool* ‘инструмент’, *engine* ‘двигатель’. Кроме того, в процесс метафоризации по данной модели включаются единицы, характеризующие функционирование артефактов: РЯ – 8 единиц: *без сбоев, в инерционном режиме, на полную мощность, работать, со скрипом* (‘очень медленно (о движении колеса и т.п.)’), *сработать, подвиснуть* (‘прекратить функционирование (о компьютере)’, *раскручиваться* (в исходном ЛСВ – о работе генератора, турбины); АЯ – 3 единицы: *botched* (adj) ‘плохо сделанный’, *stall* ‘заглохнуть’, *steamroll* ‘применить большую силу’ (частичная метафора – от *steamroller* ‘паровой каток’). Наконец, в действие модели вовлекается лексика, именуемая конкретные трудовые действия человека по обслуживанию и целевому использованию артефактов: РЯ – 6 единиц: *врубить* (‘включить’), *настроить, перезагрузка, перезапустить, переключить, подмазать*; АЯ – 3 единицы: *clampdown* ‘подавление; запрет’ (частичная метафора – от *clamp down* ‘закручивать хомуты (гайки)’, *cripple* ‘портить; выводить из строя’, *manipulate* ‘манипулировать’).

При метафоризации данные единицы сохраняют (хотя и в трансформированном виде) свои функциональные признаки (ср.: *инструмент / tool* ‘орудие для производства каких-л. работ’ → ‘орудие,

средство, применяемое для достижения чего-л.’; *рупор* / *mouthpiece* ‘труба конической формы, служащая для концентрации энергии звуковых колебаний в определенном направлении с целью усиления звук’ → ‘выразитель, распространитель чьих-л. идей, взглядов’).

Когнитивным центром модели становятся два базовых представления общеязыкового характера. Во-первых, устройство, совершающее какую-л. полезную работу путем преобразования одного вида энергии в другой, ассоциируется с различными социальными институтами (ср.: *Конфликт на Украине крайне выгоден американской военной машине*. И. Чупров // АиФ. 12.02.24; *The United States remains committed ... to imposing and fully enforcing sanctions and other restrictions on Russia's war machine*. D. Flatley // ВВ. 21.11.24 [Соединенные Штаты по-прежнему привержены... введению и полному обеспечению соблюдения санкций и других ограничений в отношении военной машины России]). Во-вторых, инструментарий, функциональные блоки механизма и т. п. коррелируются со способами, которые используются страны-оппоненты, социальные институты для достижения своих целей (ср.: *США рассматривают данное соглашение как инструмент контроля ... над состоянием российского ядерного арсенала*. О. Карпович // Изв. 12.12.22; *For Putin ... the concept of fake news has proven a potent tool for just that*. W. Oremus // WP. 11.03.22 [Для Путина... фейк-ньюс доказали свой потенциал в качестве инструмента для этого]).

В соответствии с этим в российских и американских СМИ фиксируется две субмодели – механистическая и инструментальная. В **механистической** субмодели (российские СМИ – 18 из 48 контекстов, или 37,5%; американские СМИ – 27 из 71 контекстов, или 38%) страна-оппонент, социальные и иные институты воспринимаются как самостоятельно действующие механические агрегаты с определенными функциями, структурой. В более востребованной в обоих корпусах **инструментальной** субмодели (РЯ – 30 из 48 контекстов, или 62,5%; АЯ – 44 из 71 контекста, или 62%) на первый план выходит функциональное подобие и метафорическое расширение, где функции

конкретных артефактов ассоциируются со способами, которые страны-оппоненты, социальные и иные институты используют для достижения своих целей или которые применяются против них.

Реализация данной модели в российских и американских массмедиа имеет общие и специфические черты.

2.5.3.2.2 Идеологема «США в российских массмедиа»

В российских СМИ **механистическая** субмодель употребляется при характеристике внешней и внутренней политики «США» (с преобладанием последней). Кроме того, здесь прослеживается определенная специфика.

Метафоры на базе обобщенных именованных агрегатов, процесса их функционирования (ср.: *машина, аппарат, работать*) используются почти исключительно при оценке внутренней ситуации в Штатах. Подобные номинации сами по себе не являются аксиологическими, но оценка (обычно негативная) страны-оппонента и его институтов может осуществляться за счет эпитетов, всего контекста (ср.: *Американские СМИ являются пропагандистской машиной Демократической партии США. От ред. // Изв. 21.09.24; Бюрократический аппарат, тот самый *deep state*, при любом хаосе в политике будет тащить США в указанном до наступления хаоса направлении. П. Никульчев // Sm. 31.07.24).*

Переносы на базе номинаций качественных характеристик, особенностей и этапов функционирования агрегатов фиксируются при описании не только внутренней, но и внешней политики «США». При этом преобладают метафоры с негативной оценкой функционирования агрегата (страны-оппонента, социального института и т.п.) (ср.: *Политическая составляющая жизни Америки весьма хаотизирована, и в этом смысле, «подзависла». ... Но американский бюрократический аппарат при отсутствии политической составляющей работает исключительно в инерционном режиме. П. Никульчев // Sm. 31.07.24; Брандту [США] давали*

все-же кое-какие вещи делать, хотя и со скрипом. Е. Умеренков, В. Романенко // КП. 04.01.23). Отрицательная оценка содержится также в контекстах, где используются переносы на базе единиц, именующих бесперебойную работу агрегата (страны-оппонента, социального института): либо негативно воспринимается целеполагание таких действий, либо подчеркивается кратковременность успехов (ср.: *Глобальное доминирование США работало без сбоев.* А. Ведрусов // Изв. 20.06.22; *Экономика США до сих пор работает на полную мощность, но маловероятно, что это продлится долго.* // Вед. 29.04.24).

Употребление метафор на базе единиц, именующих вмешательство человека в функционирование агрегата (ср.: *перезагрузка, перезапускать, подмазать*), связано с характеристикой действий правящей элиты США и их институтов по преодолению кризисных явлений в стране и мире (ср.: *Это не только поддерживает экономику, но и фактически ее перезапускает.* И. Чупров // АиФ. 12.02.24; *Из Вашингтона ... он [индийский премьер] увезет несколько «жирных» контрактов., которыми Вашингтон пытается «подмазать» Нью-Дели в первую очередь.* Д. Бавырин // Взг. 22.06. 23).

Реализация **инструментальной** субмодели в российских СМИ оказывается не только более регулярной, но и системно организованной.

Наиболее типичной является внешнеполитическая ситуация, в которой «США» – пользователь / владелец различного инструментария, активно применяющий его с целью достичь геополитического доминирования по отношению к своим противникам, союзникам и нейтральным странам. Орудием же воздействия становятся экономические, политические и военные ресурсы страны, а также другие государства, конфликтующие с оппонентами / противниками Штатов: Украина против России, Индия против КНР и т.п. (ср.: *США, НАТО и их союзники [используют] братский народ Украины в качестве орудия в своих злонамеренных планах сохранения глобального господства.* От ред. // Пр. 04.08.22; *Доллар и вовсе используется [США] как инструмент шантажа*

[независимых государств]. А. Лесных // Изв. 01.04.22; *При провале Киева Вашингтон получит еще один рычаг для разорения стран Евросоюза*. А. Гришин // КП. 21.04.23).

Аналогичные процессы наблюдаются при характеристике внутривластной борьбы демократического правительства с республиканской оппозицией, хотя число таких употреблений невелико (ср.: *Американский истеблишмент хочет лишь отвести внимание от внутренних неразрешимых проблем. ... И потому единственным «громоотводом» остаётся война против Ирана, особенно учитывая параллельные интересы Израиля*. И. Пшеничников // ЦГ. 14.01.24; *Демократы во главе с Джо Байденом ... [пытаются] продемонстрировать своим гражданам, что Вашингтон остается «рупором свободного мира»*. И. Поляченко // Изв. 16.06.23; *Вопрос в том, может ли хоть какое-то обвинение сработать против Трампа*. И. Пшеничников // ЦГ. 14.01.24).

2.5.3.2.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

При реализации **механистической** субмодели в американских СМИ обнаруживается много общего с российскими массмедиа.

Так, страна-оппонент («RUSSIA»), ее социальные и иные институты также ассоциируются с самостоятельно действующим механизмом. Для этого тоже используются обобщенные именованные агрегаты (ср.: *machine, apparatus*), а негативная оценка внутренней ситуации в стране выражается эпитетами и общим контекстом (ср.: *His central claim ... echoes the most persistent theme of Russia's propaganda machine*. А. Karatnysky // NYP. 09.05.24 [Его центральное утверждение ... перекликается с наиболее устойчивой темой российской пропагандистской машины]; *And what of Putin's suppression machine? ... Putin [was] relying ... on a swollen, well-fed security apparatus*. L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [А как насчет машины подавления Путина? ... Путин полагался... на раздутый, сытый аппарат безопасности]).

В отличие от российских СМИ американские массмедиа лишь спорадически используют переносы на базе номинаций особенностей функционирования агрегата (страны-оппонента, социального института), причем это только именованя сбоев в работе агрегата (ср.: *stalled, botched*). Таким образом дается негативная оценка внешнеполитической деятельности «RUSSIA», а именно: на отсутствии, с точки зрения американских СМИ, успехов в противостоянии Украине (ср.: *Despite some slow progress by Russian troops in the northern Donbas area, everything else is stalled*. W. M. Arkin // NW. 13.05.22 [Несмотря на некоторое медленное продвижение российских войск на севере Донбасса, все остальное заглохло]; [Putin] *directed a botched effort to take Donbas...* W. M. Arkin // NW. 24.08.22 [[Путин] руководил «плохо сделанной» (неудачной) попыткой захватить Донбасс...]).

Более регулярным и системным, как и в российских СМИ, оказывается реализация в американских массмедиа **инструментальной** субмодели. В Страна-оппонент («RUSSIA») также позиционируется преимущественно как активно действующий пользователь инструментария, но акцент делается на иных составляющих внешней и внутренней деятельности государства.

В отношениях с другими государствами «RUSSIA» позиционируется как шантажист-агрессор, манипулятор, который использует свой экономический экспортный потенциал и недостоверную информацию в качестве орудия воздействия на другие страны и поддержания своего имиджа в мире (ср.: *Moscow has turned its massive propaganda and foreign influence operation into a pro-Hamas, anti-Western disinformation machine*. J. Rogin // WP. 17.10.23 [Москва превратила свою массивную пропагандистскую и внешнеполитическую операцию в машину дезинформации, ориентированную на поддержку ХАМАС и антизападные настроения]; *The goal is to manipulate the Global South, whose support Moscow so desperately needs*. I. Stradner, J. Smart // NYP. 16.10.23 [Цель – манипулировать Глобальным Югом, в поддержке которого Москва так отчаянно нуждается]).

В американских массмедиа, в отличие от российских СМИ, в нескольких контекстах страна-оппонент может выступать в роли не только субъекта, но и объекта воздействия со стороны КЗ, причем это воздействие может иметь не только негативные, но и позитивные последствия. Вместе с тем в последнем случае подобное развитие событий представляется ирреальным, гипотетическим (ср.: *Instead of giving Putin the golden keys to the Ukrainian kingdom, Trump issued an ultimatum to the Kremlin...* M. Toth, J. Sweet // NYP. 20.01.25 [Вместо того чтобы отдать Путину золотые ключи от украинского королевства, Трамп выдвинул Кремлю ультиматум...]).

При характеристике внутренней политики создается негативный образ прежде всего властных структур «RUSSIA», которые оказывают давление на электорат и несистемную оппозицию, используя в качестве орудия законы, средства информации, правоохранительные органы (ср.: *Known as article 20.3.3, the law has become the most widely used tool in Russia's wartime crackdown.* A. Troianovski // TNYT. 29.12.23 [Этот закон, известный как статья 20.3.3, стал наиболее широко используемым инструментом репрессий в России в военное время]; *This war has thus become a testing ground for the Kremlin in creating new tools of population management.* S. Talaver // Яс. 23.04.23 [Таким образом, эта война стала для Кремля испытательным полигоном по созданию новых инструментов управления населением]; *His media mouthpieces Vladimir Solovyov and Margarita Simonyan no longer own the narrative.* L. Bershidsky // ВВ. 15.09.22 [Его рупоры в СМИ Владимир Соловьев и Маргарита Симоньян больше не владеют нарративом]; *"He's [Putin] using the war and hatred as the instrument to brainwash the Russian people"* R. Dixon // WP. 06.05.24 [«Он [Путин] использует войну и ненависть как инструмент для промывания мозгов русскому народу»]; *In Moscow, the conflict is also viewed in existential terms, largely due to the Kremlin's clampdown on the spread of unofficial information.* M. Wasiura // NW. 22.05.22 [В Москве конфликт также рассматривается в экзистенциальных терминах, что в

значительной степени связано с «закручиванием хомутов» Кремлем распространения неофициальной информации]).

Таким образом, механико-инструментальная модель последовательно и системно используется российскими и американскими массмедиа для формирования негативного образа страны-оппонента.

2.5.3.3 Искусственно-имитационная модель

2.5.3.3.1 Общая характеристика модели

Концептуальным центром искусственно-имитационной модели становится восприятие определенных видов профессиональных занятий человека, а также его деятельности по созданию определенных типов артефактов как способа формирования «параллельной» реальности, отражающей субъективное мировосприятие субъекта речи, намеренное или ненамеренное искажение действительности. Таким образом, бытийно-реляционно-оценочный тип метафоризации здесь оказывается определяющим.

Данное концептуальное представление может реализоваться в различных вариантах – с акцентом на субъективной (творческой) интерпретации действительности; на подражании (имитации) действительности, но не на полном ей соответствии; на намеренном искажении действительности; на искусственном (отсутствующем в природе) характере результатов труда человека и т.п. (ср.: *Действия США по тайваньскому вопросу – это хорошо спланированный фарс*. От ред. // Изв. 04.08.22; *Kremlin officials employed Kremlin narratives about historical revisionism and provocations on Russia's borders with Japan, likely as part of efforts to paint Russia as a Pacific power and support China against the U.S.-led alliance system in the Indo-Pacific*. J. Feng // NW. 13.05.24 [Кремлевские чиновники использовали кремлевские нарративы об историческом ревизионизме и провокациях на границах России с Японией, вероятно, в рамках усилий «нарисовать» (изобразить) Россию тихоокеанской державой и

поддержать Китай в борьбе с возглавляемой США системой альянсов в Индо-Тихоокеанском регионе)].

В статистическом аспекте данная модель занимает околядерное положение в обоих метафорических корпусах: РЯ – 41 контекст (39,1% всех употреблений хозяйственно-трудовых переносов); 14 единиц (26,9% всех хозяйственно-трудовых метафор); АЯ – 50 контекстов (33,1%); 17 единиц (32,7%). Но в концептуальном аспекте, а также с точки зрения способов реализации данной модели в российских и американских массмедиа обнаруживаются существенные различия.

2.5.3.3.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Основным источником метафоризации (12 из 14 единиц) в рамках данной модели в российских СМИ становятся члены СП, связанных с творческой деятельностью, ориентированной на сценическое воплощение, на наличие зрителя, – «Театр», «Кино», «Цирк», «Шоу-бизнес»: *фарс, цирк, шоу, играть, роль, режиссировать, жонглировать, массовка, репетиция, реквизит, декорация, бутафория*. Спорадически (2 единицы) подобные переносы фиксируются у членов семантических группировок, именующих производство промышленной продукции или мошенничества, связанного с изготовлением артефактов наподобие настоящих, но не являющихся таковыми: *сфабриковать, фальшивый*.

В большинстве контекстов с помощью данных переносов реализуется тот вариант модели, в которой имитация реальной действительности, спектакль, шоу и их постановка, участие в них, создание артефактов наподобие настоящих, подлинных, но не являющих ими, а также производство промышленных товаров в серийном масштабе ассоциируется с сознательным обманом, с ложью, которую пытаются выдать за правду, объективно отражающую реальность. Российские СМИ таким образом в основном характеризуют действия «США» (и их союзников) на международной арене, подчеркивая их стремление обмануть мировую

общественность, исказить истинное положение вещей в эгоистических интересах (ср.: *На самом деле это всё тоже режиссируется, поощряется в т.ч. представителями государственных органов власти в Вашингтоне.* Г. Иванов // АиФ. 16.06.23; *МИД КНР раскритиковал сфабрикованный США «оценочный доклад по Синьцзяну».* От ред. // Изв. 02.09.22).

Кроме того, действия «США» на международной арене, внутренняя полемика демократов и республиканцев могут позиционироваться как цирковое представление, шоу, сценические жанры, использующие внешние эффекты, гиперболизацию, фантастические сюжеты и т.п. Тем самым подчеркивается неестественность, карикатурность этих политических событий, неискренность их участников (ср.: *Тут-то и появилось ощущение, что российских журналистов позвали поучаствовать в каком-то госдеповском цирке.* В. Воробьев // АиФ. 23.04.23; *Политическая борьба в США вырождается в какой-то цирк.* В. Васильев // РГ. 20.07.23; *Откровенно говоря, в такой хороший весенний день даже не хочется писать про этот цирк уродцев под названием «конгресс США».* А. Ведруссов // Изв. 22.04.24).

Таким образом, в российских СМИ данная модель имеет ярко выраженную негативную экспрессивную составляющую.

2.5.3.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

В американских СМИ, как и в российских, основным источником метафоризации становятся единицы из СП «Кино», «Театр», «Цирк», «Шоу-бизнес» – 9 единиц: *actor* (n) ‘актер’, *clown* ‘клоун’, *play* ‘играть (роль)’, *rehearsal* ‘репетиция’, *role* ‘роль’, *stage* (n) ‘сцена’, *stage* (v) ‘ставить постановку на сцене’, *choreograph* (v) ‘ставить хореографию’, *performance* ‘спектакль’). Однако наряду с этим в американских массмедиа более или менее активно фиксируются единицы из других творческих и профессиональных СП: «Изобразительное искусство», «Музыка», «Декоративная отделка зданий, помещений, мебели» – 8 единиц: *paint*

‘писать красками’, *picture* ‘картина’, *portray* (v) ‘изображать в виде портрета’, *remaster* ‘создать новый мастер-альбом; обновить, улучшить старую запись’, *orchestrate* ‘сочинять музыку для оркестра’, *burnish* ‘полировать’, *façade* (*facade*) ‘фасад’, *whitewash* ‘белить побелкой’). Примечательно, что использование метафор на базе единиц, связанных с разными видами творческой деятельности, имеет определенную специфику.

Так, переносы на базе театральной, киноведческой и подобной лексики, как и в российских СМИ, акцентируют внимание на намеренном искажении действительности во внешней и внутренней политике «RUSSIA» (ср.: *In a heavily choreographed performance, Putin was pictured in his office looking at his papers before walking along the Kremlin’s long corridors, pausing at one point to look at a painting, on the way to his inauguration.* Associated Press // NYP. 07.05.24 [В спектакле «с тщательно поставленной хореографией» Путин был изображен в своем кабинете, просматривающим свои бумаги, прежде чем идти по длинным коридорам Кремля, останавливаясь в какой-то момент, чтобы посмотреть на картину, по пути на свою инаугурацию]; *All of Russia’s long-range attacks were highly choreographed.* W. M. Arkin // NW. 01.08.22 [Все российские дальние атаки тщательно «схореографированы» (срежиссированы)]).

Метафоры на базе СП «Изобразительное искусство» в основном оценивают информационную политику «RUSSIA», представляя ее как неискреннюю, направленную на сокрытие и «приукрашивание» реальных фактов. Акцент делается на том, что руководство «RUSSIA» стремится создать субъективный, выгодный им образ государства как внутри страны, так и за рубежом (ср.: *This all feeds the Kremlin’s “crisis-propaganda-for-export,” which portrays Russia as a peace-loving country.* I. Stradner, J. Smart // NYP. 16.10.23 [Все это подкармливает кремлевскую «кризисную пропаганду на экспорт», которая «портретирует» (изображает) Россию как миролюбивую страну]). Аналогичную функцию выполняют переносы на базе СП «Декоративная отделка зданий, помещений, мебели» (ср.: *The new Russia is*

glorifying Stalin and rewriting history to whitewash Soviet crimes. WP staff // WP. 06.05.24 [Новая Россия прославляет Сталина и переписывает историю, чтобы «осуществить побелку» (обелить) советские преступления]; *As part of his efforts to burnish the Soviet legacy ... Russia has introduced laws that criminalized the “rehabilitation of Nazism”.* Associated Press // WP. 09.05.24 [В рамках своих усилий по полировке советского наследия ... Россия ввела законы, криминализирующие «реабилитацию нацизма»]; *The book is marketed to a Western audience as revealing the “real Russia” behind the facade of its international grandstanding.* (Jac. J. Tell, B. de Robiano // Jac. 13.12.23 [Книга позиционируется западной аудитории как раскрывающая «настоящую Россию» за фасадом ее международного положения]). Если же речь, по мнению журналистов, идет о «реальном» положении дел, то акцент смещается на негативную оценку самой ситуации (ср.: *Yet, the picture gets even more sinister if we look into the numbers of displaced Ukrainians in Russia.* S. Talaver // Jac. 23.04.23 [Однако картина становится еще более злобещей, если мы посмотрим на количество перемещенных украинцев в России]).

Метафоры с музыкальной составляющей в исходных ЛСВ фиксируются в нескольких типов ситуаций во внутренней и внешней политике «RUSSIA», где, по мнению американских СМИ, ярко проявляется агрессивность, неискренность страны и ее руководства, их стремление манипулировать мнением российской и мировой общественности (президентские выборы, пропагандистские усилия по созданию «улучшенного» образа страны и ее руководства, своей версии развития российско-украинских отношений) (ср.: *Shortly after his orchestrated reelection in March, Putin suggested that a confrontation between NATO and Russia is possible.* Associated Press // NYP. 07.05.24 [Вскоре после своего «оркестрированного» (спланированного) переизбрания в марте Путин предположил, что конфронтация между НАТО и Россией возможна]; *Putin’s regime has employed time-honored tricks to manipulate elections, such as orchestrated public clamor for the leader to stay.* R. Dixon // WP. 14.03.24

[Режим Путина использовал проверенные временем приемы для манипулирования выборами, такие как «оркестрированные» общественные восклицания (организованный ажиотаж) с призывом остаться лидером]; *In “Russia, Remastered,” The Washington Post documents the historic scale of the changes Putin is carrying out.* R. Dixon // WP. 06.05.24 [В статье «Россия в «улучшенной версии старого мастер-альбома» (в обновленном виде) The Washington Post документирует исторический масштаб перемен, которые осуществляет Путин]; *It is highly likely that the mass killings [in Kiev in 2014] were a provocation orchestrated by Russia’s security services. ... Ukraine is the victim of massive outside intervention – only it’s one orchestrated by Russia and its imperialist leaders.* A. Karatnycky // NYP. 09.05.24 [Весьма вероятно, что [в Киеве в 2014 году] массовые убийства были провокацией, «оркестрованной» (спланированной) российскими службами безопасности. ... Украина является жертвой масштабного внешнего вмешательства, «оркестрованного» (спланированного) Россией и ее империалистическими лидерами)].

Употребление цирковых, комедийных и подобных метафор, как и в российских СМИ, связано со стремлением подчеркнуть абсурдность действий и карикатурность образов некоторых российских политиков, причем наиболее негативными и экспрессивными оказываются цитаты из речи политиков, публицистов с резко антироссийскими взглядами (ср.: *“It is not collective but individual opposition. It is deeply inside people,” she said. “Not in these clowns in power”.* K. Hjelmgard // USAT. 15.03.24 [«Это не коллективная, а индивидуальная оппозиция. Она глубоко внутри людей, – сказала она. – Не в этих клоунах у власти»]; *Putin’s cynical offer to mediate in the Middle East is a farce.* I. Stradner, J. Smart // NYP. 16.10.23 [Циничное предложение Путина выступить посредником на Ближнем Востоке – фарс]).

Таким образом, в американских СМИ, как и в российских, искусственно-имитационная модель преимущественно используется как экспрессивное средство создания резко негативного образа страны-оппонента.

2.5.3.4 Строительно-созидательная модель

2.5.3.4.1 Общая характеристика модели

Строительно-созидательная модель в российских и американских СМИ занимает периферийное положение в составе хозяйственно-трудовой метамоделей (см. табл. 7): РЯ – 16 контекстов (15,2% употреблений членов хозяйственно-трудовой метамоделей); 10 единиц (19,2% хозяйственно-трудовых метафор); АЯ – 24 контекста (15,9%); 10 единиц (19,2%).

Концептуальной основой данной модели, как и искусственно-имитационной, является бытийно-реляционно-оценочный тип метафоризации, но ее прагматическая часть связана не с отрицательной имитационной, а с позитивной созидательной составляющей – с формированием, появлением чего-либо в развитии страны-оппонента, различных институтов, сопряженных с ней, и т.п. Анализ членов данной модели посвящены наши статьи [Кириллова 2025б].

Данное концептуальное представление в обоих метафорических корпусах может реализоваться двояким образом, что позволяет выделить две субмодели: (1) создание нового, ранее не существовавшего; (б) восстановление уничтоженного, утраченного. В первом случае акцент усилиях по формированию принципиально новых структур, идей, тенденций в развитии, во втором – на возврате к прошлому, на стремлении восстановить прежние структуры, идеи, тенденции в развитии (ср.: *Мы же показываем, какие есть возможности построения новой системы координат – за пределами Запада* [во главе с США]. Д. Соколов // АиФ. 29.07.22; *США пытается восстановить и удержать господство на морях и океанах*. В. Овчинский, Ю. Жданов // Зв. 15.03.23; *Accusing scientists of treason; equating criticism of the war or of Putin with terrorism or extremism; and building a new, militarized elite of “warriors and workers” willing to take up arms...* R. Dixon // WP. 06.05.24 [Обвинение ученых в предательстве; приравнивание критики войны или Путина к терроризму или экстремизму и выстраивание новой, военизированной элиты «воинов и рабочих», готовых взять в руки

оружие...]; *Vladimir Putin has been clear for decades that he wants to restore the Soviet Union*. Н. Olsen // WP. 15.03.22 [Владимир Путин на протяжении десятилетий четко заявлял, что хочет восстановить Советский Союз]).

Основным источником метафоризации в российских и американских СМИ становится лексика из СП «Строительство». Это обобщенные номинации планирования, строительства, восстановления зданий, сооружений и результата данных процессов; конструктивных элементов сооружений и качественно-функциональных характеристик (РЯ: *строить, строительство, стройка, построение, возведение; восстановить, восстановление; основа, основанный, фундамент*; АЯ: *build* ‘строить’, *rebuild* ‘перестраивать’, *build up* ‘выстраивать из частей’, *design* ‘проектировать’, *re-engineer* ‘переконструировать’; *restore* ‘восстанавливать’; *basis* ‘основа’, *cornerstone* ‘краеугольный камень’, *foundation* ‘основание; фундамент’, *fundamental* ‘фундаментальный’ (частичная метафора)).

Как и в других моделях, в использовании данной модели в российских и американских СМИ есть общие и специфические черты.

2.5.3.4.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Российские СМИ для характеристики «США» используют обе субмодели примерно с одинаковой степенью активности.

Так, **первая субмодель** (создание нового, ранее не существовавшего) фиксируется в российских СМИ в 9 из 16 употреблений (56,3%) при характеристике внешней и внутренней политики «США». С помощью лексики, именующей процесс строительства и его результатов, негативно оценивается внешнеполитическая деятельность «США», их стремление создать и сохранить такую конструкцию миропорядка, где они играют главенствующую роль. Аналогичный тип ассоциаций связан с характеристикой отношений «США» с отдельными странами (в особенности с Китаем) (ср.: *Администрация Байдена не может относиться к Китаю как к равноправному партнеру США в строительстве нового мирового порядка*).

А. КОРТУНОВ // Изв. 26.06.23; *Возможно ли трансформировать выстроенные под доминирование США институты в интересах более широкого круга акторов..?* А. ВЕДРУССОВ // Изв. 20.06.22; *Они [США] заявили, что будут выстраивать порядок, основанный на правилах, причём этих правил никто не читал, их нет.* Г. ИВАНОВ // АиФ. 16.06.23; *Американцы стремятся строить свои отношения с Китаем, чтобы, с одной стороны, сотрудничать там, где это соответствует американским интересам, например в торговле, а с другой – чтобы это не мешало американской политике сдерживания Китая.* Г. ИВАНОВ // АиФ. 19.06.23). Идеологическая и экономическая основа, база, определяющая сущностные характеристики внешней и внутренней политики «США», позиционируется как фундамент здания, сооружения (ср.: *Это основанное на идеологии государство, в фундаменте которого лежит мощный религиозный компонент.* К. СЕНИН // Изв. 27.06.22; *Однако подобно Рональду Рейгану, во время отсылок к Аврааму Линкольну подменявшему понятия, господин Трамп также переиначил суть и смысл этой основы рейганизма.* А. ЗАБРОДИН // «Ъ». 09.03.24).

Вторая субмодель (восстановление уничтоженного, утраченного) фиксируется в 7 из 16 употреблений (43,7%) также фиксируется при характеристике внешней и внутренней политики «США». Во внешнеполитическом аспекте, как при использовании первой субмодели, отражается стремление страны-оппонента утвердить собственную гегемонию в мире, но акцент делается, с одной стороны, на объективной утрате «США» абсолютного доминирования в мире, а с другой – на их решимости вернуть себе полную экономическую и политическую власть в мировом сообществе. Аналогичным образом «США» действуют в отношении иностранных государств, делающих попытку выйти из-под их влияния (ср.: *«Стратегия Хендрикса» по восстановлению морской мощи США.* В. ОВЧИНСКИЙ, Ю. ЖДАНОВ // Зв. 15.03.23; *По словам Оливера Стоуна, при помощи конфликта России и Украины США хотят восстановления прозападного*

правительства». От ред. // АиФ. 26.04.22). При характеристике внутренней политики «США» на первый план выходит позитивная оценка финансово-экономических возможностей страны-оппонента, что позволяет им надеяться на успешное преодоление кризиса (ср.: *В МВФ отмечают, что по скорости и «качеству» восстановления с США не может конкурировать ни одна другая страна G20*. К. Боровикова // «Ъ». 22.07.24).

2.5.3.4.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

Характерной особенностью американских СМИ при репрезентации образа «RUSSIA» является то, что **первая субмодель** (создание нового, ранее не существовавшего) фиксируется относительно в небольшом числе контекстов (9 из 24 употреблений, или 37,5%), причем преимущественно при характеристике внутренней ситуации в стране-оппоненте, где акцент делается в основном на формировании патриотической, антизападной идеологии государства, самодостаточной в условиях санкций и СВО экономики страны и сохранении ключевых промышленных отраслей, а также на базовых идеологических и экономических принципах. Во внешней политике, в отличие от российских СМИ, американские массмедиа делают упор на отношениях «RUSSIA» с отдельными странами или на союзах с несколькими государствами, а не на глобальном миропорядке. Примечательно, что в том и другом случае могут фиксироваться в том числе позитивные тенденции в решении поставленных задач (ср.: *“Traditional values,” as Putin’s ideologues present things, provide a secure basis for the nation’s procreation*. S. Talaver // Яс. 23.04.23 [«Традиционные ценности», как представляют ситуацию путинские идеологи, обеспечивают надежную основу для воспроизводства нации]; *It [Russia] has put its economy on a solid non-Western foundation and secured sanction-proof supply chains, largely insulating itself from future Western pressure*. H. Notte // TNYT. 29.03.24 [Она [Россия] поставила свою экономику на прочный незападный фундамент и обеспечила защищенные от санкций цепочки поставок, в значительной

степени изолируя себя от будущего давления Запада]; *Ukraine has been attacking Russian energy infrastructure facilities to target Putin's oil industry, the cornerstone of his country's economy.* I. van Brugen // NW. 10.05.24 [Украина атакует объекты российской энергетической инфраструктуры, стремясь нанести удар по путинской нефтяной промышленности, краеугольному камню экономики его страны)].

Но ведущей в американских СМИ, в отличие от российских, оказывается **вторая субмодель** (восстановление уничтоженного, утраченного) – 15 из 24 употреблений (62,5%).

Наиболее последовательно эта субмодель используется при характеристике внешней политики «RUSSIA», где акцент делается на желании страны-оппонента восстановить Советский Союз или Российскую империю, подчинить себе близлежащие страны, укрепить положение на мировой арене. Реализация таких устремлений сталкивается трудностями, но их наличие представляется опасным для КЗ (ср.: *And if he once concerned himself with the grandiose mission of restoring the Russian empire, he has accomplished the opposite.* К. Parker // WP. 11.03.22 [И если когда-то он озаботился грандиозной миссией восстановления Российской империи, то добился обратного]; *Russian propagandist Sergey Mardan alluded to a misconception that Russia wishes to restore the USSR, which collapsed in 1991, and instead suggested the country could rewind the clock back beyond the days of the Russian Empire. ... Russia is capable of rewinding the clock 800 years to restore the Russian Empire.* А. Higham // NW. 29.09.23 [Российский пропагандист Сергей Мардан сослался на ошибочное представление о том, что Россия хочет восстановить СССР, который распался в 1991 году, и вместо этого предположил, что страна могла бы отмотать время назад, ко временам Российской империи. ... Россия способна перевести стрелки часов на 800 лет назад, чтобы восстановить Российскую империю]; *Some people who had close contact with Putin in his early years as president described his fervent mission to rebuild Russia as a superpower.* WP staff // WP. 06.05.24

[Некоторые люди, имевшие тесный контакт с Путиным в первые годы его президентства, описывали его пылкую миссию по выстраиванию заново России как сверхдержавы]).

При характеристике внутренней политики «RUSSIA» в центре внимания оказывается стремлению руководства страны вернуться к традиционным ценностям, заложить новый «фундамент» в основу такой государственной идеологии (ср.: *They're trying to develop this scientific Putinism as a basis of propaganda, as a basis of ideology, as a basis of historical education. ... His re-engineering of Russia is designed to provide that unifying philosophy.* R. Dixon // WP. 06.05.24 [Они пытаются развивать этот научный путинизм как основу пропаганды, как основу идеологии, как основу исторического образования. ... Его перестраивание России сконструировано так, чтобы передать эту объединяющую философию]; *“Traditional values,” as Putin’s ideologues present things, provide a secure basis for the nation’s procreation.* S. Talaver // Jас. 23.04.23 [«Традиционные ценности», как представляют ситуацию путинские идеологи, обеспечивают надежную основу для воспроизводства нации]).

Таким образом, периферийная в составе хозяйственно-трудовой метафорической метамодели строительно-созидательная модель, в отличие от других, сосредоточивает внимание на созидательной деятельности страны-оппонента, но именно это обуславливает общую негативную оценку «США» в российских СМИ, «RUSSIA» – в американских, поскольку подчеркивает опасность страны-оппонента для мирового сообщества.

2.5.4 Финансово-экономическая метамодель

2.5.4.1 Общая характеристика метамодели

Концептуальную основу переносов, формируемых на их базе единиц, выражающих имущественные и товарно-денежные отношения, «составляют представления о системе ценностей, определяемых такого рода отношениями» [Балашова 2014б: 233]. В российских и американских СМИ с

помощью данных метафор более или менее регулярно характеризуются отношения страны-оппонента с другими государствами, международными институтами, морально-нравственная составляющая политики, идеологии государства, политических сил и т.п.

Традиционно востребованные в русском и английском языках подобные переносы в исследуемом материале представлены относительно небольшим числом контекстов при формировании идеологем «США» и «RUSSIA» и занимают периферийное положение (см. табл. 5): РЯ – 50 контекстов (10,6% употреблений социоморфных метафор); АЯ – 67 контекстов (12,4%). Вместе с тем состав источников метафоризации достаточно разнообразен, особенно в российских СМИ: РЯ – 34 единицы (14,4% социоморфных переносов); АЯ – 21 единица (9,8%).

Наиболее последовательно используются метафоры на базе лексики, именующей имущественно-финансовое положение человека, товарно-денежные отношения, финансы, обретение и утрату собственности и т.п. (ср.: РЯ – *аутсорсинг, брокер, владеть, выплатить, грабить, жить за счет, жить не по средствам, завладеть, заплатить, клиент, клиентура, кредит, кризис, накопить, наследие, недешево, недооценивать, оценивать, потерять, продаваемый, продажность, разграбление, разорить, растерять, рейдерский захват, спонсор, терять, торги, утратить, украденный, хозяин, цена, ценность*; АЯ – *bargain* ‘сделка’, *bonanza* ‘ситуация, приносящая большую прибыль; золотая жила’, *client* ‘клиент’, *cost* (n) ‘цена’, *cost* (v) ‘стоять’, *estimate* (v) ‘оценивать’, *estimate* (n) ‘оценка’, *overestimate* ‘переоценивать’, *underestimate* ‘недооценивать’, *master* ‘хозяин, владелец’ (исторически от: ‘владелец скота и рабов’), *ownership* ‘владение’, *own* ‘владеть’, *owner* ‘владелец’, *poor* ‘бедный’, *poorly* ‘бедно’ (частичная метафора: ‘бедно’ → ‘плохо’), *rich* ‘богатый’, *sell* ‘продавать’, *share* ‘делиться’, *tenure* ‘владение недвижимостью, землевладение’ (исторически от: ‘наследственное владение землей на базе феодальной зависимости’), *value* ‘ценность’, *valued* (adj) ‘ценный’).

Формируемые на базе таких единиц переносы дают достаточно систематизированную оценочную характеристику стране-оппоненту.

2.5.4.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Наиболее последовательно в российских массмедиа финансово-экономическая метамодел ь используется при характеристике внешней политики «США» – 39 из 50 контекстов (78%).

С одной стороны, «США» позиционируется как циничный, корыстный, но близким к банкротству бизнесмен, а с другой – как асоциальный элемент общества, использующий неправовые способы обогащения за счет своих доверителей и всех других членов мирового сообщества (ср.: *Максимум, что может произойти в более долгосрочной перспективе, – военный разгром украинского режима, как это уже бывало с клиентами США в самых разных частях мира.* Т. Бордачев // Взг. 01.03.23; *Эта страна [США] живет за счет остального мира и не собирается отказываться от этого.* Г. Мирзаян // Взг. 12.05.23; *США далеко не впервые используют доллар, чтобы грабить другие страны.* А. Лесных // Изв. 01.04.22; *Вашингтон претендует на роль единоличного спонсора процесса ближневосточного урегулирования, не смущаясь тем, что давно утратил неотъемлемые для честного брокера нейтральность и непредвзятость.* В. Воробьев // АиФ. 25.04.23).

При описании внутренней ситуации в «США» аналогичные характеристики распространяются на правящую элиту, представителей обеих партий, Конгресса и т.п. (ср.: *В плане продажности народные избранники США дадут фору даже парламентариям самой коррумпированной страны Европы.* А. Ведрусов // Изв. 22.04.24; *Каскад проблем, возникший перед США, вызвал моральный кризис в Белом доме.* От ред. // Изв. 10.06.22).

2.5.4.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

В американских массмедиа характеристика внешней и внутренней политики «RUSSIA» осмысляются примерно в равных пропорциях: соответственно 33 из 67 контекстов (49,3%) и 34 из 67 контекстов (50,7%).

Во внешней политике «RUSSIA» акцент делается преимущественно на двух типах ситуаций – на отношениях с зависимыми от нее, лояльными к ней государствами и на военном противостоянии с Украиной и, отчасти, с КЗ.

Наиболее последовательно (27 из 33 контекстов) представлен первый тип ситуации, где «RUSSIA» позиционируется двояким образом. С одной стороны, она предстает в образе щедрого кредитора, продавца, делающего скидки другим государствам, за которые те расплачиваются лояльностью (ср.: *Her social media history ... betrays no sympathy toward Moscow or its client government in Minsk.* G. Miller // WP. 18.08.23 [Ее история в социальных сетях ... не выдает никакой симпатии к Москве или ее «клиентскому» правительству в Минске]; *Russia's power and influence are greatly diminished; it couldn't even prop up a valued client like the regime of Bashar al-Assad in Syria.* L. J. Austin III, A. J. Blinken // TNYT. 14.01.25 [Мощь и влияние России значительно уменьшились; она даже не смогла поддержать такого ценного «клиента», как режим Башара Асада в Сирии]). С другой стороны, «RUSSIA» может восприниматься как хозяин, а лояльные ей страны – как полностью зависящие от нее работники (здесь данная модель контаминирует с иерархической) (ср.: *One suspects Dodik would happily destroy his nation to please his master in Moscow.* J. Stavridis // ВВ. 04.10.22 [Есть подозрение, что Додик с радостью уничтожит свою нацию, чтобы угодить своему хозяину в Москве]).

Во втором случае (6 контекстов из 33) «RUSSIA» выступает в роли плохого бизнесмена, которому приходится платить слишком большую цену за СВО, политическую изоляцию и человеческие жертвы (ср.: *It scored territorial victories ... at great human cost. ... Russian ground troops have moved forward, it has been at an excruciatingly slow pace and at great cost.* W. M. Arkin

// NW. 24.08.22 [Она одержала территориальные победы ... ценой больших человеческих жертв. ... Российские сухопутные войска продвигались вперед, это происходило мучительно медленными темпами и ценой больших жертв]).

При характеристике внутренней ситуации в «RUSSIA» акцент делается на стремлении руководства страны внедрить в умы граждан традиционную, негативно оцениваемую американскими СМИ идеологию. Политическая элита в этом случае выступает в роли продавца, который стремится продать покупателю (электорату) самый ценный, с его точки зрения, товар (традиционные ценности) (ср.: *What exactly this symbol is supposed to mean, however, no one can say [“traditional values”] – which is why it’s perfect for a regime trying to sell its citizenry on an ideology that is itself half-baked.* M. Roberts // WP. 23.03.22 [Однако никто не может сказать, что именно должен означать этот символ – именно поэтому он идеально подходит для режима, пытающегося продать своим гражданам идеологию, которая пропеклась лишь наполовину]; *“Traditional values,” as Putin’s ideologues present things, provide a secure basis for the nation’s procreation. ... The national strategy also cites “traditional values” to encourage women to fulfill their natural roles as mothers while also being workers. ... ‘Traditional values’ are just a symptom of the Russian government’s helplessness in influencing women’s demographic choices.* S. Talaver // Яс. 04.23.23 [«Традиционные ценности», как представляют путинские идеологи, обеспечивают надёжную основу для воспроизводства нации. ... Национальная стратегия также ссылается на «традиционные ценности», чтобы побудить женщин выполнять свою естественную роль матерей, одновременно являясь и работницами. ... «Традиционные ценности» – лишь симптом бессилия российского правительства влиять на демографический выбор женщин]).

Таким образом, несмотря на то, что финансово-экономическая мета модель в российских и американских СМИ представлена относительно небольшим числом контекстов, ее использование концептуально системно и экспрессивно значимо.

2.5.5 Сакральная метамодель

2.5.5.1 Общая характеристика модели

Сакральные метафоры регулярно представлены в русском и английском языках (ср.: [Душенкова 2017; Голодная 2017; Комышкова 2023]). Фиксируются они и в исследуемых метафорических корпусах. Но здесь обнаруживается определенная специфика (см. табл. 5).

Во-первых, в российских массмедиа число употреблений сакральных метафор значительно меньше, чем в американских: РЯ – 34 контекста (7,2% употреблений социоморфных метафор); АЯ – 65 контекстов (12%). Возможно, в определенной степени это связано с экстралингвистическими причинами. Современный российский политический дискурс во многом продолжает традиции советских общественно-политических изданий: к концу XX века в связи с пропагандой атеистического мировоззрения большинство носителей русского языка были плохо знакомы с религиозной и мифологической сферами [Балашова 2014б: 308]. Американские же исследователи подчеркивают, что религиозные метафоры «основаны на метафорических моделях мышления, которые хорошо знакомы рядовым читателям», поэтому такого рода переносы становятся «убедительным дидактическим инструментом» [Gibbs 2017: 49]. Подобное положение четко проявляется в системе самих метафорических переносов.

Во-вторых, число переносов и, главное, системность в выборе источников метафоризации, в российских массмедиа значительно меньше, чем в американских: РЯ – 11 единиц (4,6% социоморфных переносов); АЯ – 30 единиц, или 14%).

Более или менее регулярно в российских и американских СМИ в качестве источника метафоризации используются общерелигиозные и христианские обозначения сакральных феноменов, сакральных текстов, оправдания культа и т.п. Но в американских СМИ фиксируются такого рода номинации представлены более разнообразно. Кроме того, в американские массмедиа фиксируются переносы на основе античной мифологии, Ислама и

буддизма (ср.: РЯ – *анофеоз, армагеддон, догма, дух, культ, магический, мессианский, ритуальный, светопреставление, святыня, крестовый поход*, АЯ – *adversary*¹³ ‘враг’ (в авраамических религиях также наименование Сатаны), *apocryphal* ‘апокрифический’, *crusade* ‘крестовый поход’, *doom* ‘решение, определяющее судьбу’ (от *doomsday* ‘конец света и день Страшного Суда’), *exorcize* ‘изгонять с помощью экзорцизма’, *gospel* ‘отрывок из Евангелия, зачитываемый во время богослужения’, *hell* ‘ад’, *hymn* ‘церковный гимн’, *indoctrinate* ‘индоктринировать’, *messianic* ‘мессианский’, *mission* ‘миссия’, *puritanical* ‘пуританский’, *ritual* ‘ритуальный’, *satanic* ‘сатанинский’, *cult* ‘культ’, *myth* ‘миф’, *mythology* ‘мифология’, *nemesis* ‘враг’ – от имени Немезиды, греческой богини карающего правосудия, *sacrifice* ‘приносить в жертву’, *sacred* ‘сакральный’, *taboo* ‘табу»; *charm* ‘пение, декламация магического заклинания’, *disaster* ‘катастрофа’ (о бедствии, вызванном неблагоприятным положением планет), *magic* (n) ‘магия’, *magic* (adj) / *magical* ‘магический’, *spell* ‘заклинание»; *juggernaut* ‘слепая непреклонная сила’ (в санскрите *Джаганнатха* ‘владыка Вселенной’ (одно из имён Кришны в индуизме), ‘*мецца*’ ‘мекка’, *sharia* ‘шариат’).

Безусловно, данные различия не могут не отразиться на функционировании метамоделей в российских и американских СМИ.

2.5.5.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

Абсолютное большинство исследуемых контекстов (29 из 34) в российских СМИ используются для характеристики внешней политики «США», и именно здесь можно выделить некоторые закономерности концептуального характера.

¹³ Как отмечалось ранее (см. 2.1), часть переносов вовлекаются в реализацию нескольких макромоделей или нескольких конкретных моделей одновременно, что обусловлено действием «центробежных» и «центростремительных» сил в метафорической системе русского и английского языков.

Так, правящая элита (независимо от партийной принадлежности) позиционируется как адепт культа «военной мощи США». Поэтому недостаточное финансирование военного ведомства равнозначно светопреставлению (ср.: *Однако если под угрозой главная святыня вашингтонского культа – военные бюджеты, – разгул плюрализма прекращается как по щелчку, и обе партии отдают нужное количество голосов на продолжение бесконечных войн США.* А. Ведрусов // Изв. 22.04.24). Но именно то, что «США» является адептом данного культа, обуславливает их агрессивность и готовность привести весь мир к концу света (ср.: *Но глобальный американо-китайский Армагеддон, по всей видимости, пока откладывается, что можно считать хорошей новостью для всех нас.* А. КОРТУНОВ // Изв. 26.06.23).

В логичном соответствии с таким концептуальным представлением «США» в отношении с другими странами приписывают себе роль мессии (ср.: *Этот документ выдержан в традиционном стиле навязывания миру «мессианской роли» США, которая проповедуется с момента зарождения этой страны.* Г. Аскальдович // Изв. 05.05.24). Если же иностранные государства проводят независимую от Штатов политику, то в лучшем случае отношения с оппонентами и конкурентами становятся ритуальными, не имеющими под собой сакральных оснований, а в худшем – «США» готовы вести с ними священную войну во имя веры в свою исключительность (ср.: *Визит Блинкена в Китай носил ритуальный характер, причём как для Госдепа США, так и для Пекина.* Р. Дмитриев // АиФ. 26.04.24; *Возглавив современный «крестовый поход» коллективного Запада против РФ после начала Россией специальной военной операции на Украине, Вашингтон продолжает играть в нём ключевую роль.* П. Пархитько // Пр. 07.06.22).

2.5.5.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

С помощью сакральных, преимущественно языковых, в том числе генетических переносов, формируемых на базе метафорического

расширения, в американских массмедиа характеризуется как внутренняя, так и внешняя политика «RUSSIA».

Во внутренней политике акцент делается на том, что руководство страны создает культ государственной идеологии «RUSSIA», в основе которого лежит совокупность мифов и в соответствии с которыми общество оказывается в плену определенных еретических и языческих традиций, использует магию и заклинания для решения социально-экономических и иных проблем (ср.: *What is it about Putin's way of seeing the world, and his understanding of his own mythologies, that made it inevitable that he'd underestimate the Western response?* G. Sargent // WP. 24.03.22 [Что именно в мировоззрении Путина и его понимании собственных мифологий сделало неизбежным недооценку им реакции Запада?]). В частности, решение внутренних проблем концептуализируется как культ, для которого характерна маскулинность, патриархальность, ритуальность, требующая жертвоприношений в виде индивидуальных прав, использования «магических заклинаний», поскольку реальных (экономических и идеологических), объективных рычагов влияния на общество у власти нет (ср.: *So the argument goes, "gender rights are explicitly democratic, so they threaten authoritarian regimes like Russia's that rely on traditional, unequal gender roles, heteronormativity and, especially, the cult of masculinity."* ... *Without any material foundation, "traditional values" here loom as a magic spell to solve the demographic crisis.* S. Talaver // Яс. 23.04.23 [Таким образом, аргумент гласит: «гендерные права являются явно демократическими, поэтому они угрожают авторитарным режимам, таким как российский, которые опираются на традиционные, неравные гендерные роли, гетеронормативность и, особенно, культ мужественности». ... Не имея под собой никакой материальной основы, «традиционные ценности» здесь кажутся магическим заклинанием для решения демографического кризиса]; *The emphasis is on a special and powerful state dominated by Putin, on centuries-old Russian self-reliance and stoicism, and the sacrifice of individual rights to the*

regime. R. Dixon // WP. 06.05.24 [Акцент делается на особом и могущественном государстве, которым управляет Путин, на многовековой российской самостоятельности и стоицизме, а также на принесении в жертву режиму индивидуальных прав]; *Sam Greene, a professor of Russian politics at King's College London who lived and worked in Moscow for many years, described Russia's election as a "ritual" to make sure "everyone's singing from the same hymn sheet."* K. Hjelmgard // USAT. 15.03.24 [Сэм Грин, профессор в сфере российской политики в Королевском колледже Лондона, много лет живший и работавший в Москве, охарактеризовал выборы в России как «ритуал», призванный гарантировать, что «все поют один гимн»)].

Вместе с тем нравственно-этические нормы в современном российском обществе, с точки зрения американских публицистов, соответствуют пуританскому обществу, известному строгостью нравов и аскетизмом (ср.: *Forging an ultraconservative, puritanical society mobilized against liberal freedoms...* R. Dixon // WP. 06.05.24 [Формирование ультраконсервативного, пуританского общества, мобилизованного против либеральных свобод...]; *In November 2022, Putin signed a decree defining Orthodox values, puritanical morality.* WP staff // WP. 06.05.24 [В ноябре 2022 года Путин подписал указ, определяющий православные ценности, пуританскую мораль]).

При характеристике внешнеполитической деятельности «RUSSIA» американские публицисты нередко употребляют религиозные метафоры для описания не реальной внешнеполитической ситуации, а принципов, которых, по их мнению, придерживается российское общество. И здесь обнаруживается много общего с характеристикой «США» в российских СМИ. Формируется образ государства, находящегося в «сакральном противостоянии» с Западом. Это противостояние ассоциируется с противостоянием божественных и сверхъестественных сил (ср.: *Vladimir Putin is positioning Russia as America's most dangerous and aggressive enemy, and transforming his country in ways that stand to make it a bitter adversary of the West for decades to come.* WP staff // WP. 06.05.24 [Владимир Путин

позиционирует Россию как самого опасного и агрессивного врага Америки и трансформирует свою страну таким образом, что она может стать заклятым врагом Запада на десятилетия вперед]). Подчеркивается, что «RUSSIA» позиционирует свою деятельность как миссионерство, как крестовый поход против «неверных» (ср.: *Who cares if Russia ends up relying on a bit of Western culture to embody its anti-Western crusade?* M. Roberts // WP. 23.03.22 [Кого волнует, что Россия в конечном итоге будет полагаться на частичку западной культуры для воплощения своего антизападного крестового похода?]; *Putin has outlined a messianic mission to save the world from what he calls a decadent, permissive West, an approach he hopes will resonate in socially conservative nations in the Global South.* WP staff // WP. 06.05.24 [Путин обозначил мессианскую миссию по спасению мира от того, что он называет декадентским, вседозволенным Западом, подход, который, как он надеется, найдет отклик в социально консервативных странах Глобального Юга]).

Таким образом, российские и американские СМИ дают достаточно однотипную в концептуальном аспекте характеристику страны-оппонента: каждая создает собственный культ, свою мифологию и действует в соответствии с ними.

2.5.6 Иерархическая метамодель

2.5.6.1 Общая характеристика метамодели

Иерархическая метамодель, как отмечалось (см. 2.5.1), объединяет метафорические переносы, формируемые на основе базовой иерархической оппозиции: «властвующий / подвластный», «независимый / зависимый», «начальник / подчиненный» и т.п. При метафоризации «социально-иерархические отношения переосмысляются как иерархические отношения другого типа (в социальной, нравственно-этической, логико-классификационной и других сферах непредметного мира)» [Балашова 2014а: 141]. В исследуемом материале мишенью иерархических переносов становятся отношения между страной-оппонентом и другими государствами,

международными институтами, между различными социально-политическими феноменами внутри страны и т.п. Таким образом, реляционный принцип переноса становится здесь ведущим.

При реализации иерархической метамоделю в российских и американских массмедиа обнаруживается несколько специфических особенностей (см. табл. 5). С одной стороны, число переносов и их употреблений относительно невелико: РЯ – 69 контекстов (14,6% употреблений социоморфных метафор); 37 единиц (15,7%); АЯ – 67 контекстов (12,4%); 25 единиц (11,7%). С другой стороны, источниками метафоризации становятся отдельные члены различных социальных семантических полей, причем данные члены не отмечены четкой системно-структурной организацией.

В частности, при характеристике страны-оппонента в российских и американских массмедиа фиксируются языковые и речевые переносы, формируемые членами таких СП, как «Государственное устройство; социально-экономическая структура общества» (РЯ – *вассал, вассалитет, вотчина, сателлит, гегемон, гегемония, дегегемонизация, совет старейшин, варяги, жандарм, полицейский, судилище, судья, неподсудный, хозяин, империя, колониальный, неоколониальный*; АЯ – *autocratic* ‘автократический’, *czar* ‘царь’, *dictator* ‘диктатор’, *tyrant* ‘тиран’, *dominate* ‘доминировать’, *empire* ‘империя’, *imperial* ‘имперский’, *minion* (истор.) ‘миньон; фаворит при дворе французского короля’, *master* ‘хозяин’, *servant* ‘слуга’, *serve* ‘служить’, *slave* ‘раб’,); «Политика, идеология» (РЯ – *обком*); «Религия» (РЯ – *патриарх*); «Профессионально-трудовая деятельность» (РЯ – *архитектор, инженер, прораб, разнорабочий*; АЯ – *architect* ‘архитектор’); «Образование и воспитание» (РЯ – *ученичество, учить, менторский, наставлять, поучение*; АЯ – *teach* ‘учить’, *learn* ‘учиться’, *lesson* ‘урок’, *nurture* ‘заботиться (особенно о маленьких детях)’, *punish* ‘наказывать’, *punishment* ‘наказание’, *punitive* ‘использующийся в качестве наказания’, *unpunished* ‘ненаказанный’, *wayward* ‘капризный (обычно о детях)’); «Культура» (РЯ –

ключевая роль, кукловод, кукловодити, марионетка, марионеточный, дирижировать, первая скрипка; АЯ – puppet ‘марионетка’, usher ‘работать в качестве капельдинера’; «Родственные связи» (РЯ – большой брат; АЯ – mother ‘мать’).

Несмотря на существенные различия в источниках метафоризации, в основе переносов каждой из этих единиц лежит именно иерархический компонент. Вместе с тем функционирование различных метафор во многом определяется типом иерархической зависимости, что отражено в их первичных ЛСВ.

2.5.6.2 Идеологема «США» в российских массмедиа

В российских СМИ иерархическая метамодель используется почти исключительно при характеристике внешней политики «США» (66 из 69 контекстов, или 95,6%). Наиболее последовательно в рамках иерархической модели трактуются отношения между «США», которые занимают позицию «властителя», и другими членами мирового сообщества, формально независимыми и равноправными «США», но характеризующимися как «подвластные». Тем самым дается резко негативная оценка стремления «США» «владеть всем миром», включая союзников, поскольку роль властителя «США» присваивают себе сами.

Для создания образа «США» авторы статей и цитируемые ими политики, эксперты и т.п. регулярно используют языковые и окказиональные метафоры на базе лексики, характеризующей высокий статус человека в формальной, в том числе закрепленной законодательно, иерархии, по его сословному, экономическому, правовому, административному положению в государственных и межгосударственных отношениях, по состоянию личной свободы или зависимости, а также лексики именующей действия, присущие лицам с таким статусом (ср.: *Понятно, что добровольно мало кто согласится на такое распределение ролей и численности, поэтому хозяевам мира предстояло потрудиться. ... Наряду с этим, хозяева Запада*

регулируют «избыточное население» провоцируя войны, перманентные конфликты. А. Башкин // КП. 26.07.22; Что касается «наследия Бреттон-Вудса» в лице МВФ, Всемирного банка, ВТО и прочих институциональных инструментов обеспечения глобальной гегемонии США, то все они неизбежно потеряют свою актуальность по мере снижения доли доллара в мировой экономике. А. Ведрусов // Изв. 20.06.22; В контексте конфликта на Украине Евросоюз действует в роли вассала США. В. Шабловский // РГ. 23.07.23; США продвигают свои неоколониальные притязания на глобальное доминирование. И. Егоров // РГ. 24.07.23). В рамках данной метамоделли встречаются развернутые метафоры, в том числе в основе которых лежит исторический параллелизм. В качестве примера можно выделить метафорический перенос, основанный на летописном сюжете о приглашении на княжение славянскими племенами варягов (ср.: *В итоге [из-за внутренних противоречий] европейцам не осталось иного выхода, как позвать «варягов»: «Земля наша богата и обильна, но порядка в ней нет. Приходите и владейте нами»*. В. Федорцев // РГ. 08.08.23). Помимо этого, могут встречаться иерархические метафоры, в основе которых лежат реалии советского периода (ср.: *Президент России Владимир Путин, говоря о европейских политиках, заявил, что нельзя разговаривать с партнером, который «по каждому вопросу звонит в вашингтонский обком»*. А. Герейханова // РГ. 27.10.22). Таким образом, отношения между «США» и членами НАТО, Евросоюза и Большой Семерки в иронической форме приравниваются к строго иерархическим отношениям между КПСС и всем сообществом в Советском Союзе.

При использовании родственной терминологии иронии подвергается естественность покровителя старшего родственника по отношению к младшему (ср.: *Европейцы, многие из которых считают, что они абсолютно надежно прикрыты американским ядерным зонтиком, могут прийти к выводу, что как раз ядерным зонтиком они не прикрыты. И что «большой брат» не будет жертвовать собой*. М. Ростовский // МК. 16.05.23).

Наиболее резкую форму негативная оценка деятельности «США» в общемировом пространстве выражена с помощью иерархии в театре кукол, поскольку независимые страны и международные институты лишаются в данном случае даже статуса человека, становятся бездушными, безвольными куклами (ср.: *Раскрыт замысел кукловодов: США выиграют от попытки наступления Украины при любом исходе*. А. Гришин // КП. 21.04.23; *Мадуро сравнил Зеленского с Гуайдо и предрек ему схожую судьбу марионетки США*. От ред. // Изв. 12.12.23; *На сегодняшний день в составе этой по сути марионеточной организации 37 государств – союзниц США*. Г. Аскальдович // Изв. 05.05.24).

Если же остальные государства, по мнению российских СМИ, не согласны добровольно принять вассальную позицию, то «США» выполняет функции карательных органов (ср.: *Так, один из них напомнил, что Украина не является членом НАТО, а США «не должны брать на себя роль мирового жандарма»*. От ред. // Изв. 01.10.22; *Также он назвал Вашингтон самозванным «мировым полицейским»*. От ред. // АиФ. 21.06.23). Подобная аналогия распространяется на иерархию в судебной системе (ср.: *Неподсудные «судьи»... Сами они неподсудны, как им кажется... США считают себя вправе выносить вердикт по любому поводу*. В. Воробьев // АиФ. 20.04.23; *Возможное присутствие на саммите двух лидеров способно не только сорвать планы по превращению мероприятия в «судилище» над Россией, но и ускорить формирование антиколониальной коалиции, противостоящей диктату США*. Е. Панина // Изв. 31.10.22).

Более того, в орбиту реализации этой метамодеи центростремительно вовлекается лексика, характеризующая иерархические отношения на производстве, в творческих коллективах (ср.: *Вашингтон продолжает играть в нём ключевую роль, «дирижируя» своими партнёрами-сателлитами; это всё тоже режиссируется, поощряется и разжигается*. П. Пархитько // Пр. 08.06.22; *Уже в силу этого восприятия администрация Байдена не может относиться к Китаю как к равноправному партнеру*

США в строительстве нового мирового порядка. Если Пекин и будет допущен к возведению отдельных элементов этой грандиозной конструкции, то лишь в роли подсобного разнорабочего, в то время как архитекторами, инженерами и прорабами великой стройки должны выступить исключительно западные демократии. А. КОРТУНОВ // Изв. 26.06.23).

Иерархическая метамоделю также реализуется с помощью метафорических переносов на базе лексики, характеризующей отношения между учителем и учеником, где роль учителя, ментора или наставника отводится «США» (ср.: Менторский тон Вашингтона стал неприемлемым для огромного количества государств, США продолжают вести противоречивую политику, заявил РИА Новости пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков. От ред. // АиФ. 21.06.23; *А когда он все-таки состоялся, ожидалось, что госсекретарь опять не сдержится, устроив какую-нибудь русофобскую истерику с поучением китайцам на тему «с кем не надо дружить».* Д. Бавырин // Взг. 21.06.23; *Те, кто заявляет о свободе, демократии, бесконечно учат всех, как нужно идти в фарватере либеральных ценностей, а на самом деле это превращается всё в настоящую диктатуру.* Г. Иванов // АиФ. 16.06.23; *Они, в свою очередь, смирились с невозможностью вернуть нас на путь ученичества и вассалитета.* О. Карпович // Изв. 29.12.22).

В 3 из 69 контекстов (4,4%), характеризующих внутреннюю политику в «США», подобный тип ассоциацией распространяется на отношения между членами политической элиты страны (ср.: *27 мая патриарху американской дипломатии Генри Киссинджеру исполняется 100 лет, и накануне своего юбилея он решил рассказать миру, как избежать третьей мировой войны.* Г. Мирзаян // Взг. 18.05.23; *Сам ВС США сейчас по сути является «советом старейшин, который толкует Конституцию в соответствии со своими религиозными воззрениями и творит право, по которому живут люди».* К. Сенин // Изв. 27.06.22; *Илон Маск назвал Камалу Харрис корпоративной марионеткой.* А. Тихонов // МК. 24.07.24).

2.5.6.3 Идеологема «RUSSIA» в американских массмедиа

В американских массмедиа, как и в российских, данная метамодель используется в основном при характеристике внешней политики «RUSSIA» (58 из 67 контекстов, или 86,6%), причем в принципах функционирования модели есть общие и специфические черты.

Так, довольно востребованы переносы на основе собственно иерархической лексики, именующей государственное устройство, форму правления, сословные отношения. «RUSSIA» позиционируется как страна, которая стремится стать империей и занять главенствующее положение среди соседей (ср.: *The consequences ... for Europeans stuck on the border with a nuclear-armed expansionist empire will almost certainly be worse than anything that has come before.* M. Wasiura // NW. 22.05.22 [Последствия ... для европейцев, застрявших на границе с вооруженной ядерным оружием экспансионистской империей, почти наверняка будут хуже, чем все, что было раньше]; *Moscow has not given up its dreams of empire nor its will to dominate its neighbors.* D. Von Drehle // WP. 8.04.2022 [Москва не отказалась ни от своих имперских мечтаний, ни от желания доминировать над соседями]; *Not for Europe, which would fall under the shadow of a tyrant determined to reconstitute Moscow's fallen empire.* L. J. Austin III, A.J. Blinken // TNYT. 14.01.25 [Не для Европы, которая попадет под тень тирана, решившего восстановить павшую империю Москвы]).

В наиболее резкой форме осуждение стремления «RUSSIA» оказывать влияние на другие государства выражается с помощью иерархии в кукольном театре. Но этот тип ассоциации используется в гипотетической ситуации победы в вооруженном конфликте с Украиной, что должно, по мнению со стороны американских журналистов и политиков, настроить американское общество против «RUSSIA» (ср.: *He [Путин] ... planned to topple Ukraine's democratically elected government, install a Kremlin puppet regime and expose the West as weak, divided and diminished.* L. J. Austin III, A. J. Blinken // TNYT. 14.01.25 [Он [Путин] ... планировал свалить демократически избранное

правительство Украины, установить марионеточный режим Кремля и выставить Запад слабым, разобщенным и ничтожным]).

К реализации иерархической метамоделю, как и в российских массмедиа, примыкает метафоризация на базе лексики, именующей отношения между учителем и учеником, однако в американских СМИ положение учителя занимает «RUSSIA» (ср.: *Some Russian politicians are talking about how Poland needs to be taught a lesson*. G. Sargent // WP. 24.03.22 [Некоторые российские политики говорят о том, что Польше нужно преподать урок]). Подобную функцию, как в российских СМИ, могут выполнять переносы на базе родственной лексики, но здесь положение родителя отводится «RUSSIA», а позиция ребенка – другим славянским государствам, бывшим советским республикам и т.п. (ср.: *It is deeply involved in spreading false narratives about the war, seeking to portray Russia's "special military operation" as a pan-Slavic mission to unite the wayward Ukrainians (who are Slavs themselves) with Mother Russia*. J. Stavridis // ВВ. 04.10.22 [Он активно занимается распространением ложных сведений о войне, стремясь представить «специальную военную операцию» России как панславянскую миссию по объединению отбившихся от рук украинцев (которые сами являются славянами) с Матушкой-Россией]).

Специфической особенностью реализации данной метамоделю в американских СМИ то, что «RUSSIA», в отличие от «США», в нескольких контекстах может выступать в роли члена, занимающего более низкое, подчиненное положение в иерархии. Функцию главенствующего участника в этой оппозиции выполняет «коллективный Запад», который стремится указать «RUSSIA» на ее зависимое положение и может наказать в случае ее непослушания (ср.: *Our goal should be to punish Putin while minimizing harm to American consumers and innocent Russians*. С. Rampell // WP. 24.03.22 [Наша цель – наказать Путина, минимизировав при этом вред американским потребителям и невинным россиянам]).

При характеристике внутренней политики «RUSSIA» (9 из 67 контекстов, или 13,4%) американские массмедиа используют преимущественно переносы на базе лексики, отражающей иерархию в государственном устройстве и т.п. Если при этом употребляются единицы, именующие ушедшие реалии, то акцент делается на общей обращенности страны и ее руководства в прошлое (ср.: *In his pursuit of a nationalistic, patriotic, “moral” Russia with himself as czar, Putin*. К. Parker // WP. 11.03.22 [В своем стремлении к националистической, патриотической, «нравственной» России с самим собой в качестве царя Путин повернул свою страну вспять]).

Таким образом, несмотря на разнородность источников метафоризации, в российских и американских СМИ иерархическая метамоделю используется достаточно системно и последовательно с целью охарактеризовать страну-оппонента резко негативно и в экспрессивной форме.

2.5.7 Метамоделю «свои – чужие»

В основе формирования метамоделю «свои – чужие» лежит концептуальная оппозиция, в которой «единство / близость в социальном (в широком смысле слова) отношении переосмысливается как единство / близость людей в социально-экономическом, политическом, идеологическом, духовном, личностном планах иного рода», а отсутствие подобных связей «осмысливается как чуждость, противопоставленность, принципиальное различие соответствующих явлений в социальном, духовном, личностном и логико-классификационном аспектах» [Балашова 2014а: 140].

В реализации данной метамоделю в российских и американских массмедиа прослеживается несколько особенностей (см. табл. 5).

Во-первых, ее востребованность при характеристике «США» значительно выше, чем «RUSSIA», но число переносов значительно больше в американских СМИ (по сравнению с российскими): РЯ – 81 контекст (17,1%

всех употреблений социоморфных метафор), 11 единиц (4,7%); АЯ – 53 контекста (9,8%), 21 единица (9,8%).

Во-вторых, многие единицы, включенные в состав метамоделей, формируются на основе минимального метафорического расширения. Например, отношения между государствами, социальными институтами трактуются как межличностные отношения (ср.: *друг / friend, враг / enemy*), вследствие чего такого типа переносы занимают промежуточную позицию между метафорическими и метонимическими.

В-третьих, достаточно однородный в исследуемых метафорических корпусах состав источников метафоризации имеет существенные различия в конкретной семантике первичных ЛСВ. Это единицы, характеризующие межличностные отношения и их проявление, местожительство, родственные связи, социальные и деловые отношения, отношения внутри социального сообщества и между странами и этносами (РЯ – *враг, враждебный, друг, дружественный, дружеский, недруг, недружественный, партнер, партнерский, партнерство, противник*; АЯ – *adversary* ‘враг’, *alliance* ‘группа стран или людей, которые согласились работать вместе из-за общих интересов’ – от ‘«узы брака» между правящими домами или семьями’, *ally* ‘союзник’, *barbarian* (n) ‘варвар’, *barbaric* ‘варварский’, *barbarism* ‘варварство’, *barbarous* ‘варварский’, *brotherly* ‘братский’, *civilized* ‘цивилизованный’, *enemy* ‘враг’, *family* ‘семья’, *friend* ‘друг’, *handshake* ‘рукопожатие’, *love affair* ‘любовная интрига’, *neighbor* ‘сосед’, *neighboring* ‘соседский’, *nemesis* ‘враг’, *pariah* ‘изгой’, *partner* ‘партнер’, *partnership* ‘партнерский’, *unfriendly* ‘недружественный’).

В-четвертых, использование данной метамоделей при характеристике страны-оппонента в российских и американских СМИ имеет много общего. В частности, данная метамоделей употребляется почти исключительно при оценочно-реляционной характеристике внешней политики страны-оппонента.

Так, в российских СМИ отношения «США» с западными странами, разделяющими их взгляды на мировую политику, трактуются как дружеские, а с оппонентами и конкурентами – как вражеские (ср.: *«Кроме ближайших друзей и военных союзников Соединённых Штатов на Западе и в Восточной Азии, большая часть мира не заинтересована в присоединении к возглавляемой США кампании по изоляции России»*, - отмечено в статье. Е. Кузнецова // КП. 03.04.22; *“Недружественные действия США и их союзников привели к беспрецедентной ситуации – практически в утиль отправлены фундаментальные правила международной торговли”*, – заявил Мишустин. А. Безрукова // КП. 11.03.22). В разряд недругов могут «перемещаться» и идеологически / политически «близкие» страны, если они в каком-то аспекте проявили себя как независимые государства (ср.: *Также не стоит забывать, что в БРИКС (с разной степенью вовлеченности) участвуют и те страны, которые США считали своими партнерами*. Р. Романов // Вед. 27.04.24).

В американских массмедиа аналогичные переносы затрагивают несколько иную конфигурацию государств: «своими» для «**RUSSIA**» оказываются Китай, Беларусь, Иран, реже другие страны, «чужим» и «чуждым» – весь мир Запада. Примечательно, что данная точка зрения отражает мнение не только американских, но и цитируемых российских журналистов и политиков (ср.: *So, if U.S. “sacrifices” are deemed too excruciating to be justified by the goal of preventing the destruction of the geographically largest nation entirely in Europe, we will have earned from Russia and its friends (China, Iran, North Korea) what makes enemies doubly dangerous: contempt*. G. F. Will // WP. 25.09.24 [Итак, если «жертвы» США будут сочтены слишком мучительными, чтобы быть оправданными целью предотвращения уничтожения географически крупнейшей страны, полностью находящейся в Европе, мы заслужим от России и ее друзей (Китай, Иран, Северная Корея) то, что делает врагов вдвойне опасными: презрение]).

Вместе с тем, как отмечалось, состав переносов в американских массмедиа разнообразнее, чем в российских. С помощью таких специфических метафор отражаются следующие типы ситуаций.

Во-первых, в американских СМИ «RUSSIA» и страны КЗ противопоставлены в «цивилизационном» аспекте, где «RUSSIA» отводится роль «варвара» (ср.: *As Putin's military barbarism continues, U.S. credibility is at stake... Barbarism is on the ballot this year.* G. F. Will // WP. 25.09.24 [Поскольку военное варварство Путина продолжается, на карту поставлена репутация США... Варварство – вопрос, который в этом году будет вынесен на голосование]; *Governments and businesses must come to terms with the fact that the Russian president has abandoned the minimum consensus of the civilized world.* D. Brennan // NW. 03.08.22 [Правительства и бизнес должны смириться с тем фактом, что российский президент отказался от минимального консенсуса цивилизованного мира]).

Во-вторых, более последовательно отношения «RUSSIA» с другими государствами воспринимаются сквозь призму родственных отношений. Примечательно, что «RUSSIA», по мнению американских СМИ, пытается насильственно сохранить «семью» бывших союзных славянских республик (Украины и Беларуси), навязать этим народам родственные связи (ср.: *Vavilova casts it in the context of Russia and Ukraine (and Belarus too) being part of the same spiritual and historical family from the days of Kievan Rus, which became the cradle of Eastern Orthodoxy over 1,000 years ago.* A. Kellogg // FN. 01.04.22 [Вавилова рассматривает это в контексте того, что Россия и Украина (а также Беларусь) являются частью одной духовной и исторической семьи со времен Киевской Руси, которая стала колыбелью восточного православия более 1000 лет назад]; *An invitation to take up citizenship, rather than an exhausting refugee status, might seem to some pro-Russian people from occupied territories as a brotherly and caring gesture.* S. Talaver // Яс. 23.04.23 [Приглашение принять гражданство вместо изнурительного статуса беженца может показаться некоторым пророссийски настроенным людям с

оккупированных территорий братским и заботливым жестом]). Подобные переносы контаминируют с переносами на базе родственной лексики в рамках иерархической метамодеи (см. 2.5.7), рассмотренными выше, в которых «RUSSIA» занимает иерархически более высокое положение внутри «семьи».

Итак, как показал анализ, социоморфная макромодеи, занимая околоядерное положение в исследуемых метафорических корпусах, оказывается гораздо менее четко структурированной, чем ядерная пространственная макромодеи (см. 2.2). Эта особенность обусловлена семантическим разнообразием социальной лексики как источника метафоризации, а также действием концептуально обусловленных «центробежных» и «центростремительных» сил в метафорических системах русского и английского языков. Наиболее концептуально и лексически структурированной и во многом однотипной в российских и американских СМИ оказывается ядерная состязательная метамодеи. Вместе с конкретное когнитивное наполнение даже аналогичных русскоязычных и англоязычных переносов в исследуемых текстовых корпусах имеет не только общие, но и специфические черты. Остальные социоморфные метамодеи обнаруживают более или менее четко выраженную тенденцию к формированию полноценных когнитивных матриц и регулярных способов их реализации.

В сопоставительном аспекте здесь так же, как и в ядерной состязательной метамодеи, есть общее и различное, но в каждой из них эти черты могут проявляться по-разному. Вместе с тем социоморфная макромодеи, как и остальные макромодеи, используются российскими и американскими массмедиа для формирования исключительно негативного образа страны-оппонента.

2.6 Выводы к главе 2

Анализ метафорических переносов, зафиксированных в российских и американских массмедиа при характеристике страны-оппонента (США и Russia) в период обострения социально-экономических, политических и идеологических отношений между США и РФ с начала СВО (24.02.22) и до инаугурации Д. Трампа (20.01.25), позволяет сделать следующие выводы.

1) Современные российские и американские массмедиа активно используют концептуальные метафоры как способ формирования и репрезентации образа страны-оппонента (идеологем «США» и «RUSSIA»): русскоязычный метафорический корпус включает 1442 контекста с 774 метафорическими единицами; англоязычный (американский вариант) – 1515 контекстов с 712 метафорическими единицами. Большое число метафорических употреблений в американских СМИ проявляется также в среднестатистическом аспекте: на одну американскую публикацию приходится 13,8 метафорических контекста, характеризующих страну-оппонента, на российскую – около 9,6. Причины большей насыщенности переносными употреблениями американских СМИ по сравнению с российскими, в частности, связаны с дискурсивными особенностями исследуемых массмедиа: (1) в среднем размер американских публикаций больше российских (110 проанализированных американских статей содержит 127000 словоупотреблений, а 150 российских статей – 117000); (2) в российских СМИ метафорические характеристики страны-оппонента фиксируются в абсолютном большинстве случаев в аналитических статьях, а в новостных – спорадически, обычно в цитируемых высказываниях политиков, экспертов и т.п., в американских СМИ подобная жанровая обусловленность не столь очевидна и проявляется только как тенденция. Большое число зафиксированных метафорических единиц в российских СМИ по сравнению с американскими в известной степени связано с общими особенностями русской и английской лексико-семантических систем, в частности, с высокими словообразовательными потенциями РЯ: однотипные

метафоры при характеристике страны-оппонента регулярно фиксируются у многочисленных членов одного словообразовательного гнезда.

2) Исследованные метафорические корпуса отмечены целым рядом общих свойств: (а) в функционально-стилистическом аспекте большая часть переносов относится к общеупотребительным, тогда как сниженные и книжные представлены спорадически; (б) в функционально-типологическом абсолютное большинство метафор является полными языковыми живыми (образными) или генетическими; речевые (в том числе окказиональные) переносы, развернутые метафоры фиксируются значительно реже и преимущественно в речи цитируемых политиков, политологов, приглашенных экспертов; (в) в ситуативном аспекте метафорические контексты ограничены исключительно социально-политической, экономической характеристикой внешнеполитической деятельности страны-оппонента, а также внутренней ситуации в ней; (г) в лингвокогнитивном аспекте русскоязычные и англоязычные переносы оказываются однотипными с точки зрения источников, мишеней и модулей сравнения метафоризации, системно организованными и значимыми при формировании идеологем «США» и «RUSSIA» в российской и американской ПКМ.

3) Концептуальные русскоязычные и англоязычные метафоры образуют общую структуру, состоящую из четырех макромоделей, включающих несколько метамоделей и моделей, ориентированных на языковые модели метафоризации в РЯ и АЯ, но модифицированных в соответствии с основной функцией – быть способом формирования идеологем «США» и «RUSSIA». Статистически ядерная и околядерная позиция пространственных и социоморфных переносов соответствует их широкому распространению в метафорических системах РЯ и АЯ; периферийное положение не менее продуктивных в языковых системах натуралистических и антропоморфных переносов во многом определяется спецификой их использования в исследуемом материале.

4) Статистически ядерная пространственная макромоделю в исследованных корпусах является наиболее многочисленной по числу единиц и четко структурированной. Она включает две метамоделю (локальную и геометрически организованную), каждая из которых состоит из нескольких моделей. Локальная метамоделю объединяет метафоры, в которых положение, перемещение в линейном (горизонтальном, вертикальном), плоскостном, сферическом пространстве некоторого объекта ассоциируются с бытийно-динамическими, деятельно-динамическими, квантитативно-качественными, логико-квалификационными характеристиками страны-оппонента и связанных с ним феноменов.

5) Статистически окоядерная социоморфная макромоделю в обоих корпусах менее четко структурирована, более диффузна и разнообразна по источникам метафоризации. Данная особенность в принципе соответствует общеязыковым характеристикам макромоделю, но в исследуемых метафорических корпусах она имеет специфические свойства проявления. Из шести метамоделю, выделяемых в рамках этой макромоделю, две (иерархическая и «свои – чужие») формируются из членов различных социальных семантических группировок на базе сквозных реляционных модулей сравнения, тогда как остальные четыре метамоделю (состязательная, хозяйственно-трудолая, финансово-экономическая, сакральная) ориентированы на использование членов одной семантической группировки.

б) Статистическая позиция ближней периферии универсальной и продуктивной в РЯ и АЯ антропоморфной макромоделю является специфической особенностью исследуемых корпусов. Вместе с тем зафиксированные переносы единообразны по источникам метафоризации (номинации негативных физиологических и психических состояний человека), системно организованы и ориентированы преимущественно на экспрессивную отрицательную оценку страны-оппонента.

7) Универсальная и продуктивная в РЯ и АЯ натуралистическая макромоделю, основанная на осмыслении непредметных феноменов сквозь

призму физических характеристик живых и неживых природных объектов, в исследуемом материале занимает положение дальней периферии. Отчасти это связано с тем, что достаточно активно натуралистическая лексика «центробежным» образом вовлекается в реализацию пространственной и социоморфной макромоделей. При характеристике страны-оппонента в рамках двух метамоделей (абиотической и биоморфной) выявляются четыре немногочисленные модели, которые не отмечены высокой степенью концептуальной структуризации. Однако данные переносы участвуют в формировании преимущественно негативных и отчасти экспрессивных образов страны-оппонента.

8) Общим свойством российских и американских СМИ является использование, как правило, единых когнитивных матриц, но востребованность той или иной модели, различных частей образующих их когнитивных матриц, а также их концептуальное наполнение при формировании образа страны-оппонента могут иметь специфические черты. Так, в рамках состязательной макромоделей в российских массмедиа ядерную позицию занимает спортивно-игровая мета модель, а в американских – милитарно-состязательная, в результате чего образ «США» представляется несколько менее агрессивным, нежели образ «RUSSIA». При реализации периферийной в социоморфной макромоделей сакральной мета модели в американских СМИ число метафорических единиц почти в три раза больше, чем в российских, а число их употреблений – больше почти в два раза, что свидетельствует о большей значимости религиозной составляющей в репрезентации образа «RUSSIA» в американской ПКМ в целом по сравнению с образом «США» и российской ПКМ.

9) Формируемые на основе концептуальных метафор идеологемы «США» и «RUSSIA» в российских и американских массмедиа имеют общие и специфические признаки.

10) Во внешнеполитическом аспекте «США» и «RUSSIA» позиционируются как активные, претендующие на лидерство участники

международных отношений, но «США» стремятся сохранить свое абсолютное доминирование, дестабилизируя общемировую ситуацию, тогда как «RUSSIA» – восстановить прежде всего региональную значимость на территории бывших республик СССР и Российской империи, проявляя агрессию (прежде всего в отношении Украины). Неоднозначность образа «RUSSIA» в американских массмедиа отражается в том, что она позиционируется не только как агент общемировых процессов, но и как пациент негативного воздействия со стороны «коллективного Запада», цель которого – сместить «RUSSIA» на периферию общемирового пространства.

11) Более существенные различия в репрезентации идеологем «США» и «RUSSIA» обнаруживаются при характеристике внутривнутриполитической и экономической ситуации в стране-оппоненте. В российских массмедиа акцент делается на деструктивном для «США» характере конфронтации демократов и республиканцев, на экономических и социально-политических ошибках правящей элиты, которые, однако, могут иметь глобальные негативные последствия. В американских массмедиа «RUSSIA» позиционируется как экономически и политически нестабильное авторитарное государство с конфликтным типом отношений между руководством страны и оппозиционно настроенной частью гражданского общества. Вместе с тем отличительной особенностью «RUSSIA», по мнению американских СМИ, является способность противостоять негативному внешнему давлению, мобилизовать внутренние резервы для экономического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с целью исследования – выявить основные принципы метафоризации как способа формирования образов (идеологем) стран-оппонентов «США» и «RUSSIA» в современных российской и американской политических картинах мира – были проанализированы 150 российских и 110 американских публикаций в 13 российских и 13 американских массмедиа за период с 24.02.2022 по 20.01.2025. На основании их анализа были сформированы два метафорических корпуса, содержащие соответственно: российский корпус – 1442 контекста с 774 метафорическими единицами, американский корпус – 1515 контекстов с 712 метафорическими единицами.

На основе анализа данных метафорических корпусов были установлены регулярные источники метафоризации, используемые в современных российских и американских массмедиа при характеристике страны-оппонента («США» и «RUSSIA»); дана характеристика основных моделей метафоризации, используемых для репрезентации страны-оппонента; выявлены основные концептуальные признаки идеологем «США» и «RUSSIA», выражаемые с помощью концептуальных метафор в современных российских и американских массмедиа.

Проведенный лингвистический и когнитивный анализ позволил сделать вывод, что в условиях резкого обострения российско-американских отношений (2022–2024 гг.) российские и американские массмедиа при характеристике страны-оппонента («США» и «RUSSIA») активно используют метафорические переносы как средство формирования соответствующих идеологем в российской и американской ПКМ.

Контрастивный лингвокогнитивный анализ русскоязычного и англоязычного метафорических корпусов показал, что российские и американские массмедиа используют четыре базовых языковых макромоделей метафоризации с однотипными когнитивными матрицами и источниками метафоризации. Различия в употреблении данных макромоделей и составляющих их конкретных моделей в российских и американских

массмедиа связаны с различной востребованностью отдельных частей когнитивных матриц, ситуациями, которые выражаются с помощью однотипных концептуальных метафор.

Системное употребление концептуальных метафор в российских и американских СМИ при характеристике страны-оппонента обуславливает создание хорошо структурированных метафорических образов «США» и «RUSSIA». Общим свойством данных идеологем в концептуальном аспекте является преимущественное представление о стране-оппоненте как о суверенном субъекте международных отношений с достаточно четко сформулированными целями и задачами внешнеполитического и внутривнутриполитического развития. В прагматическом аспекте общим свойством идеологем «США» и «RUSSIA» является их резко негативная оценка в российской и американской политических картинах мира.

Сделанные в результате исследования выводы о роли концептуальных метафор в репрезентации идеологем в современной политической коммуникации, безусловно, не могут считаться окончательными. Во-первых, интерес представляет анализ «центробежных» и «центростремительных» процессов при формировании метафор в российских и американских СМИ при характеристике страны-оппонента в соотношении с общеязыковыми тенденциями. Во-вторых, значимым является динамический анализ метафорических образов идеологем «США» и «RUSSIA» на разных этапах развития отношений между этими странами. В-третьих, перспективным кажется расширение объекта исследования за счет анализа употребления метафор при характеристике других государств (например, Украины, стран «коллективного Запада», Китая) в российских и американских массмедиа.

Все это может стать предметом дальнейшего исследования роли концептуальных метафор в формировании и репрезентации идеологем в политической коммуникации.

Принятые сокращения

АЯ – английский язык (американский вариант)

КЗ – «коллективный Запад»

КМ – картина мира

ЛСВ – лексико-семантический вариант

ПКМ – политическая картина мира

РЯ – русский язык

СВО – Специальная военная операция

СГ – семантическая группа

СП – семантическое поле

ЯКМ – языковая картина мира

Список использованной литературы

І Список лексикографических источников

1. Ахманова 2004 – *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
2. Бабенко 2007 – Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. – 573 с.
3. БАС 2004–2017 – Большой академический словарь русского языка / Под ред. А. С. Герда. Т. 1 – 24. – М.; СПб.: Наука, 2004–2017.
4. Глазунов 2003 – Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики / Под ред. С. А. Глазунова. – М.: ООО «Русский язык – Медиа», 2003. – 776 с.
5. Ефремова 2006 – *Ефремова, Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: В 3-х т. / Т.Ф. Ефремова. – СПб.: АСТ. Астрель. Харвест, 2006. – URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (Дата обращения: 25.07.2025).
6. Кубрякова 1996 – Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. факультет МГУ, 1996. – 245 с.
7. Кузнецов 2007 – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, М.: Рипол классик, 2008. – 1534 с.
8. Кунин 2006 – Большой англо-русский фразеологический словарь / Под ред. А. Кунина. – М.: «Русский язык – Медиа», 2006. – 2010 с.
9. МАС 1999 – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/15/ma271226.htm?cmd=0&istext=1> (Дата обращения: 25.07.2024).
10. Преображенский 1958 – *Преображенский, А. Г.* Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – М. Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – 1284 с.
11. Розенталь, Теленкова 1985 – *Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А.* Словарь справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
12. РСС 1998–2015 – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: Т. 1–5 / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой– М.: Азбуковник, 1998–2015.
13. Ушаков 1935–1940 – Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]: В 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/04/us154914.htm?cmd=0&istext=1> (Дата обращения: 25.07.2025).

14. Фасмер 1986–1987 – *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. / М. Фасмер. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986–1987.
15. ФЭС 1983 – *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
16. Чернов 2001 – *Чернов, Г. В.* Англо-русский / русско-английский словарь (Американский вариант) / Г. В. Чернов. – М.: АБИ Пресс, 2009. – 1062 с.
17. Черных 1999 – *Черных, П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стер. / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 1999.
18. Шведова 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. – 1175 с.
19. Ayto 2003 – *Ayto J.* The Oxford Dictionary of Slang [Текст]. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 480 p.
20. Barnhart 1988 – *The Barnhart Dictionary of Etymology* / Ed. R. K. Barnhart, S. Steinmetz. – Bronx (N. Y.): H.W. Wilson Co, 1988. – 1284 p.
21. CambridgeBED – *Cambridge Business English Dictionary* / Ed. R. Combley. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 947 p.
22. CambridgeDAE 2007 – *Cambridge Dictionary of American English, 2nd Edition.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 1122 p.
23. CCALED 2003 – *Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary.* – New York: HarperCollins Publishers, 2003. – 1776 p.
24. CollinsED 2020 – *Collins English Dictionary & Thesaurus, Essential Edition.* – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2020. – 992 p.
25. Klein 1966 – *Klein, E.* A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language: Dealing With the Origin of Words and Their Sense Development Thus Illustrating the History of Civilization and Culture: Vol. I–II / E. A. Klein. – Amsterdam, London, New York: Elsevier Pub. Co, 1966. – URL: <https://archive.org/details/comprehensiveety01klei> (Дата обращения: 07.03.2025).
26. MCGHDAI 2005 – *McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms* / Ed. R. A. Spears. – Chicago: McGraw-Hill, 2005. – 1080 p.
27. MD 2016 – *Metaphors Dictionary: 6,500 Comparative Phrases, including 800 Shakespearean Metaphors* / Eds. E. Sommer, D. Weiss. – Canton : Visible Ink Press, 2016. – 626 p.
28. MWCD 2019 – *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 11th Edition.* – Springfield, MA: Merriam-Webster, 2019. – 1664 p.
29. MWD 2016 – *The Merriam-Webster Dictionary* / Ed. J. G. Lowe, D. J. Hopkins, M. G. Belanger at al. – Martinsburg, WV: Quad Graphics, 2016. – 972 p.
30. NOAD 2010 – *New Oxford American Dictionary, 3rd Edition.* / Ed. A. Stevenson. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 2096 p.
31. ODE 2010 – *Oxford Dictionary of English, 2nd Edition* / Ed. C. Soanes, A. Stevenson. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 2110 p.

32. ODI 2004 – The Oxford dictionary of idioms / Ed. J. Siefring. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. – 352 p.
33. Peckham 2012 – *Peckham, A.* Urban Dictionary: Freshest Street Slang Defined / A. Peckham. – Kansas City: Andrews McMeel Publishing LLC, 2012. – 272 p.

II Список исследовательской литературы

1. Абрамова, Мозговая, Немировская 2016 – *Абрамова, А. В., Мозговая, Я. В., Немировская, Е. С.* Метафорическое моделирование образа России в СМИ (на материале американской прессы) / А. В. Абрамова, Я. В. Мозговая, Е. С. Немировская // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – Т. 22. – № 4 (156). – С. 36–44.
2. Айсакова 2021 – *Айсакова, Е. А.* Новые фитометафоры в медиаречи / Е. А. Айсакова // Медиареальность XXI века: эпоха глобальных реформ : материалы I международной научно-практической конференции, Москва, 05 марта 2021 года. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. – С. 108–111.
3. Акселевич 2024 – *Акселевич, В. И.* Особенности формирования имиджа России в средствах массовой информации в период проведения специальной военной операции / В. И. Акселевич // Языки и культуры в эпоху перемен. – СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2024. – С. 52–56.
4. Алексеева 2019 – *Алексеева, Д. А.* Роль метафоризации членов СП «Имущественные и товарно-денежные отношения» в формировании языковой картины мира (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Алексеева. – Саратов, 2019. – 448 с.
5. Алефиренко 2009 – *Алефиренко, Н. Ф.* Картина мира и этнокультурная специфика слова / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости Белгородского государственного университета: Гуманитарные науки. – 2009. – № 14 (69). – С. 5–9.
6. Алефиренко 2010 – *Алефиренко, Н. Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 224 с.
7. Алефиренко, Гиголаева 2016 – *Алефиренко, Н. Ф., Гиголаева, А. Т.* Оказиональная метафоризация устаревших заимствований в тексте исторического романа / Н. Ф. Алефиренко, А. Т. Гиголаева // Гуманитарные исследования. – 2016. – № 2 (58). – С. 44–54.
8. Алешина, Шехтман 2023 – *Алешина, Л. С., Шехтман, Н. Г.* Театральная метафора как способ создания образа России в СМИ США / Л. С. Алешина, Н. Г. Шехтман // Актуальные проблемы лингвистики и методики : Материалы пятнадцатой студенческой научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 12 апреля 2023 года. – Екатеринбург: УрГПУ, 2023. – С. 75–82.
9. Алимджанов, Третьякова 2019 – *Алимджанов, А. А., Третьякова, Т.П.* К вопросу о жанровых типах институционального политического дискурса

- США / А. А. Алимджанов, Т.П. Третьякова // Дискурс. – 2019. – № 5(6). – С. 144–154.
10. Ангелина 2018 – *Ангелина, Э. А.* Сущностная характеристика понятия «политическая картина мира» / Э. А. Ангелина // Донецкие чтения. 2018: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Т. 5. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2018. – С. 145–147.
 11. Андиш, Каданцева 2020 – *Андиш, И. Б., Каданцева, Д. С.* Манипуляция в политическом дискурсе СМИ / И. Б. Андиш, Д. С. Каданцева. // Новые направления научной мысли : Материалы Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 11 декабря 2020 года. – Ростов-на-Дону: РГЭУ (РИНХ), 2020. – С. 324–327.
 12. Антипина 2009 – *Антипина, О. В.* Метафорический образ политической России начала XXI века на материале англоязычных сайтов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Антипина. – Иркутск, 2009. – 18 с.
 13. Апресян 1995 – *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
 14. Апресян, Апресян 1993 – *Апресян, Ю. В., Апресян, Ю. Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций / Ю. В. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
 15. Аристотель 2007 – *Аристотель.* Поэтика. Риторика / Аристотель. – М.: Изд-во Азбука-классика, 2007. – 352 с.
 16. Арутюнова 1979 – *Арутюнова, Н. Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 147–173.
 17. Арутюнова 1990а – *Арутюнова, Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
 18. Арутюнова 1990б – *Арутюнова, Н. Д.* Метафора / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 296–297.
 19. Арутюнова 1990в – *Арутюнова, Н. Д.* Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
 20. Арутюнова 1999 – *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2 изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 905 с.
 21. Аскольдов (Алексеев) 1997 – *Аскольдов (Алексеев), С. А.* Концепт и слово / С. А. Аскольдов (Алексеев) // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
 22. Астапкина 2023 – *Астапкина, Е. С.* Прилагательные тактильного восприятия как источник метафоризации / Е. С. Астапкина // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. – 2023. – № 2 (273). – С. 66–72.
 23. АТЯС 1936 – Античные теории языка и стиля. – М.; Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. – 344 с.

24. Бабушкин 1996 – *Бабушкин, А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
25. Балашова 2014а – *Балашова, Л. В.* Русская метафора. Прошлое. Настоящее. Будущее / Л. В. Балашова. – М.: Языки славянских культур, 2014. – 496 с.
26. Балашова 2014б – *Балашова, Л. В.* Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. / Л. В. Балашова. – М.: Рукописные памятники Древней Руси: Знак, 2014. – 632 с.
27. Балашова 2015 – *Балашова, Л. В.* Динамическая теория метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики / Л. В. Балашова // Вестник Омского университета. – 2015. – № 2. – С. 169–177.
28. Балашова 2016 – *Балашова, Е. Ю.* Роль телеономных концептуальных полей в организации религиозного дискурса: дис. ... докт. филол. наук / Е. Ю. Балашова. – Саратов, 2016. – 633 с.
29. Балашова 2017 – *Балашова, Л. В.* Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения) / Л. В. Балашова // *Quaestio Rossica*. – Т. 5. – 2017. – № 4. – С. 1178–1196.
30. Балашова 2018 – *Балашова, Л. В.* Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX–XXI вв. (динамический аспект) / Л. В. Балашова // *Политическая лингвистика*. – 2018. – № 2 (68). – С. 10–17.
31. Балашова 2020 – *Балашова, Л. В.* Речевая метафора как способ репрезентации образа России в современных оппозиционных массмедиа / Л. В. Балашова // *Политическая лингвистика*. – 2020. – № 3 (81). – С. 23–38.
32. Балашова 2022а – *Балашова, Л. В.* «Дипломатичное» и «недипломатичное» в жанрах дипломатического дискурса: на материале метафор в текстах пресс-конференции и интервью Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, посвященных военной спецоперации на Украине / Л. В. Балашова // *Жанры речи*. – 2022. – Т. 17, № 4 (36). – С. 272–284.
33. Балашова 2022б – *Балашова, Л. В.* Идеологема «коллективный Запад» сквозь призму антропоморфной метафоры (на материале выступлений С. В. Лаврова после начала специальной военной операции 24.02.2022) / Л. В. Балашова // *Политическая лингвистика*. – 2022. – № 5 (95). – С. 24–39.
34. Балашова 2025а – *Балашова, Л. В.* Идеологема «Украина» сквозь призму антропоморфной метафоры (на материале устных выступлений С. В. Лаврова в 2022–2024 гг.) / Л. В. Балашова // *Политическая лингвистика*. – 2025. – №1. – С. 12–19.
35. Балашова 2025б – *Балашова, Л. В.* Специфика реализации деструктивных метафор в речи министра иностранных дел РФ С. В.

- Лаврова (2022–2024 гг.) / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. – 2025. – №2. – С. 69–77.
36. Балашова, Дементьев 2022 – *Балашова, Л. В., Дементьев, В. В.* Русские речевые жанры / Л. В. Балашова, В. В. Дементьев. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2022. – 831 с.
 37. Балашова, Кириллова 2024 – *Балашова, Л. В., Кириллова, К. И.* Концептуальный образ страны-оппонента в жанре аналитической статьи в российских и американских общественно-политических массмедиа (на материале деструктивных метафор) / Л. В. Балашова, К. И. Кириллова // – Жанры речи. – 2024. – Т. 19. – № 4 (44). – С. 357–367.
 38. Балаян 2006 – *Балаян Э. В.* Роль метафоры в формировании языковой картины мира: на материале современного молодежного жаргона: дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Балаян. – Саратов, 2006. – 221 с.
 39. Балли 1961 – *Балли, Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Иностран. лит., 1961. – 393 с.
 40. Баранов 1991 – *Баранов, А. Н.* Очерк когнитивной теории метафоры / А. Н. Баранов // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1991. – С. 184–192.
 41. Баранов 2014 – *Баранов, А. Н.* Дескрипторная теория метафоры А. Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
 42. Баранов, Караулов 1994 – *Баранов, А. Н., Караулов, Ю. Н.* Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
 43. Барашева 2022 – *Барашева, Л. Г.* Метафора как оценка интеракции «медицинский работник ↔ пациент» во французском сетевом медицинском дискурсе / Л. Г. Барашева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 12. – С. 3989–3993.
 44. Барышникова, Дубинина 2019 – *Барышникова, Г. В., Дубинина, И. И.* Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы) / Г. В. Барышникова, И. И. Дубинина // Известия ВГПУ. – 2019. – №4 (137). – С. 179–185.
 45. Баскакова, Курц 2017 – *Баскакова, Е. С., Курц, М. А.* Использование метафор и эпитетов в британских и российских печатных СМИ при создании образа России в период санкционного конфликта / М. А. Курц, Е. С. Баскакова // Лингвистическое образование на современном этапе: российский и зарубежный опыт. – Сургут: Сургутский государственный университет, 2017. – С. 60–68.
 46. Бахтигареев 2022 – *Бахтигареев, А. Р.* Метафора и метонимия в семантической структуре слова и контекст как реализация его значений / А. Р. Бахтигареев // Modern Science. – 2022. – № 5–3. – С. 301–306.
 47. Бахтин 1975 – *Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.

48. Белугина, Колегова, Стародубец 2023 – *Белугина, О. В., Колегова, О. Ю., Стародубец, С. Н.* Идеологема «русская идея» в русской концептуальной и языковой картинах мира / О. В. Белугина, О. Ю. Колегова, С. Н. Стародубец // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2023. – № 2. – С. 347–364.
49. Беляков 2015 – *Беляков, М. В.* Характер эмотивности дипломатического дискурса / М. В. Беляков // Russian Journal of Linguistics. – 2015. – №2. – С. 124–132.
50. Бенвенист 1974 – *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
51. Бессарабова 1987 – *Бессарабова, Н. Д.* Метафора как языковое явление / Н. Д. Бессарабова // Значение и смысл слова: Художественная речь, публицистика. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1987. – С. 156–173.
52. Бирвиш 1981 – *Бирвиш, М.* Семантика / М. Бирвиш // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 177–199.
53. Бирдсли 1990 – *Бирдсли, М.* Метафорическое сплетение / М. Бирдсли // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 201–218.
54. Бирих 1995 – *Бирих, А.* Метонимия в современном русском языке (Семантический и грамматический аспекты) / А. Бирих. – München: Verlag Otto Sagne, 1995. – 192 с.
55. Блэк 1990 – *Блэк, М.* Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
56. Бляхер, Волынская 1976 – *Бляхер, Е. Д., Волынская, Л. М.* Картина мира и механизмы познания / Е. Д. Бляхер, Л. М. Волынская. – Душанбе: Издательство ДПУ, 1976. – 217 с.
57. Боброва, Кузнецова 2020 – *Боброва, Т. О., Кузнецова, Е. Н.* Метафорическое моделирование национальных стереотипов: образ России в англоязычных СМИ / Т. О. Боброва, Е. Н. Кузнецова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 1(80). – С. 406–408.
58. Богатырева, Казиахмедова 2016 – *Богатырева, С. Н., Казиахмедова С. Х.* Метафора как инструмент языкового воздействия на общественное сознание / С. Н. Богатырева, С. Х. Казиахмедова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №7-2(61). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-kak-instrument-yazykovogo-vozdeystviya-na-obschestvennoe-soznanie> (Дата обращения: 30.10.2024).
59. Богатырева, Кудинова 2025 – *Богатырева, С. Н., Кудинова М. А.* Метафора и дискурс. Теория метафоры Лакоффа и Джонсона / П. А. Кудинова, С. Н. Богатырева // Транслингва: вопросы современной науки и технологий сквозь призму языкового сознания. – М.: ЗАО «Университетская книга», 2025. – С. 209–213.
60. Бойко, Будаев, Зарипов, Солопова 2021 – *Бойко, А. В., Будаев, Э. В., Зарипов, Р. И., Солопова, О. А.* Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ / Э. В. Будаев, О. А. Солопова, Р. И. Зарипов, А. В. Бойко. – СПб.: Научные технологии, 2021. – 216 с.

61. Болдырев 2000 – *Болдырев, Н. Н.* Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 123 с.
62. Большакова 2015 – *Большакова, Л. С.* Метафора как объект историко-философского осмысления / Л. С. Большакова // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). – 2015. – № 1–1 (18). – С. 13–15.
63. Бородавкина, Пчегатлук 2014 – *Бородавкина, Е. В., Пчегатлук, С. К.* Образ России и США в СМИ: сравнительный анализ / Е. В. Бородавкина, С. К. Пчегатлук // Сборник научных статей факультета экономики, управления и бизнеса. – Краснодар: ФГБОУ ВПО «КубГТУ», 2014. – С. 63–65.
64. Бородай 2013 – *Бородай, С. Ю.* Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации / С. Ю. Бородай // Вопросы языкознания. – 2013. – № 4. – С. 17–54.
65. Бочина, Чжоу 2024 – *Бочина, Т. Г., Чжоу Ч.* Частотность функционирования параметрических прилагательных в газетном подкорпусе НКРЯ / Т. Г. Бочина, Ч. Чжоу // Вестник ТГГПУ. – 2024. – №4 (78). – С. 169–174.
66. Брагина 2006 – *Брагина, Н. Г.* Метафоры игры в описаниях мира человека (межличностные отношения) / Н. Г. Брагина // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – М.: Индрик, 2006. – С. 120–143.
67. Брутян 1973 – *Брутян, Г. А.* Язык и картина мира / Г. А. Брутян. – Текст : непосредственный // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108–111.
68. Будаев 2020 – *Будаев, Э. В.* Сопоставительная политическая метафорология / Э. В. Будаев. – СПб.: Научные технологии, 2020. – 464 с.
69. Будаев, Ворошилова, Дзюба, Красильникова 2011 – *Будаев, Э. В., Ворошилова М. Б., Дзюба, Е. В., Красильникова, Н. А.* Современная политическая лингвистика : учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова / отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург: ; Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 252 с.
70. Будаев, Тихонов 2016 – *Будаев, Э. В., Тихонов, В. В.* Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США / Э. В. Будаев, В. В. Тихонов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2 (56). – С. 43–50.
71. Будаев, Чудинов 2006 – *Будаев, Э. В., Чудинов, А. П.* Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 215 с.
72. Бучина 2003 – *Бучина, Г. И.* Роль метафоры в структурировании и функционировании лексики ограниченного употребления (на материале военной лексики в русском и английском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. И. Бучина. – Саратов, 2003. – 22 с.
73. Бушуева 2019 – *Бушуева, Л. А.* Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование (на материале русского и

- английского языков): дис. ... докт. филол. наук / Л. А. Бушуева. – Саратов, 2019. – 515 с.
74. Вайсгербер 1993 – *Вайсгербер, Й. Л.* Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. – М.: Прогресс, 1993. – 184 с.
 75. Вальковский 2023 – *Вальковский, М. А.* Процесс трансформации жанров в цифровой медиасреде: характер, факторы и пределы / М. А. Вальковский // Журналистика – медиалогия – наставничество : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Б. В. Стрельцова, Минск, 1 марта 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. Р. Хмель (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2023. – С. 272–276.
 76. Ваулина, Склярёвская 1995 – *Ваулина, Е. Ю., Склярёвская, Г. Н.* Картина мира в языковой метафоре / Е. Ю. Ваулина, Г. Н. Склярёвская // *Scando-Slavica*. – Copenhagen, 1995. – Т. 41. – С. 200–213.
 77. Вдовина 2024 – *Вдовина, В. Б.* К вопросу об определении понятия «политический медиадискурс» / В.Б. Вдовина // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2024. – №4 (52). – URL: <https://rulb.org/archive/4-52-2024-april/10.18454/RULB.2024.52.25> (Дата обращения: 31.07.2025).
 78. Вдовиченко 2011 – *Вдовиченко, Л. В.* Идеологемы «Порядок» и «Order»: специфика употребления в российском и американском политическом дискурсе / Л. В. Вдовиченко // *Политическая лингвистика*. – 2011. – №4. – С. 71–75.
 79. Вежбицкая 1990 – *Вежбицкая, А.* Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая // *Теория метафоры*. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133–152.
 80. Вежбицкая 1997 – *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
 81. Вежбицкая 2000 – *Вежбицкая, А.* Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека / А. Вежбицкая // *Вопросы языкознания*. – 2000. – № 6. – С. 33–38.
 82. Вепрева, Шадрин 2006 – *Вепрева, И. Т., Шадрин, Т. А.* Идеологема и мифологема: интерпретация терминов / И. Т. Вепрева, Т. А. Шадрин // *Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права*. – 2006. – Вып. 3. – С. 120–131.
 83. Вершинина 2013 – *Вершинина, М. Г.* Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / М. Г. Вершинина. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2013. – 221 с.
 84. Ветлугина, Пешкова, Умарова, Филимонова 2022 – *Ветлугина, М. А., Пешкова, Н. В., Умарова, С. И., Филимонова, Е. Ю.* Использование тактики обвинения в формировании негативного имиджа России в зарубежном политическом дискурсе (на материале американских СМИ) / М. А. Ветлугина, Н. А. Пешкова, С. И. Умарова, Е. Ю. Филимонова // *Современное педагогическое образование*. – 2022. – № 11. – С. 228–234.
 85. Ветошкин, Каштанова 2022 – *Ветошкин, А. А., Каштанова, И. И.* Метафора в политическом медиадискурсе как объект перевода / И. И. Каштанова, А. А. Ветошкин // *Гуманитарные науки и образование*. – 2022. – Т. 13. – № 1(49). – С. 149–154.

86. Викулова, Макарова, Новиков 2016 – *Викулова, Л. Г., Макарова, И. В., Новиков, Н. В.* Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики / Л. Г. Викулова, И. В. Макарова, Н. В. Новиков // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 3. – С. 54–65.
87. Воркачев 2003 – *Воркачев, С. Г.* Концепт как «зонтиковый» термин / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 5–12.
88. Воркачев 2004 – *Воркачев, С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
89. Воскресенская, Ноздренко 2021 – *Воскресенская, Е. Г., Ноздренко, О. Н.* Физиологическая метафора в дискурсе англо- и русскоязычных средств массовой информации / О. Н. Ноздренко, Е. Г. Воскресенская // Молодёжь третьего тысячелетия : Сборник научных статей XLV региональной студенческой научно-практической конференции, Омск, 05–25 апреля 2021 года / Отв. редактор П.В. Прудников. – Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2021. – С. 557–562.
90. Вражнова 2009 – *Вражнова, И. Г.* Метафорическая репрезентация властных структур в современных российских и американских СМИ / И. Г. Вражнова // Известия Саратовского университета. – 2009. – Т. 9. – Вып. 4. – С. 25–32.
91. Выровцева, Некрасов, Тимофеева 2024 – *Выровцева, Е. В., Некрасов, И. О., Тимофеева, А. А.* Политическая метафора в современном медиадискурсе: опыт типологии / Е. В. Выровцева, И. О. Некрасов, А. А. Тимофеева 2024 // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2024. – Т. 30. – № 4. – С. 6–23.
92. Гак 1977 – *Гак, В. Г.* К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация (Общие вопросы). – М.: Наука, 1977. – С. 230–293.
93. Гак 1988 – *Гак, В. Г.* Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.
94. Гак 1998 – *Гак, В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
95. Гарбуйо 2017 – *Гарбуйо, И.* Семантический и лингвокультурологический аспекты изучения фитонимических метафор в русском языке: на фоне итальянского): дис. ... канд. филол. наук / И. Гарбуйо. – Новосибирск, 2017. – 255 с.
96. Герасименко, Тарасова 2024 – *Герасименко, И. В., Тарасова, М. В.* Речевые средства создания негативного имиджа России в американских СМИ (2016-2024 гг.) / И. В. Герасименко, М. В. Тарасова // Вестник Северо-Восточного государственного университета. – 2024. – № 42. – С. 32–36.
97. Гизатуллина, Гумерова 2015 – *Гизатуллина, А. Р., Гумерова, М. И.* Идеологемы постперестроечного периода как фактор формирования нового сознания: общая характеристика (на материале газеты

- «Известия») / А. Р. Гизатуллина, М. И. Гумерова // Политическая лингвистика. – 2015. – №3. – С.95–101.
98. Гоббс 1936 – *Гоббс, Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 504 с.
99. Голодная 2017 – *Голодная, В. Н.* О некоторых процессах развития религиозной метафоры в английском языке (на примере фрейма "ВЫСШИЕ СИЛЫ") / В. Н. Голодная // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 108–112.
100. Голубкова, Таймур 2023 – *Голубкова, Е. Е., Таймур, М. П.* Метафора и метонимия в современном испаноязычном политическом дискурсе / Е. Е. Голубкова, М. П. Таймур // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 7 (875). – С. 84–87.
101. Горностаева 2020 – *Горностаева, Ю. А.* Метафорические модели дискурсивного конструирования негативного образа России в испанских СМИ / Ю. А. Горностаева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 6. – С. 47–53.
102. Грибовод, Русакова 2014 – *Грибовод, Е. Г., Русакова, О. Ф.* Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникации / О. Ф. Русакова, Е. Г. Грибовод // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Т. 14. – Вып. 4. – С. 65–75.
103. Гриднева 2019 – *Гриднева, Н. А.* Буквализация метафоры в художественном языке фантастики (на примере рассказов Р. Брэдбери) / Н. А. Гриднева // Rhema. Рема. – 2019. – № 1. – С. 9–19.
104. Гронская 2013 – *Гронская, Н. Э.* Идеологема как объект и инструмент политического проектирования / Н. Э. Гронская // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций. Материалы X Международной научной конференции. – М.: ЛЕНАРД, 2013. – Ч. 2. – С. 41–49.
105. Грубин, Дмитриева, Ишаева, Петренко 2021 – *Грубин, И.В., Дмитриева, Е.И., Ишаева, О.В., Петренко, Т.В.* Структурно-семантический анализ английских метафор в автомобильной, авиационной и морской терминологии / И. В. Грубин, Е. И. Дмитриева, О. В. Ишаева, Т. В. Петренко // Litera. – 2021. – № 5. – С. 106–114.
106. Грушевская 2002 – *Грушевская, Т. М.* Политический газетный дискурс (лингвопрагматический аспект): дис. ... докт. филол. наук / Т. М. Грушевская. – Краснодар, 2002. – 256 с.
107. Гумбольдт 1984 – *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с..
108. Гумбольдт 1985 – *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.

109. Гун, Матыцина 2024 – *Гун, С., Матыцина, М. С.* Политический медиадискурс в российском, европейском и китайском языкознании: теоретико-аналитический обзор актуальных направлений / С. Гун, М. С. Матыцина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. – № 5. – С. 1611–1617.
110. Гусев 1984 – *Гусев, С. С.* Наука и метафора / С. С. Гусев. – Л.: ЛГУ, 1984. – 104 с.
111. Гусейнов 2004 – *Гусейнов, Г. Ч.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х / Г. Ч. Гусейнов. – М.: Три квадрата, 2004. – 289 с.
112. Данилина, Прокофьева, Сальников 2025 – *Данилина, Н. И., Прокофьева, Л. П., Сальникова, К. М.* Дискурс фармацевтической рекламы в условиях правового регулирования: лингвистический инструментарий и прагматические стратегии / Н. И. Данилина, Л. П. Прокофьева, К. М. Сальников // Лингвистика и образование. – 2025. – № 5(3). – С. 24–33.
113. Данилова, Зиновьева 2023 – *Данилова, Е. А., Зиновьева, А. А.* Конструирование политического имиджа России в американских медиа / Е. А. Данилова, А. А. Зиновьева // Социально-политические исследования. – 2023. – № 3 (20). – С. 34–46.
114. Дармаева, Орлова 2024 – *Дармаева, С. Н., Орлова, Е. Л.* Метафора движения в политическом дискурсе немецких СМИ / С. Н. Дармаева, Е. Л. Орлова // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 2. – С.313–316.
115. Дейк 1989 – *Дейк, Т. А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
116. Дементьев 2010 – *Дементьев, В. В.* Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
117. Дементьев 2013 – *Дементьев, В. В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике / В. В. Дементьев. – М.: Глобал Ком, 2013. – 336 с.
118. Демидова, Николаева 2019 – *Демидова, Е. Б., Николаева, Н. В.* Отражение русской языковой картины мира в словообразовательной глагольной метафоре / Е. Б. Демидова, Н. В. Николаева // Культура и цивилизация. – 2019. – Т. 9. – № 2–1. – С. 162–169.
119. Демьянков 1995 – *Демьянков, В. З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX в. / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века : сб. статей. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 239–320.
120. Демьянков 2003 – *Демьянков, З. В.* Интерпретация политического дискурса в СМИ / З. В. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учебное пособие. – М., 2003. – С. 116–133.
121. Депутатова, Поморцева, Шангараева 2021 – *Депутатова, Н. А., Поморцева, Н. П., Шангараева, Л. Ф.* Образование неологизмов в медиаполитическом дискурсе современного английского языка / Л. Ф. Шангараева, Н. А. Депутатова, Н. П. Поморцева // Филологические

- науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 2151–2156.
122. Джанг 2020 – *Джанг, Х.* Формирование образа России в европейских СМИ: политические и экономические факторы / Х. Джанг // Актуальные вопросы мировой политики : Сборник научных статей. – СПб.: Ассоциация содействия изучению и популяризации истории и социально-гуманитарных наук "Научно-исследовательский центр "Пересвет", 2020. – С. 81–89.
123. Добросклонская 2014 – *Добросклонская, Т. Г.* Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований / Т. Г. Добросклонская. – Текст : // Язык и социальная динамика. – 2014. – № 14-1. – С. 106–115.
124. Добросклонская, Логинова 2023 – *Добросклонская, Т. Г., Логинова, П. Г.* Политическая медиариторика: системный подход к исследованию речевых практик политического медиадискурса / Т. Г. Добросклонская, П. Г. Логинова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2023. – Т. 12, № 4. – С. 47–54.
125. Дойникова 2023 – *Дойникова, М. И.* Образ российских политиков в немецких СМИ (лингвистический аспект) / М. И. Дойникова // Дискурсивные практики в современном мире : МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Москва, 27–28 октября 2022 года. – М.: МГПУ, 2023. – С. 110–114.
126. Долгова 2014 – *Долгова, Е. В.* К проблеме определения институционального дискурса. Дискурс средств массовой информации / Е. В. Долгова // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке : Международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 29 апреля 2014 года. – СПб: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. – С. 113–124.
127. Дреева, Кокоева 2024 – *Дреева, Д. М., Кокоева, А. Ф.* Когнитивная метафора как способ реализации эмотивной функции языка в политическом дискурсе (на материале выступлений Дональда Трампа и Маргарет Тэтчер) / Д. М. Дреева, А. Ф. Кокоева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. – № 11. – С. 4294–4300.
128. Дронов 2020 – *Дронов, И. С.* Типы институционального дискурса в обучении иностранному языку / И. С. Дронов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 25. – № 187. – С. 29–36.
129. Дубин 2020 – *Дубин, П. П.* Пространственные оппозиции на политической арене Великобритании / П. П. Дубин // Политическая лингвистика. – 2020. – №3 (81). – С. 68–76.
130. Дубровская 2017 – *Дубровская, О. Н.* Персонализация событий в американском медиаполитическом дискурсе: аксиологический аспект / О. Н. Дубровская // Романо-германская филология : Межвузовский

- сборник научных трудов. Том 7. – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2017. – С. 65–76.
131. Душенкова 2017 – *Душенкова, Т. Р.* Когнитивная метафора в «Сакральном» пространстве внутреннего мира / Т. Р. Душенкова // Вестник угроведения. – 2017. – №3 (30). – С. 36–40.
132. Дышлевый, Яценко 1984 – *Дышлевый, П. И., Яценко, Л. В.* Что такое общая картина мира / П. И. Дышлевый, Л. В. Яценко. – М.: Знание. Сер. Философия, 1984. – 64 с.
133. Дюбуа 1986 – *Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкенберг и др. / пер. с фр. Е. Э. Разлоговой, Б. П. Нарумова; общ. ред. А. К. Авеличева.* – М.: Прогресс, 1986. – 391 с.
134. Егорова, Осетрова 2015 – *Егорова, Э. В., Осетрова, О. И.* Искажение реальности в политическом медиадискурсе / Э. В. Егорова, О. И. Осетрова // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методики его преподавания: материалы Второй научно-практической конференции (Москва, 24-25 апреля 2015 г.). – М.: МГИМО-Университет, 2015. – Т. 1. – С. 157–161.
135. Ерзенкина 2021 – *Ерзенкина, М. В.* Особенности функционирования метафоры в экономической терминосистеме английского языка / М. В. Ерзенкина // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 33. С. 734–737.
136. Ермакова 2008 – *Ермакова, О. П.* Метафора в отношении к категории кажимости / О. П. Ермакова // Логический анализ языка: между ложью и фантазией. – М.: Индрик, 2008. – С. 618–623.
137. Ермакова 2014 – *Ермакова, Л. В.* Дискурсивный анализ. – Благовещенск: Изд. АмГУ, 2014. – 40 с.
138. Ефимова 2024 – *Ефимова, О. С.* Метафоризация как источник возникновения некоторых медицинских терминов в современном немецком языке / О. С. Ефимова // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 2 (50). – URL: <https://rulb.org/archive/2-50-2024-february/10.18454/RULB.2024.50.9> (Дата обращения: 18.04.2025).
139. Жамакочян, Мелконян 2015 – *Жамакочян, А. С., Мелконян, Н. А.* Идеологемы в СМИ: проблемы определения понятия идеологема / Н. А. Мелконян, А. С. Жамакочян // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. – 2015. – № 2. – С. 164–171.
140. Жантурина, Савельева 2023 – *Жантурина, Б. Н., Савельева, А. Ю.* Метафора new cold war и области ее моделирования / Б. Н. Жантурина, А. Ю. Савельева // Политическая лингвистика. – 2023. – № 4 (100). – С. 164–171.
141. Желтухина, Зеленская 2018 – *Желтухина, М. Р., Зеленская Л. Л.* Создание медиаобраза политического врага в современных российских и американских СМИ: лексико-грамматический аспект / М. Р. Желтухина, Л. Л. Зеленская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4(127). – С. 121–130.

142. Журавлев 2004 – *Журавлев, С. А.* Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Журавлев. – Казань: Казанский госуниверситет, 2004. – 203 с.
143. Залевская 2001 – *Залевская, А. А.* Текст и его понимание / А. А. Залевская. – Тверь: Тверской государственной университет, 2001. – 177 с.
144. Зализняк 2006 – *Зализняк, А. А.* Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
145. Земерова, Шехтман 2022 – *Земерова, А. Е., Шехтман, Н. Г.* Метафоры с агрессивным прагматическим потенциалом как способ создания образа России в СМИ США / А. Е. Земерова, Н. Г. Шехтман // Актуальные проблемы лингвистики и методики : материалы XIV международной студенческой научно-практической конференции, Екатеринбург, 12 апреля 2022 года / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург: УрГПУ, 2022. – С. 195–201.
146. Зяблова 2024 – *Зяблова, О. А.* Институционально-дискурсивные характеристики дипломатического и политического дискурсов: общие замечания / О. А. Зяблова. – Текст : электронный // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 8 (146). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalno-diskursivnye-harakteristiki-diplomaticheskogo-i-politicheskogo-diskursov-obschie-zamechaniya> (Дата обращения: 30.07.2025).
147. Иванов 2025 – *Иванов, Д. Ю.* Политическая картина мира в системе документов стратегического планирования России / Д. Ю. Иванов // Власть. 2025. – № 1. – С. 112–121.
148. Иванова 2008 – *Иванова, С. В.* Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2008. Вып. 1. – С. 29–33.
149. Иванова 2018 – *Иванова, С. В.* Культурологическая модальность в политическом медиадискурсе / С. В. Иванова // Медиалингвистика. – 2018. – Т. 5. – №2. – С. 199–209.
150. Иванова 2019 – *Иванова, Е. А.* Специфика репрезентации идеологемы «Западные ценности» в американском медийном дискурсе (на материале английского языка) / Е. А. Иванова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – №12. – С. 250–254.
151. Ивэнь 2022 – *Ивэнь, Г.* Трансформация образа США и России в китайских масс-медиа в 2000-2021 гг. / Г. Ивэнь // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 3(94). – С. 353–357.
152. Ишменев 2012 – *Ишменев, Е. В.* Политический медиадискурс: теория и национальные модели / Е. В. Ишменев. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2012. – 128 с.
153. Казакова 2012 – *Казакова, Н. В.* Формирование институциональных особенностей научно-учебного дискурса (на материале английских

- грамматик XVI–XIX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Казакова. – Ижевск, 2012. – 24 с.
154. Казачкова, Калинин, Солнышкина 2015 – *Казачкова, М. Б., Калинин, Т. Е., Солнышкина, М. И.* Эkleктика институционального дискурса: норма или нарушение? / М. Б. Казачкова, Т. Е. Калинин, М. И. Солнышкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12–1(54). – С. 164–168.
155. Калинин 2022 – *Калинин, О. И.* Креативные метафоры и речевое воздействие в дискурсе / О. И. Калинин // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2022. – № 2. – С. 469–482.
156. Калинин, Потемкина 2025 – *Калинин, О. И., Потемкина, В. М.* Политико-идеологический дискурс как разновидность гибридного институционального дискурса / В. М. Потемкина, О. И. Калинин // *Political Linguistics*. – 2025. – №1. – С. 108–117.
157. Карамышева 2024 – *Карамышева, С. Г.* Концепт «ВОДА» как источник метафоризации в англоязычном юридическом дискурсе С. Г. Карамышева // *Казанская наука*. – 2024. – № 4. – С. 382–385.
158. Карасик 1999 – *Карасик, В. И.* Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 195 с.
159. Карасик 2000 – *Карасик, В. И.* О типах дискурса / В. И. Карасик // *Языковая личность : институциональный и персональный дискурс*. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
160. Карасик 2002 – *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград.: Перемена, 2002. – 331 с.
161. Карпова 2007 – *Карпова, Н. С.* Роль метафоры в развитии лексико-семантической системы языка и языковой картины мира: на материале английских и русских неологизмов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Карпова. – Саратов, 2007. – 21 с.
162. Касевич 2004 – *Касевич, В. Б.* Буддизм. Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 281 с.
163. Кацнельсон 2011 – *Кацнельсон, С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 116 с.
164. Керимов 2015 – *Керимов, Р. Д.* Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации / Р. Д. Керимов. – Кемерово: КГУ, 2015. – 338 с.
165. Кибрик 2002 – *Кибрик, А. А.* Дискурс и возникновение функционализма / А. А. Кибрик // *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления*. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 307–309.
166. Кибрик 2003 – *Кибрик, А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... доктора филологических наук в форме науч. докл. : 10.02.19. – М., 2003. – 90 с.

167. Кибрик, Кошелев 2015 – *Кибрик, А. А., Кошелев, А. Е.* Когнитивная лингвистика – в поисках единства / А. А. Кибрик, А. Е. Кошелев // *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика.* – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 21–28.
168. Кимов 2010 – *Кимов, Р. С.* Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические механизмы формирования языковой картины мира / Р. С. Кимов. – Нальчик : Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 2010. – 182 с.
169. Кириллова 2024а – *Кириллова, К. И.* Аналитический обзор о США в современных российских массмедиа: особенности жанровой структуры (на материале пространственных метафор) / К. И. Кириллова // *Жанры речи.* – 2024. – Т. 19. – № 3 (43). – С. 266–276.
170. Кириллова 2024б – *Кириллова, К. И.* Образ Соединенных Штатов Америки сквозь призму антропоморфной концептуальной метафоры (на материале российских массмедиа) / К. И. Кириллова // *Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых : в 3 ч.* – Саратов, 2024. – Вып. 27, ч. I–III. – С. 228–231.
171. Кириллова 2024в – *Кириллова, К. И.* Роль деструктивной метафоры в формировании современной политической картины мира (на материале идеологемы США в российских газетных массмедиа) / К. И. Кириллова // *Русский язык и ценностные ориентиры современного мира : сб. материалов межд. научно-практ. конф. (ПГНИУ, 2–3 февраля 2024 г.).* – Пермь, 2024. – С. 271–280.
172. Кириллова 2024г – *Кириллова, К. И.* Роль состязательных метафор в формировании идеологем «Russia» и «США» в современных американских и российских СМИ / К. И. Кириллова // *Политическая лингвистика.* – 2024. – № 5 (107). – С. 110–118.
173. Кириллова 2024д – *Кириллова, К. И.* Роль социоморфной метафоры в формировании современной политической картины мира (на материале идеологемы США в российских газетных массмедиа) / К. И. Кириллова // *LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой : Сборник тезисов, Санкт-Петербург, 19–26 марта 2024 года.* – СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2024. – С. 1115–1116.
174. Кириллова 2024е – *Кириллова, К. И.* Специфика языковой картины мира современного российского политического дискурса (на материале общественно-политических газет 2022-2023 годов) / К. И. Кириллова // *Восьмые Моисеевские чтения: Материалы Международной научной конференции студентов и преподавателей, посвящённой памяти кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева.* Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22 ноября 2023 г. – Оренбург : «Издательство —Оренбургская книга», 2024. – с. 59–62.
175. Кириллова 2025а – *Кириллова, К. И.* Метафоры из сферы «Неживая природа» как способ формирования идеологем при характеристике страны-оппонента (на материале статей американских и российских

- массмедиа) / К. И. Кириллова // Язык и культура в глобальном мире. Выпуск №4. Сборник статей. – СПб. : ЛЕМА, 2025. – С. 294–300.
176. Кириллова 2025б – *Кириллова, К. И.* Образ страны-оппонента сквозь призму артефактных метафор (на материале современных российских и американских массмедиа) / К. И. Кириллова // Политическая лингвистика. – 2025. – №2. – С. 154–161.
177. Кириллова 2025в – *Кириллова, К. И.* Роль антропоморфно-личностной метафоры в формировании идеологем «США» и «Россия» в российских и американских общественно-политических СМИ (сопоставительный аспект) / К. И. Кириллова // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых : в 3 ч. – Саратов, 2025. – Вып. 28, ч. I-III. – С. 238–244.
178. Кирюшкина 2022 – *Кирюшкина, А. А.* О взаимодействии метафоры и метонимии / А. А. Кирюшкина // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Гуманитарные науки. – 2022. – № 1 (130). – С. 84–87.
179. Клещина 2017 – *Клещина, Н. Н.* Метафоричность образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ прошлого и настоящего / Н. Н. Клещина // Власть. – 2017. – № 9. – С. 32–36.
180. Клушина 2008 – *Клушина, Н. И.* Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): дис. ... докт. филол. наук / Н. И. Клушина. – М., 2008. – 352 с.
181. Клушина 2014 – *Клушина, Н. И.* Теория идеологем / Н.И. Клушина // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 54–58.
182. Князев 2002 – *Князев, А. А.* Энциклопедический словарь СМИ / А. А. Князев. – Бишкек : Изд-во КРСУ, 2002. – 164 с.
183. Кобозева 2001 – *Кобозева, И. М.* Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2001. – №6. – С. 132–149.
184. Кобозева 2002 – *Кобозева, И. М.* К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Диалог-2002: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Т. 1. – М.: РосНИИ ИИ, 2002. – С. 188–196.
185. Ковальчук 2021 – *Ковальчук, Л. П.* Взаимодействие интернет-контента и СМИ для привлечения молодежной аудитории к проблемам региона / Л. П. Ковальчук. // Пользовательский контент в современной коммуникации. – Челябинск: Изд-во Челяб. госуниверситета, 2021. – С. 39–42.
186. Козинец 2009 – *Козинец, С. Б.* Словообразовательная метафора в русском языке: дис. ... докт. филол. наук / С. Б. Козинец. – М., 2009. – 404 с.
187. Козловский 2022 – *Козловский, Д. В.* Мультимодальные средства интенсификации эвиденциального воздействия в политическом медиадискурсе / Д. В. Козловский // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 145–155.

188. Кокурина, Хорецкая 2019 – *Кокурина, И. В., Хорецкая, Н. Ю.* Фрейминг и образ США в немецкоязычных СМИ / И. В. Кокурина, Н. Ю. Хорецкая // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 1(19). – С. 25–30.
189. Колесов 2004 – *Колесов, В. В.* Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2004. – 237 с.
190. Колистратова 2023 – *Колистратова, А. В.* О соотношении понятий «картина мира», «языковая картина мира», «фольклорная языковая картина мира» / А. В. Колистратова // Научный Альманах ассоциации France-Kazakhstan. – 2023. – № 2. – С. 61–65.
191. Колшанский 1975 – *Колшанский, Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 232 с.
192. Комышкова 2023 – *Комышкова, А. Д.* Лексика религиозного культа как источник метафоризации в дискурсе IT / А. Д. Комышкова // Язык-текст-дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля). – Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. – С. 210–214.
193. Кондратьева 2017 – *Кондратьева, О. Н.* Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа / О. Н. Кондратьева // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5. – С.80–84.
194. Кондратьева 2025 – *Кондратьева, О. Н.* Метафора как способ самоидентификации россиян в сетевом дискурсе / О. Н. Кондратьева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 2 (496). – С. 36–45.
195. Коньков 2018 – *Коньков, В. И.* Лингвистические исследования политического медиадискурса / В. И. Коньков // Медиалингвистика. – 2018. – № 5 (2). – С. 138–161.
196. Корж 2019 – *Корж, П. А.* Спортивная метафора как средство коммуникации в американском политическом дискурсе / П. А. Корж // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (22). – С. 175–179.
197. Корнилов 2011 – *Корнилов, О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 3 изд., испр. – М.: КДУ, 2011. – 350 с.
198. Корольков 1968 – *Корольков, В. И.* Семасиологическая структура метафоры / В. И. Корольков // Учен. зап. 1 МГПИИЯ им. М. Тореза. Тр. каф. рус. яз. – М., 1968. – Т. 41. – С. 49–72.
199. Котов 2025 – *Котов, И. В.* Ментальные механизмы формирования семантики терминов нефтяной отрасли: когнитивная метафора и когнитивная метонимия / И. В. Котов // Казанская наука. – 2025. – № 3. – С. 301–307.
200. Крюкова, Нарыкова, Хатагова 2023 – *Крюкова, И. В., Нарыкова, Н. А., Хатагова, С. В.* Метафора как средство выразительности речи юриста в

- зале суда / И. В. Крюкова, Н. А. Нарыкова, С. В. Хатагова // Современные исследования социальных проблем. – 2023. – Т. 15, № 1-2. – С. 75–84.
201. Кузнецова, Панченко 2025 – *Кузнецова, Л. В., Панченко, Н. Н.* Когнитивная модель дискурса принятия решения в парламентской коммуникации / Л. В. Кузнецова, Н. Н. Панченко // Казанская наука. – 2025. – № 1. – С. 347–349.
202. Кошкарова, Мукушев 2021 – *Кошкарова, Н. Н., Мукушев, И. О.* Образ России в китайских СМИ / Н. Н. Кошкарова, И. О. Мукушев // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3 (87). – С. 87–100.
203. Красных 2003 – *Красных, В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
204. Кропотухина 2014 – *Кропотухина, П. В.* Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистических исследований / П. В. Кропотухина // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 6. – С. 35–39.
205. Крючкова 2009а – *Крючкова, Н. В.* Концепт – референция – коммуникация / Н. В. Крючкова. – Саратов: «ИП Баженов», 2009. – 391 с.
206. Крючкова 2009б – *Крючкова, Н. В.* Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов (на материале русского, английского, французского языков) / Н. В. Крючкова: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Саратов, 2009.
207. Кубрякова 1996 – *Кубрякова, Е. С.* Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ: Филологический факультет, 1996. – С. 90–92.
208. Кубрякова 2004 – *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
209. Кубрякова 2009 – *Кубрякова Е. С.* Основные направления концептуального анализа: вместо введения / Е. С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. 1. Концептуальный анализ языка. – М.: Тамбов: Изд. дом Тамб. гос. ун-та, 2009. – С. 11–24.
210. Кузина 2019 – *Кузина, О. А.* Аксиологический аспект языковой репрезентации образа Украины в англоязычных средствах массовой информации: дис. ... канд. филол. наук / О. А. Кузина. – Н. Новгород, 2019. – 161 с.
211. Кульчицкая 2012 – *Кульчицкая, Л. В.* Концептуальная метафора, аналогия, модель, парадигма / Л. В. Кульчицкая // Вестник СПбГУ. Серия 9. – 2012. – Вып. 2. – С. 169–175.
212. Купина 2012 – *Купина, Н. А.* Идеологема «Иностраннный агент»: три дня в июле 2012 года / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. – 2012. – №3. – С. 43–48.

213. Курбанова, Луговая 2016 – *Курбанова, Р. Ф., Луговая, Ю. А.* Образ России в СМИ США в период политического кризиса на Украине (на примере газеты "The Washington Post" и журнала "Time") / Р. Ф. Курбанова, Ю. А. Луговая // Мультимедийная журналистика Евразии – 2015: медиатизация социально-культурного пространства и медиакратия в условиях новой медиареальности Востока и Запада. Евразия молодая – 2015. – Казань: КФУ, 2016. – С. 177–181.
214. Курганская, Степанова 2024 – *Курганская, Е. В., Степанова, Н. В.* Медиapolитический дискурс: концепции и подходы к исследованию / Е. В. Курганская, Н. В. Степанова // ДИСКУРС. – 2024. – Т. 10. – № 3. – С. 86–99.
215. Курочкина, Попова 2015 – *Курочкина, Е. В., Попова, Т. Г.* Метафора как языковой и ментальный механизм в создании образно-эстетической составляющей художественного произведения / Т. Г. Попова, Е. В. Курочкина // Язык и культура. – 2015. – № 1 (29). – С. 45–53.
216. Кушнерук 2018 – *Кушнерук, С. Л.* Миромоделирующий потенциал дискурса политического события / С. Л. Кушнерук // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. – 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 26–31.
217. Лагута 2003 – *Лагута, О. Н.* Метафорология: теоретические аспекты / О. Н. Лагута. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. Ч. 1. – 113 с.; Ч. 2. – 207 с.
218. Лайонз 2003 – *Лайонз, Дж.* Лингвистическая семантика: Введение / Дж. Лайонз. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.
219. Лакофф 2004 – *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
220. Лакофф, Джонсон 2004 – *Лакофф, Дж., Джонсон, М.* Метафоры, которыми мы живем / Лакофф, Дж., Джонсон М. / Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
221. Ларионова, Романова 2024 – *Ларионова, М.В., Романова, Г.С.* Морфология и семантика словообразовательной метафоры в испанском медийном дискурсе / М.В. Ларионова, Г.С. Романова // Филологические науки в МГИМО. – 2024. – Т. 10. – № 1. – С. 47–59.
222. Литвинова 2017 – *Литвинова, Т. И.* Современный "Меркелизм" в метафорах немецкого медиapolитического дискурса / Т. И. Литвинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-1(76). – С. 130–133.
223. Лихачев 1997 – *Лихачев, Д. С.* Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев Дмитрий Сергеевич // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
224. Логинова 2020 – *Логинова, П. Г.* Когнитивная функция метафоры во французском политическом дискурсе / П. Г. Логинова // Преподаватель XXI век. – 2020. – № 3-2. – С. 417–427.

225. Лукашевич 2018 – *Лукашевич, Е. В.* Межкультурные практики повседневности в современном российском медиаполитическом дискурсе / Е. В. Лукашевич // *Инновационные технологии и подходы межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике* : Сборник научных трудов по материалам международной научной конференции, Барнаул, 18–20 октября 2018 года. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2018. – С. 37–40.
226. Лукашевич 2019 – *Лукашевич, Е. В.* Коммуникативные риски использования эмоциогенных заголовков в российском медиаполитическом дискурсе / Е. В. Лукашевич // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2019. – № 1 (134). – С. 161–166.
227. Лукашевич 2021 – *Лукашевич, Е. В.* "Чтобы сделать правду правдоподобнее": технологии создания фактоидов в российском медиаполитическом дискурсе / Е. В. Лукашевич // *Фактчекинг как инструмент развития медиа и современного медиаобразования* : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 01–02 октября 2020 года. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2021. – С. 83–89.
228. Лыкина 2014 – *Лыкина, Е. А.* Идеологема как лингвокогнитивная категория: к проблеме определения понятия / Е. А. Лыкина // *Язык и культура: сборник материалов X Международной научно-практической конференции*. – Новосибирск: ЦРНС, 2014. – С. 201–207.
229. Лях 2015 – *Лях, В. И.* Картина мира как исследовательский концепт / В. И. Лях // *Культура и время перемен*. – 2015. – № 1(8). – С. 1–10.
230. Лященко 2015 – *Лященко, О. А.* Антропоморфная метафора в английской терминосистеме структурной геологии / О. А. Лященко // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2015. – № 4-1 (46). – С. 113–115.
231. Мазаева 2016 – *Мазаева, Т. В.* Образ В. В. Путина в контексте информационной войны (на материале *The New York Times*) / Т. В. Мазаева // *Вестник ВУиТ*. – 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 38–43.
232. Макаров 2003 – *Макаров, М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
233. Макеева 2024 – *Макеева, С. О.* Американская мечта в русской лингвокультуре: идеологема и бытовое понятие / С. О. Макеева // *Политическая лингвистика*. – 2024. – № 3 (105). – С. 175–182.
234. Маковский 1996 – *Маковский, М. М.* Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов / М. М. Маковский. – М.: Б. и., 1996. – 329 с.
235. Максимова 2010 – *Максимова, С. Е.* Концептуальная картина мира как основа понимания смысла текста художественного произведения / С. Е. Максимова // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2010. – № 2. – С. 386–391.

236. Малышева 2009 – *Малышева, Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Малышева // Политическая лингвистика. – 2009. – №30. – С. 32–40.
237. Маляр 2002 – *Маляр, Т. Н.* Концептуализация пространства и семантика английских пространственных предлогов и наречий: дис. ... докт. филол. наук / Маляр Т. Н. – М., 2002. – 389 с.
238. Маслова 2001 – *Маслова, В. А.* Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
239. Маслова 2012 – *Маслова, В. А.* Теория концептуальной метафоры и ее роль в современных лингвистических исследованиях / В. А. Маслова // Лінгвістика. Лінгвокультурологія. – Днепропетровск: Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, 2012. – С. 87–96.
240. Матц 1992 – *Матц, У.* Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна / У. Матц // Политические исследования (Полис). – 1992. – № 1–2. – С. 130–142.
241. Меликова-Толстая 1936 – *Меликова-Толстая, С. В.* Античные теории художественной речи / С. В. Меликова-Толстая // Античные теории языка и стиля / Под общей ред. О. М. Фрейденберга. – М.; Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. – С. 147–170.
242. Мелконян, Жамакочян 2015 – *Мелконян, Н. А, Жамакочян, А. С.* Идеологема в СМИ: проблемы определения понятия идеологема / Н.А. Мелконян, А.С. Жамакочян // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. – 2015. – №2. – С. 164–171.
243. Милявская 2012 – *Милявская, Н. Б.* Метафтонимия как средство проецирования усложненных концептов: Дис. ... канд. филол. наук / Н. Б. Милявская. – Калининград, 2012. – 208 с.
244. Мингалева 2013 – *Мингалева, О. В.* Воздействие посредством метафоры в политическом дискурсе / О. В. Мингалева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2018. – №. 1 (28). – С. 82–87.
245. Михайловская 2018 – *Михайловская, М. В.* Устный перевод: идеологема как категория глобального вертикального контекста / М. В. Михайловская // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. – 2018. – № 2. – С. 374–377.
246. Мищенко, Нахимова, Сегал 2024 – *Мищенко, А. Н., Нахимова, Е. А., Сегал, Н. А.* Метафорическая модель «политические лидеры — это шахматисты» в медиaprостранстве 2020–2024 гг. (на примере президентов России, Украины и США) / Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко // Политическая лингвистика. – 2024. – №6. – С. 111–118.
247. Моисеева 2007 – *Моисеева, Т. В.* Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ: дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Моисеева. – Екатеринбург, 2007. – 235 с.
248. Моисеенко 2020 – *Моисеенко, Т. Н.* Осмысление оснований бытия культуры в контексте философских метафор огня / Т. Н. Моисеенко //

- Вестник Бурятского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 68–76.
249. Москвин 2006 – *Москвин, В. П.* Русская метафора: Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – М.: ЛЕНАРД, 2006. – 184 с.
250. Москвин 2007 – *Москвин, В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь / В. П. Москвин. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 940 с.
251. Моторин 2023 – *Моторин, Д. И.* Картины мира больших социальных групп как фактор изменений политических институтов / Д. И. Моторин // Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка? – СПб.: ООО «Скифия-принт». – С. 208–210.
252. Нагибина, Экзархова 2023 – *Нагибина, И. Г., Экзархова, А. С.* Медиаобраз США в китайских СМИ: стратегия дискредитации политического противника / И. Г. Нагибина, А. С. Экзархова // Terra Linguistica. – 2023. – Т. 14. – № 4. – С. 109–118.
253. Наумов 2023 – *Наумов, Т. А.* Репрезентация медиа-образа России в британских СМИ (на примере газеты “The Times”) / Т. А. Наумов // Государство и гражданское общество: уровень доверия, направления и эффекты коммуникаций в новых условиях. – Ульяновск: УлГТУ, 2023. – С. 211–217.
254. Нахимова 2011 – *Нахимова, Е. А.* Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2011. – №2. – С. 153–157.
255. Неретина 1992 – *Неретина, С. С.* Абельяр и Петрарка: пути самопознания личности (текстологический анализ) / С. С. Неретина // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 134–160.
256. Никитина 2006 – *Никитина, К. В.* Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Никитина. – Уфа, 2006. – 22 с.
257. Никифорова 2022 – *Никифорова, М. В.* Метафорические образы российского лидера в контексте информационно-психологической войны (на материале статей журнала Foreign Affairs за 2021 год) / М. В. Никифорова // Политическая лингвистика. – 2022. – № 4 (94). – С. 70–80.
258. Ницше 2013 – *Ницше, Ф.* Об истине и лжи во внеэтическом смысле (1873) / Ф. Ницше // Ницше, Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. – М.: Культурная революция, 2013. – С. 433–448.
259. Новиков 1982 – *Новиков, Л. А.* Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
260. Нурбагомедова 2024 – *Нурбагомедова, З. Р.* Медиаобраз России в зарубежных СМИ в контексте специальной военной операции / З. Р. Нурбагомедова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2024. – Т. 2. – № 2(44). – С. 128–136.
261. Облецова 2018 – *Облецова, Е. В.* Натурморфная метафора как средство концептуализации эмоции страсть в английском и русском языках / Е. В. Облецова // Лингвистика и лингводидактика в свете современных

- научных парадигм. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2018. – С. 79–86.
262. Окунева 2010 – *Окунева, И. О.* Виды и роль метафоры в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады (на материале газетных статей, посвященных проблеме взаимоотношений между государством, обществом и прессой) / И. О. Окунева // Политическая лингвистика. – 2010. – № 4. – С. 135–145.
263. Ольховикова 2016 – *Ольховикова, Ю. А.* Метафорическое моделирование образа России в СМИ Великобритании, Германии и США в период с 2012 по 2016 г. / Ю. А. Ольховикова // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 23–30.09.2016). – Екатеринбург: УрГПУ, 2016. – С. 157–160.
264. Опарина 1988 – *Опарина, Е.О.* Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 65–77.
265. Орлова 2012 – *Орлова, Е. Л.* Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Л. Орлова. – Иркутск, 2012. – 17 с.
266. Ортони 1990 – *Ортони Э.* Роль сходства в уподоблении и метафоре / Э. Ортони // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 213–235.
267. Осипов 2012 – *Осипов, Г. А.* «Конституция», «Свобода», «Президент»: когнитивно прагматические особенности политических идеологем в современном американском политическом дискурсе / Г.А. Осипов // Политическая лингвистика. – 2012. – №3 (41). – С. 95–98.
268. Островская, Хачмафова 2016 – *Островская, Т. А., Хачмафова, З. Р.* Основные направления исследования дискурса в современной лингвистике / Т. А. Островская, З. Р. Хачмафова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 2 (177). – С. 99–105.
269. Ощепкова 2020 – *Ощепкова, Н. А.* Когнитивное моделирование в исследовании метафор политического дискурса / Н. А. Ощепкова // Заметки ученого. – 2020. – № 12. – С. 248–253.
270. Падучева 2004 – *Падучева, Е. В.* Метафора и ее родственники / Е. В. Падучева // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 204–214.
271. Панченко 2025а – *Панченко, Н. Н.* Письменный научный дискурс: этический аспект / Н. Н. Панченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 9. – С. 3746–3751.
272. Панченко 2025б – *Панченко, Н. Н.* Современные подходы к определению научного сетевого дискурса / Н. Н. Панченко // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. – 2025. – № 2(10). – С. 21–26.

273. Пензина 2017 – *Пензина, А. И.* Образ России в мировых СМИ на примерепрессы США / А. И. Пензина // Журналистика и общество. Том 19. – М.: РУДН, 2017. – С. 176–183.
274. Петренко 2020 – *Петренко, М. В.* Эмпирическая теория метафоры / М. В. Петренко. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 53. – С. 13–19.
275. Петрова 2013 – *Петрова, Л. И.* Символический потенциалфлоризмов в христианской культуре и лингвокультураханглийского и русского языков / Л. И. Петрова // Иностраный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития. Межвузовский сборник научно-методических статей. – Псков: Псковский государственный университет, 2013. – С. 99–111.
276. Петрова, Сегал 2016 – *Петрова, А. О., Сегал, Н. А.* Метафорическая модель "политика – это шахматы" в текстах политических СМИ / Н. А. Сегал, А. О. Петрова // Язык и культура (Новосибирск). – 2016. – № 22. – С. 186–193.
277. Пионтек 2012 – *Пионтек, Б. М.* Общеязыковые факторы генезиса идеологемы как категории политической лингвистики (на материале польского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Б. М. Пионтек. – М., 2012, – 24 с.
278. Пичкур 2001 – *Пичкур, А. И.* Прагматика обновления пространственных метафор в политическом дискурсе (на материале текстов немецких СМИ) / А.И. Пичкур // Прагматика форм речевого общения: межвузовский сборник научных статей / под ред. А.И. Волокитиной. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. – С. 25–33.
279. Планк 2004 – *Планк, М.* Введение в теоретическую физику. Теория электричества и магнетизма / М. Планк. – М.: КомКнига, 2004. – 184 с.
280. Плахотная 2022 – *Плахотная, Ю. И.* «Кризис демократии» в англоязычном политическом медиадискурсе / Ю. И. Плахотная // Политическая лингвистика. – 2022. – № 3 (93). – С. 73–81.
281. Пономаренко 2019 – *Пономаренко, Е. А.* Типологическая классификация речевых жанров институционального дискурса / Е. А. Пономаренко // Жанры речи. – 2019. – № 2 (22). – С. 105–109.
282. Попова, Стернин 2007 – *Попова, З. Д., Стернин, И. А.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток Запад, 2007. – 314 с.
283. Попова, Топорова 1996 – *Попова З. Д., Топорова В. М.* Линии и силуэты в семантическом пространстве языка // Семантика языковых единиц. – М.: Физкультура, образование и наука, 1996. – Т.1. – С. 93–95.
284. Поречная 2024 – *Поречная, В. И.* Пространственный код культуры как элемент процесса метафоризации / В. И. Поречная // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2024. – №14(3). – С. 71–83.

285. Постовалова 1988 – *Постовалова, В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
286. Постовалова 2016 – *Постовалова, В. И.* Наука о языке в свете идеала цельного знания: В поисках интегральных парадигм / В. И. Постовалова. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 272 с.
287. Потехня 1976 – *Потехня, А. А.* Эстетика и поэтика / А.А. Потехня. – М.: Искусство, 1976. – 341 с.
288. Проколов 2016 – *Проколов, Д. В.* Особенности функционирования узуальной и окказиональной метафоры в художественном тексте английского и русского языков / Д. В. Проколов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 7 (61): в 3-х ч. Ч. 1. – С. 121–124.
289. Пустовалова 2024 – *Пустовалова, В. В.* Стертые метафоры в дискурсе общего образования / В. В. Пустовалова // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. – 2024. – Т. 5. – № 2. – С. 43–51.
290. Пучкова 2018 – *Пучкова, И. Н.* Метафорические модели концепта *духовность* в российских СМИ / И. Н. Пучкова И.Н. // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 33. – С. 137–141.
291. Раушенбах 1986 – *Раушенбах, Б. В.* Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы / Б. В. Раушенбах. – М.: Высшая школа, 1986. – 164 с.
292. Ричардс 1990 – *Ричардс, А. А.* Философия риторики / А. А. Ричардс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–67.
293. Романова 2019 – *Романова, Т. В.* Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: Монография / Т. В. Романова. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. – 120 с.
294. Руденко, Котлярова 2017 – *Руденко, А. М., Котлярова, В. В.* Воздействие средств массовой коммуникации на современное общество / А. М. Руденко, В. В. Котлярова // Медиаобразование. – 2017. – № 3. – С. 134–142.
295. Рыжова 2014 – *Рыжова, В. А.* Идеологема и мифологема как прагматическое ядро высказывания / В. А. Рыжова // Вестник ИГЛУ. – 2014. – №1 (26). – С. 27–31.
296. Рябова 2024 – *Рябова, М. Ю.* Семантика концепта «прокси» в современном политическом медиадискурсе / М. Ю. Рябова // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2 (104). – С. 20–26.
297. Савенкова 2010 – *Савенкова, В. Н.* Идеологема «Комсомольск строят лучшие люди страны» в идиосфере Дальнего Востока России / В. Н. Савенкова // История и культура Приамурья. – 2010. – №1 (7). – С. 80–91.
298. Самарин 2019 – *Самарин, А. В.* Политический дискурс как сегмент национальных языковых картин мира / А. В. Самарин // Донецкие

- чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Т. 4. – Донецк: Донецкий гос. ун-т, 2019. – С. 105-107.
299. Самаркина 2013 – *Самаркина, И. В.* Политическая картина мира в системе политического знания / И. В. Самаркина // Южно-российский журнал социальных наук. – 2013. – № 1. – С. 20–31.
300. Саркисян 2022 – *Саркисян, М. А.* Лингвопрагматические особенности эвфемизмов и дисфемизмов и их перевод в политическом дискурсе / М. А. Саркисян. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. – 162 с.
301. Сдобнова 2016 – *Сдобнова, Ю. Н.* Некоторые особенности современного военного дискурса / Ю. Н. Сдобнова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2016. – № 12 (751). – С. 149–155.
302. Сепир 1993 – *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
303. Серебренников 1988а – *Серебренников, Б. А.* Как происходит отражение мира в языке? / Б. А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира – М.: Наука, 1988. – С. 87–107.
304. Серебренников 1988б – *Серебренников, Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
305. Сёрль 1990 – *Сёрль, Дж.* Метафора / Дж. Сёрль // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 307–341.
306. Сидоренко 2021 – *Сидоренко, И. А.* Военная метафора в политическом дискурсе в условиях пандемии как политическая стратегия Эмманюэля Макрона / И. А. Сидоренко // Язык и действительность. – М.: ООО «Издательство «Спутник+», 2021. – С. 387–391.
307. Складаревская 1993 – *Складаревская, Г. Н.* Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская. – СПб.: Наука, 1993. – 152 с.
308. Складаревская 2017 – *Складаревская, Г. Н.* Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия / Г. Н. Складаревская // Мир русского слова. – 2017. – № 4. – С. 9–17.
309. Скребцова 2017 – *Скребцова, Т. Г.* Речевое воздействие и манипулирование / Т. Г. Скребцова // Прикладная и компьютерная лингвистика Изд-е 2-е. – М.: Ленанд, 2017. – С. 294–306.
310. Скребцова 2018 – *Скребцова, Т. Г.* Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2018. – 391 с.
311. Слышкин 2004 – *Слышкин, Г. Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... докт. филол. Наук / Г. Г. Слышкин. – Волгоград, 2004. – 322 с.
312. Сорокина 2022 – *Сорокина, Е. А.* К вопросу о традиционной и концептуальной метафоре: черты сходства и различия / Е. А. Сорокина // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. Филология. – 2022. – № 3 (55). – С. 180–183.

313. Сосновская 2011 – *Сосновская А. А.* Метафоризация в сфере «Новейшие техногенно опосредованные информационные и коммуникационные процессы» (на материале русского и английского сленга): дис. ...канд. филол. наук / А. А. Сосновская. – Саратов, 2011. – 287 с.
314. Степанов 1997 – *Степанов, Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
315. Степанов 2007 – *Степанов, Ю. С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
316. Степанова 2025 – *Степанова, Н. В.* Сущностные характеристики медиаполитического дискурса / Н. В. Степанова // Дискурс. – 2025. – Т. 11. – № 1. – С. 138–154.
317. Сулина 2014 – *Сулина, О. В.* Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства / О. В. Сулина // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 217–222.
318. Сяохуань 2025 – *Сяохуань, В.* Сравнительное исследование концептуальных метафор слова «ОГОНЬ» в русском и китайском языках в аспекте лингвокультурологии / В. Сяохуань // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 2 (111). – С. 447–450.
319. Телия 1977 – *Телия, В. Н.* Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 5–85.
320. Телия 1988а – *Телия, В. Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.
321. Телия 1988б – *Телия, В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
322. Телия 1988в – *Телия, В. Н.* Предисловие / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988в. – С. 3–10.
323. Телия 1996 – *Телия, В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
324. Туманова 2023 – *Туманова, Е. О.* Архетипичные метафоры в немецкоязычном политическом дискурсе (на примере политической афористики) / Е. О. Туманова // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – 2023. – Т. 20. – С. 276–297.
325. Тупикова, Уполовникова 2017 – *Тупикова С. Е., Уполовникова, А. С.* Репрезентация образа первой леди США в текстах американских СМИ / С. Е. Тупикова, А. С. Уполовникова // Языковые и культурные контакты в контексте развития гуманитарного образования в Саратовском государственном университете (лингвистический и

- лингводидактический аспекты). – Саратов: Изд-во СГУ, 2017. – С. 269–275.
326. У 2023 – У, Ю. Коммуникативно-прагматические аспекты функционирования политических эвфемизмов в русскоязычных СМИ: дис. ... канд. филол. наук / Ю. У. – М., 2023. – 214 с.
327. Уилрайт 1990 – *Уилрайт, Ф.* Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 82–110.
328. Ульман 1970 – *Ульман С.* Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. Вып. 5. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250–299.
329. Упоров 2019 – *Упоров, И. В.* Цифровизация журналистики и основные тенденции ее развития / И. В. Упоров // Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института. – Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 83–88.
330. Уразова 2019 – *Уразова, Е. А.* Метафора в репрезентации языковой картины мира (на примере англо-американской и русской политической публицистики): дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Уразова. – М., 2019. – 202 с.
331. Федосеева 2017 – *Федосеева, Д. А.* Когнитивная теория метафоры и обзор имбодимент-подхода к познанию (обзор) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2017. – № 7. – С. 306–314.
332. Филошина 2023 – *Филошина, И. О.* Паттерны употребления метафор и метафорических эвфемизмов с позиций нарративного анализа в финансово-аналитическом медиадискурсе (на примере фильма FT “Credite Suisse: what next for the crisis-hit bank?”) / И. О. Филошина. – Текст : электронный // Успехи гуманитарных наук. – 2023. – № 3. – С. 53–62.
333. Фоменко 2021 – *Фоменко, И. Б.* Концепт МИР в русской и китайской языковых картинах мира / И. Б. Фоменко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – Вып. 8. – С. 2614–2621.
334. Фрумкина 1992 – *Фрумкина, Р. М.* Сходство и классификация: некоторые общие вопросы / Р. М. Фрумкина // Экспериментальные исследования в психолингвистике. – М.: Институт языкознания, 1992. – С. 87–103.
335. Фуко 2004 – *Фуко, М.* Археология знания / М. Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
336. Фурсов 2024 – *Фурсов, К. К.* Влияние политического медиадискурса вражды на освещение Специальной военной операции / К. К. Фурсов // Дискурс-Пи. – 2024. – Т. 21. – № 2. – С. 171–187.
337. Хабермас 2008 – *Хабермас, Ю.* Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / Ю. Хабермас // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7. – № 1. – С. 3–24.
338. Хабермас 2022 – *Хабермас, Ю.* Теория коммуникативной деятельности / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2022. – 880 с.

339. Хазиева 2024 – *Хазиева, Р. Р.* Дискурсивно-прагматические характеристики категории эвиденциальности в политическом медиадискурсе (на материале англоязычных конфликтогенных текстов) / Р. Р. Хазиева // Политическая лингвистика. – 2024. – № 5 (107). – С. 198–205.
340. Хайдеггер 2008 – *Хайдеггер, М.* Время картины мира. Исток художественного творения: избранные работы разных лет / Ю. Хабермас. – М.: Академический Проект, 2008. – 527 с.
341. Цивьян 2006 – *Цивьян, Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – Изд. 3-е, испр. – М.: Ленанд, 2006. – 280 с.
342. Чебыкина 2024 – *Чебыкина, Е. С.* Коммуникативная трансформация образа России в СМИ США после присоединения Крыма / Е. С. Чебыкина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2024. – Т. 13. – № 4. – С. 66–76.
343. Чейф 2015 – *Чейф, У.* На пути к лингвистике, основанной на мышлении / У. Чейф // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 60–89.
344. Чернейко 2019 – *Чернейко, Л. О.* Метонимия метафоре: парадокс когнитивной метафоры / Л. О. Чернейко // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2019. – № 19. – С. 35–44.
345. Чикилева 2017 – *Чикилева, Л. С.* Прагмалингвистический аспект политического медиадискурса как средства формирования ценностей нации / Л. С. Чикилева // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 1. – С. 82–94.
346. Чудинов 2001 – *Чудинов, А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
347. Чудинов 2003 – *Чудинов, А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: [б. и.], 2003. – 248 с.
348. Чудинов 2004 – *Чудинов, А. П.* Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 91–105.
349. Чудинов 2006 – *Чудинов, А. П.* Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
350. Чудинов 2012а – *Чудинов, А. П.* Постулаты Уральской школы политической метафорологии / А.П. Чудинов // Уральский филологический вестник. – 2012. – №2. – С. 85–92.
351. Чудинов 2012б – *Чудинов, А. П.* Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. – Вып. 2 (40). – С. 53–59.
352. Чудинов 2012в – *Чудинов, А. П.* Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 53–59.

353. Чудинов 2013 – *Чудинов, А. П.* Очерки по современной политической метафорологии / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 176 с.
354. Шамне, Янина 2014 – *Шамне, Н. Л., Янина, В. В.* Метафорическое моделирование непространственных сфер в современном английском языке / Н. Л. Шамне, В. В. Янина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2014. – № 2 (21). – С. 39–45.
355. Шампарова 2024 – *Шампарова, С. И.* Образ России в американских СМИ (на материале the New York Times) / С. И. Шампарова // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых : материалы XVII Международной научной конференции, Москва-Иваново-Шуя, 07–08 ноября 2024 года. – М., Иваново, Шуя: ИвГУ, 2024. – С. 246–248.
356. Шапиева 2013а – *Шапиева, Д. З.* Специфика формирования взгляда на политических лидеров России в начале XXI века в британских и американских СМИ / Д. З. Шапиева // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1. – С. 115–120.
357. Шапиева 2013б – *Шапиева, Д. З.* Метафорическая репрезентация образа России в политическом дискурсе англоязычных СМИ / Д. З. Шапиева // Russian Journal of Linguistics. – 2013. – №2. – С. 51–58.
358. Шарманова 2012 – *Шарманова О. С.* Метафора, метонимия, метафтонимия. Способы концептуализации грузино-российского конфликта (на примере немецкоязычных СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. С. Шарманова. – Иркутск, 2012. – 16 с.
359. Шейгал 1998 – *Шейгал, Е. И.* Структура и границы политического дискурса / Е. И. Шейгал // Филология — Philologica. – 1998. – № 14. – С. 22–29.
360. Шейгал 2000 – *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса: дис. ... докт. филол. наук / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 с.
361. Шейгал 2004 – *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
362. Шиманская 2005 – *Шиманская, О. Ю.* Психологические метафоры с первичным ЛСВ «Огонь» в русском, белорусском, английском языках: шкала интенсивности / О. Ю. Шиманская // Культура речи в условиях билингвизма: состояние, перспективы, инновационные технологии. – Минск: Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, 2005. – С. 165–166.
363. Ширяев 2017 – *Ширяев, Н. С.* Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале английского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Ширяев. – Саратов, 2017. – 195 с.
364. Шмелев 1973 – *Шмелев, Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 278 с.

365. Шмелев 1982 – *Шмелев, Д. Н.* Введение / Д. Н. Шмелев // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 5–36.
366. Шмигельская 2024 – *Шмигельская, Н. А.* Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом пропагандистском медиадискурсе (на примере русско-украинского конфликта) / Н. А. Шмигельская // Политическая лингвистика. – 2024. – № 6. – С. 161–169.
367. Шпенглер 2024 – *Шпенглер, О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: гештальт и действительность / Пер. с нем. Н. Гарелина. – М.: Эксмо, 2024. – 672 с.
368. Шулика 2023 – *Шулика, А. С.* Стилистические средства и приемы речевого воздействия в СМИ при формировании образа Дж. Байдена в китайском политическом дискурсе (на материале сайта информационного агентства «Синь хуа») / А. С. Шулика // Современная Азия: политика, экономика, общество. – 2023. – № 1. – С. 107–117.
369. Янина 2022 – *Янина, В. В.* Лингвоментальный механизм формирования метафоры на примере парадигмы пространственных существительных английского языка / В. В. Янина // Artium Magister. – 2022. – № 22 (2). – С. 76–80.
370. Alshomary, Baff, Sengupta, Wachsmuth 2024 – *Alshomary, H., Baff, R., El, Sengupta, M., Wachsmuth, H.* Analyzing the Use of Metaphors in News Editorials for Political Framing / H. Alshomary, R. El Baff, M. Sengupta, H. Wachsmuth // Proceedings of the 2024 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies (Volume 1: Long Papers). – 2024. – Pp. 3621–3631.
371. Askarian, Vanesyan 2019 – *Askarian, M., Vanesyan, H.* Sports Metaphors in American Political Discourse / M. Askarian, H. Vanesyan // Armenian Folia Anglistika. – 2019. – Vol. 15. – № 1(19). – P. 30–43
372. Barczewska 2014 – *Barczewska, S.* Headlines of controversy and the role of metonymy and metaphor / S. Barczewska // From conceptual metaphor theory to cognitive ethnolinguistics: patterns of imagery in language / M. Kuzniak, A. Libura, M. Szawerna (eds.). – Peter Lang Edition, 2014. – P. 93–111.
373. Barnden 2008 – *Barnden, J.* Metaphor and artificial intelligence: Why they matter to each other? / J. Barnden // Cambridge handbook of metaphor and thought / R. Gibbs (Ed.). – New York: Cambridge University Press., 2008. – № 8. – P. 311–338. –
374. Barsalou 1999 – *Barsalou, L.* Perceptual symbol systems / L. Barsalou // Behavioral and Brain Sciences. – 1999. – № 22. – P. 577–609.
375. Beattie, Sherstoboeva 2025 – *Beattie, P., Sherstoboeva, E.* Understanding the war in Ukraine: Comparing knowledge and bias in Russia and the U.S. / P. Beattie, E. Sherstoboeva // Political Psychology. – 2025. – № 00. – P. 1–18.
376. Beaugrande, Dressler 1981 – *Beaugrande, R.-A. de, Dressler, W.* Introduction to text linguistics / R.-A. de Beaugrande, W. Dressler. – London & New York: Longman. – 270 p.
377. Bergen, Lindsay, Matlock, Narayanan 2007 – *Bergen, B., Lindsay, S., Matlock, T., Narayanan, S.* Spatial and linguistic aspects of visual imagery in

- sentence comprehension / B. Bergen, S. Lindsay, T. Matlock, S. Narayanan // *Cognitive Science*. – 2007. – № 31. – P. 733–764.
378. Billé, Humphrey 2024 – *Billé, F., Humphrey, C.* Shifting spatial metaphors in Russia at a time of war / F. Billé, C. Humphrey // *Territory, Politics, Governance*. – 2024. – P. 1–18.
379. Billig, MacMillan 2005 – *Billig, M., MacMillan, K.* Metaphor, idiom and ideology: The search for ‘no smoking guns’ across time / M. Billig, K. MacMillan // *Discourse & Society*. – 2005. – Vol. 16. – P. 459–480.
380. Bowdle, Gentner 2005 – *Bowdle, B. F., Gentner, D.* The Career of Metaphor / B. F. Bowdle, D. Gentner // *Psychological Review*. – 2005. – Vol. 112. – № 1. – P. 193–216.
381. Brown, Yule 1983 – *Brown, G., Yule, G.* *Discourse Analysis* / G. Brown, G. Yule. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 283 p.
382. Budiman, Khristianto 2023 – *Budiman A., Khristianto K.* Metaphorical Concepts and Their Ideological Functions in Aluring Votes for Indonesian Presidency / A. Budiman, K. Khristianto // *Lire Journal (Journal of Linguistics and Literature)*. – 2023. – № 8 (1). – P. 1–14.
383. Buranova 2021 – *Buranova, D.* Concept as the Main Notion of Modern Cognitive Linguistics / D. Buranova // *International Journal of Advanced Research in Management and Social Sciences*. – 2021. – Vol. 10. – Iss. 12. – P. 94–99.
384. Cai, Deignan 2019 – *Cai, D., Deignan, A.* Metaphors and Evaluation in Popular Economic Discourse on Trade Wars / D. Cai, A. Deignan // *Current Approaches to Metaphor Analysis in Discourse*. – Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2019. – P. 57–78.
385. Cameron 2003 – *Cameron, L.* *Metaphor in Educational Discourse* / L. Cameron. – London: Continuum, 2003. – 294 p.
386. Cameron, Gibbs 2008 – *Cameron, L., Gibbs, R.* The social-cognitive dynamics of metaphor performance / L. Cameron, R. Gibbs // *Cognitive Systems Research*. – 2008. – № 9. – P. 64–75.
387. Cameron, Low 1999 – *Cameron, L., Low, G.* *Identifying and Describing Metaphor in Spoken Discourse Data* / L. Cameron, G. Low // *Researching and Applying Metaphor*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 105–132.
388. Caselles, Kovaleva, Popova, Repina, Zheltukhina 2018 – *Repina, E., Zheltukhina, M., Kovaleva, N., Popova, T., Caselles, C. G.* International media image of Russia: Trends and patterns of perception / C. G. Caselles, N. Kovaleva, T. Popova, E. Repina, M. Zheltukhina // *XLinguae*. – 2018. – № 11. – P. 557–565.
389. CEMM 2014 – *Cognitive Explorations into Metaphor and Metonymy* / F. Polzenhagen, Z. Kövecses, S. Vogelbacher, S. Kleinke (eds.). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. – 325 p.
390. Charteris-Black 2006 – *Charteris-Black, J.* Britain as a Container: Immigration Metaphors in the 2005 Election Campaign / J. Charteris-Black // *Discourse and Society*. – 2006. – Vol. 17. – № 5. – P. 563–581.

391. Charteris-Black 2006 – *Charteris-Black, J.* Britain as a Container: Immigration Metaphors in the 2005 Election Campaign / J. Charteris-Black // *Discourse and Society*. – 2006. – Vol. 17. – № 5. – P. 563–581.
392. Charteris-Black 2017a – *Charteris-Black, J.* Competition Metaphors and Ideology: Life as a Race / J. Charteris-Black // *The Routledge Handbook of Language and Politics*. – New York: Routledge, 2017. – P. 202–217.
393. Charteris-Black 2017b – *Charteris-Black, J.* Conclusion to Special Edition on Metaphor & Religion / J. Charteris-Black // *Metaphor and the Social World*. – 2017. – Vol. 7, 1. – P. 122–129.
394. Charteris-Black 2017c – *Charteris-Black, J.* Fire Metaphors Discourses of Awe and Authority / J. Charteris-Black. – London: Bloomsbury Publishing, 2017. – 248 p.
395. Chilton 1996 – *Chilton, P. A.* Security Metaphors / P. A. Chilton. – New York: *Peter Lang Inc., International Academic Publishers*, 1996. – 470 p.
396. Chilton 2003 – *Chilton, P. A.* Deixis and Distance: President Clinton's Justification of Intervention in Kosova / P. A. Chilton // *At War with Words* / eds. M. eds N. Dedaic and D. N. Nelson. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 95–126.
397. Chilton, Ilyin 1993 – *Chilton, P. A., Ilyin, M.* Metaphor in Political Discourse: The Case of the 'Common European House' / P. A. Chilton, M. Ilyin // *Discourse & Society*. – 1993. – Vol. 4. – № 1. – P. 7–31.
398. Chomsky 2004 – *Chomsky, N.* Language and politics / N. Chomsky. – Oakland, CA : AK Press, 2004. – 850 p.
399. Chudinov, Ilyushkina 2019 – *Chudinov A., Ilyushkina, M.* Metaphorical modeling of Russia's image in the mass media: the case of American press / A. Chudinov, M. Ilyushkina // *Язык и культура*. – 2019. – № 45. – P. 20–30.
400. Chudinov, Shustrova 2024 – *Chudinov, A. P., Shustrova, E. V.* Modern metaphor research in Russia: Trends, schools and results / A. P. Chudinov, E. V. Shustrova // *Russian Journal of Linguistics*. – 2024. – Vol. 28. – № 1. – P. 190–209.
401. Chudinov, Solopova 2019 – *Chudinov, A., Solopova, O.* Prognostic Potential of Political Metaphors / A. Chudinov, O. Solopova // *Fachsprache. Journal of Professional and Scientific Communication*. – 2019. – Vol. 41. – № S1. – P. 48–64. –
402. Chun 2002 – *Chun, L.* A cognitive approach to Up/Dpwn metaphors in English and Shang/Xia metaphors in Chinese / L. Chung // *Lexis in Contrast. Corpus-Based Approaches*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2002. – P. 151–174.
403. Cicero 1942 – *Cicero, On the Orator: Books 1-2* / Cicero. Translated by E. W. Sutton, H. Rackham. Loeb Classical Library 348. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1942. – 512 p.
404. Cohen 1978 – *Cohen, T.* Metaphor and the Cultivation of Intimacy / T. Cohen // *Critical Inquiry*. – 1978. – Vol. 5. – № 1. – P. 3–12.

405. Coulson, Grady, Oakley 1999 – *Coulson, S., Grady, J., Oakley, T.* Blending and metaphor / S. Coulson, J. Grady, T. Oakley // *Metaphor in cognitive linguistics*. – Philadelphia: John Benjamins, 1999. – P. 101–124.
406. Craighero, Rizzolatti 2004 – *Craighero, L., Rizzolatti, G.* The mirror neuron system / G. Rizzolatti, L. Craighero // *Annual Review of Neuroscience*. – 2004. – № 27. – P. 169–192.
407. Croft 1993 – *Croft, W.* The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies / W. Croft // *Cognitive Linguistics*. – 1993. – № 4. – P. 335–370.
408. Cubo de Severino, Israel, Zonana 2001 – *Cubo de Severino, L., Israel, D. A., Zonana, V. G.* Globalisation for beginners in Argentina: A cognitive approach / L. Cubo de Severino, D. A. Israel, V. G. Zonana // *Language and Ideology Vol. II: Descriptive Cognitive Approaches*. – Amsterdam: John Benjamins, 2001. – P. 215–233.
409. Demjén, Demmen, Hardie, Koller, Payne, Semino, Rayson, Koller 2017 – *Demjén, Zs., Demmen, J., Hardie, A., Koller, V., Payne, Sh., Rayson, P., Semino, E.* The Online Use of Violence and Journey Metaphors by Patients with Cancer, as Compared with Health Professionals: A Mixed Methods Study / Zs. Demjén, J. Demmen, A. Hardie, V. Koller, Sh. Payne, P. Rayson, E. Semino // *BMJ Supportive & Palliative Care*. – 2017. – Vol. 7. – P. 60–66.
410. Deng, Wu 2024 – *Deng, X., Wu, X.* Exploring the Role of Multimodal Metaphor through Gestures in Middle School English Education / X. Deng, X. Wu // *Journal of Contemporary Language Research*. – 2024. – № 3(1). – P. 1–9.
411. Dewi 2021 – *Dewi, N. A.* Analysis of Conceptual Metaphors in Deutsche Welle Newspaper based on the Perspective of Linguistic Relativity / N. A. Dewi // *Lensa: Kajian Kebahasaan, Kesusastaan, dan Budaya*. – 2021. – Vol. 11. – № 2. – P. 136–152.
412. Díaz-Peralta 2018 – *Díaz-Peralta, M.* Metaphor and ideology: Conceptual structure and conceptual content in Spanish political discourse / M. Díaz-Peralta // *Discourse & Communication*. – 2018. – Vol. 12 (2). – P. 128–148.
413. Díez, Mendoza 2002 – *Díez, O., Mendoza, F. R., de.* Patterns of conceptual interaction / O. Díez, F. R. de Mendoza // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. – P. 489–532.
414. Dijk 1983 – *Dijk, T. A., van.* Discourse analysis: Its development and application to the structure of news / T. A. van Dijk // *Journal of Communication*. – 1983. – Vol. 33. – № 2. – P. 20–43.
415. Dijk 2002 – *Dijk, T. A., van.* Political Discourse and Ideology / T. A. van Dijk // *Doxa Comunicación. Revista interdisciplinaria de estudios de comunicación y ciencias sociales*. – 2002. – № 1. – P. 207–225.
416. Dijk 2008 – *Dijk, T. A., van.* Discourse and Context: A Socio-Cognitive Approach / T. A. van Dijk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 283 p.

417. Dijk 2009 – *Dijk, T. A., van*, *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk* / T. A. van Dijk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 287 p.
418. Dijk, Kintsch 1983 – *Kintsch, W., Dijk, T. A., van*. *Strategies of Discourse Comprehension* / W. Kintsch, T. A. van Dijk. – New York: Academic Press, 1983. – 418 p.
419. Dirven 1990 – *Dirven, R.* *Metaphor and Ideology* / R. Dirven // *Revue belge de philologie et d'histoire*. – 1990. – Vol. 68. – № 3. – P. 565–575.
420. Dorst, Pasma 2010 – *Dorst, A. G., Pasma, T.* *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / A. G. Dorst, T. Pasma // *Metaphor and Symbol* / Edited by Raymond W. Gibbs. – 2010. – № 26 (1). – P. 96–103.
421. Dunaway, Graber 2023 – *Dunaway, J. L., Graber, D. A.* *Mass Media and American Politics: Eleventh Edition* / J. L. Dunaway, D. A. Graber. – London ; Washington, DC: Sage/CQ Press, 2023. – 693 p.
422. Ebzeeva, Pathan, Solnyshkina 2023 – *Ebzeeva, Y. N., Pathan, H., Solnyshkina, M. I.* *Varieties and functional diversity of modern discourse in cognitive perspective* / Y. N. Ebzeeva, H. Pathan, M. I. Solnyshkina // *Russian Journal of Linguistics*. – 2023. – V. 27. – № 4. – P. 767–796.
423. Elpass 2002 – *Elpass, S.* *Phraseological Units in Parliamentary Discourse* / S. Elpass // *Politics as Text and Talk: analytic approaches to political discourse*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2002. – P. 81–110.
424. Fairclough 1989 – *Fairclough, N.* *Language and Power* / N. Fairclough. – London: Longman, 1989. – 276 p.
425. Fairclough 1992 – *Fairclough, N.* *Discourse and Social Change* / N. Fairclough. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 259 p.
426. Fairclough 2003 – *Fairclough, N.* *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. – London: Routledge, 2003. – 270 p.
427. Fillmore 1982 – *Fillmore, C. J.* *Frame semantics* / C. J. Fillmore // *Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from SICOL-1981*. – Seoul: Hanshin Pub. Co. 1982. – P. 111–137.
428. Forceville 2008 – *Forceville, Ch.* *Metaphor in Pictures and Multimodal Representations* / Ch. Forceville // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. – Cambridge: Cambridge University Press (Cambridge Handbooks in Psychology), 2008. – P. 462–482.
429. Forceville 2016 – *Forceville, Ch.* *Pictorial and Multimodal Metaphor* / Ch. Forceville // *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2016. – 518 p.
430. Galera-Masegosa, Mendoza 2011 – *Galera-Masegosa, A., Mendoza, F. R. de*. *Going beyond metaphonymy: Metaphoric and metonymic complexes in phrasal verb interpretation* / A. Galera-Masegosa, F. R. de Mendoza // *Language Value*. – 2011. – № 3. – P. 1–29.
431. Gentner, Jeziorski 1993 – *Gentner, D., Jeziorski, M.* *The shift from metaphor to analogy in Western science* / D. Gentner, M. Jeziorski // *Metaphor and Thought* / Ed. A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press; 1993. – P. 447–480.

432. Gibbs 1994 – *Gibbs, R.* The poetics of mind: Figurative thought, language, and understanding / R. Gibbs. – New York: Cambridge University Press, 1994. – 527 p.
433. Gibbs 2003 – *Gibbs, R.* Prototypes in dynamic meaning construal / R. Gibbs // *Cognitive Poetics in Practice*. – London: Routledge, 2003. – P. 27–40.
434. Gibbs 2006 – *Gibbs, R.* Embodiment and Cognitive Science / R. Gibbs. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 337 p.
435. Gibbs 2017 – *Gibbs, R.* Metaphor wars : conceptual metaphors in human life / R. Gibbs. – New York: Cambridge University Press, 2017. – 320 p.
436. Goatly 2007 – *Goatly, A.* Washing the Brain: Metaphor and Hidden Ideology / A. Goatly. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. – 431 p.
437. Goatly 2010 – *Goatly, A.* Metaphor and ideology / A. Goatly // *Ilha do Desterro*. – 2010. – № 53. – P. 063–069.
438. Goossens 1990 – *Goossens, L.* Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – № 1 (3). – P. 323–342.
439. Górska 2014 – *Górska, E.* Why are multimodal metaphors interesting? The perspective of verbo-visual and verbo-musical modalities / E. Górska // *From conceptual metaphor theory to cognitive ethnolinguistics : patterns of imagery in language*. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. – Pp. 17–36.
440. Grady 1997a – *Grady, J. E.* Foundations of Meaning: Primary Metaphors and Primary scenes / J. E. Grady: Ph.D. diss. – University of California at Berkeley, 1997. – URL: <https://escholarship.org/uc/item/3g9427m2> (Дата обращения: 23.02.25).
441. Grady 1997b – *Grady, J. E.* Theories are buildings revisited / J. E. Grady // *Cognitive Linguistics*. – 1997. – № 8–4. – P. 267–290.
442. Hart 2011a – *Hart, Ch.* Critical Discourse Analysis and Cognitive Science: New Perspectives on Immigration Discourse / Ch. Hart. – Basingstoke: Palgrave, 2011. – 219 p.
443. Hart 2011b – *Hart, Ch.* Moving beyond metaphor in the cognitive linguistics approach to CDA: Construal operations in immigrations discourse / Ch. Hart // *Hart Ch. (ed.) Critical Discourse Studies in Context and Cognition*. – Amsterdam: John Benjamins, 2011. – P. 171–192.
444. Hawkes 2018 – *Hawkes, T.* Metaphor: The Critical Idiom Reissued / T. Hawkes. – London: Routledge, 2018. – 115 p.
445. Herrera, White 2005 – *Herrera, H., White, M.* Metaphor and ideology in the press coverage of telecom corporate consolidations / H. Herrera, M. White // *Cognitive Models in Language and Thought: Ideologies, Metaphors and Meanings/ eds. R. Dirven, R. Frank, M. Pütz*. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. – P. 277–323.
446. Hills 2017 – *Hills, D.* Metaphor / D. Hills // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / E. N. Zalta (Ed.). – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/metaphor/> (Дата обращения: 23.02.2025).

447. Howe 1988 – *Howe, N.* Metaphor in Contemporary American Political Discourse / N. Howe // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1998. – Vol. 3. – Iss. 2. – P. 87–104.
448. Johnson 1987 – *Johnson, M.* The Body in the Mind: The bodily Basis of Meaning, Reason and Imagination / M. Johnson. – Chicago: Chicago University Press, 1987. – 272 p.
449. Johnson 2005a – *Johnson, E.* Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis, *Bilingual Research Journal* / E. Johnson // *The Journal of the National Association for Bilingual Education*. – 2005. – Vol. 29:1. – P. 69–84.
450. Johnson 2005b – *Johnson, E.* WAR in the Media: Metaphors, Ideology, and the Formation of Language Policy / E. Johnson // *Bilingual Research Journal*. – 2005/ – Vol. 29. – P. 621–640.
451. Joseph 2006 – *Joseph, J. E.* Language and politics / J. E. Joseph. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 176 p.
452. Kitis, Milapides 1997 – *Kitis, E. D., Milapides, M.* Read it and believe it: How metaphor constructs ideology in news discourse. A case study / E. D. Kitis, M. Milapides // *Journal of Pragmatics*. – 1997. – № 28. – P. 557–590.
453. Koivisto-Alanko, Tissari 2006 – *Koivisto-Alanko, P., Tissari, H.* Sense and sensibility: Rational thought versus emotion in metaphorical language / P. Koivisto-Alanko, H. Tissari // *Corpus-Based Approaches to Metaphor and Metonymy*. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 191–214.
454. Kövecses 2000a – *Kövecses, Z.* The scope of metaphor / Z. Kövecses // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads*. – Berlin: Walter de Gruyter, 2000. – P. 79–92.
455. Kövecses 2000b – *Kövecses, Z.* Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling / Z. Kövecses. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 224 p.
456. Kövecses 2002 – *Kövecses, Z.* Metaphor: A Practical Introduction / Z. Kövecses. – New York: Oxford University Press, 2002. – 285 p.
457. Kövecses 2005 – *Kövecses, Z.* Metaphor in culture: Universality and Variation / Z. Kövecses. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 334 p.
458. Kövecses 2010a – *Kövecses, Z.* Metaphor: A Practical Introduction: Second Edition / Z. Kövecses. – New York: Oxford University Press, 2010. – 375 p.
459. Kövecses 2010b – *Kövecses, Z.* Metaphor and culture / Z. Kövecses // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. – 2010. – № 2. – P. 197–220.
460. Kövecses 2014 – *Kövecses, Z.* Creating metaphor in context / Z. Kövecses // *International Journal of Language and Culture*. – 2014. – № 1. – P. 21–41.
461. Kövecses 2020 – *Kövecses, Z.* Extended Conceptual Metaphor Theory / Z. Kövecses. – Cambridge: Cambridge University Press, 2020. – 206 p.
462. Kövecses, Radden 1998 – *Kövecses, Z., Radden, G.* Metonymy: Developing a cognitive linguistic view / Z. Kövecses, G. Radden // *Cognitive Linguistics*. – 1998. – № 9 (1). – P. 37–77.

463. Kramersch 2011 – *Kramersch, C.* Language and culture / C. Kramersch // The Routledge Handbook of Applied Linguistics. – New York: Routledge, 2011. – Pp. 305–317.
464. Lakoff 1987 – *Lakoff, G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind / G. Lakoff. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
465. Lakoff 1990 – *Lakoff, G.* The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image schemas? / G. Lakoff // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – № 1–1. – P. 39–74.
466. Lakoff 1991 – *Lakoff, G.* Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf / G. Lakoff // *Peace Research*. – 1991. – Vol. 23. – №2/3. – P. 25–32.
467. Lakoff 1993 – *Lakoff, G.* The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff // *Cognitive linguistics: basic readings* / ed by A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251
468. Lakoff 1995 – *Lakoff, G.* Metaphor, morality, and politics, or, why conservatives have left liberals in the dust / G. Lakoff. – Текст : электронный (First published in *Social Research* 62 (2)). – URL: www.wvcd.org/issues/Lakoff.html (Дата обращения: 12.12.2024).
469. Lakoff 2002 – *Lakoff, G.* Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. – Chicago, IL: University of Chicago Press, 2002. – 516 p.
470. Lakoff 2008 – *Lakoff, G.* The neural theory of metaphor / G. Lakoff // *The Cambridge Handbook of Metaphor* / R. W. Gibbs Jr. (ed.). – Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2008. – URL: https://www.academia.edu/56131620/The_Neural_Theory_of_Metaphor (Дата обращения: 22.05.2025).
471. Lakoff, Johnson 1980 – *Lakoff, G., Johnson, M.* Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 260 p.
472. Lakoff, Johnson 1987 – *Lakoff, G., Johnson, M.* The metaphorical logic of rape / G. Lakoff, M. Johnson // *Metaphor & Symbolic Activity*. – 1987. – № 2(1). – P. 73–79. –
473. Lakoff, Johnson 1999 – *Lakoff, G., Johnson, M.* Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Basic Books, 1999. – 624 p.
474. Lakoff, Kövecses 1987 – *Lakoff, G., Kövecses, Z.* The cognitive model of anger inherent in American English / G. Lakoff, Z. Kövecses // *Cultural Models in Language and Thought*. – New York/Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – P. 195–221.
475. Language and Ideology 2001 – *Language and Ideology* / eds. R. Dirven, R. Frank, C. Ilie. 2001. Vol. II: Descriptive Cognitive Approaches. – 267 p.
476. Leeuwen 2007 – *Leeuwen, T., van.* Legitimation in Discourse and Communication. / T. van Leeuwen // *Discourse & Communication*. – 2007. – Vol. 1. – P. 91–112.

477. Litvinova, Shustova 2022 – *Litvinova, T. I., Shustova, I. N.* Word-building potential of the anthroponym “Merkel” in the German mediapolitical discourse / I. N. Shustova, T. I. Litvinova // *Russian Linguistic Bulletin*. – 2022. – № 6(34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/word-building-potential-of-the-anthroponym-merkel-in-the-german-mediapolitical-discourse> (Дата обращения: 29.07.2025).
478. López Maestre 2000 – *López Maestre, M. D.* The Business of Cognitive Stylistics: A Survey of Conceptual Metaphors in Business English / M. D. López Maestre // *Atlantis*. – 2000. – Vol. XXII. – № 1. – P. 47–69.
479. López Maestre 2009 – *López Maestre, M. D.* Immigration and Conceptual Metaphors: A Critical Approach to Ideological Representation / M. D. López Maestre // *Pragmatics applied in language teaching and learning*. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2009. – P. 60–87.
480. López Maestre 2020 – *López Maestre, M. D.* Gender, Ideology and Conceptual Metaphors: Women and the Source Domain of the Hunt / M. D. López Maestre // *Complutense Journal of English Studies*. – 2020. – № 28. – P. 203–218.
481. Macgilchrist 2007 – *Macgilchrist, F.* Metaphorical Politics: Is Russia western? / F. Macgilchrist // *Nation in Formation: Inclusion and Exclusion in Central and Eastern Europe*. – London: SSEES Occasional Papers, 2007. – P. 73–90.
482. Mammadov 2010 – *Mammadov, A.* Metaphors in American and Russian political discourse / A. Mammadov // *Rask Journal*. – 2010. – Vol. 31. – P. 67–87.
483. Mammadov, Mammadov 2014 – *Mammadov, A., Mammadov, M.* The role of figurative language in political discourse / A. Mammadov, M. Mammadov // *From conceptual metaphor theory to cognitive ethnolinguistics : patterns of imagery in language*. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. – P. 113–126.
484. Mendoza 2000 – *Mendoza, F. R., de.* The role of mapping and domains in understanding metonymy / F. R. de Mendoza // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective (Topics in English linguistics, volume 30)*. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 109–132.
485. Mendoza 2011 – *Mendoza, F. R., de.* The Contemporary Theory of Metaphor: Myths, Developments and Challenges / F. R. de Mendoza // *Metaphor and Symbol*. – 2011. – № 26. – P. 161–185.
486. Mendoza, Pérez-Hernández 2011 – *Mendoza, F. R. de, Pérez-Hernández, L.* The Contemporary Theory of Metaphor: Myths, Developments and Challenges / F. R. de Mendoza, L. Pérez-Hernández // *Metaphor and Symbol*. – 2011. – № 26. – P. 161–185.
487. Muelas Gil 2019 – *Muelas Gil, M.* Ideology, Metaphor and Persuasion in Times of Elections: A Corpus-based Study of British and Spanish Economic Reports / M. Muelas Gil // *Complutense Journal of English Studies*. – 2019. – № 27. – P. 223–246.

488. Müller 2007 – *Müller, C.* Metaphors dead and alive, sleeping and waking: A dynamics view / C. Müller. – Chicago: University of Chicago Press, 2007. – 290 p.
489. Muntigl 2002 – *Muntigl, P.* (2002) Politicization and Depoliticization: Employment Policy in the European Union / P. Muntigl // *Politics as Text and Talk* / eds . P. A. Chilton and C. Schäffner. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – P. 45–80.
490. Muntigl, Sedlak, Straehle, Weiss, Wodak 1999 – *Muntigl, P., Sedlak, M., Straehle, C., Weiss, G., Wodak, R.* Struggle as Metaphor in European Union Discourses on Unemployment / P. Muntigl, M. Sedlak, C. Straehle, G. Weiss, R. Wodak // *Discourse & Society*. – 1999. – Vol. 10 (1). – P. 67–99.
491. Musolff 2004 – *Musolff, A.* Metaphor and Political Discourse. Analogic Reasoning in Debates about Europe. – New York: Palgrave, 2004. – 211 p.
492. Musolff 2010 – *Musolff, A.* Metaphor, Nation and the Holocaust: The Concept of the Body Politic / A. Musolff. – New York: Routledge. – 148 p.
493. Musolff 2014 – *Musolff, A.* The metaphor of the “body politic” across languages and cultures / A. Musolff // *Cognitive explorations into metaphor and metonymy* / eds. F. Polzenhagen, Z. Kövecses, S. Vogelbacher, S. Kleinke. – Frankfurt a. M.: Peter Lang Edition, 2014. – P. 87–99.
494. Musolff 2016a – *Musolff, A.* Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios / A. Musolff. – London: Bloomsbury, 2016. – 208 p.
495. Musolff 2016b – *Musolff, A.* What can Metaphor Theory Contribute to the Study of Political Discourse? / A. Musolff // Degani, Marta, Paolo Frassi and Maria Ivana Lorenzetti, eds., 2016. – P. 9–29.
496. Musolff, Zinken 2009 – *Musolff, A., Zinken, J.* A discourse-centered perspective on metaphorical meaning and understanding / A. Musolff, J. Zinken // *Metaphor and Discourse*. – London: Palgrave, Macmillan, 2009. – P. 1–8.
497. Navarro i Ferrando 2016 – *Ferrando, I.* Metaphorical Aspects in Cancer Discourse / I. Navarro i Ferrando // *Medical Discourse in Professional, Academic and Popular Settings*. – Bristol/Buffalo/Toronto: Multilingual Matters, 2016. – P. 12–148.
498. Negro 2011 – *Negro, I.* Metaphor and ideology in the business press: The case of Endesa’s takeover / I. Negro // *Miscelánea*. – 2011. – Vol. 43. – P. 73–85.
499. Nilsen, Nilsen, Solopova 2023 – *Nilsen, D., Nilsen, A., Solopova, O. A.* The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse / D. Nilsen, A. Nilsen, O. A. Solopova // *Russian Journal of Linguistics*. – 2023. – Vol. 27. – № 3. – P. 521–542.
500. Novak Mijic, Stojan 2019 – *Novak Mijic, S., Stojan, N.* Conceptual Metaphors in Political Discourse in Croatian, American and Italian Newspapers / S. Novak Mijic, N. Stojan // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies*. – 2019. – Vol. 8. – № 1. – P. 69–76.
501. Núñez 2014 – *Núñez, A.* Wenn das ‚Embodiment‘ politisch wird: Das Image-Schema PATH und seine Realisierung im Mediendiskurs zum ‚Arabischen

- Frühling” (2010-11) / A. Núñez // Cognitive explorations into metaphor and metonymy. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. – P. 149–164.
502. O’Brien 2003 – *O’Brien, G. V.* Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States. / G. V. O’Brien // *Metaphor & Symbol*. – 2003. – № 18, 1. – P. 33–47.
503. Pauwels, Simon-Vandenberghe 1995 – *Pauwels, P., Simon-Vandenberghe, A.-M.* Body Parts in Linguistics Action / P. Pauwels, A.-M. Simon-Vandenberghe // *Word of Mouth: Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Perspective* / L. Goossens, P. Pauwels, B. Rudzka-Ostyn, A.-M. Simon-Vandenberghe, J. Vanparys (eds.). – Amsterdam: John Benjamins, 1995. – P. 35–71.
504. Pavlenko 2014 – *Pavlenko, A.* The Bilingual Mind / A. Pavlenko. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 400 p.
505. Pavpertova 2014 – *Pavpertova, O.* Corpus-based analysis of conceptual metaphors of HAPPINESS in Russian and English / O. Pavpertova // *Cognitive explorations into metaphor and metonymy*. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. – P. 35–50.
506. Pérez-Sobrino 2016 – *Pérez-Sobrino, P.* Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising: A Corpus-Based Account / P. Pérez-Sobrino // *Metaphor and Symbol*. – 2016. – № 31(2). – P. 73–90.
507. Peterssen, Silva 2024 – *Peterssen S., Silva, A. S., da*, Polarising metaphors in the Venezuelan Presidential Crisis / S. Peterssen, A. S. da Silva // *Journal of Language and Politics*. – 2024. – Vol. 23. – №4. – P. 588–616.
508. Pirsl, Pirsl 2014 – *Pirsl, D., Pirsl, T.* Sports Metaphors – To Live by and Spice up Sports and other Domain Specific Languages / D. Pirsl, T. Pirsl // *International Journal of Science and Research*. – 2014. – Vol. 3. – Iss. 7. – P. 543–546.
509. Posternyak 2020 – *Posternyak, K.* The image-concept of Russia in the British mass media texts (2017-2019) / K. Posternyak // *Przeglad Wschodnioeuropejski*. – 2020. – Vol. XI. – № 2. – P. 95–106.
510. Posternyak, Boeva-Omelechko 2018 – *Posternyak, K. P., Boeva-Omelechko, N. B.* The formation of the image of Russia in the British political mass media discourse / K. P. Posternyak, N. B. Boeva-Omelechko. – Текст : электронный // *Acta Scientiarum. Language and Culture*. – 2018. – Vol. 40. – № 2.
511. Ritchie 2004 – *Ritchie, D. L.* Metaphors in conversational context: Toward a connectivity theory of metaphor interpretation / D. L. Ritchie // *Metaphor and Symbol*. – 2004. – Vol. 19. – P. 265–287.
512. Ritchie 2013 – *Ritchie, D. L.* Metaphor / D. L. Ritchie. – New York: Cambridge University Press, 2013. – 242 p.
513. Rosch 1978 – *Rosch, E.* Principles of categorization / E. Rosch // *Cognition and Categorization*. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.

514. Santa Ana 2002 – *Santa Ana, O.* Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse / O. Santa Ana. – Austin: University of Texas Press. – 424 p.
515. Scheithauer 2007 – *Scheithauer, R.* Metaphors in election night television coverage in Britain, the United States and Germany / R. Scheithauer // Political Discourse in the Media: Cross-cultural perspectives / eds. A. Fetzer, G. E. Lauerbach. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 75–106.
516. Semino 2008 – *Semino, E.* Metaphor and Discourse / E. Semino. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 247 p.
517. Steen 2007 – *Steen, G.* Finding Metaphor in Grammar and Usage: A Methodological Analysis of Theory and Research / G. Steen. – Amsterdam: John Benjamins, 2007. – 428 p.
518. Steen 2011 – *Steen, G.* The contemporary theory of metaphor – now new and improved! // G. Steen // Review of Cognitive Linguistics. – 2011. – Vol. 9 (1). – P. 26–64.
519. Stefanowitsch 2004 – *Stefanowitsch, A.* HAPPINESS in English and German: A metaphorical-pattern analysis / A. Stefanowitsch // Language, Culture and Mind. – Stanford: CSLI, 2004. – P. 134–149.
520. Stefanowitsch 2006 – *Stefanowitsch, A.* Corpus-based approaches to metaphor and metonymy / A. Stefanowitsch // Corpus-based Approaches to Metaphor and Metonymy. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 1–16.
521. Stubbs 1983 – *Stubbs, M.* Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1983. – 288 p.
522. Teeflen 1994 – *Teeflen, T., van.* Racism and Metaphor: The Palestinian–Israeli Conflict in Popular Literature / T. van Teeflen // Discourse & Society. – 1994. – Vol. 5. – № 3. – P. 381–405.
523. Teubert 2010 – *Teubert, W.* Meaning, Discourse and Society / W. Teubert. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 300 p.
524. Thornborrow 1993 – *Thornborrow, J.* Metaphors of Security: A Comparison of Representation in Defence Discourse in Post-Cold-War France and Britain / J. Thornborrow // Discourse & Society. – 1993. – Vol. 4. – P. 99–119.
525. Toolan 2001 – *Toolan, M. J.* Narrative: A Critical Linguistic Introduction, Second Edition / M. J. Toolan. – Oxon, New York: Routledge. – 260 p.
526. Tsirkunova 2015 – *Tsirkunova, S. A.* “WHY SHOULD WE CARE?” A Metaphorical analysis of US and UK political discourse on the Ukraine crisis in online media / S. A. Tsirkunova // Russian Linguistic Bulletin. – 2015. – №4 (4). – P. 31–34.
527. Ungerer, Schmid 1996 – *Ungerer, F., Schmid, H.-J.* An Introduction to Cognitive Linguistics / F. Ungerer, H.-J. Schmid. – London: Longman., 1996 XIV. – 306 c.
528. Volgina 2015 – *Volgina, E. A.* The image of Russia formed by western mass media / E. A. Volgina // Научный альманах стран Причерноморья. 2015.

- №2 (2). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-image-of-russia-formed-by-western-mass-media> (Дата обращения: 23.06.2025).
529. Vujaković 2013 – *Vujaković, P.* The State as a ‘Power Container’: The Role of News Media Cartography in Contemporary Geopolitical Discourse / P. Vujaković // *The Cartographic Journal*. – 2013. – Vol. 51. – № 1. – P. 11–24.
530. Wang 2022 – *Wang, G.* Multimodal metaphor construction and cognitive analysis in educational cartoons / G. Wang // *Theory and Practice in Language Studies*. – 2022. – Vol. 12. – № 3. – P. 543–550.
531. Wiliński 2015 – *Wiliński, J.* Sports Metaphors in the Language of Politics: Evidence from English / J. Wiliński // *Studia Anglica Sedlcensia (Volume 1): Political Discourses in Contemporary Anglophone Literature and Culture* / eds. J. Wiliński, J. M. Stolarek. – Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2015. – P. 109-124.
532. Wiliński 2023 – *Wiliński, J.* Boxing metaphors in political discourse: A quantitative corpus-based study / J. Wiliński // *Studia Anglica Resoviensia*. – 2023. – № 20. – P. 213–230.
533. Yu 2008 – *Yu, N.* The Chinese heart in a cognitive perspective: Culture, body, and language / N. Yu. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2008. – 444 p.